

Деды

дайджест публикаций о беларуской истории

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 13

Минск
«Харвест»

УДК 94(476)

Дайджест публикуется с 2009 года.

Взгляды и концепции авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редактора-составителя дайджеста.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание безгонорарное.

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории. Выпуск 13 / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2014. – 320 с.

ISBN 978-985-18-2702-8

Материалы тринадцатого выпуска дайджеста разделены на пять тематических разделов. Они посвящены различным вопросам истории Литвы-Беларуси, Речи Посполитой, БНР и БССР. Всего в выпуске 27 материалов и 138 иллюстраций.

ISBN 978-985-18-2702-8

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. СТАРИНА

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ И РОССИЙСКАЯ «ЧЕРНАЯ СОТНЯ»

Ян Станкевич

Российская черная сотня как среди российских монархистов, так и среди российских коммунистов является самым большим врагом беларуского народа. В своем противостоянии беларускому движению черносотенцы не брезгуют никакими средствами. И хотя сами они обычно не верят собственным утверждениям, надо не игнорировать их вместе с выдвигаемыми ими аргументами, а хорошо знать. Этой цели и служит данная статья.

Справка редактора: Черносотенцы – собирательное название представителей праворадикальных, монархических православных кругов в дореволюционной России. Первоначально они называли себя «истинно русскими», «патриотами» и «монархистами», но вскоре приняли это прозвище, возведя его происхождение к нижегородским «чёрным (низовым) сотням» Кузьмы Минина в начале XVII века.

Движение возникло в 1900 г. Его представляли различные объединения: «Русская монархическая партия», «Русское собрание», «Чёрные Сотни», «Союз русского народа», «Союз борьбы с крамолой», «Союз русских людей», «Союз Михаила Архангела», «Священная дружина», «Совет объединенного дворянства» и др. Среди членов и лидеров этих организаций было много православных священников, землевладельцев и полицейских чинов.

Черносотенное движение издавало газеты «Русское знамя», «Земщина», «Почаевский листок», «Колокол», «Гроза», «Вече». Его идеи проповедовали также крупные газеты «Московские ведомости», «Киевлянин», «Гражданин» и «Свет».

С 1905–1907 гг. термин «чёрная сотня» вошёл в широкое употребление для обозначения всех ультраправых, выступавших против предоставления политических прав так называемым «инородцам», за всеобъемлющую русификацию колониальных народов и национальных меньшинств. Именно в таком значении использует этот термин Янка Станкевич.

Чтобы сказать голословно неправду, не надо много слов. Но намного больше требуется сказать, чтобы основательно и всесторонне показать всю фальшь лживого тезиса. Для того, чтобы было короче, я буду часто ссылаться на другие работы, особенно на свою «Советскую фальсификацию истории Беларуси», в которой уважаемые читатели найдут также ссылки на другую литературу и источники*.

Из журнала «Спадчына», 1998, № 2, с. 106–131. Перевод и редакция А.Е. Тараса. Сноски на источники сняты. Перепечатка в «Спадчыне» из газеты «Бацькаўшчына» (Мюнхен), 1958, №№ 26–30.

* Исследование Я. Станкевича «Савецкае хвальшаванне гісторыі Беларусі» перепечатано в 2010 году в сборнике его трудов «Крыўя-Беларусь у мінуласьці» (с. 270–415), который издал в Вильне Институт беларусистики. – *Ред.*

Территория Беларуси

Российские черносотенцы признают этнически беларуской только территорию Беларуской ССР, тогда как беларуские земли на востоке и на севере от БССР они относят к российским. В своей работе «Советская фальсификация истории Беларуси» (1956 г.), опираясь исключительно на российские источники, я показал, что на востоке и на севере от БССР находятся беларуские земли величиной примерно равные всей территории БССР.

Происхождение

По мнению черносотенцев, беларусы, украинцы и новгородцы того же происхождения, что и россияне; выходит, следовательно, что финского – с тонкой славянской пленкой. В той же своей работе о фальсификациях (с. 8–18) я показал – на основе данных археологии, топонимики (географических названий) и языка, что беларусы балто-славянского происхождения. А именно, что сначала вся историко-этнографическая территория беларуского народа была занята балтами, а в первой половине 1-го тысячелетия после Христа сюда пришла какая-то часть славян и перемешалась с ними. Из слияния балтов со славянами и образовался исторический беларуский народ.

Племя Кривичи

Черносотенцы утверждают, что кривичи были не только в Беларуси, но также в Новгородской и Суздальской землях. В своей упомянутой работе (с. 87–94) я показал, что ни в Новгородчине, ни в Суздальщине кривичей не было. Там же у меня показано, что, как исключение, кривичские колонисты заняли в Суздальщине небольшую местность у реки Сити, притоки Мологи (в бывшей Ярославской губернии). Это – ситькари. Они и поныне сохранили в своем языке много беларуских особенностей и во всем отличаются от окружающих их русских людей.

Добавлю здесь, что выдающийся российский историк А.В. Пресняков (1870–1929) тоже утверждал, что «курганные древности отличают их (новгородцев) от кривичей»*. Кривичи занимали большую часть Полоцкого государства, почти все княжество Смоленское, Псковщину и беларускую часть Тверщины, и на всех этих землях имеется беларуский язык, а если где-то он и русифицирован, как в некоторых местностях Тверщины, то и там сохранилось достаточно следов его прежней беларускости. Пресняков утверждал, что «курганные древности XI века в целом подтверждают культурное единство всех этих (полоцких, смоленских и псковских) кривичей».

Независимые беларуские государства

Черносотенцы игнорируют тот факт, что в X–XIII вв. существовали независимые беларуские государства, в первую очередь Полоцкое, немного позже Северское, затем Смоленское и Турово-Пинское. По их мнению было «единое русское» государство с центром в Киеве. Но давно доказано, что в древности не

* См. Пресняков А.Е. Литовско-русское государство в XIII–XVI вв. Минск, 2012 (переиздание его лекций 1909 г.). – *Ред.*

было единого государства народов славянских языков востока Европы, не было ни с центром в Киеве, ни в другом месте. У Преснякова собрано достаточно доказательств этому. Приведу некоторые из них. Вот что пишет Пресняков:

«Литература истории русского права не находит государственного вида («обличия») у древней Руси как целого». «Наша старовечность», читаем у Сергеевича, – не знает единого государства Российского: она имеет отношение с множеством одновременно существующих небольших государств» (см. В.И. Сергеевич. Русские исторические древности, том 1, СПб., 1890, с. 1).

Подобно всем древним народам, и восточные славяне «выступают в истории не в виде большого государства, но разделенными на изрядное число малых, из которых каждое живет самостоятельной жизнью, и летопись помнит свои отдельные княжества у полян, кривичей и т. д. (см. М.Н. Дьяконов. Очерки общественного государственного строя древней Руси, 3-е изд., СПб., 1910, с. 68).

«В этой племенной среде вырастают города и преобразуют ее организацию на новый лад в виде земель-волостей, тяготеющих каждая к своему местному центру... Каждая отдельно взятая волость – это вполне законченная социальная цельность со всеми необходимыми элементами государственности, у нее была и своя определенная территория, и свой народ, и самостоятельная высшая власть» (см. С.А. Корф. История русской государственности, 1908, с. 70, 84).

Форму этой государственности Сергеевич обозначает как «смешанную, в которой два элемента: монархический – в лице князя, и народный – в лице веча» (см. В.И. Сергеевич. Лекции и исследования, 3-е изд., СПб., 1903, с. 130). Слабо связаны разные земли и материальными интересами. По мере подъема западноевропейского мира в материальном и культурном отношении с ним теснее связываются интересы юго-западной и северо-западной Руси... а с XII века северно-восточная окраина выделяется в отдельный народно-хозяйственный район...

«Не менее трудно говорить, имея в виду всю древнюю Русь как цельность, о единой власти, стоящей во главе этого гражданского союза». Чтобы спасти представление о государственной целостности древней Руси, Костомаров пытался обозначить ее как федерацию. Но подобная правовая «этикетка» требует «федерального» правительства, а такого значения история права не может признать ни за властью великого князя киевского, ни за княжескими съездами».

В приведенных цитатах встречается название «древняя Русь». Как увидим ниже, такого названия, охватывающего всех так называемых восточных славян, не было, Русью называлась только Киевщина, а потом и вся Украина. Распространение названия «Русь», «русский» на Беларусь, Новгородчину и Суздальщину – искусственное. И Пресняков тоже утверждает, что не было единого названия всего так называемого восточного славянства.

От российских черносотенцев можно услышать, что «таких князей, которые назывались бы беларускими, не было, но были князья полоцкие, минские и другие». Действительно, – скажу я, – не было таких князей, которые назывались бы беларускими, ведь и такого названия в старину не было, но были князья того народа, который теперь называется беларуским; таких князей мы знаем от X до конца XVIII века. И это признают российские историки. Вот что, например, говорит Пресняков:

«Полоцкая земля, что сложилась в отдельное княжество больших размеров, во времена Ярослава Старого жило вообще своей отдельной жизнью... стягивая к себе **бе-**

лорусские (выделение мое – *Я.С.*) земли. Полоцкий центр и природно, и торговыми, и политическими интересами смотрел на запад, вниз по Двине, верховья которой были у него».

Беларуская культура

Очевидно, черносотенцам не приходит в голову, что не только во времена независимого беларуского государства – Великого Княжества Литовского беларуская культура была самостоятельной и более развитой, чем культура московская, но самостоятельной и более развитой она была издревле. С VI до XIII века в Беларуси была сначала распространена аборигенная культура беларуских балтов, позже, наряду с увядающей балтской, распространилась высокого качества западная культура железного века; еще позже, наряду с этими двумя, пришла еще более высокая культура закавказско-сирийского происхождения.

Попутно в Беларуси происходило преобразование и дальнейшее развитие культуры западной и закавказско-сирийской, а также их синтез.

Самостоятельное государство Беларуское

Вопреки тому, что говорят российские черносотенцы, Великое Княжество Литовское было беларуским государством. Доказательства этого я привел в «Ведзе» в 1951 г. (с. 65–69) и в «Советской фальсификации» (с. 111–112). Еще к этому добавлю из общепризнанного всеми историками:

> «Здание первой государственности Великого Княжества Литовского» было поставлено на исторически и этнографически беларуской территории. Его первым центром был беларуский Новгородок (Новогрудок), основы организации, военного дела, культуры, нужные для решения культурных задач, были получены от беларусов.
>
> Также и М.Ф. Владимирский-Буданов (1838–1916) утверждает, что Великое Княжество Литовское началось на беларуских землях. До сих пор «мы не знаем собственно-национальных летувисских государственных учреждений. Все расказы об этом – обычные басни, придуманные позже». «Центр всего Великого Княжества, столица великого князя, уже с первой четверти XIII века был в Беларуси («Черной Руси») – в Новгородке: там жил Миндовг, со временем жили преемники-убийцы, потом сын его Войшелк...»

Рада Великого Княжества Литовского генетически происходила от Боярских Дум самостоятельных беларуских государств предыдущего времени.

Независимость Беларуского государства по Люблинской унии

Вопреки утверждениям российских шовинистов, суверенное беларуское государство, т. е. Великое Княжество Литовское (ВКЛ), сохранило свою государственную независимость и по Люблинской унии 1569 г. О независимости ВКЛ по Люблинской унии есть достаточно доводов. Особенно широко и основательно это доказали Василий Дружчиц (1886–1937) и неприятель беларусов Иван Лаппо (1869–1944).

Сам акт Люблинской унии противоречив. Одни его пункты полностью присоединяют беларуское государство к Польше, другие, наоборот, все в нем сохраняют. Произошло это по той причине, что поляки, желая полного присоединения Великого Княжества Литовского к Польше, постереглись, однако, чересчур

натягивать струны. Они надеялись на те пункты акта унии, которые их полностью устраивали, на то, что согласно им (но не противоположным по смыслу пунктам), в конце концов все устроится так как надо. Было также сохранено все прежнее фактическое устройство Великого Княжества; это было сделано еще и для того, чтобы и дальше вся тяжесть Московской войны (началась в 1558, закончилась в 1582 г.) ложилась на плечи беларусов, и чтобы ослабленные этой войной беларусы были податливее к соединению с Польшей. Оба края надеялись на полезные для себя пункты акта унии. Беларусы не могли настойчиво выступать против унии, как того хотели, ибо, воюя тогда с Московией и Швецией, не могли воевать еще и с Польшей.

Но, победив Москву, беларусы постановили отвергнуть вредные для беларуского государства пункты Люблинской унии, чтобы они с правовой точки зрения не противоречили его независимости. Это дорого стоило: вместо того чтобы полностью разгромить Московию и вернуть все захваченные ею беларуские земли, пришлось замириться с ней на 10 лет и послать войско на польскую границу. Войско это стояло, готовое к войне с Польшей до той поры, пока новый государь, Сигизмунд IV Ваза, не утвердил Литовский Статут 1588 года и помещенную в нем Конституцию Великого Княжества Литовского, по которой Люблинская уния была преобразована в союз двух равноправных независимых государств.

Профессор В.Д. Дружчиц, основательно рассмотрев правовое и фактическое положение беларуского государства после Люблинской унии, сделал следующие выводы:

> «На основе Люблинской привилегии Третьего Статута Литовского и сеймовых конституций можно считать установленным, что Великое Княжество Литовско-Беларуское с 1569 г. имеет свою территорию с четко обозначенными границами. Границы Великого Княжества защищает специальная стража, проводится разграничение литовско-беларуского края от польского. Войско польское не имеет права переходить в границы Великого Княжества, как и войско литовско-беларуское в Польский край под страхом великого наказания.
>
> Жители Великого Княжества Литовско-Беларуского пользуются собственными и отдельными правами, зафиксированными в Статуте... Жители Великого Княжества имеют свой кодекс права – Статут Литовский, свой собственный суд, свой государственный язык...
>
> По унии Великое Княжество Литовско-Беларуское сохранило свое собственное центральное правительство. Маршалки земский и дворный, канцлер, подскарбий, гетман – те же государственные посты, что были и до унии. С ними были связаны и соответствующие учреждения. Маршалк земский, как министр великого князя со всеми атрибутами своей власти, свидетельствовал о том, что верховная власть князя не сливается с властью короля. Хотя одно и то же лицо занимает это место, но сидит оно на двух постах с разной властью на основе законов каждого государства. Канцлер с государственной канцелярией Великого Княжества Литовского, в которой вели все дела Княжества, имел в своих руках государственную печать, без которой никакой приказ не имел силы, был по уставу защитником государственной самостоятельности Великого Княжества Литовско-Беларуского.
>
> Подскарбий земский – министр финансов Великого Княжества; и согласно с условием Люблинской унии вводилась только одинаковая весом и формой монета. Раз-

дельность финансов и казны в Польше и в Великом Княжестве Литовско-Беларуском сохранилась полностью. Великое Княжество имеет и свою таможню, здесь чеканят монету на собственные нужды. Каждое государство имеет свой бюджет, и долги одного строго взыскиваются с другого.

Гетман наивысший со своим заместителем гетманом польным был военным министром и главнокомандующим литовско-беларуского войска. По Люблинской унии войско, как и до унии, осталось в Литовско-Беларуском государстве свое...

Великое Княжество Литовско-Беларуское, имея свою собственную территорию, правительство, войско, имеет и свой титул, государственный герб и государственную печать, как символ своей государственной самостоятельности и сохраняет их до самого раздела Речи Посполитой.

Общим с Польшей является великий вальный сейм. Характер его организации, однако, препятствует ему слиться в однородное единое целое. Общие заседания поляков с летувисами и беларусами на сейме не помогли органическому срастанию двух народов и государств. Двугосударственность Речи Посполитой сохраняется на протяжении всего периода совместного бытия и четко отражается на постановлениях великого вального сейма, который вынужден выносить отдельные конституции для Польши и отдельные для Великого Княжества Литовско-Беларуского. В некоторых случаях происходят и отдельные заседания как Рады Великого Княжества, так и польского «кола».

Ввиду того, что в Великом Княжестве Литовском были всегда и летувисы, В.Д. Дружчиц называет его Литовско-Беларуским. Но национальный характер ВКЛ был только беларуским. Другое дело, что наш народ назывался тогда не беларусами, но литвинами, литвою.

Поляки и после Люблинской унии считались в Великом Княжестве Литовском чужеземцами-иностранцами. Они не имели права занимать государственные должности и не могли приобретать земли в Великом Княжестве. Это утверждают все историки.

«Уже в привилегии Вел. Кн. Казимира от 2-го мая 1447 г. есть торжественное обещание (что было попутно и обязанностью. — *Я.С.*) раздавать земли и должности только одним туземцам. Аналогичная статья есть и в привилегиях 1492 г. Вел. Кн. Александра, и в привилегии 1506 г. Вел. Кн. Сигизмунда». Статут 1529 г. «лишает права на недвижимое имущество каждую женщину, которая пошла (замуж) в чужую землю, в Польшу, или в Мазовию, или в какую-нибудь землю, имея владения отцовские и материнские в панстве нашем Великом Княжестве Литовском». В таком случае «женщина, что вышла замуж за чужеземца, теряет свои права на отцовские и материнские земли, которые тогда переходят на родных дядей; а если таковых нет — на ее близких. При этом наследники не обязаны давать такой девушке никакого приданого».

Таким образом беларусы сами были хозяевами в своем государстве, и все, что в нем происходило, было их действием, а не польским, как это твердят российские черносотенцы.

Национальное название

От российских черносотенцев можно услышать: «В корне слова "белорус" слышится слово "русский", значит это уже свидетельствует, что беларусы — россияне ("русские")».

Ничего подобного! Сербы – два лужицких народа и один балканский. Есть словаки и словенцы (разница в названии примерно такая же, как в словах «кругляк» и «круглец» – беларуских названиях одной и той же болотной травы). Известны поляне украинские возле Днепра и поляне – поляки. И т. д., и т. п.

Но чтобы всякие черносотенцы не спекулировали ввиду одинаковости или схожести национальных названий, то лучше изменить их, как сделали украинцы. Беларусы никогда не звались русью ни в значении национальном, ни в значении политическом этого слова. О том, где была «Русь», «Русская земля», смотри в «Ведзе» за 1951 год, с. 49, и в «Советском фальсифицировании», с. 106. К тому, что там сказано, я добавлю только два примера. Пресняков говорит:

> «То, что мы очень часто называем "Киевской землею", было в старину составным комплексом, в который входило небольшое Киевское княжество ("Русская земля" в узком смысле слова) и "киевские волости". Эта политическая целостность называлась Киевляне – "Русская земля" плюс "киевские волости"».

Ведь даже захваченные Киевом некоторые беларуские земли (Деревская земля и часть территории дреговичей) не были Русью с политической точки зрения, но были «киевскими волостями», это значит землями, которые держал Киев. Е.Е. Голубинский (1834–1912) сообщает:

> «В 1135 г. Нифонт (епископ Великого Новгорода) ходил к Руси – Киеву мирить киевлян с черниговцами».

По отношению к беларусам слова «Русь», «русин» и прилагательное «русский» означали христиан восточного обряда ввиду общего принятия христианства при посредничестве Киева – Руси.

Не назывался в прошлом наш народ и беларусами. Сами себя наши люди беларусами никогда не называли, до XVII века их так несколько раз случайно называли иностранцы. В середине XVII века наш народ стал называть беларусами московский посольский приказ (но не сам народ).

Первым общенациональным названием нашего народа было слово «кривичи». На то есть достаточно доказательств. Часть их приведена в моих прежних работах. Здесь приведу только одно: Хронист крестоносцев Петр Дусбург говорит под 1314 годом:

> «Брат маршала Генрика... пришел к Кривицкой земле и место тамошнее, что Новгородком называется, взял».

Как известно, Новгородок находился на территории племени дреговичей; из этого видно, что название «кривичи» было названием общенациональным. Большак, ведущий с Полесья на Волынь, до сих пор называется кривицким.

В XIII веке наряду с названием «кривичи» начинает употребляться название «Литва». До середины XIV века преобладает название «кривичи», позже – «литва». С XV века и почти до конца XIX века есть только «Литва».

Язык

Московские черносотенцы не признают беларуского языка. Называют они его наречием. К тому же, по их мнению, возник он как-то совсем недавно, в веке XIX, а то и позже. А до XII века и в Великом Княжестве Литовском был, по их

мнению, «русский язык». Они любят ссылаться на Статут Литовский, где говорится, что «писец земский маець паруску все листы, выписы і позвы писаци...».

Ф. Скорина – говорят они – переводил Библию на русский язык, Иван Федоров печатал в Москве и в Беларуси на том же языке, а Симеон Полоцкий сочинял на нем стихотворения в Полоцке и в Москве. Ни Статут Литовский, ни упомянутые и другие деятели, – по черносотенцам, – не знали беларуского языка, так как его не было.

Самые старые особенности беларуского языка, как и других языков, лингвисты, языковеды устанавливают методом сравнительной лингвистики. Такие особенности возникли в доисторические времена, и они свидетельствуют, что уже тогда был отдельный беларуский язык. Во время общего принятия христианства в конце X века был, как известно, полностью развитый беларуский язык. Но на нем тогда не писали, ибо с христианством пришла литература на староболгарском языке, который из-за его употребления в церкви стали называть церковнославянским. Однако в книгах, написаных беларусами на церковно-славянском языке, отчетливо и богато пробивались черты беларуского языка. Было это уже с XI века, значит в самых первых письменных памятниках.

Не позже как с начала XIII века беларуским языком писали произведения практического характера. В XIV веке имеем уже литературный беларуский язык. В XV веке на этом языке есть богатая литература.

С самого начала Великого Княжества Литовского язык беларуский, сначала народный, а потом литературный является в нем языком государственным. Это видно из множества, просто тысяч, памятников, оставшихся от Великого Княжества Литовского. Каждый, кто хотя бы немного знаком с языкознанием, признает это. Нетрудно признать это и не языковеду, надо только иметь глаза, незамутненные тенденцией.

Как уже сказано выше, ввиду того, что общее принятие христианства произошло при посредничестве Киева-Руси, христиан восточного обряда как православных, так и униатов, в Беларуси называли русинами, а их веру – русской. Вместе с «русской верою» пришло «русское письмо» и «русские книги», поэтому и язык этих книг беларусы стали называть русским, хотя сначала он был церковно-славянским, а после – беларуским. С книжного языка это название было перенесено на народный (беларуский) язык. Значит у беларусов было так, как у древних римлян, где был «populus Romanus» /народ римский/, но «lingua latina» /язык латинский/, как есть у испанцев, которые себя называют испанцами, а свой язык кастильским, как есть у американцев /чей язык не американский, но английский/.

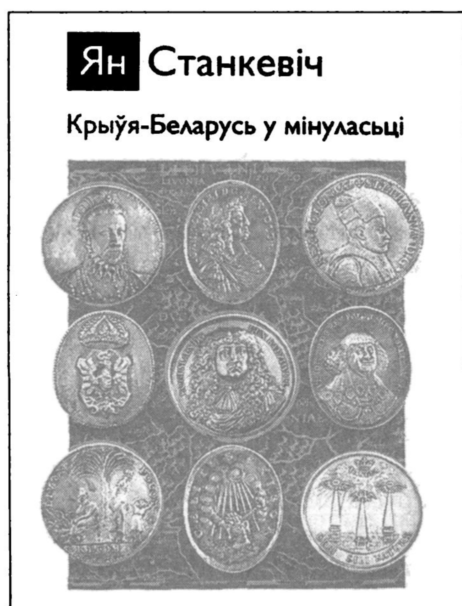
Что до соседей, то поляки сначала называли беларуский язык «литовским», а после, все больше и больше сталкиваясь с беларусами, стали называть его так, как и они сами, то есть «русским». Украинцы, политически и идеологически ассимилированные беларусами в период Великого Княжества Литовского, старобелорусский литературный язык считали своим и называли его «русским». Насколько позволяло правописание этого языка, украинцы и читали на нем посвоему. Народный беларуский язык украинцы всегда называли «литовским». Что до московитов, то они называли «литовским» как литературный, так и народный беларуский язык.

Вся интеллигенция Великого Княжества Литовского и беларуского, и летувисско-жамойтского, и украинского происхождения говорила на тогдашнем беларуском литературном языке. На этот же язык перевел Библию в 1517 г. доктор Франциск Скорина. Симеон Полоцкий, пока оставался в Беларуси, писал на этом языке свои стихотворения, а переехав в Москву (в 1664 г.), писал там стихотворения на языке церковно-славянском. Иван Федоров, или Федорович (1510–1583), печатал только по церковно-славянски и в Москве, и в Беларуси.

Рассмотрим теперь положение, часто приводимое из Статута Литовского:

> «А писар земский маеть паруску, рускими литерами и словы вси листы, выписы і позвы писати, а не иншим езыком и словы; а присегнути маеть на врад свой».

Ввиду того, что беларуский язык назван здесь русским, московские черносотенцы говорят, что язык Статута Литовского – русский. Но так сказать можно только закрыв глаза и уши для правды. В приведенном положении нет ни одного исключительно русского слова. А слова беларуские в нем такие, которых нет в языке русском: 1. дважды использовано «маеть», по-русски сказали бы «должен», «обязан»; 2. «литерами», по-русски было бы «буквами»; 3. «листы», по-русски было бы «документы», «отношения»; 4. «выписы», по-русски «копии»; 5. «позвы», по-русски «обвинительный акт»; 6. «присегнути», по-русски в то время вместо этого слова говорили «целовать крест»; 7. «врад», по-русски «учреждение», «должность».

Обложка книги
«Крыўя-Беларусь у мінуласьці» (2010)

Значит, в одном положении Статута использовано семь таких беларуских слов, которых не было, и нет в языке русском.

Но язык – это не только слова, а еще формы и звуки. Из беларуских форм, которых нет в русском языке, в рассмотренном положении есть такие: дважды использовано «маеть» (рус. «имеет»); «паруску» (рус. «по русски»); «вси», это форма северо-восточного диалекта, среднего и восточного диалекта беларуского языка. Она же была формой в старобеларуском литературном языке. В русском языке была и есть форма «все». Такая же форма «усе» чаще всего используется в беларуском книжном языке теперь, хотя первенство принадлежит форме «ўсі», так как она: 1) господствует на двух третях территории диалекта, который лег в основу нового беларуского литературного языка; 2) была формой в старобеларуском литературном языке: «иншим» (рус. «иным», «другим»).

Отмечу, что в 3-м лице глаголов окончание было мягким; для этого писали на конце мягкий знак («маеть»). Но случалось, что звук выносили над строкой, и тогда мягкого знака после него не ставили. Известно, что и в таком случае про-

износили мягко. Но русские, под влиянием своего произношения, вынося созвучие в строку, обычно ставят после него не мягкий, а твердый знак («мает»).

Если обратимся к звукам, то снова увидим большое отличие от русского языка. Как доказано языкознанием, «р» было отвердевшим, значит, в рассмотренном положении было в словах «писар», «прысегнути», «врад» твердое «р». В русском языке в такой позиции «р» мягкое. «Земский» произносился «земски» (без «й» в конце). Мягкое «т» было переходящим в «ць», и произносилось «маець», «писаци», «прысягнуци». «В» перед созвучием переходило в «ў» или «у́» (как «ўси», «урад»). Было аканье. «И» переходило в «й». В соответствии с произношением рассмотренное положение надо передать так: «писар земски маець паруску, русскими литарами и словы уси листы, выписы и позвы писаци, а не иншым языком і словы; а прысягнуци маець на ўрад свой».

Как видим, это именно беларуский язык.

Еще от черносотенцев слышим: «В Беларуси писали "л": дал, был (с "л"), значит по-русски».

Но писали «л»: дал, был, волк и т.д., а произносили «ў»: даў, быў, воўк. И сейчас словенцы в таком положении пишут «л», а произносят «ў». Правописание вещь условная, важно произношение. То, что именно таким было беларуское произношение, доказано языкознанием. Впрочем, беларуское произношение XV–XVII веков можно узнать и без языкознания благодаря беларуско-мусульманской литературе, которую писали именно так, как произносили. Вот пример:

> «На земли, что розные рэчы ест, усих тых лиджбу ён ведае. Пашоу адтуль, гуляу па вежах, разгледаў усе звезды, кажнае так сафами, сафами завешана, кажнае за сегосьветную гару большае. Там-жэ видзеў адзин англ вельми дзиўный, з моцы сваей стварыў его Панбог: палавина из сьнегу палавина из агню...».

Отношение к православным

Московская черная сотня стремится показать положение православных в Беларуском Государстве в самых черных красках. О религиозных отношениях я написал в «Советской фальсификации...». Добавлю к изложенному там.

В Городельской привилегии 1413 г. есть некоторое ограничение прав православной аристократии, а именно она запрещала назначать в собственно Литве православных магнатов на высшие должности, с которыми было связано участие в Господарской Раде. По мнению черносотенцев, именно эта привилегия привела к тому, что «все литовское и русское панство ополячилось и начало угнетать свой русский народ» (так они называют беларусов).

На самом же деле ограничение этой привилегией прав православных магнатов не соблюдалось на практике. Это утверждают М.В. Довнар-Запольский, М.К. Любавский, В.И. Пичета, М.Н. Покровский и другие. Также российский историк Николай Рожков (1868–1927) говорит:

> «Привилей Ягайлов и Витовтов, данный Литве и Западной Руси в Городле 1413 г., не допускал в (Господарскую) Раду лиц греческой православной веры. Но хотя это постановление Городельского привилея неоднократно подтверждалось потом, оно оставалось, однако, все время юридической фикцией: православные аристократы все время проникали в Господарскую Раду».

Другие исследователи считают, что это постановление не было повторено, но что его повторение было фальсифицировано иезуитами.

Возникает вопрос: зачем надо было издавать постановление, если его не исполняли? Ответ на этот вопрос дает Пресняков. Он хорошо разъясняет, что после Грюнвальдской битвы 1410 г. Тевтонский орден развил в Европе бешеную пропаганду против Литвы и Польши, обвиняя их в защите язычества и враждебности к христианскому миру. Возникала опасность войны со всей Западной Европой, тем более что Сигизмунд, император Священной Римской Империи Германского Народа (в 1410–1437 гг.), стал на сторону Ордена и, признанный в качестве арбитра, присудил спорные земли, в том числе Жмудь, Ордену.

«Католический дух Городельской унии отвечает в данный момент интересам Витовтовым. Это путь, чтобы парализовать поддержку Ордена Западной Европой, путь обретения симпатий на Западе. На Констанцком соборе польские и литовские послы добиваются установления кафедры и отдельного епископства на Жмуди, ведут переговоры о войне с турками, просят науки и помощи в деле приобщения к единой католической церкви православных схизматиков. Польша и Литва выступают перед западноеропейским миром в новом свете. Это передовой лагерь западной культуры, опора западного мира против враждебного мусульманского и схизматического Востока...

Великие князья (Витовт и Ягайло) дружно ведут дипломатический поход, чтобы вырвать меч из рук Ордена крестоносцев и для поддержки перед двумя врагами – Орденом и императором Сигизмундом ищут опоры у Папы как силы, способной парализовать и скомпрометировать враждебную политику главы Священной Римской Империи и (ордена) Тевтонов. Витовт добивается даже протектората над Дерптским епископством».

То, что религиозные ограничения Городельской привилегии имели исключительно дипломатические цели, видно также из того, что вскоре после Городельского акта Витовт принял из рук гуситов чешскую корону и послал к чехам в качестве своего наместника Сигизмунда Корибутовича.

Российские русификаторские издания стараются придать «заговору» князей 1481 г. – Ивана Гольшанского, Михаила Олельковича и его родственника Федора Бельского – характер реакции на преследования «русского элемента в Литве», т.е. православных. Заговор была раскрыт, двое первых заговорщиков казнены, а «Бельский успел бежать к Москве и здесь отдавал земли «по Березину». Пресняков приходит к выводу, что этот «заговор князей» был «династически-родовым». Мы знаем имена только трех участников. На «земли» они не опирались. Киевские бояре изменили Олельковичам и при своей измене и остались. Не более убедительна попытка связать «заговор князей» 1481 г. с вопросами церковной жизни.

«Политика князей своеобразно освещается подписями Михаила Олельковича, Федора Бельского, Дмитрия Вяземского под письмом митрополита Мисаила в 1476 г. к Папе /Сиксту IV. – *Ред.*/ с выказыванием пожелания о возобновлении переговоров про унию для того, чтобы привести в любовь и помирить обе церкви с сохранением обрядов и вообще церковной практики обеих; при этом письмо попутно подчеркивает и признание Папы старшим вселенским всеначальным пастырем (как на Флорентийском соборе)... При таких условиях трудно говорить о религиозных мотивах

(заговора). Политико-династические мотивы «заговора князей» 1481 г. выступают достаточно явно. О религиозных мотивах источники того времени ничего не говорят... А важнее всего – отсутствие доводов к признанию, что за этим заговором стояло какое-либо весомое общественное движение».

Также и восстание Михаила Глинского 1506 г. не имело ничего общего с православием. Глинский был католик, оставался он католиком и оказавшись в Москве после восстания. И только когда, убедившись в своей ошибке, возвращался в Беларусь, был пойман москалями и посажен в тюрьму, тогда, чтобы освободиться из тюрьмы, перешел из католичества в православие.

Причина «заговора князей» 1481 г. и восстания Глинского 1506 г. была в стремлении Михаила Олельковича в первом случае и Михаила Глинского во втором самому стать великим князем Литвы.

Желая в наихудшем свете показать положение православной церкви в Беларуском государстве, черносотенцы, не считаясь с правдой, голословно перечисляют случаи преследования православных. Так они говорят, что в 1764 г. была установлена смертная казнь тем, кто переходил из римского католичества в православие. В Беларуси не было этого. Зачем было бы такое право? Римскими католиками были только паны (не все) и часть шляхты. Мы не знаем примеров, чтобы кто-то из них хотел перейти из католической в православную веру.

«В 1699–1795 гг., – утверждают черносотенцы, – ни в одной епархии не допустили православного епископа». Явная ложь! Вспомним хотя бы могилевского епископа Георгия Конисского, бывшего архиепископом белорусским с 1755 года и до своей смерти в феврале 1795. Впрочем, от российской черной сотни и ждать ничего другого нельзя, их задачей является, не разбираясь в средствах, выступать против освободительных стремлений угнетенных Россией народов. О том, как было на самом деле, я приведу утверждения ученых исследователей. Так, професор Александр Савич (1890–1957) говорит:

(В XV веке) «земли православных церквей и монастырей одержали те послабления, которыми пользовались католические церкви и монастыри».

Профессор Владимир Пичета:

«Великокняжеский привилей от 26 декабря 1609 г., выданный на имя Полоцкого владыки, освобождал церковь и церковное жительство от подсудности светским урядникам. В сущности этот привилей не создавал никаких новых правовых норм, только подтвердил те права, которыми фактически пользовалась православная церковь (см. Довнар-Запольский. Акты Литовско-русского государства, №№ 4 и 5; Леонтович. Акты, 679; Сапунов. Витебская старина, № 17). Грамоты удельных князей, выдаваемые православным церквам, содержали послабления такого же рода, и великокняжеское правительство (Литвы) считалось с этими грамотами и признавало их правовую силу и значение (Акты Зап. Росии, I, № 77; Леонтович. Акты, №№ 49, 28)».

Пишущий о церковном земельном праве В.И. Пичета говорит:

«Земельное право православной церкви развивалось аналогичным порядком (как католической церкви)... В этом отношении правовое положение католической и православной церквей было совершенно одинаковое. Имущество обеих церквей было свободно от воинской повинности, и обе церкви имели полный иммунитет в отношении людей, живших на их землях».

Профессор В.Д. Дружчиц:

(В Вильне, как и в других городах беларуских, кроме мещан, жило духовенство, паны и шляхта). «По этой причине образовываются и разные власти и присуды (юрисдикции), которым подчиняется каждое сословие. Паны подчиняются воеводе или непосредственно власти великого князя, шляхта – замковому присуду (во главе его стоял воевода), духовенство имеет свой присуд: епископ католический – один, митрополит православный – другой, а с образованием униатской церкви появляется присуд и униатского митрополита».

«Около 1589 г. Сигизмунд III издает привилей, который обеспечивает как церковную собственность, так и само православное духовенство. В нем король говорит, что, «будучы фундатарам і найвышшым абаронникам цэркваў Божых і надання іх, стан духоўны закону Грэцкага, ни ў чым ня ўзрушаючы, у цэласци і пры зупоўнай моцы і ўладнасьци, у зацнасьци і дастаенстве, яка і духавенства закону Рымскага заставуем».

Этот привилей был издан как защита от шляхты (православной и католической), домогавшейся, чтобы люди, живущие на костёльных или церковных землях, отбывали государственные повинности.

Согласно с приведенными цитатами, и православное духовенство деятельно способствовало Беларускому государству, что особенно проявлялось во время войн Беларуси с Московией. Так, например, в 1514 г. владыка смоленский Варсанофий проявил много стараний, чтобы вернуть Смоленск назад Беларускому государству, за что был казнен московскими оккупантами.

От конца XVI века и почти всю первую четверть XVII века смоленское духовенство (известно, православное) вместе с другими смолянами многое делало в пользу Беларуского государства («Литвы»).

Положение крестьян

Черносотенцы твердят, что в Беларуском государстве был страшное притеснение крестьянства. За убийство крестьянина будто бы платили только 3 рубля 25 копеек. Шляхтич мог шутя застрелить крестьянина. Вот выезжает на охоту, хочет попробовать, хорошо ли бьет ружье, и стреляет в крестьянина.

Замечу, что в Беларуском государстве копеек просто не было. Но не в этом дело, а в том, что все это заявление – вранье. Литовский Статут учит, что человек простого звания есть «Божье создание» и определяет шляхтичу наказание смертью за убийство крестьянина. Вот выдержка из 1-й статьи XII раздела Статута 1588 г.:

«Паўсьцягаючы мы, гаспадар, сваволенства й зуфальства людзкия, каторыя ся ад часу ў людзях няўзьдзержливых, без усякае баязьни Божае, аказуюць, з таго й кроў нявинную людзкую бяссорамна й нявинна... разьливаюць, і тым ня менш Пана Бога ку гневу на рэч паспалитую пабужаюць, уставуем: есьлибы каторы шляхцич, легца паважаючы права паспалитае а зьдзекуючыся над стварэньнем Божым, чалавека простага стану, ня шляхцича забиў, таковы шляхцич... маець быць горлам каран, кром галаўшчыны».

Отношение к евреям

Вопреки здравому рассудку часть евреев поддерживает российский империализм. Чтобы показать им, будто бы русские защищают евреев и настроить их

против беларусов, черносотенцы врут, что еще хуже, чем над крестьянами, шляхта в Беларуси издевалась над евреями. Между тем в Беларуси «Личность еврея считалась неприкосновенной. Убийцу еврея карали смертью с конфискацией его имущества. Религиозные убеждения евреев защищало право. Право запрещало призывать евреев к ответу и заставлять их платить долги в еврейские праздники»*.

«Свобода городской жизни и привилегии, дарованные великим князем и магнатами, привлекли в Великое Княжество Литовское большое количество евреев. Они имели возможность свободно исполнять свой религиозный культ, вести торговлю и заниматься ремёслами»**.

Отношение беларусов к Московии-России

Как коммунистический Кремль при его шовинистическо-российском курсе, так и черносотенцы утверждают, что беларусы в своем Беларуском государстве только о том и думали, как бы им объединиться с Москвою-Россией и не обиды, но только благо узнали от этого.

Но исторические факты и документы свидетельствуют об обратном. Отсылаю к тому, что приведено у меня про это в «Советском фальсифицировании» (с. 127-128), а здесь только покажу, что сделали московиты с Беларусью в войну 1654–1667 г. Беру из «Очерка истории Беларуси», часть 1 (1934 г.), Василия Щербакова. Отмечу, что Щербаков совсем не беларуский национальный идеолог, а коммунист. Щербаков пишет:

«Московиты истребляли все дотла в Беларуси. Чрезвычайно пострадали во время этой войны: Орша, Могилёв, Бобруйск, Мозырь, Быхов, Мстиславль, Пинск, Туров, Петриков, Вильня и ряд других городов. Орша была почти вся выжжена в первый год войны. Преобладающая часть Могилёва тоже была выжжена и разгромлена в январе – феврале 1655 г. Мстиславль был подожжен и весь сгорел с пожитками в нем. Выжжен был до основания Пинск и окрестные села...

Огромное количество войтовств и целых уездов в результате этой войны были превращены в пустыни. Иструбецкое, например, войтовство Могилёвского уезда, по сообщению самого московского воеводы в Могилёве, «мало не все пусто» стало. Почти полностью был разгромлен Пинский повет. В Осовецком, например, войтовстве Могилёвского уезда, до войны крестьян было 7000, «а ныне пусто» писал тот же воевода. При отступлении московских войск на их пути истреблялось все – дома сжигались, все население уводилось в плен, оставшееся имущество уничтожалось.

В сентябре 1660 г. был послан указ Дологорукому «послать военных людей в уезды Дубровенский, Оршанский, Копыльский, Шкловский, Могилёвский, Кричевский с тем, чтобы они забрали у жителей зерно, скот, а сено и солому палили без остатка»... «Военные люди исполняли с готовностью этот царский указ, надеясь обогатиться добычей». Так писал буржуазный историк России Соловьев».

Все это привело к тому, что уже во время самой войны во многих местах не только не оставалось никакого населения, но и не было чем кормить (московское) войско. «В Быхове емины ани нема, военные люди едят траву и кони».

* Пичета В.И. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии (до конца XVI века). Минск, 1928, с. 75.

** Тихомиров М.Н. История СССР, том 1. М., 1948, с. 85.

Щербаков приводит жуткую картину уничтожения московитами беларуского крестьянства:

> «Крестьяне Оршанского повета в одной из своих просьб (царю) писали в это время: «Теперь у нас, сирот твоих, жонки и детки уси без вести сгинули, ведь побрали твои государевы воинские люди и развели по разным полкам и до тебя, государю, под Смоленск, и маемасть, статки все у нас, и скотину, и зерно побрали, и домки пожгли, туляемся по лесам голые и босые, сидим на пепелище, из стужи, голода сгинули, разрушены до последнего, а тех своих жоначек и детишек искать не смели, везде нас бьют».

Везде среди крестьянского населения была масса умерших и убитых. Много крестьян бродило по лесам, скрывалось в болотах и чащах... Если в ряде районов и сохранилось еще крестьянское население, то у него «не было ни лошадей, ни животины, а у многих... и хлеба нет, бродят по миру». Капитан царских войск сообщал московскому воеводе в Минск, что «в Минском уезде во многих местах и селах и деревнях ржи и ярового хлеба у крестьян нет».

> «А тем временем царские воеводы... требовали от крестьян непрерывной доставки зерна, фуража, скота и лошадей. Наряду с этим происходили непрерывные грабежи крестьянства...
>
> В особенно тяжелом положении оказалось крестьянское население в момент отступления московских войск...
>
> Оказавшись в тяжелом положении, московские войска при своем отступлении не щадили уже ничего. Самой главной причиной своего поражения они считали измену украинских казаков и крестьянские беспорядки (в действительности – крестьянскую партизанскую войну против московитов, но это автор побоялся сказать. – *Я.С.*). Изза этого они при своем отступлении, как озверевшие, набрасываются на крестьянское население, громят и жгут села и истребляют на своем пути все, что встречается» (с. 197–199).

Запрещалось ли писать в учреждениях по-беларуски

В российской и польской литературе распространено мнение, что в 1696 г. было запрещено писать в учреждениях по-беларуски и приказано писать по-польски. Оказывается, однако, что было не так. На конференции в Варшаве 29 августа 1696 г. рассматривались, между прочими, дела, касающиеся судебных трибуналов, и было принято такое постановление:

> «Писарь, однако, земского воеводского суда, где будут происходить Главные трибунальские суды, сделав судебную запись, останется на месте, но голосовать не должен в делах, подлежащих суду. Он должен только дела, рассматриваемые в круге (судей) и решенные большинством голосов, записаваць по-польски, а не по-руски».

Как видим, это постановление касается только трибунальских судов, а не учреждений вообще. Кроме того, в «Пактах конвента» новоизбранный король Фридрих Август заявил:

> «В делах и посольствах от Речи Посполитой мы, согласно с давними законами, не будем пользоваться своей комнатной печатью или сигнетом и обещаем издавать все листы, дела и публичные легации только в языке польском и латинском, а не другом».

Это обязательство короля касается дел дипломатических и других, исходящих от самого короля, но в нем нет речи об учреждениях Литвы. Кроме того, ввиду того, что в обоих случаях Великое Княжество Литовское не названо, можно думать, что постановление и обязательство подразумевали только украинские земли Польши.

Уместно заметить здесь и о полонизации вообще. Как известно, во второй половине XVII века и особенно в XVIII веке языком общения и домашним языком беларуского крупного панства стал язык польский, но патриотами своего народа и своего государства они остались.

Мы имеем здесь дело не с утратой национального сознания, но с утратой сознания языкового, как это произошло с евреями еще до Христа и много позже с ирландцами. Как известно, только малый процент ирландцев знает ирландский язык /гэлик/, а все другие говорят по-английски, но все они – ирландские патриоты. Что до мелкого панства и застенковой шляхты, то они оставались при своей языковой беларусчине и ополячились только в российские времена, в XIX и XX веках, ввиду главным образом тех условий, которые создала Россия в Беларуси.

Беларусь под Россией

Российские черносотенцы утверждают, что в Беларуси, присоединенной в конце XVIII – начале XIX вв. к России, наступила намного лучшая жизнь, чем когда-либо прежде. Какое это было «улучшение», я показал в «Советской фальсификации» (с. 134–142). К этому немного добавлю.

Рассматривая, от давних времен, отношения между классом пахарей и классом землевладельцев в Беларуси, профессор В. Пичета утверждает:

> «Эти классовые противоречия неоднократно приводили к конфликту обоих классов на фоне земельных отношений, к тому конфликту, который проявился особенно остро сначала в период 1861 г., потом в период революции 1905 г. И, в заключение, в период февральской революции».

Так что труднее всего беларускому крестьянству жилось под Россией.

Я обращу внимание на одно очень характерное свидетельство языка о страшном ухудшении доли беларуского крестьянства, когда Россия захватила Беларусь. Язык редко бывает историческим свидетелем, но уж тогда он свидетель самый объективный. Я имею в виду изменение значения слова «старец» В независимом беларуском государстве «крестьянское самоуправление в Беларуси занимало видное место». Волость была высшей территориальной и административно-финансовой единицей в самоуправляемой жизни крестьянства Беларуси. На этой территории жили крестьяне, мещане и бояре. Во главе этой «самоуправляемой» единицы законным представителем и «защитником интересов волостного самоуправления» был его глава – старец. «Выборы старца делались представителями сел – старшими мужами, добрыми людьми, которые собирались на волостное собрание (вече) и выносили там решение об избрании старца».

Но в XIX веке старцами в Беларуси уже называли убогих. Так с упадком положения беларуского крестьянства упало и значение названия его лучших предста-

вителей. Теперь старые крестьяне часто не имели с чего жить и должны были с котомкой на плечах ходить просить ломтя хлеба — «старцевать».

Общеизвестно, что в 1864 г. российское правительство запретило беларускую печать. С этим соглашаются даже советские авторы. Но российские черносотенцы и это отрицают. Они заявляют, что была запрещена только беларуская печать латиницей и что это — хорошо. Этот вымысел опровергают факты. Например, в 1902 г. книжка «Вязанка» Ивана Неслуховского (Янки Лучыны) прошла в Петербурге цензуру как сборник стихотворений на болгарском языке!

Российские черносотенцы утверждают, что «поляки руководили беларуским национальным движением». Как довод они приводят то, что до 1905 г. большинство беларуских книжек печаталось в Кракове. Известное дело, — ответим, — ведь до Первой мировой войны это была ближайшая, а потому самая дешевая заграница. Но печатали и в Лондоне. Так, в том же 1902 г. в Лондоне беларусы издали сборник произведений Франтишека Богушевича на папиросной бумаге под названием «Песни» и с надписью на обложке «С разрешения Синодальной типографии». Вот и в этом случае беларускую книжку кириллицей напечатали за границей, чего не было бы, если бы беларуская печать не была запрещена вообще, без различия письма.

Утверждение черносотенцев, что в начале беларуского возрождения беларусы, будучи в эмиграции в российских городах, сильнее национально активизировались чем в самой Беларуси, в некоторой степени правильно: сталкиваясь с россиянами, беларусы сильнее осознавали свою национальную самобытность.

Что до революции в феврале 1917 г., то беларусы в Отечестве не везде при выборах могли проявить себя так, как на это можно было надеяться, объясняется это тем, что тогда вся Беларусь была наводнена российскими войсками, а беларусы-военнослужащие были отправлены на фронты Южный, Румынский и Кавказский.

Ад, созданный большевиками в Беларуси, черносотенцы называют «счастливой жизнью под властью большевиков». Этим «счастьем» беларусы обязаны Москве. Все свои и чужие наблюдатели Беларуси соглашаются с тем, что если бы Беларусь не была под Россией, то беларусы не узнали бы большевистского «рая».

Коротко об авторе

Ян Станкевич, филолог, историк, переводчик, общественно-политический деятель.

Родился 26 ноября 1891 г. в деревне Орленяты (Арляняты) Ошмянского повета Виленской губернии. Его младшие братья Адам Станкевич (1892–1949), и Станислав Станкевич (1907–1980) тоже родились в этой деревне.

В Мировую войну служил в российской армии. Был участником съезда беларуских национальных организаций в Минске в марте 1917 г., съезда учителей Минской губернии в мае 1917 г. С декабря 1917 в Вильне, участник создания Беларуского научного общества, в январе 1918 г. избран в состав Виленской беларуской рады, участвовал в историческом заседании Рады БНР в Минске 24–25 марта 1918 г. В ноябре 1918 г. кооптирован в состав Литовской Тарибы.

После прихода в Вильню Красной Армии работал в литературно-издательском отделе Наркомата просвещения Лит-Бел ССР, заведовал беларуским издательством «Веда». Во время польско-советской войны 1919–20 гг. член Центральной беларуской рады Виленщины и Гродненщины, президиума Беларуской центральной школьной рады.

Окончил Виленскую беларускую гимназию (1921), Карлов университет в Праге (1926). Доктор славянской филологии и истории (1926). Работал преподавателем беларуского языка в Варшавском университете (1928–1932) и в Университете Стефана Батория в Вильне (1927–1940). Печатался в журнале «Крывіч», западнобеларуских изданиях. Ян Станкевич был послом (депутатом) сейма Польши (1928–1930). Как политик являлся сторонником польско-беларуского сближения, за что его не раз критиковали беларуские группировки.

В 1940 г. Станкевич выехал в Варшаву, где присоединился к деятельности Беларуского комитета. Сотрудничал с В. Ивановским, наладил контакты с польским антифашистским подпольем, создал конспиративную группу под названием Партия беларуских националистов (ПБН). Стратегической целью этой деятельности было восстановление беларуской государственности. С осени 1941 жил в Минске, куда переместился и ЦК ПБН, недолго работал в школьном отделе Минской управы. Станкевич был членом Беларуской народной самопомощи, нелегальной Беларуской незалежницкой партии, научного отдела Беларуской центральной рады (БЦР), одним из основателей Беларуского научного товарищества. Преподавал историю Беларуси в в школе подофицеров полиции в Минске.

Янка Станкевич

В 1944 г. Ян Станкевич оказался в эмиграции. В Германии он восстановил деятельность Беларуского научного товарищества. С 1949 г. жил в США, занимался научной и общественной деятельностью в беларуской диаспоре. Был популяризатором так называемой «крывіччыны».

Участвовал в работе Беларуско-американского объединения, Беларуско-американского союза, издавал журналы «Веда», «Незалежнік», сотрудничал с Беларуским институтом науки и искусства (БІНІМ) и его изданием «Запісы БІНІМ», с журналом «Сяўбіт», газетами «Бацькаўшчына» (Мюнхен), «Беларус» (Нью-Йорк) и др.

Основатель (вместе с Ст. Станкевичем) Великолитовского фонда имени Л. Сапеги. Пожертвовал этому фонду все свои деньги, а по завещанию — и все имущество.

С помощью Моисея Гитлина осуществил полный перевод Библии с языков оригинала на «мову» и издал в 1973 г. в Нью-Йорке.

Умер 16 июля 1976 г. Похоронен на кладбище в Саут-Ривер, штат Нью-Джерси.

Наиболее значимые труды

Гісторыя беларускай мовы, Вільня, 1939.
Кароткі начырк гісторыі Крывіч-Беларусі, 1951 г. (62 с.)
Зь гісторыі Беларусі, 1958 г. (98 с.)
Савецкае хвальшаванне гісторыі Беларусі, 1956 г. (146 с.)
Уся Біблія (пераклад), 1973 г.
Нарысы зь гісторыі Вялікалітвы-Беларусі, 1978 г. (122 с.)
Беларуска-расійскі (Вялікалітоўска-расійскі) слоўнік (1306 с.) 1990 г.

ИСТОРИЯ ЛИТВЫ — ВЕЛИКИЙ МИФ МАЛЕНЬКОЙ ЛЕТУВЫ

Витовт Чаропка

Об истории Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского написано столько, что пора уже писать о написанном. Тем не менее интерес к этому средневековому государству не спадает, а в последнее время опять возрос, прежде всего со стороны летувисских и беларуских историков. И это понятно, ведь находясь под цензурой идеологической советской Клио, историки приняли давно выработанный постулат о ВКЛ как летувисском государстве, где беларусам отводилось место в своем же доме где-то в закоулке, в качестве батраков летувисских феодалов.

Наиболее полно, придав ей научный характер, изложил эту концепцию российский советский историк Владимир Пашуто (1918–1983) в своей объемной монографии «Образование Литовского государства», которая увидела свет в 1959 году. С тех пор она не подвергалась пересмотру. Уточнялись детали, оспаривались мелкие факты, но сам постулат о завоевании западнорусских земель литовскими захватчиками оставался неизменным, ибо превратился в аксиому. Такая концепция как нельзя лучше удовлетворяла летувисских историков, ибо подтверждала их заявления о давних государственных традициях Летувы.

Беларуские советские историки, к сожалению, даже не пытались оспорить унизительную для беларусов концепцию своей истории. Мало того, Лаврентий Абецедарский в пасквиле «В свете исторических фактов» (1969 г.) вообще отказал беларусам в том, что они играли хоть какую-то роль в ВКЛ. Фактически он выбросил их из истории.

Вне внимания были оставлены выводы объективных историков, например польского исследователя Александра Брукнера (1856–1939), который отмечал, что «история Беларуси старше и славнее истории Малороссии и Великороссии, но она спрятана под названием «Литва»*, или напоминание Николая Костомарова (1817–1885): «Литва — это название стало собственностью беларуского края и беларуского народа».

Понятно, что такие выводы ни русская, ни польская исторические школы не приветствовали, ибо историки этих стран выступали в качестве идеологических глашатаев. Русские оправдывали аннексию Беларуси, называя ее освобождением ее от «польско-литовских панов» (но забывая при этом говорить о российских помещиках), а польские историки доказывали историческое право поляков на беларуские земли. При таком положении беларуским советским историкам просто заткнули рот, а слабый голос эмиграционных историков Павла Урбана, Яна Станкевича, Вацлава Пануцевича на родине не слышали или не хотели слышать.

Суматоху внес Николай Ермалович, объявив историю образования ВКЛ мифом и приведя ряд убедительных доводов о местонахождении летописной

Рецензия получена в рукописи. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* См. его книгу «С беларуской нивы» (Краков, 1918).

Литвы в Верхнем Понеманье, завоеванном ее новогрудскими князьями Миндовгом и Войшелком*.

Но, как и следовало ожидать, работы Ермаловича официальные историки признали «псевдонаучными» и таким образом уклонились от дискуссии с ним. Похожая реакция была и со стороны летувисов, они пришили Ермаловичу ярлык «беларуского националиста», и этим ярлыком, по их мнению, опровергли его выводы и доводы. Ничто не препятствовало им трактовать историю ВКЛ исключительно как историю Летувы. Тем более что летувисского языка и беларуские, и польские, и российские историки просто не знают. Можно выдавать название герба «Погоня» за новодел «Вицис», изменять имена великих князей на летувисский лад, замалчивать или фальсифицировать факты, и т.д,, не обращая внимания на то, что исторические исследования превращаются в мифотворчество.

Именно это мы видим на примере толстенного тома Э. Гудавичюса «История Литвы с древних времен до 1569 года», перевод которой с летувисского языка на русский вышел в 2005 г. в Москве. Можно считать работу Гудавичюса новейшим словом исторической науки Летувы о ВКЛ, ее современным достижением.

Теперь и беларусы могут прочесть мнение летувисских историков о роли своих предков в ВКЛ. Ничего нового они там не найдут, ничего оригинального и своеобразного. Гудавичюс просто пересказывает польских и русских историков, да время от времени пускается в лирико-философские рассуждения, комментируя ту или иную позицию.

Справка: Эдвардас Гудавичюс (1929 г.р.) считается в Летуве ведущим историком страны. Он получил техническое образование: в 1953 г. окончил политехнический институт в Каунасе, около 15 лет работал инженером.

В 1968 г. заочно окончил исторический факультет Виленского университета. Его первая статья исторического характера была напечатана в 1970 г. В 1974 г. стал ведущим научным сотрудником Института истории Академии наук Литовской ССР. Автор множества статей и нескольких монографий.

Эдвардас Гудавичюс

Не буду ставить в заслугу Гудавичюсу богатство фактов, которые он приводит в монографии, так как это заслуга предшественников, собравших и опубликовавших их. Эти факты он часто просто пересказывает без всякой нужды, видимо ради объема работы. Человек, мало знакомый с историей Литвы, все написанное Е. Гудавичюсом воспримет под напором фактологии как правду, а вот у меня она вызвала и смех, и разочарование, и недоумение, и желание написать не только рецензию (одних только очевидных неточностей я выписал на 15 страниц), но и высказать некоторые мнения о взглядах Гудавичюса на беларускую историю, неразрывно связанную с историей ВКЛ. Я умышленно обхожу вниманием трак-

* Прежде всего, это небольшая книга Н. Ермаловича «Па слядах аднаго міфа», долгое время распространявшаяся в самиздате. Первое печатное издание ее появилось в 1989 г. — *Ред.*

товку Гудавичюсом тех моментов, которые непосредственно касаются истории летувисов, например глав «Племенной этнос литовцев» или «Ранняя литовская монархия», так как не считаю себя знатоком по этой теме. Сосредоточу свое внимание на беларуской тематике в интерпретации Гудавичюса.

Сразу же отмечу характерные для Гудавичюса приемы — голословные утверждения, не подкрепленные фактами или вообще игнорирование их, или же свободная интепретация событий в пользу летувисской трактовки ВКЛ (по упрощенной схеме, мол, ВКЛ — это летувисское государство, так что летувисы были в нем господствующим народом), замалчивание невыгодных для его концепции событий, и т.д. Чтобы не быть голословным приведу некоторые примеры.

Прежде всего, из книги Гудавичюса мы так и не узнаем, где находилась древняя Литва — этого, кстати, не могут определить и другие историки Летувы. Как же тогда можно говорить об образовании ВКЛ, если неизвестно на каких землях начался этот процесс? Не определено и значение термина Литва: это название земли, народа, племени, воинского сословия? Обойдено вниманием административно-территориальное устройство балтских земель, на которых (по выводам некоторых историков) существовала теократическая власть языческих жрецов-кревов, которая способствовала сближению этих земель.

Ничем не обоснованным является утверждение о «ранней литовской монархии», которой в действительности не было. Под знакомую уже схему об ослаблении западнорусских земель и усилении литовских князей подгоняется концепция о предпосылках создания ВКЛ. Так, непонятными остаются причины активности литовских князей. Ясно, что не пассионарная энергия, как это видится Л.Н. Гумилёву, и не жажда добычи толкала их на набеги на русские земли, которые обычно заканчивались сокрушительными поражениями. Гудавичюс не замечает, что литовские дружины часто использовались русскими князьями в качестве наемников.

Миндовгу, которого принято считать основателем ВКЛ, Гудавичюс отводит весьма значительную роль в становлении этого государства, хотя по сути его «королевство Литовия» оказалось нежизнеспособным и развалилось. А вот фактические создатели ВКЛ, новогрудские князья Войшелк и Шварн представлены Гудавичюсом как «православные эпигоны Миндовга». Причина такой подмены ясна: чтобы преуменьшить их роль, обойти такой неудобный для летувисских историков факт как завоевание Литвы Войшелком во главе пинской и новогрудской дружин, на что очевидно указывает Новгородская летопись: «Нядъ на поганую Литву ипобеди я, и стоя на земли ихъ все лето, тогда оканьным въезде Господь под делом их; всю бо землю ихъ дружием поплени». Это сообщение Гудавичюс замалчивает, на что указывал еще Ермалович:

> «У дадзеным выпадку важна ўжо не тое, што аказваецца, а тое, што замоўчваецца. Замоўчваецца ж галоўнае: Войшелк Літву і іншыя балцкія землі з Навагародка сіламі пінянаў і навагародцаў».

А это вообще меняет представление о ВКЛ как о летувисском государстве, вот Гудавичюс и пытается подчеркнуть и возвысить роль в нем летувисов. Например, вот его высказывание о Войшелке: «Сначала в его раде /совете/ преобладали русские, но после разгрома оппозиции в Нальши и Дзялтуве верх взяли ли-

товцы». Странная вещь получается: Войшелк жестоко расправился с литовским феодалами «изби их бесчисленное множество, а друзии разбегошася, калю кто видя», а они все же вдруг взяли верх в его раде, и это — в православном Новогрудке! Неизвестно откуда Гудавичюс взял факты для своего утверждения, ведь не сохранилось ни грамот, ни других документов Войшелка.

Таких голословных утверждений у Гудавичюса множество. Он не отягощает себя даже оговорками, дескать, «это могло быть так», или «возможно это было так». Без каких-либо сомнений историк заявлял, что Тройден был перновским князем, хотя источники об этом ничего не говорят. Славянские имена братьев Тройдена заменены на летувисские формы. Борзо стал Бардисом, Лесий — Лиейсом, Серпутин — Серпутисом, Свелкений — Свальнянисом, чтобы скрыть их славянское происхождение. Вообще к славянам, в данном случае русинам, православным жителям ВКЛ, Гудавичюс проявляет плохо скрытое чувство неприязни.

С позиций летувисского патриотизма Гудавичюс трактует восхождение Тройдена (Треняты), который якобы изгнал Шварна из Новогрудка и «завладел увеличенным доменом Войшелка». Опять вымыслы, которые он выдает за исторические факты. Нельзя согласиться с утверждением Гудавичюса о том, что с вокняжением Тройдена «победила национальная династия и национальная политика. Литва окончательно выбрала путь, очерченный Тренятой». Путь Треняты вел Литву к истощению в междоусобицах, консервации язычества, отсталости и изоляции от христианского мира. Этот путь делал Литву своеобразным жупелом в глазах Европы, как языческую страну, это хорошо понял Гедимин, который попытался свернуть с пути Треняты, но как раз и встретил сопротивление со стороны язычников — летувисов и жамойтов.

Обложка книги Э. Гудавичюса «История Литвы»

Указав, что «историческая традиция XVI века исконным центром Литвы считала Кернов», Гудавичюс «забывает», что эта же традиция считала Новогрудок столицей Миндовга, где он короновался на короля Литовии, что «Новогородской державе, над Немном лежачае» принадлежали земли «от Вилии аж до жродел Неменовых, где ся за Копылем пять миль пожнается», и что именно из Новогрудка Тройден перенес свой престол в Кернов. Такая манипуляция фактами свойственна Гудавичюсу: напоминать нужные для его концепции сведения и отсеивать противоречащие ей. Вот такой «научный» метод.

Иногда Гудавичюс противоречит сам себе. Говоря, что от литовских набегов больше всего страдала Русь, он будто бы показывает мощь Литвы, и тут же говорит об уступке Литвой Волковыска Галицко-Волынскому княжеству. Но это по Гудавичюсу не проявление слабости Литвы, а тактический ход с целью обеспечить тыл. Между тем походы галицко-волынских князей были куда более опустошительными и грозными, чем мелкие набеги литовских дружин, которые обычно заканчивались их разгромом.

Присоединение Полоцка к ВКЛ Гудавичюс тоже трактует прямолинейно на основании неясных сведений о том, что якобы литовцы в 1307 г. изгнали оттуда ливонцев и стали там править. Некоторые историки это событие относят к 1387 г., когда с помощью ливонских рыцарей князь Андрей Полоцкий занял Полоцк, а после утратил его. А до того времени Полоцкое княжество вряд ли напрямую управлялось великими князьями литовскими. Полоцкие князья имели значительную автономию, и только во внешних вопросах они координировали свою политику с великими князьями, как это свидетельствует договор с Ригой от 1338 г., заключенный Гедимином с согласия полоцких и витебских князей и вече.

Не приходится удивляться тому, что не уточняя обстоятельства и причины вхождения отдельных земель в состав ВКЛ или признания ими вассалитета, Гудавичюс показывает этот процесс исключительно как победную экспансию литовцев на Русь. Но при этом не приводит ни одного факта военных побед литовцев над Русью. Вместо таких примеров он использует метод искажения смысла фактов. Расширение власти Гедимина рассматривается Гудавичюсом как результат литовской экспансии, хотя на самом деле это была своеобразная династическая революция, когда западнорусские города заменили русскую династию Рюриковичей (в данном случае ее ответвление) на литовскую династию Гедиминовичей, тем самым юридически освобождая свои земли от вхождения в «русский счет» Золотой Орды. Вот почему летописи и документы не зафиксировали победных походов литовских войск и завоевания ими западнорусских городов. Свободное избрание псковичами в 1320 г. своим князем Давида Городенского, Гудавичюс признает установлением протектората Литвы над Псковом. Но, в таком случае – по его логике – избрание Ягайло польским королем есть свидетельство установления протектората Литвы над Польшей!

Гудавичюс не освещает правового положения так называемых литовских князей в западнорусских городах. Факты показывают, что они были приглашенными князьями и не более, а не какими-то завоевателями, проводившими литовскую политику. Если бы это было так, то они не принимали бы православие и не поднимали восстаний против великих князей, как Андрей Полоцкий, Дмитрий Корибут или Свидригайло.

Руководствуясь своим методом отсеивания фактов, Гудавичюс вытащил на свет Божий легенду о завоевании в 1320 г. Гедимином киевского княжества, которую давным-давно раскритиковали и отвергли Н.М. Карамзин и В.Б. Антонович. Но это не смущает Гудавичюса, ведь надо придать величие истории Литвы, а потому пригодятся и легенды. И уж совсем фантастически звучит утверждение Гудавичюса, что «Литва (он умышленно избегает термина Великое Княжество Литовское, а использует термины «Литва», «литовское государство», «литовское войско», а не войско ВКЛ, «литовские феодалы», а не феодалы ВКЛ и т.д.) естественным образом стала щитом, который защищал сюзеренитет Золотой Орды от экспансии Польши и Венгрии». Не думаю, чтобы слабые по сравнению с Золотой Ордой Польша и Венгрия могли угрожать ей.

Желая подчеркнуть «литовскость» витебского князя Ольгерда, Гудавичюс, верный своей методике, игнорирует невыгодные для его штудий сведения. Вот и свидетельство Псковской летописи о крещении Ольгерда игнорируется, ведь это свидетельствует об «измене» национальным интересам.

По схеме Гудавичюса Ольгерд должен быть «язычником, выразителем литовских интересов». В то же время на веру принимается сообщение Воскресенской летописи о том, что тверской епископ Андрей был сыном полоцкого князя Герденя, но не признается его внебрачным сыном великий князь Витень, ведь такой факт свидетельствует о происхождении великих князей литовских из полоцкой княжеской династии, а тогда все доводы о летувисском характере ВКЛ становятся напрасными.

Неудобно признавать Гудавичюсу очевидный факт, что Ольгерд отдавал предпочтение собиранию восточнославянских земель, т.е. вел политику, которую позже продолжил Витовт. Ольгерд установил границы ВКЛ с московским княжеством на этнических границах расселения беларусов. Вот отчего из-за своей «беларуской политики» Ольгерд для Гудавичюса – политически ограниченный государь.

Странно читать об исторической обиде, нанесенной Литвой России, ведь тогда России еще не было, и об исторической заслуге Литвы перед будущими украинскими и беларускими народностями (надо думать, что летувисская народность уже существовала, хотя даже в конце XIX века жамойты отличали себя от летувисов, пока не приняли название Летува за этноним).

Сама по себе Литва (под ней Гудавичюс понимает земли современной Летувы – бывшую Жамойть плюс Виленщину) ничего не представляла собой без беларуских и украинских земель, без их экономической мощи и культуры. Эта особенность ярко проявилась после отхода украинских земель под власть Польши и опустошения беларуских земель во время Ливонской войны. Во времена войн с крестоносцами Литва представляла собой разоренный край, население которого искало спасение в возможном переселении.

Неправ Гудавичюс, когда комментируя акты Ягайло 1387 года, приводит устаревший довод, что «православные не получили сословных привилегий». Ведь они в то время пользовались своими местными привилегиями и законами, которые давали им широкие имущественные и сословные права. При этом Гудавичюс забывает сказать, что политическое возвышение литовских феодалов началось с принятием ими католичества, что гарантировало им преимущества перед православными, именно они стали проводниками пропольской политики в ВКЛ.

Это ярко проявилось во время междоусобной войны между Сигизмундом и Свидригайло. Придя к власти в ВКЛ, Свидригайло окружил себя «русскими», т.е. православными феодалами. По логике Гудавичюса такого не могло быть в принципе, а значит – и не было. Не упоминает он о том, что ВКЛ разделилось тогда на две части: Великое Княжество Литовское и Великое Княжество Русское, только чтобы не показывать, что русские земли имели такой же правовой статус, как и литовские, вовсе не считались завоёванными. Не отмечает Гудавичюс и то, что под ударами русских полков Свидригайло Великое Княжество Литовское устояло только с помощью «хилой Руси». А тем более ему не хочется признавать, что русские земли, поддерживавшие Свидригайло в войне против польского ставленника Сигизмунда Кейстутовича и его католическо-литовского окружения, сорвали инкорпорацию ВКЛ в состав Польши. Вот ведь как было на самом деле: это жамойты (предки летувисов) были врагами своего государства, тогда как русины (русские) защищали «литовскую» государственность.

Чтобы читатель не пришел к очевидному выводу, что ВКЛ по сути было славянским государством, о чем есть множество свидетельств, Гудавичюс всячески занижает роль славянского элемента, а то и вообще не вспоминает о нем или перекручивает факты на свой лад. Например, славянские термины Гудавичюс называет русско-литовскими, опять же, чтобы не показывать факт унаследования ВКЛ государственной и правовой традиции Руси. Беларуские хроники и летописи названы литовскими, хотя на литовском (жамойтском) языке во времена ВКЛ не было написано ни одного государственного документа.

«Русский» государственный язык, который исследователи признают старобелорусским, Гудавичюс называет канцелярским – только чтобы затемнить факт на который указывали свидетели, что «литвины – славянский народ, язык литвинов – славянский» (Гартман Шедель в 1493 г.). Поэтому голой декламацией выглядит пассаж Гудавичюса о том, что малолетний сын Ягайло и Софии Гольшанской, став великим князем, обучался литовскому языку, усваивал литовские традиции, ведь никаких доказательств этому нет. Это всего лишь допущения Гудавичюса. Хотя интересно, почему он не задался вопросом, отчего Казимир не научился от родителей литовскому языку. Но такой вопрос был бы неприятен для летувисского историка, ведь получается что ни Ягайло, ни София Гольшанская не разговаривали с сыном по-летувисски.

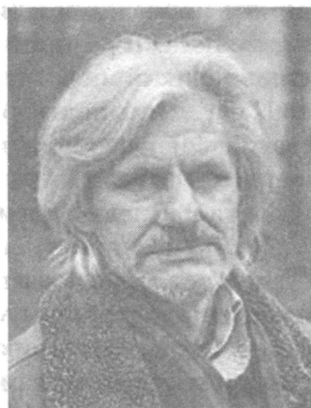
Болезненно переживает Гудавичюс и тот факт, что в XV–XVI вв. на политическую арену вышли многочисленные представители русских родов, которые приняв католичество, понемногу начали вытеснять с государственного Олимпа литовцев-католиков. Нет, чтобы сделать закономерный вывод, что в ВКЛ существовала не национальная дискриминация, а религиозная, навязанная ВКЛ Кревской унией, так Гудавичюс и из этого факта хочет высосать доказательство перевеса литовцев над русскими. Католическая конфессия у него называется литовской и получается, что когда православные переходили в литовскую конфессию, у него это значит «были интегрированы в литовскую народность». Например, «увеличилось количество сенаторов-русинов, однако такие люди как Ходкевичи и Глебовичи считали себя скорее литовцами, чем русинами». Только в чем это проявлялось? Они что, начали разговаривать по-летувисски, или поклоняться Перкунасу?

Гудавичюс молчит. Они были литвинами, а не летувисами, и хотя бытовала популярная версия о римском происхождении литовских магнатских и шляхетских родов, литвины понимали свою принадлежность к славянам, о чем заявлял в 1599 году московским боярам подканцлер Лев Сапега: «Мы с вами славяне, один народ». Вот чего упорно не хотят признать летувисские историки, в том числе и Гудавичюс.

Там, где никак нельзя замолчать факт, Гудавичюс стремится к подмене понятия «Статут Великого Княжества Литовского», называемого им повсюду литовским статутом. Такой подменой названия читателю навязывается мысль, что Статут есть памятник правовой мысли литовцев, и основу его составило феодальное литовское право. И, разумеется, никаких доказательств, хотя известно, что феодальное право ВКЛ вытекает из письменных и обычных прав, существовавших в русских землях, а также под европейским влиянием, в частности магдебурского права. Не сказано, что в создании Статутов участвовала комиссия на-

половину из католиков и наполовину из православных, а потом его статьи обсуждались на сеймиках и сеймах шляхты. Так что «Статут» памятник юридической мысли «шляхетского народа» ВКЛ, который под национальными интересами понимал интересы сословные и государственные, и разделялись они только по религиозному признаку – католики-литвины и православные-русские.

Проблематично звучат фразы Гудавичюса, что князь Михаил Глинский хотел узурпировать власть в ВКЛ, на что не указывает прямо ни один документ. Вообще с этой эпохой (начало XV века, мятеж Глинского, войны ВКЛ с Московией), судя по многочисленным неточностям, автор недостаточно знаком. Например, Менск (а не Минск, он тогда так не назывался) защищали от Глинского не 300, а всего 30 солдат. Завоевывать Туров Глинскому не надо было, ведь он принадлежал ему.

Витовт Чаропка

Ничего нового и оригинального не сказано Гудавичюсом в описании войн ВКЛ с Московией. Оно явно перегружено малозначимыми фактами, протокольными подробностями походов, переговоров, суммами платежей, доходов и тому подобной второстепенной информацией. Злоупотребляет автор чувством меры, освещая династическую политику Ягеллонов, которая только косвенно связана с историей Литвы. Зато не нашлось у него места для перечисления хоругвей ВКЛ в Грюнвальдской битве, ведь тогда стало бы ясно, что от этнической Литвы было всего 3 из 40 хоругвей, так что проблематично называть войско ВКЛ – литовским. Не вспоминает он и победу в урочище Рутна около Киева в 1514 г. слуцкой дружины князя Юрия Олельковича и отряда киевского воеводы Андрея Немировича, кстати, православного шляхтича из Новогрудка, над крымскими татарами.

У Гудавичюса все победы одерживают литовцы, литовские воины, литовские силы, литовское войско. Потому естественно не упоминается участие новогрудских дружин в битве на Синей Воде в 1362 году, удар которых по флангам татарской армии принес победу. «Литовцы» по Гудавичюсу получили победу и в 1506 г. в битве с крымскими татарами, но он «забыл» сказать, что основу этой литовской армии составляла менская, городенская и новогрудская шляхта. Замалчивает Гудавичюс и бесславные эпизоды, например, дезертирство жамойтской шляхты в 1535 г., что фактически сорвало поход войска ВКЛ на Московию. Приглушенно звучит голос Гудавичюса, когда он говорит о выступлениях жамойтов против Витеня и Гедимина, о подавлении их восстаний Витовтом, за что князь был прозван «кровопийцей и мясником», о торговле с Орденом за счет земель Жамойтии. Сказав правду, не объявишь Витеня или Витовта национальным героем.

Надо отметить и неточности, которые встречаются в книге Гудавичюса, укажем наиболее очевидные. Неправильно приведены имена исторических лиц: виленский епископ Войцак Табор назван Альбертом, орденский посол Ленц – Ланцем, неточно указаны даты некоторых событий: Городенский привилей был подтвержден Сигизмундом Кейстутовичем не в 1433 г., а 27 февраля 1434 г., он

же овладел Полоцком и Витебском не летом 1436 г., а в 1437 г., в походе 1428 г. Витовт не брал в осаду Новгород Великий. Не было такой летописи «Начало рода литовцев». Есть глава с похожим названием «О происхождении Литовского княжества» в беларуской летописи «Летописцы великих князей Литовских», написанной в Смоленске около 1430 г., а не в 1390 г.

Допущены ошибки и при переводе, например, паны рады названы радными панами, московский воевода Стенчев – Сучевым, ливонский магистр Вальтер Платенберг – Вольтером, Юрий Радзивилл – Георгием, князья Острожские – Острогскими, города Хойницы – Коницы, Каркус – Кархусом, Динабург – Дюнабургом и т.д.

Не ли слишком много неточностей, допущений, неподтвержденных документами, фальсификаций фактов, замалчивания очевидного, чтобы всерьез воспринимать произведение (именно произведение, а не историческую монографию) Гудавичюса? В результате таких приемов автор создал историческую конструкцию «великий миф о великой Литве».

Нашу мысль подтверждает и высказывание российских историков С. Алексеева и А. Филюшкиной, что «книга Гудавичюса – это литовский великодержавный нарратив»*.

Хотя Э. Гудавичюса можно понять: чрезмерное чувство летувисского патриотизма, болезненное рефлексирование в связи с комплексом малого народа побудили историка доказывать значимость и величие летувисского народа путем искажения исторической правды и даже сочинения вымыслов. Вот и написал Гудавичюс не «Историю Литвы», а миф про ее историю. Этому не приходится удивляться, ведь как заметили те же Алексеев и Филюшкина, «любой национальный нарратив прежде всего идеологизирован и только потом научен».

Коротко об авторе

Витовт Чаропка (1961 г.р.) — беларуский литератор. Автор художественных и научно-популярных книг, брошюр, журнально-газетных статей, посвященных истории Отечества.

Основные печатные труды: «Храм без бога» (1992), «Імя ў летапісу» (1994), «Гісторыя нашага імя» (1995), «Перамога ценю: Аповесці. Апавяданні. Эсэ» (1996), «Уладары вялікага княства» (1999), «Великий князь Витовт» (2010), «Лёсы ў гісторыі» (2005), «Міхаіл Андрыёлі» (2012), «Великие князья Великого Княжества Литовского» (2012), «Напалеон Орда» (2012), «Геркулес, Руды і Пярун: Радзівілы-пераможцы», «Героі паўстання 1863 года», «Усяслаў Чарадзей» (готовятся к печати).

* С.Л. Алексеев, А.И. Фелюшкина. Гудовичюс Э. История Литвы. Том 1: С древнейших времен до 1569 года. Москва, 2005. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008, № 1.

ВОССТАНИЕ 1830 ГОДА И МИХАИЛ ВАЛОВИЧ

Александр Талерчик

В конце XVIII века три монарха, а по выражению В.И. Ленина – три коронованных разбойника – Австрия, Пруссия и Россия, разорвали по живому Речь Посполитую (в состав которой входили Польша и Великое Княжество Литовское) и российский грабитель ухватил самый большой кусок, так как был тогда самым сильным. Ему достались Беларусь, Летува и большая часть Польши.

После наполеоновских войн в 1815 г. на территории Польши было создано Королевство Польское. Польским королем являлся российский царь, но правил здесь его наместник (заместитель), родной брат Константин Павлович. При нем было небольшое российское войско количеством около 6 тысяч солдат. Польше были пожалованы значительные автономные права: она имела свою Конституцию, Сейм, армию и финансовую систему со значительными денежными запасами – до 67 млн злотых. Беларусь же была лишена всех политических прав и разделена на губернии, которыми управляли губернаторы, назначенные царем.

Наши предки в течение 70 лет после захвата Беларуси Россией трижды брались за оружие, чтобы вырваться из смертельных объятий империи, которая по выражению В.И. Ленина стала «тюрьмою народов». Беларуский народ в этой тюрьме страдал больше других, ибо цари лишили его родного языка, религии и даже имени, и назывался он «населением Северо-Западного края».

Такое досадное положение не удовлетворяло и возмущало сознательную часть населения. Потому каждое новое поколение взрывалось мощными национально-освободительными восстаниями. Так было в 1794, в 1830 и в 1863 гг.

Деятельным участником восстания, которое началось в Польше в ноябре 1830 г., а потом перекинулось на бывшее Великое Княжество Литовское, то есть на Беларусь, был наш земляк Михаил Валович.

Родился он 18 июня 1806 г. в поместье Поречье Слонимского уезда (Поречье упоминается в актовой книге Слонимского земского суда в 1628 г.). Отец, Казимер Валович, был слонимским подкоморием и владельцем имения Поречье, в которое входили окрестные деревни Поречье, Задворье, Шундры и Озаричи, а также фольварки Яловики и Городище. За имением было 60 волок земли (около 600 га) и 220 крестьян мужского пола, преимущественно греко-католического (униатского) вероисповедания.

Мать Марианна была из известного шляхетского рода Фелькерсамбов. В семье было трое детей. Позже Марианна развелась с Казимером, вышла замуж за помещика Степана Микульского и переехала вместе с младшей дочерью Павлиной в поместье Старый Здетов Пружанского уезда. Старшая дочь Анна вышла замуж за предводителя волковысской уездной шляхты Доминика Аскерко.

Михаил получил хорошее образование, сначала в Варшаве, а с 1822 по 1825 гг. учился в Виленском университете, где курс истории читал будущий идейный

руководитель польских демократов Иоахим (Ефим) Лелевель, который сильно повлиял на него, а потом стал его другом. Ноябрьское восстание 1830 г. застало Михаила Валовича в Поречье, в родительском доме.

Надо отметить, что 1830 г. был напряженным в политической жизни Европы. Июньские выступления французского народа свергли династию Бурбонов. Вскоре добилась независимости Бельгия. Николай I стал готовить армию Королевства Польского к поддержке западноевропейских монархов. Поводом для восстания в Варшаве послужило объявление России от 18 ноября о мобилизации в Королевстве Польском в армию, которая должна была отправиться в Западную Европу для подавления революционного движения. Кроме того, российская полиция раскрыла Петра Высоцкого и других лиц, которые еще в декабре 1828 г. создали в варшавской школе подхоружих тайное повстанческое общество, готовившее убийство наместника царя Константина Павловича и вооруженное восстание.

Восстание началось неожиданно: 14 заговорщиков Высоцкого ночью 29 ноября перелезли через ворота дворца Бельведер и ворвались в комнаты наместника Константина, чтобы арестовать его или убить. Но князю чудом удалось бежать. К повстанцам присоединился 4-й пехотный полк, с помощью которого был захвачен арсенал: повстанцы получили оружие. 18 декабря 1830 г. Польский Сейм объявил восстание всенародным с целью восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. Российские войска ушли из Польши за Неман. 25 января 1831 г. (в годовщину восстания декабристов в Петербурге) Польский Сейм объявил Николая I и династию Романовых низложенными с польского престола.

Не отсиживались и в Великом Княжестве Литовском, или Литве, как тогда называли совместное государство беларусов и летувисов. В ее столице, Вильне, возник Центральный повстанческий комитет. В него вошли: виленский уездный предводитель шляхты С. Шумский, поэт А. Горецкий, профессор В. Петкевич, Л. Замбрицкий, Э. Ромер, Ю. Грабницкий, Л. Рогальский, потом присоединился молодой профессор университета поэт Винсент Поль. Комитет наладил связь с Варшавой и с уездами, а каждый уезд имел своего представителя в Вильне.

Первоначально Центральный комитет решил начать общее восстание 10 декабря 1830 г. Повстанческий комитет Слонимского уезда выделил своим представителем и направил за политическими директивами в Вильню Михаила Валовича. Но Литва была не готова к восстанию. Не хватало оружия, денег и организованности.

Потому Центральный повстанческий комитет решил направить в Варшаву своих посланцев с предложением согласовать дату начала восстания и с просьбой помочь Литве оружием. Такими посланцами были избраны Михаил Валович и Леон Пржеславский, уроженец фольварка Львовщина Слонимского уезда.

Перед Колядами пять человек выехали на лошадях из Вильни и тайно пробирались к Варшаве через царские заслоны. Недалеко от Мерочи, на берегу Немана, который патрулировали царские войска, гонцы наткнулись на российский заслон, который их окружил. Не имея выхода, Валович и его друзья бросились с лошадьми в студеную реку и так избежали плена. Добрались до Варшавы, где появились у генерала Юзефа Хлопицкого, тогдашнего диктатора Польши, с предложением оказать литвинам военную поддержку или помочь оружием. «Не

имею для вас ни гарнца пороха, ни карабинов, ни даже кремней для ружей. Мне не голь и ополченцы нужны, а регулярные войска», — был ответ диктатора, который не поддерживал идею распространения восстания на беларуские земли.

Возвращаться в Вильню с пустыми руками не имело смысла. А в это время собранная на границе 125-тысячная российская армия под командованием генерал-фельдмаршала Иоганна Дибича (сына прусского офицера) двинулась против Польши, армия которой насчитывала 55 тысяч солдат. Валович вступил в только что созданную Литовско-Русскую лигу и в феврале с полком улан участвовал в Гроховском сражении, за что получил свою первую воинскую награду.

Диктатор Хлопицкий подал в отставку. А в Литве тем временем стало разворачиваться восстание. Новое Национальное правительство Польши решило помочь Литве оружием, которое контрабандным путем предполагали привезти на английском корабле в Палангу. Организовать встречу корабля в Паланге и разгрузку оружия доверили группе эмиссаров, в которую вошли Валович и Пржеславский.

4 марта 1831 г. Валович с друзьями оставил Варшаву и направился в Палангу. Беспрепятственно прошли они через леса Августовского края и вышли на Неман, который стал границей между Польшей и Россией и усердно охранялся российскими войсками. Несколько попыток перебраться через реку не имели успеха, пока ночью не помог им сделать это небольшой местный партизанский отряд под командованием Мадлинского. Но же надо такому случиться, что уже днем отряд Мадлинского выследили российские войска и захватили в плен. На допросе стало известно о переправе литвинских эмиссаров. В погоню бросились два отряда казаков и драгунов. Но ни многодневная погоня, ни обещание тысячерублевой награды местному населению за выдачу патриотов результатов не дали. Валович с друзьями добрался до Паланги. Но здесь его постигло отчаяние: Палангу еще 8 марта заняли российские войска.

Тогда эмиссары связались с Яцевичем, командиром партизанского отряда Тельшевского уезда, и решили захватить Палангу. Сначала они 10 мая разбили российский отряд под Дарбианами, а 13 мая начали штурм Паланги. Бой был упорным. Отряд Каминского, в составе которого сражались Валович и Пржеславский, пробился к центру города, и победа, казалось, была в их руках. Но неожиданный подход крупных российских сил генерала Паглена не позволил овладеть Палангой. Пришлось отступать на Ретов, а когда и эта дорога была перерезана, двинули на Таурагу, где отряд окончательно разбили.

Надо было срочно уведомить Национальное правительство в Варшаве о невозможности доставки оружия через Палангу. Выбор опять пал на Валовича, которому перед этим присвоили чин ротмистра (капитана) литовской кавалерии и которого наградили почетным воинским крестом. На дороге к Варшаве он встретил под Райгородом 12-тысячный польский корпус генерала Антония Гелгуда, который 25 мая разбил российский корпус генерала Сакена и триумфальным маршем шел через Жмудь на помощь литвинам. Но потом, вместо быстрого марша на Вильню, замедлил движение, что привело позже к крупному поражению. Валович стал адъютантом у генерала Шимановского, выступившего ини-

циатором объединения повстанческих сил и регулярной армии под единым командованием. Но генерал Гелгуд не поддержал эту инициативу. Он тратил дорогое время на парады, праздники и попойки вместо похода на Вильню.

Понимая важность захвата бывшей столицы ВКЛ, польское правительство еще 20 мая приказало небольшому отряду из 720 человек во главе с генералом Д. Хлаповским идти на Вильню через Беловежскую пущу и Гродненщину. Отряд укомплектовали лучшими бойцами. 520 человек из 1-го уланского полка, 100 стрелков из 1-го пехотного полка и, самое главное, 100 военных инструкторов — будущих офицеров для присоединенных дорогою местных повстанческих отрядов. В Трокском уезде к корпусу присоединилась Эмилия Плятер с 400 повстанцами.

К Вильне Хлаповский подошел 13 апреля уже с 5-тысячным отрядом и стал торопить Гелгуда к скорейшему объединению и началу штурма. Но Гелгуд продолжал медлить. Соединение произошло только 18 мая в Рыкантах. А тем временем не спало российское командование, которое срочно стягивало в Вильню значительные силы. В. Поль писал:

> «...ежедневно по улицам Вильни более подобно человеческой реке, чем ледоходу, текла грозная чернь, угрюмая и молчаливая, которая состояла из корпусов российской гвардии и азиатских орд казаков, черкесов и башкирцев... Целыми днями тянулись полки по улицам Гродской и Острабрамской. Целыми ночами стонала брусчатка Вильни под колесами артиллерии и повозками с амуницией».

Эпизод восстания 1830–31 гг.
Графиня Эмилия Плятер со своими ополченцами

Запоздалая акция по захвату Вильни кончилась поражением. На подступах к Вильне, на Панарских высотах, были убиты и ранены около 2 тысяч солдат и офицеров. Корпусу Гелгуда пришлось отступить. Валович под командованием генерала Шимановского еще принял участие в боях под Шавлями, Душвентами, Павенденями и Новым Местом. Чтобы избежать окончательного разгрома и хотя бы частично вывести армию к Варшаве, под Курдянами Гелгуд разделил корпус на три группы, командовать которыми назначил генералов Д. Хлаповского, Г. Дембиньского и Ф. Роланда, с которым был и Гелгуд. Чтобы ввести врага в обман, каждому определили свой маршрут. Но только Дембинский, продираясь через множество опасностей и внезапных стычек, смог, пройдя 120 миль по Гродненщине (Жодишки — Сморгонь — Новогрудок — Дятлово — Зельва — Порозово), дойти до Варшавы.

В Ошмянском повете к нему присоединились повстанческие отряды Матушевича и полковника Пшездецкого. В Новогрудке – повстанцы во главе с Иосифом Кашицем, которые перед подходом Дембинского напали на российский гарнизон и заставили его покинуть город. При этом заняли тюрьму и, оставив там уголовников, остальным предложили присоединиться к повстанцам. Российский генерал Станкевич, узнав в Слониме о захвате Новогрудка, спешно выступил с 8-тысячным корпусом против повстанцев, однако, встретившись с корпусом Дембинского, не принимая боя, отступил назад в Слоним. Слонимские повстанцы во главе с Титусом Пусловским и Антоном Бронским тоже присоединились к корпусу Дембинского.

Группировки Хлаповского, Роланда с Гелгудом, уклоняясь от стычек с российскими войсками, направились к Варшаве вдоль прусской границы, но, прижатые российскими войсками, перешли 15 июля в Пруссию, сложили оружие, были интернированы и помещены в лагерь. Здесь оказался и Валович. Среди солдат и офицеров было такое возмущение бестолковым командованием Гелгуда, что при переходе прусской границы капитан Скульский застрелил его.

Валович с четырьмя друзьями тайно оставил лагерь и, купив крестьянскую одежду, решил вернуться в Польшу. Но их схватили прусские солдаты. Суд своим постановлением заключил их в Тильзите, потом повстанцев перевели в Пиллау, где они оказались вместе с ворами и убийцами.

Через некоторое время их выпустили из тюрьмы и отправили во Францию. В Париже Валович встретился со своим отцом. Тот с корпусом Дембиньского вернулся сначала в Варшаву, а затем тоже перешел в Пруссию и отсюда выехал во Францию. Здесь в эмиграции уже находились более 250 бывших повстанцев из одной только Гродненской губернии.

За заслуги в восстании Валович, как и Пржеславский, 4 октября 1831 правительством Польши в эмиграции был награжден золотым кавалерским Крестом.

А тем временем, когда отец и сын Валовичи находились во Франции, 19 октября 1831 г. вышел указ Николая I, которым приказывалось виленскому и гродненскому военному губернатору князю Долгорукову организовать военный суд над повстанцами и исполнять смертные приговоры в тех местах, «где ими злодеяния их учинены». С 8 ноября 1831 до 11 декабря 1834 гг. в Гродно заседала губернская следственная комиссия «для определения степени вины мятежников, секвестра и конфискации их имений». У шляхты, помещиков и монастырей конфисковали 49 имений: в Гродненском уезде – 3, Волковысском – 5, Лидском – 10, Новогрудском – 12, Слонимском – 19.

Гродненская губернская комиссия 19 октября 1832 г. отца и сына Валовичей отнесла к преступникам 2-й категории, а их имение Поречье с 220 душами конфисковала в пользу государства. Забрали господский дом и дом эконома, винокурню, коровник, корчмы, приходскую униатскую церковь с домом священника, а также другие строения. Забрали 145 книг на польском, 9 на немецком и 9 на французском языках, которые вывезли в Петербургскую публичную библиотеку. Из животных конфисковали только 3 коровы и 6 телят, ибо, как сказано в деле о секвестре имения, 50 голов рогатого скота без присмотра до этого сдохли.

В Париже Валович принимал деятельное участие в эмигрантской жизни. Был другом и сторонником идей И. Лелевеля. Он активно участвовал в деятельности Общества литовских и русских земель под руководством Цезаря Плятера. Принадлежал к той группе пламенных патриотов, которые желали начать борьбу за построение общества на новой, более демократической основе. Анализируя причины недостаточного участия людей в ноябрьском восстании, Валович главной причиной считал отсутствие общих интересов у большинства рядовых повстанцев. Он входил в ту группировку молодых эмигрантов, которая придерживалась взглядов Т. Кремповецкого, который заявил:

> «О последнем восстании утверждаю, что оно было подхвачено только шляхтой, которая хотела свергнуть власть Николая, чтобы иметь возможность еще бесконтрольнее и сильнее угнетать крестьян, применяя для этого царский деспотизм».

Восстановление независимой демократической Литвы, связанной федеративными отношениями с Польшей, утверждал Кремповецкий, надо начинать с отмены крепостничества и наделения крестьян землей, с пробуждения национального сознания крестьян. Средством достижения демократического и справедливого общества Кремповецкий видел революцию общеевропейского масштаба. Патриотические эмигрантские круги сблизились с верховным руководством тайного интернационала революционеров и деятельно готовились начать в первой половине 1833 г. общее восстание угнетенных народов против европейских монархов*.

В успех общеевропейского восстания искренне поверил и Валович, особенно тогда, когда за подготовку и проведение его в Литве (Беларуси) взялся полковник Юзеф Заливский, один из организаторов ноябрьского восстания 1830 г. в Польше. Его идея сводилась к организации широкого партизанско-повстанческого движения. По планам Заливского на родину должны были выехать все патриоты-эмигранты и в своих родных местах объявить борьбу за освобождение крестьян от барщины, наделение их землей и войну российскому господству.

> ***Справка:*** Карбонарии (итальян. carbonari – угольщики) – первоначально члены тайного общества, основанного в Италии в начале XIX века и боровшегося за объединение всех итальянских земель в единое государство с республиканским строем. Члены общества вдохновлялись религиозно-мистическими идеями, отсюда структура в форме лож (вент) и романтическая символика. В частности, ритуал выжигания древесного угля символизировал духовное очищение – отсюда название. Позже аналогичные общества были созданы во Франции, в Швейцарии и на Балканах. Карбонарии участвовали во всех антимонархических революциях и восстаниях юга Европы в период 1815–1840 гг. (Ред.)

Для оперативного руководства восстанием вся территория Беларуси была разделена на округа, по два уезда в каждом. В Париже утверждали начальника округа, а тот сам подбирал заместителя и двух помощников. Михаил Валович согласился стать повстанческим начальником Слонимско-Новогрудского округа,

* Этот тайный международный союз революционно-демократических организаций – «Молодая Европа» – возглавлял итальянец Джузеппе Мадзини (1805–1872), бывший карбонарий. Главной задачей союза являлось установление республиканского строя во всех странах континента. – *Ред.*

Марцель Шиманский – Гродненского округа, Юзеф Гардинский – Белостокско-Сокольского, Адам Пишчатовский – Виленского. Была поставлена задача, чтобы к началу «всеобщего выступления угнетенных народов Европы» все руководители округов находились на местах и подготовили крестьян в нужный момент активным выступлением способствовать свержению российского царя.

В начале марта 1833 г. патриоты небольшими группами с фальшивыми паспортами отправились из Франции через Швейцарию, Баварию, Саксонию, Галицию и Пруссию в Отечество. Одни не выдержали трудностей блуждания по чужим странам и вернулись назад, других схватили на границе. Но наиболее способные к 19 марта перешли границу. Среди них был Михаил Валович со своим помощником Юзефом Яцкевичем.

Пешком, по весеннему бездорожью, минуя деревни, имея два револьвера, комплект белья и 55 рублей денег, они сначала добрались в Волковысский уезд к младшей сестре Михаила – Анне, которая была замужем за Домиником Аскерко. Д. Аскерко за участие в Патриотическом обществе был в конце 1830 г. осужден и выслан в Воронежскую губернию, откуда вернулся в прошлом году и находился под наблюдением полиции. Он, испытав страдания изгнанника, советовал Валовичу отказаться от задуманного, покинуть Отечество и вернуться за границу.

Но, видя невозможность убедить Валовича, на этом не настаивал и даже содействовал знакомству с неким Шабанским, который 10 дней прятал их в фольварке Березовец и помог Валовичу связаться с Михалом Песаковским, бывшим крепостным отца Валовича, которому 13 лет назад была дарована воля. Потом Песаковский работал экономом у Валовичей. Теперь он жил в фольварке Яловики, что находился в трех верстах от Поречья.

Вначале вся деятельность остановилась из-за болезни Воловича. Блуждая в лесах холодной весною, он сильно простудился. В полуобморочном состоянии верхом на коне он добрался до Шабанского, который привез из Волковыска известного доктора, сочувствующего повстанцам, Исидора Нагумовича. Патриотические намерения Валовича потрясли как Шабанского, так и Нагумовича. Они, как могли, лечили Валовича, но помогать ему развертывать партизанское движение побоялись.

Песаковский же без колебаний присоединился к Валовичу и взял на себя обязанности по обеспечению будущего отряда питанием, одеждой, а также налаживанием связей с местными крестьянами. Это он привел в отдел поречского лесника Леона Панасюка, которому Валович гарантировал после победы восстания волю и бесплатный земельный надел. Леон Панасюк привел еще двух поречских парней, братьев Яна и Василия Панасюков, последний скрывался от рекрутского набора. Потом к Валовичу присоединился Томаш Василицкий, бывший участник восстания 1830 г., который после его поражения вернулся из Пруссии домой и был портным в Шундрах. Пришел в отряд парень из Задворья – Николай Ферадко.

Большую надежду на помощь Валович возлагал на своего однофамильца Яна Валовича, бывшего капитана французских и польских войск, который ранее слу-

жил экономом поместья у отца Валовича, а теперь жил в своем небольшом имении Киев, в 17 верстах от Слонима. Но надежда его не сбылась: Ян Валович, напуганный муравьевскими угрозами жестоко расправляться с пособниками повстанцев, ему в помощи отказал. М. Валович все же уговорил двух его крестьян, Александра Лапко и Стефана Сидоркевича, присоединиться к нему. Так отряд вырос до 11 человек.

Появилась нужда в установлении связей с руководителями повстанцев в смежных округах и особенно с центральным руководством в Вильне. Этим поручили заняться Яцкевичу, который был ознакомлен с тайными паролями, на которые отзывались подпольщики. Но поручение он не смог выполнить. Через два дня, когда ехал в Вильню через Вороново, его заподозрил трактирщик Хаим Янкелевич и выдал российским властям, о чем, естественно, Валович не знал.

Не дождавшись сообщений от Яцкевича и сигнала из центра о начале восстания, Валович решил действовать самостоятельно. Фольварк Яловики, где расположился в смоловарне Валович, находился недалеко от почтового тракта Брест – Слоним – Вильня, по которому в специальных бричках периодически перевозили казенные деньги. Решили напасть на такую бричку, забрать деньги, купить на них нужное оружие и хорошо вооруженным отрядом напасть на слонимскую тюрьму и освободить заключенных там повстанцев, чтобы значительно пополнить отряд. А тогда вместе с пограничными отрядами развернуть широкое крестьянское восстание против российских властей за отмену крепостного права и за наделение крестьян собственной землей. Две первые засады на почту делали далеко от Яловиков, возле Новин. Там просидели несколько дней, но высланный Валовичем дозор вовремя не предупредил о появлении почтовой брички, и она беспрепятственно оба раза проехала к Вильне.

Как происходило третье нападение на почтовую бричку за Шундрами, в 15 верстах от Слонима, видно из донесения гродненскому губернатору М. Муравьеву. Дело было так: 26 апреля (здесь и далее даты приведены по старому стилю) извозчику Петру Федоровичу Мелешко, греко-униату, крестьянину Слонимской экономии деревни Костенёво, приказано было запрячь лошадей и ехать с почтальоном Гарнышом по Виленскому тракту к станции Задворье, которая находится на 22-й версте от Слонима. Взяли пассажиром неизвестного еврея и дорогою, на 11-й версте, в деревне Шундры остановились возле трактира, куда зашли почтальон Гарныш и этот еврей, а Мелешко остался при лошадях. Здесь поднесли ему рюмку водки. Когда отъехали от трактира 4 версты, из зарослей с левой стороны дороги выскочили шесть человек в крестьянской одежде, подбежали к лошадям и закричали «Стой!». Двое преградили дорогу, а четверо других хотели ухватиться за бричку. Но Мелешко бичом сильно стеганул лошадей, те повалили заступивших, переехали их бричкой и таким образом убежали. Оружия у нападавших он не заметил, так как было темно.

Рапорт о ночном нападении шести разбойников на почту был направлен виленскому губернатору М. Долгорукову. Тот 28 апреля приказал подчиненному ему гродненскому губернатору М. Муравьеву изловить нападающих, для чего разрешил использовать солдат, расквартированных в Слониме. Проведенные местными властями две облавы вокруг «большака» от Слонима до Задворья результатов не дали. Тогда губернатор Муравьев для организации поисков направил в

Слоним урядника по особым поручениям майора Галенковского. Жителям окрестных деревень было оглашено, а владельцам поместий доведено под расписку, что если кто-то знает о нападавших на почту и не сообщит об этом местным властям, то будет жестоко наказан, а имущество конфисковано. Устраивались новые облавы, но Валович, как опытный военный, удачно маневрируя, уводил отряд от преследования. Когда стало невозможно скрываться на Слонимщине, он перебрался в новогрудские леса.

Не мог знать ротмистр литовской кавалерии Михаил Валович, что его захватом занимается гродненский гражданский губернатор на правах военного губернатора по Гродно генерал-майор и кавалер М. Муравьев. Кто же такой Михаил Муравьев?

Он был старше Валовича на 10 лет. Закончил Московский университет. Участвовал в войне с Наполеоном. Активный участник первых тайных декабристских организаций, один из основателей и авторов устава «Союза благоденствия». После поражения восстания декабристов в 1825 г. был арестован и почти полгода просидел в Петропавловской крепости, рассказал охранке все, что ее интересовало, и таким образом выбрался из тюрьмы. Выйдя из тюрьмы, М.Н. Муравьев благодаря протекции генерал-фельдмаршала И. Дибича поступил на государственную службу. В 1827 г. его назначили витебским вице-губернатором, в 1828 г. могилёвским гражданским губернатором, а с 1831 по 1835 год он был гродненским гражданским губернатором.

Муравьев считался очень энергичным и способным администратором, но интеллектуально и духовно был весьма ограниченным человеком. Стараясь замолить перед царем свои грехи юношеского вольнодумства, он всячески выслуживался, чтобы доказать свою «верноподданность». Так старался, что стал самой мрачной и омерзительной фигурой того времени. Вот как характеризовал его А.И. Герцен:

> «Заговорщик, который вышел из тюрьмы с повышением в чине; генерал, который не бывал в боях; раболепный наглец; разоблаченный казнокрад – искоренитель злоупотреблений; палач; инквизитор».

В истории Беларуси период его правления назван «муравьёвщиной». «Муравьевщина» — это порождение имперской идеологии российского самодержавия, целью которого был захват чужих земель под флагом защиты интересов империи, русской нации и православия. Одной из стратегически важных задач этой политики являлась всесторонняя русификация подчиненных народов. Муравьев и его пособники стремились превратить бывшее Великое Княжество Литовское (Беларусь) в образцово-показательный уголок Российской империи с российским составом администрации, российской школой и безусловным господством православия. Все, что препятствовало или сопротивлялось его замыслам, безжалостно уничтожалось. Он говорил о себе, что не из тех Муравьевых, кого вешают, а из тех, кто вешает. Таким он и был, за что получил прозвище Муравьева-вешателя.

Когда многодневные облавы в слонимских лесах, в которых по сообщению майора Галенковского участвовало до 1500 крестьян и военнослужащих, результатов не дали, Муравьев понял, что имеет дело с хитрым и предусмотрительным

противником. Он приказал начать облавы во всех лесах, ближайших к Слонимскому уезду. Вот что рапортовал Муравьеву гродненский земский исправник:

«Во исполнение словесного приказания Вашего Превосходительства делал по Гродненскому уезду облаву, со всего округа было людей по 150 человек пешими и 200 на лошадях, все окружные и квартированные полицейской управы начальники на облаве были, которая по Индурскому участку началась 6 числа сего мая утром от границы Белостокской области при имении Августовке от лесов деревни левым крылом вверх по реке Неману под надзором Заседателя Жиязовского с квартальным начальником. И в то же время начинали с противоположной стороны от границы Волковысского уезда при М. Лунне, держась реки Немана, правым крылом направляя стремление обеими линиями к устью реки Свислочи в Неман, под надзором окружного начальника поручика Чеховского, все лесистые места пешими людьми по мере обширности либо окружив, либо цепью проходивши были, а на лошадях люди расставшие были промежду лесов на открытых местах для обсервации, обе линии того числа сошлись с собою на средине поля при урочище Глушица».

Разоблачению и поимке Михаила Валовича весьма поспособствовал Ян Валович. Вот как об этом событии 2 мая 1833 г. докладывал Муравьеву майор Галенковский:

«..явился ко мне сего числа пополудни в два часа жительствующий в имении Киев противоположной стороне от тракта Виленского расстояние от Слонима в 17 верстах, помещик Волович отставной бывших польских войск капитан, объявив, что вчерашнего числа в 10 часов вечера прибыл к нему в дом мятежник Михаил Волович, сын бывшего помещика селения Поречье, который еще с начала мятежа вместе с отцом своим ушел с имения и находился с мятежниками и ныне внезапно появился в доме помянутого капитана Воловича с тремя или четырьмя вооруженными людьми, и требовал настоятельно от помещика капитана Воловича людей, которые присоединились бы к его мятежной шайке».

Кроме того, капитан Волович донес:

«...Михайло Волович по прибытию к нему сказал, что он не один прибыл в пределы сии и Польши, но более сорока людей подобных ему, в том числе будто бы несколько русских офицеров, они имеют в намерении произвести волнения в умах, объявить вольность крестьянам и так составят возмущение общее».

Это сообщение обеспокоило Муравьева, поэтому он решил устроить массовые облавы и поймать повстанцев, пока они не распространили влияние на местных крестьян привлекательной идеей объявить им вольность. Муравьев помнил, какой повстанческий пожар может раздуть небольшая группа организованных и одержимых идеей людей. Ноябрьское восстание 1830 г. начала именно небольшая группа патриотов. А как раздулось. И ему, тогда генерал-полицмейстеру при главнокомандующем резервной армией, пришлось долго и жестоко с помощью целой гусарской дивизии наводить «надлежащий порядок» в Дисенском и Лепельском уездах.

А тем временем у Михаила Валовича появилась реальная возможность пополнить свой отряд. 10 мая в трех верстах от почтовой станции Дедов Слонимского уезда 28 пленных повстанцев, которых перегоняли в другую тюрьму, разоружили

конвойных солдат и бежали с оружием в лес. Чтобы не произошло соединения беглецов с отрядом Валовича, в облавы бросили большие силы. Только в Гродненской губернии в розысках приняли участие свыше 10 тысяч солдат, полицейских и крестьян, в том числе в Слонимском уезде 1500 человек, Новогрудском – 3000, Лидском – 2000, Волковысском – 2500 и Гродненском – 1500 человек. Кроме того, облавы производились в Минской губернии и на Белосточчине.

Волович бросался из одного места в другое, но круг сжимался. 17 мая обнаружили Леона Панасюка, сильно больного, который не мог идти и спрятался в копне сена. О дальнейших поисках докладывал Муравьеву руководитель облав майор Галенковский:

«По данным Панасюка усилили большую часть облавы из собранных вновь крестьян, распространили наши действия к обыску по всем подозреваемым пунктам Слонимского уезда, обратив внимание на самые густые леса и болотные места, и продолжали облаву беспрерывно 5 или 6 дней, не упуская из виду и наблюдения через секретных агентов, разосланных нами во все дома, связующие родство и дружбу Воловичей. По продолжению сих обысков захвачен другой из шайки Воловича, с весьма противоположной стороны от обысков наших к границе Новогрудского уезда, с чего взяли, что Волович взял направление к селению Люшняны на другой пунт Новогрудского уезда. Обошли все леса усилием мужиков до 3 тысяч человек, заняли леса Новогрудского уезда и прилегающие к Слонимскому.

Михаил Валович (слева) и Леон Працлавский

При сем командировал заседателя Вольфа от Лидского уезда с другой облавой до 2 тысяч человек крестьян и приказал ему обыскать все подозрительные места и леса и в продолжение того захватил порознь в разных местах 3 человек из шайки Воловича, из показания коих (как впоследствии открыто), что не верно объясняли место укрывательства предателя Воловича, но с нашей стороны приняты меры, чтобы не выпустить его из Слонимского уезда, где последний был захвачен. Волович часто прятался под мостами, близ строений, на которые действительно никто не мог обратить подозрение. Перерезав путь подпитки продовольствием, Волович обратно направил свой путь с оставшимися 3 человеками к лесам Шундровским вблизи Поречья».

А вот рапорт майора Галенковского Муравьеву о поимке Воловича:

«Вашему Превосходительству почтеннейше донести честь имею, что преследуемый нами государственный преступник Михал Воллович, из нас земским исправником Курбацким сего числа пополудни во 2-м часу пойман в лесах Слонимских и взят с

имевшимся в руках двуствольным ружьём, таковым же пистолетом, заряженными пулями, и кинжалом; при сем случае преступник Воллович кинжалом ранил двух человек, и в то же время сперва из пистолета, а потом кинжалом хотел лишить себя жизни, но действиями исправника к тому не допущен. С ним, Волловичем, взяты также три крестьянина с ружьями заряженными пулями и последний товарищ его, крестьянин Елизар, отыскан в воде утопившимся, итак вся шайка Волловича совершенно истреблена... При допрашивании нами об открытии соучастников его в предательстве, Воллович совершенно не сознается и никого не открывает».

Назавтра майор Галенковский привёз Валовича в Гродно.

Первый допрос в Гродно делали в присутствии Муравьева, прокурора Санковского и подполковника корпуса жандармов Попова.

Так встретились палач и его жертва. Они присматривались друг к другу. Муравьев из рапортов Галенковского уже знал, что Валовичу всего 26 лет, роста среднего, вершков шести, волосы темно-русые волнистые, глаза темно-голубые, голос тихий. Хотя он выглядел измученным, на лице были следы побоев, но держался он вполне пристойно и уверенно.

Внешний вид Муравьева был непривлекальный. Ничего приятного не было в его калмыцком лице с задранным носом и толстыми губами. Бросались в глаза большие скулы на лице с обвислыми щеками около ушей, которые свисали над воротом его генеральского мундира. А из-под нахмуренных густых бровей внимательно смотрели бегающие глаза.

Эти два человека были награждены орденами своих правительств в 1831 г.: Валович получил рыцарский Крест за борьбу по освобождению Отечества от российских захватчиков и за освобождение крестьян от барщины и наделение их землей, Муравьев – за подавление этого восстания, за «умиротворение и обрусение» Беларуси, за приверженность к крепостного праву. Тогда не могло прийти в голову Муравьеву, что мечта Воловича об уничтожении барщины и наделении крестьян землей через пару десятилетий придет в голову царю Александру II. И он обратится именно к литовской шляхте с предложением выступить инициаторами упразднения крепостничества в России, так как царь считал, что литовская шляхта наиболее подготовлена к такому мероприятию. Предложение была принято, и в 1861 г., в бытность Муравьева членом главного комитета по крестьянским делам, крепостное право было отменено.

Муравьев ждал от допроса Валовича сенсационных сведений, которые пролили бы свет на всю организацию партизанского движения в Литве. Однако его постигло разочарование. Усилия принудить Валовича назвать фамилии соратников и пособников результатов не дали. Сколько раз, прижатый доказательствами о контактах с патриотами, он заявлял, что об этом говорить не будет, а потому советовал, чтобы не пытались принуждать его к тому. Военные судьи отметили:

«Воллович нарочно не признает вины, чтобы скрыть правду, избежать заслуженного наказания, скрыть соратников своих от суровой согласно соответствующим мерам кары, и таким образом помочь другим, подобным ему, совершить свои гнусные намерения».

Не сбылось его опасение, которым он поделился с другом детства Игнатом Домейко, перед отправлением из Франции на Родину:

> «...Если меня поймают, когда будут пытать, с ужасом думаю, что враг сможет при моей слабости или при болезненном вытягивании из меня жил вытащить и которое-нибудь неосторожное слово либо клевету на друзей».

Этого не произошло. Судя по записанным показаниям его допросов, видится фигура Валовича, которая очаровывает необычной твердостью духа.

Большинство крестьян признались, что пошли добровольно в отряд Валовича. «Обработанные» соответствующим образом, или поверив посулам следователей, что за чистосердечные признания будут помилованы, они рассказали почти все, что знали, отягощая этим свое и Валовича положение.

Сообщения о заключении Валовича и протоколы допросов срочно передавались Муравьевым в Вильню в канцелярию губернатора Долгорукова, а оттуда царю. Царь был очень доволен решительными действиями Муравьева, о чем известно из письма от 23 мая губернатора Долгорукова к Муравьеву:

> «Содержание рапорта ко мне Вашего Превосходительства от 17 сего мая, я имел счастье лично всеподданнейше докладывать Государю Императору в Динабурге.
>
> Его Императорское Величество, удостоив обратить благосклонное внимание свое на быстроту и успешность принятых Вами, Милостивый Государь, мер к открытию и изловлению преступного бродяги Волловича и шайки его, а также на примерное устройство полицейских управлений, Высочайше повелел мне: Объявить за сие Вашему Превосходительству и местным чиновникам, отличившимся точным, усердным и деятельным исполнением возложенных на них обязанностей, Всемилостивейшую признательность... Разбойника Михайла Волловича и сообщников его как находившихся в составленной ими шайке и по поимке содержащихся ныне под стражею, так и тех, помещиков или другого звания лиц, как давших сей шайке приют, разрешаю предать немедленно военному Суду, приговор коего с мнением Вашим подлежит представить мне на утверждение.
>
> Между тем благоволите как найскорее сообщить мне сведения: в каких иностранных землях и сколько времени находился Михайло Воллович до настоящего преступного покушения его и в особенности был кем он во Франции?»

После окончания следствия Муравьев так и сделал: отдал под военный суд Валовича и его 10 соратников: Томаша Василицкого, Александра Лапко, Яна Мартынкевича, Василия Панасюка, Леона Панасюка, Яна Панасюка, Михала Песаковского, Тодора Сайчука, Степана Сидоркевича, Николая Ферадко.

Суд длился 10 дней, и 9 июня 1833 г. был оглашен приговор.

Михаила Валовича как «предателя, бродягу, смутьяна и руководителя вооруженной банды», а также Михала Песаковского за то, что давал ему укрытие и помогал в его деле, присудили к четвертованию. Т. Василицкого, Я. Мартынкевича, Л. Панасюка, Я. Панасюка, Т. Сайчука, которые добровольно присоединились к отряду, а некоторых вдобавок и за нападение на почту решено было повесить. М. Ферадко и Б. Панасюка — к ломанию на колесе. С. Сидоркевича и А. Лапко присудили к смертной казни.

Решение суда было направлено на рассмотрение коменданта Гродно генерала Козлова. Последний согласился с приговором, но предложил заменить для Ва-

ловича четвертование на повешение и смягчить наказание крестьянам. Муравьев, рассмотрев предложения Козлова, возразил ему:

«Подсудимые по важности преступления никакого снисхождения к их участи не достойны, тем более что таковым примером необходимо остановить дальнейшее покушение подобных злодеев, прибывших в страну из-за границы. Причем полагаю необходимою мерою, чтобы казнь означенным преступникам произведена была не в одном городе Гродно, но в разных местах сей губернии, а именно: Волловича в Гродно, эконома Пейсаковского в Слониме, а прочих по усмотрению местного начальства. Дабы все жители видели определенное по силе законов наказание не только самим преступникам, но и тем, кои знали о прибытии в здешний край заграничных бродяг-мятежников, о преступных их замыслах, но не донесли, давали им приют и способствовали их укрывательству.

Употребленные во время поисков и поимки преступника Волловича и его шайки прогонные деньги, по получении отчетов от командированных чиновников, так как имение его, Волловича, еще в прошлом 1832 г. по решению Гродненской о мятежниках комиссии конфисковано в казну, взыскать с имений его сообщников, давших ему приют; Впрочем, означенное дело и мое мнение представляю на власть и благоусмотрение вышнего начальства

г. Гродно, июня 13 дня 1833 г.
Генерал-майор Муравьёв».

12 июля виленский губернатор князь М. Долгоруков приговор утвердил окончательно, но значительно изменил меру наказания по сравнению с назначенной судом. Публично четвертовать Валовича и Песаковского, то есть на глазах у людей отрубить на плахе сначала руки и ноги, а потом этим окровавленным обрубкам отрубить еще и головы, было бы слишком жутким зрелищем для набожных гродненцев. Поэтому четвертование Валовича он заменил на повешение. М. Песаковский, Л. Панасюк, Я. Панасюк, Т. Сайчук, Я. Мартынкевич, Т. Василицкий и М. Ферадко приговаривались к битью кнутами, а после наказания – к ссылке в Сибирь на каторгу. Б. Панасюка, А. Лапко и С. Сидоркевича приговорили бить розгами, прогнав по 2 – 3 раза через шеренгу из 500 человек, а после экзекуции Б. Панасюка сослать в бобруйскую крепость, а Лапко и Сидоркевича сдать в рекруты в сибирские линейные батальоны.

Михала Валовича 21 июля (2 августа по н.ст.) повесили в Гродно за Скидельской заставой, недалеко от тогдашнего порохового склада. Как это происходило, видно из рапорта виленского военного губернатора М. Долгорукова военному министру империи светлейшему князю А.И. Чернышеву:

«Я имел честь донести Вашему Сиятельству сего месяца 12 числа за № 654, что военно-судное дело о преступнике Волловиче и бывших в его шайке девяти человек рассмотрено мною со всей поспешностью и уже конфирмировано.

О приведении в исполнение таковой конфирмации я того ж числа дал предписание гродненскому гражданскому губернатору, состоящему на правах военного губернатора по городу Гродно г. генерал-майору Муравьёву.

Ныне ж в дополнение вышеуказанного моего рапорта, для подробнейшего сведения как о степени вины и злонамерениях сих преступников, равно и о мерах определенного каждому наказания, долгом считаю представить Вашему Сиятельству краткое из означенного дела извлечение, по донесениям, основанным на таковом же генерал-майора Муравьёва, что казнь Волловича совершена 21 числа сего месяца в г. Гродно

со всевозможною торжественностью, и на сем позорище были несколько тысяч разного звания народа, при всем том тишина была вполне соблюдена, и столько были все сем поражены, что при столь многочисленном стечении народа решительно все безмолвно смотрели. Сие произвело весьма сильное влияние на умы обывателей, которые наконец видят, что правительство, преследуя преступников, не стремится гнусных похвал неблагонамеренных и, действуя во всем законно, наказывает злодеев бестрепетно, не тайно, но публично, для всеобщего примера. Чтобы не могло быть тайных молений над телом преступника, оное ночью сокрыто и никем не может быть отыскано».

Да, ночью тело Валовича было тайно перенесено в заброшенный известковый карьер и зарыто так, чтобы никто его не мог отыскать, ибо на Гродненщине были уже случаи, когда тела повстанцев, расстрелянных русскими карателями, тайно ночью откапывали и хоронили на местных кладбищах или в фамильных склепах.

Перед повешением Валовича на его глазах происходила экзекуция над частью его соратников. Он просил не делать такого издевательства и не ссылать их в Сибирь. Брал всю вину на себя и заверял, что спокойно отдает свою молодую жизнь на алтарь Отечества. А в письме к матери, написанном перед смертной казнью, Валович просил, чтобы она не забыла о тюремном смотрителе и наградила его за то, что он приносил ему в тюрьму еду.

Архивные материалы свидетельствуют, что «сие позорище» с лишением жизни великого патриота беларуской земли Михаила Валовича обошлось России в 17 рублей, из которых было уплачено капитану Ренубергу 1 рубль и 5 копеек за приобретение 18 аршинов веревки, 3 рубля заплатили солдатам за возведение виселицы, палачу Павлюковскому за работу заплатили 3 рубля и рубль солдатам за закапывание в землю тела Валовича. Недорого обошлась России жизнь борца за независимость своего Отечества.

В межвоенные времена, отмечая столетие ноябрьского восстания 1830 г., то место в Гродно, между улицами Лидской, Белуша и Пороховым переулком, где происходило повешение Валовича, было названо «Плацом Валовича». На родине Валовича в поместье Поречье рядом с церковью ему поставили красивый белый мраморный памятник. Но осенью 1939 года коммунисты все это уничтожили.

Униатская церковь, которая находилась рядом с поместьем Поречье, была по приказу Муравьева разрушена. На ее месте построили каменную православную «муравьёвку», которую в советские времена превратили в колхозный склад, а потом сожгли. По земле бывшей усадьбы Валовичей проложили магистральный газопровод «Дружба». Крестьяне, проживающие в окрестных деревнях, лишенные советской властью собственной земли, за которую боролись предки, и которые имели большую любовь к ней, теперь работают на ней коллективно, живут в бедности и пьянстве.

Одновременно с делом Валовича попали под следствие те люди, которые помогали ему или знали о его возвращении и намерениях. Это помещики Волковысского уезда Доминик Аскерко и Франтишек Шабанский, обвиненные в том, что некоторое время укрывали у себя Валовича; Исидор Нагумович, лечивший

Воловича; униатский священник поречской церкви Мартин Якутович, который якобы помогал Валовичу продовольствием; Юзеф Яцкевич, помощник Валовича. Хотя судебный процесс происходил в разные дни, это была единая показательная карательно-политическая акция, которая ставила целью запугать местную шляхту и крестьян в их устремлениях бороться с царским режимом.

5 ноября 1833 г. следствие окончилось и следственная комиссия решила: Юзефа Яцкевича – за присоединение к Валовичу, возвращение на родину с «бродяжными намерениями», нападение на почту – осудить на смерть через четвертование; Аскерко и Шабанского за сознательное взятие под опеку бродяг присудить к смертной казни; доктор Нагумович – за лечение Валовича, о котором знал, кто он такой, а также за то, что, будучи проинформирован о повстанцах, которые будто бы хотели убить в Петербурге царя, о чем он распускал слухи среди своих знакомых, – заслуживает четвертования; священника Якутовича, в связи с недостаточностью доказательств его вины, освободили от наказания.

Затем дело рассматривали Козлов и Муравьев. Последний решение суда ослабил. Он предложил Яцкевича лишить шляхетства и отправить в Сибирь на каторгу, а имение конфисковать; Шабанского выслать в особый кавказский корпус; Аскерко повторно отправить в ссылку в далекую российскую губернию. Расходы, связанные с поимкой Валовича в сумме 4.193 рублей и 18 копеек, удержать с Аскерко.

7 ноября Долгоруков утвердил приговор в редакции Муравьева, за исключением наказаний, касавшихся Аскерко и Нагумовича: Аскерко решено было оставить дома, установив над ним тайное наблюдение полиции, но расходы, связанные с ловлей Валовича все же отнести за его счет; Нагумовича постановлялось выслать в Тобольскую губернию, с отсрочкой на год для продажи имения.

Что подействовало на Долгорукова, который смягчил наказание Аскерко и Нагумовичу?

Известно, что виленский губернатор Долгоруков любил бывать в польских домах на балах. На него имели значительное влияние женщины. Не один узник получил облегчение благодаря их покровительству. Жена Аскерко (сестра Валовича) была богатая и принадлежала к тому кругу, который имел влияние на губернатора. Вероятно, именно ее заступничество помогло Аскерко избавиться от далекой ссылки.

Исидор Нагумович (1800–1842) жил в Волковыске, где занимался частной врачебной практикой. Зная его благосклонность к патриотам, Ф. Шабанский пригласил Исидора поставить на ноги больного Валовича. Вот как этот поступок оценил военный суд в постановлении от 25 июля 1833 г.:

> «Доктор медицины Исидор Нагумович оказался также виновным не только в совершенном знании о всех злонамеренных замыслах преступников Волловича и Яцкевича, лечении из них первого с 20 марта до самой Пасхи, но сведущ от них же, что семь человек эмиссаров отправились в Санкт-Петербург с намерением покуситься на жизнь Государя Императора и о том никому не донесли».

Ему также припомнили то, что он в Кобрине на балу у пани Декандровой требовал от поручика Мациевского снять с себя Крест за военные заслуги, которым тот был награжден за участие в подавлении польского восстания.

И вот приговор:

> «за неблагонамеренные его поступки комиссия Военного Суда, соображая преступления сии с законами, приговорила... доктора Нагумовича... четвертовать».

Вот это «гуманизм»: за то, что врач вылечил больного, врача надо самого живьем порубить на куски.

Но за Исидора вступился старший брат Леон (1792–1853). Леон Нагумович в 20 лет стал доктором медицины. В 1813 г. был избран членом-корреспондентом Парижской академии наук. Позже его избрали почетным членом Виленской медико-хирургической академии. Заступничество брата помогло: Исидора понизили в звании до фельдшера и выслали в Вятку под полицейский надзор. Там он пробыл четыре года, потом, не без участия брата, был помилован и получил разрешение на поселение в поместье жены в Дорогичинском уезде. В начале 1839 года устроился врачом в Гродненскую городскую больницу. Но быстро переехал в местечко Друскеники, которое перед этим получило статус курорта.

•◆•

Наконец, наградили доносчиков и ищеек. Первым был награжден 1000 рублями Ян Валович; Кароль Календа, который при захвате М. Валовича был им ранен кинжалом, получил 500 рублей и медаль на ленте Святого Владимира с надписью «За усердие»; майор Галенковский получил орден Святой Анны II степени; Павел Булгак, который тоже получил ранение при захвате Воловича, был награжден 150 рублями; такую же награду в 150 рублей, получил и Хаим Янкелевич за разоблачение Яцкевича.

•◆•

Надеюсь, что на месте казни Михаила Валовича когда-нибудь снова появится памятник этому патриоту Отечества, мечтавшему освободить свою страну от власти колонизаторов, а свой крестьянский народ – от рабства.

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ: ХОД РЕФОРМЫ, ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ЗНАЧЕНИЕ

Александр Кохановский

В 2011 году исполнилось 150 лет со времени отмены крепостного права в Российской империи. Юбилейная дата стала поводом для обсуждения исторического значения этого события. На историческом факультете БГУ был проведен посвященный ей «круглый стол» ученых, а в Беларуском государственном педагогическом университете имени М. Танка состоялась республиканская научно-практическая конференция «Политические, социально-экономические и этнокультурные процессы на территории Беларуси в XIX–начале XX вв.»

Это очень важно, поскольку в последние десятилетия беларуские историки уделяли сравнительно мало внимания научному осмыслению подготовки и результатов проведения крестьянской реформы. Специальные исследования М.Б. Фридман и Н.Н. Улащика, посвященные отмене крепостного права, были опубликованы еще в 1950–1960-е годы. В последующие десятилетия крестьянская реформа становилась предметом рассмотрения лишь в небольших разделах обобщающих научных изданий и учебных пособий.

За много лет в отечественной историографии сформировалось и стало традиционным мнение о том, что аграрная реформа на территории Беларуси была непоследовательной и грабительской по отношению к крестьянам. На самом деле это далеко не так.

Подготовка отмены крепостного права

К середине XIX века в Российской империи обозначились признаки разложения крепостнической системы. Они проявлялись в разных сферах общественных отношений. Помещики, чтобы увеличить доходность своих имений, нередко уменьшали крестьянские наделы или вообще обезземеливали крепостных. Крестьяне во многих случаях не имели нормальных условий для жизни, исполнения повинностей в пользу государства и своих владельцев. В результате к концу 1850-х гг. в Российской империи активизировалось крестьянское движение. В 1858–1860 гг. на территории Беларуси произошло около 90 крестьянских выступлений. Возросло число поданных жалоб и прошений.

Специфической формой протеста крепостных накануне отмены крепостного права стало «трезвенное движение». Оно развернулось на территории Беларуси, Литвы и некоторых других губерний Российской империи. Крестьяне отказывались от исполнения дополнительной и достаточно тяжелой повинности — приобретения у своих помещиков водки. Ежегодно крестьянин обязан был выкупить определенное количество вёдер водки, даже если вообще не потреблял

Из журнала «Беларускі гістарычны часопіс», 2011, № 11, с. 10–16. Перевод и редакция А.Е. Тараса. Все ссылки на источники сняты при редактировании.

ее. На территории Беларуси в этой форме движения приняло участие около 500 тысяч человек.

В условиях обострения общественных отношений в январе 1857 г. император Александр II (1855–1881 гг.) учредил Секретный комитет для обсуждения мероприятий, связанных с подготовкой и проведением крестьянской реформы. Но впервые о своем желании отменить крепостное право Александр II заявил в марте 1856 г., во время встречи с представителями московского дворянства:

> «Тот порядок владения душами, который существует, не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, чем дождаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу».

Однако эта инициатива императора вызвала весьма сдержанную реакцию со стороны российского дворянства. Тогда Александр II решил обратиться к помещикам беларуских и литовских губерний, которые не раз выступали с проектами освобождения крестьян от крепостничества. В правительственных органах их считали более подготовленными к этому делу. В качестве повода для обсуждения будущей реформы была использована необходимость введения обязательных инвентарей и урегулирования отношений между землевладельцами и крестьянами по реформе 1844 г. что могло ограничить самоволие владельцев в отношении крепостных. В мае 1856 г. Александр II в разговоре с виленским генерал-губернатором В.И. Назимовым высказал мнение, что дворянству надо внушить ответственность за освобождение крестьянства. Тогда Назимов предложил императору организовать выступление виленского, ковенского, гродненского дворянства с инициативой отмены крепостного права.

В ходе обсуждения, инициированного генерал-губернатором, помещики беларуских и литовских губерний высказали разные мнения о пореформенном обустройстве своих хозяйств, но были почти единодушны в том, чтобы отклонить идею правительства об обязательной продаже крестьянам той или иной части обрабатываемой ими земли по фиксированным государством ценам. Они связывали это предложение с российским порядком уравнительного землепользования и считали, что он (этот порядок) не соответствует экономической ситуации в беларуских и литовских губерниях, где господствовало подворное землепользование. Местные помещики предлагали такие способы организации земельных отношений в поместьях, которые бы упрощали аренду земли и привлечение батраков в качестве вольнонаемной рабочей силы.

В ответ на адреса, направленные в сентябре 1857 г. помещиками Виленской, Гродненской, Ковенской губерний императору Александру II, где высказывалось согласие на освобождение крестьян (но без земли), 20 ноября 1857 г. был оглашен рескрипт императора на имя виленского генерал-губернатора Назимова, которым дворянам указанных губерний позволялось разрабатывать проекты отмены крепостничества. Это фактически стало началом подготовки крестьянской реформы. Для этой цели были созданы губернские дворянские комитеты. В феврале 1858 г. Секретный комитет был переименован в Главный комитет по крестьянскому делу, который продолжил подготовку к реформе. Одновременно царское правительство беспокоилось из-за возможного распространения среди крестьян слухов о предполагаемой отмене крепостничества и уклонения их от

исполнения повинностей. Местным полицейским учреждениям даже были направлены распоряжения о предупредительных мероприятиях для обеспечения общественного спокойствия.

Однако затягивание подготовки отмены крепостного права действительно вызвало волнения среди крестьян. В ноябре 1860 г. могилевский губернатор А. Беклемишев обратился с письмом в Министерство внутренних дел, где отмечал:

> «Я твердо уверен, что свобода крестьян не будет опасна, что, наоборот, опасность заключается в продолжении сегодняшнего состояния, но, с другой стороны, можно, кажется, безошибочно сказать, что не все ожидания крестьян будут осуществлены, но чем дольше действительность будет отсрочена от созданного ими идеала, тем больше понадобится со стороны местного начальства рассудительности и мер предосторожности».

Обращение императора Александра II именно к беларуским и литовским помещикам в процессе подготовки к реформе было обусловлено рядом факторов: большей втянутостью западных губерний в рыночные отношения; опасений правительства в связи с возможным объединением крестьянского движения с польским национально-освободительным движением; заинтересованностью местных помещиков в более льготных для себя условиях проведения реформы, а также их готовностью к реализации идеи отмены крепостного права. Свою роль сыграло также соседство беларуских и литовских губерний с Царством Польским и ливонскими губерниями, где крепостное право уже было отменено. В сентябре 1858 г. в Вильне местное дворянство устроило торжественный прием по поводу приезда Александра II, во время которого император высказал ему благодарность за поддержку в реализации идеи крестьянской реформы.

Зная о подготовке к отмене крепостного права, помещики Западного края, как и вообще всей Российской империи, начали обезземеливать крестьян, забирать у них лучшие пахотные земли, сенокосы. Часть крепостных они переводили в дворовых или отпускали на волю без земли. Это усилило протестные настроения крестьянства. Возрастание социальной напряженности вызвало обеспокоенность правительственных органов, заставляло их принимать меры против обезземеливания крепостных, ускорить подготовку реформы.

Реализация крестьянской реформы

19 февраля 1861 г. Александр II подписал «Манифест» и «Положения о крестьянах, которые вышли из крепостной зависимости». На беларуские губернии распространялось действие «Общего положения» и двух «Местных положений».

В «Общем положении» определялись личные и имущественные права крестьян, порядок создания сельского правления, исполнения крестьянами казенных, земских и общественных повинностей. Помещик оставался собственником всей земли, однако часть ее выделялась крестьянам для надела, который давался им в пользование. До заключения выкупной сделки крестьянин находился во временно-обязанном состоянии и должен был исполнять в пользу помещика определенные повинности. Поземельные отношения между помещиками и временно-обязанными крестьянами регулировались уставными грамо-

тами. На территории Беларуси (в нынешних границах) реформа затронула 1,8 млн частнособственнических крестьян обоего пола.

Местные положения определяли конкретный порядок землеупорядочения и исполнения крестьянами повинностей. На Витебскую и Могилёвскую губернии распространялось действие «Положения для губерний великороссийских, новороссийских и белорусских». В Виленской, Гродненской и Минской губерниях реформа осуществлялась согласно местному положению для этих губерний. Выделение их вместе с Ковенской губернией в отдельную группу было обусловлено господством здесь подворного землепользования, действием инвентарей и политическими соображениями из-за близости к Царству Польскому.

Во время подготовки законодательных документов об отмене крепостного права редакционные комиссии создали специальный проект для Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерний. Согласно ему, планировалось оставить за каждым крестьянским двором тот земельный надел, который был в его пользовании на момент реформы, а также определить максимум повинностей. Точное определение размеров надела и повинностей надо было сделать во время составления уставных грамот.

Чтение Манифеста (Освобождение крестьян).
Худ. Борис Кустодиев (1907 г.)

В беларуских уездах Витебской губернии и во всех уездах Могилёвской губернии, где существовало общинное крестьянское землепользование, размеры земельных наделов устанавливались в зависимости от качества почвы, при этом величина высшего составляла от 4 до 5,5 десятин. Крестьяне должны были получить то количество земли, которым пользовались до реформы, однако если размер надела превышал высший предел, то помещик имел право отрезать излишек земли в свою пользу. За пользование землей крестьяне должны были платить оброк или отбывать барщину (8–12 рублей в год, либо 40 мужских и 30 женских дней в год за высший надел). Если надел был меньше высшего, то повинности сокращались, но не пропорционально. В общинах сохранялась круговая порука для исправного выполнения крестьянами своих повинностей.

В Виленской, Гродненской и Минской губерниях крестьянам передавалась та земля, которой они пользовались до реформы в соответствии с инвентарями. Если у крестьянина было больше земли, чем показано в инвентаре, или если у помещика оставалось меньше пригодных земель, то последний имел право отрезать в свою пользу часть крестьянского надела. Максимальный размер повинностей был таков: оброк – 3 рубля с десятины, барщина – 23 дня в год. За исполнение повинностей крестьяне несли личную ответственность перед помещиком.

Кроме того, в этих губерниях предусматривалось создание в каждом уезде проверочных комиссий, которые бы в течение шести лет после утверждения уставных грамот разбирали споры и разногласия между крестьянами и помещиками. Аналог такого органа в великорусских губерниях не предусматривался. Однако против создания проверочных комиссий решительно выступили местные помещики.

Земля переходила в собственность крестьянина через выкупную операцию, правила которой были одинаковыми для всех губерний. Выкупная сумма определялась таким образом, что в случае помещения ее в банк при условии дохода в 6 % годовых, помещик должен был получать доход, равный по размерам годовому оброку. Все леса оставались в собственности помещиков. Крестьяне могли заготавливать дрова только с их разрешения, как правило, в определенное время и за определенную плату. Кроме выкупных платежей крестьяне должны были платить государственные налоги и сборы: подушный налог, земский подушный сбор, а с 1872 г. – еще и земский поземельный налог на местные нужды. Суммарно налоги и сборы в расчете на одну десятину превышали выкупные платежи.

Для осуществления выкупной операции государство давало крестьянам долгосрочную денежную ссуду на 49 лет. В результате крестьяне становились должниками государства и должны были платить ему долг с учетом высоких процентов – так называемые выкупные платежи.

Практическое осуществление реформы возлагалось правительством на мировых посредников, уездные мировые съезды и губернские по крестьянским делам заведения (присутствия). Мировым посредникам, которые назначались губернаторами из числа местных помещиков, подчинялось крестьянское правление нескольких волостей. Они, как показало время, большей частью честно исполняли свои обязанности, хотя в исторической литературе приводится немало примеров игнорирования ими крестьянских интересов в пользу землевладельцев.

Ознакомление крестьян с условиями отмены крепостного права производилось в церквах и костёлах, в присутствии полиции. В беларуских городах это произошло с 8 по 12 марта, в сельской местности – позже. Большой радости условия выхода из крепостничества у крестьян не вызвали, поскольку им обещали только личную свободу (и то не сразу), а свою землю они должны были выкупить у помещика. Особое неудовольствие вызывал двухгодичный переходный период, в течение которого мировым посредникам необходимо было составить в каждом поместье уставные грамоты. По этим грамотам определялись размеры крестьянских наделов и порядок их постепенного перехода в собственность крестьян.

Влияние восстания 1863–1864 гг. на реализацию реформы

После отмены крепостного права на территории беларуских и литовских губерний начался новый подъем крестьянского движения. Только в марте – апреле 1861 г. произошло 77 выступлений бывших крепостных «за настоящую волю». В 1862 г. отмечены 152 выступления, из них 78 – против введения уставных грамот. Недовольство крестьян пытались использовать те местные помещики, которые

поддерживали польское патриотическое движение. Они подстрекали сельских жителей к неподчинению властям.

Начало восстания 1863 г. вынудило правительство пойти на существенную корректировку условий отмены крепостного права на территории беларуских и литовских губерний, чтобы не допустить присоединения крестьян к повстанцам. По указу от 1 марта 1863 г. временнообязанные отношения крестьян в Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской губерниях и ливонских уездах Витебской губернии прекращались с 1 мая 1863 г. Через восемь месяцев, 2 ноября 1863 г., вышел указ, который распространил эти нормы на Могилёвскую губернию и беларуские уезды Витебской губернии с 1 января 1864 г. В соответствии с новыми документами вводился обязательный выкуп крестьянских наделов, а выкупные платежи за надел уменьшались на 20 %. Крестьяне переходили в разряд крестьян-собственников, были увеличены их земельные наделы, за ними также закреплялись сервитутные угодья, которыми они пользовались до реформы 1861 года.

В результате крестьяне Гродненской губернии получили земли на 12 % больше, чем пользовались до реформы; Виленской губернии – на 16 % больше, беларуских уездов Витебской губернии – на 17 %, Минской – на 45 %, Могилёвской – на 6,3 % больше. В отличие от внутренних губерний Российской империи в Беларуси полукрепостные отношения были ликвидированы уже в 1863 году через прекращение временнообязанного состояния крестьян. Кроме того, в соответствии с указом от 17 августа 1863 г. выделялся обязательный трехдесятинный надел крестьянам, обезземеленным в период с 1846 по 1857 гг., а указом от 18 октября 1863 г. гарантировалось полное возвращение наделов тем, кто был их лишен после 1857 г.

Принятые в 1863 г. указы об изменениях в условиях отмены крепостного права закрепили за правительственными органами инициативу в решении крестьянского дела по сравнению с руководством восстания, которое тоже обсуждало разные проекты земельного обустройства крестьян, однако не имело единства в этом вопросе. В то же время аграрные преобразования в беларуских и литовских губерниях с точки зрения размеров и условий получения крестьянами земли были менее выгодными, чем на территории Царства Польского согласно указу «Об обустройстве крестьян», изданному в феврале 1864 г. Надельные земли не позволялось продавать до времени выплаты выкупной ссуды. Тот же, кто покупал эту землю, становился членом сельской общины, а для этого требовалось согласие сельского схода.

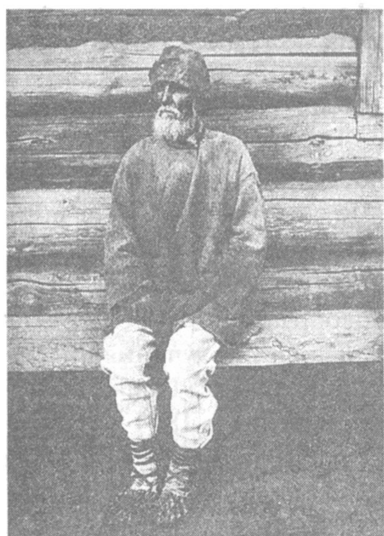
В послереформенное время земельный вопрос оставался очень острым. Отрицательно отражались на состоянии крестьянских хозяйств семейные переделы, которые приводили к их дроблению. Однако были случаи, когда крестьяне покупали помещичью землю, но поскольку она продавалась большими кусками, то нужна была сплоченность односельчан для купли в складчину. Нередкими становились случаи, когда крестьяне самовольно захватывали отдельные куски помещичьей земли, и далеко не всегда землевладельцам удавалось доказать в суде свою правоту. Особенно частой была такая ситуация, когда односельчане коллективно защищали свои приобретения.

Поземельное обустройство других категорий сельского населения

Отмена крепостной зависимости помещичьих крестьян и перевод их на обязательный выкуп определили необходимость поземельного обустройства других категорий сельского населения.

Второй по количеству категорией крестьянства после помещичьих были государственные (казенные) крестьяне. По данным ревизии 1858 г., они составляли 19,5 % крестьянства беларуских губерний. Казенные крестьяне платили государству денежный оброк, были лично свободными, по собственному желанию распоряжались своей рабочей силой. Они признавались субъектами гражданского и публичного права, но в то же время имели непрочное правовое положение, зависили от государства, потенциально могли быть подарены дворянам вместе с землями, на которых находились.

В мае 1867 г. был издан закон о реформе государственной деревни Беларуси, Литвы и Правобережной Украины. Согласно ему, землеустройство казенных крестьян производилось на той же основе, что и бывших помещичьих. Их переводили на обязательный выкуп и причисляли к крестьянам-собственникам. Этим они отличались от казенных крестьян великорусских губерний, Левобережной и Южной Украины, где надельная земля находилась только в их постоянном пользовании.

Беларуский мужик (конец XIX века)

За государственными крестьянами Беларуси сохранялась земля, которая находилась в их пользовании до реформы 1867 г. Величину земельных участков и сумму выкупных платежей определяли специально созданные люстрационные комиссии. Для составления и утверждения люстрационных актов в Виленской и Гродненской губерниях устанавливался срок 3 года, в Минской – 4, в Витебской и Могилёвской – 6 лет.

Ежегодные выкупные платежи определялись исходя из размеров увеличенного на 10 % оброчного налога государственных крестьян, вычисленного люстрационными комиссиями. При определении его величины исходили из суммы уменьшенных на 10 % выкупных платежей бывших частнособственнических крестьян из соседних поместий. Срок погашения выкупного долга составил 46 лет. Никакой ссуды от казны государственные крестьяне не получали. Выкупные платежи соответствовали местным рыночным ценам на землю и были заметно ниже, чем у бывших помещичьих крестьян. На западе и в центре Беларуси определение величины и границ наделов, размера выкупа государственных крестьян было завершено в начале 1870-х гг., в Витебской и Могилёвской губерниях – в середине 1870-х гг.

Отдельной категорией крепостных являлись удельные крестьяне. В конце 1850-х гг. они составляли в восточной части Беларуси 0,7 % деревенских жите-

лей. В связи с восстанием царское правительство вынуждено было в июне 1863 г. перевести удельных крестьян на обязательный выкуп. Выкупная сумма у них определялась аналогично как у бывших помещичьих людей, однако поскольку удельные крестьяне получили несколько большие по размерам наделы, земля стоила им дешевле.

В июле 1864 г. был опубликован указ о поземельном обустройстве свободных людей, которые были лично свободны, но были обязаны платить подушный оброк или отрабатывать за пользование землей. Они жили в Виленской, Гродненской, Витебской и Минской губерниях и составляли около 0,6 % сельского населения. Накануне отмены крепостного права многие из свободных людей были обезземелены. В эту категорию было переведено много крепостных крестьян (без земли). По указу 1864 г., свободные люди, обезземеленные помещиками после ноября 1857 г., наделялись землей с правом выкупа на тех же условиях, что и помещичьи крестьяне; те же, кто был лишен земли до 1857 г., оставлялись на 12 лет в качестве арендаторов. В 1882 г. они получили право выкупить землю или заключить новые арендные договоры.

9 июня 1886 г. был принят закон, в соответствии с которым на территории Беларуси, Правобережной Украины и Литвы была проведена оброчная реформа. Чиншевиков (оброчников) — людей, которые пользовались помещичьей землей на условиях бессрочно-наследственной аренды с фиксированной денежной платой, — переводили на обязательный выкуп. Реализация этой реформы затянулась, в начале XX века рассмотрение оброчных дел было еще далеко от завершения.

Влияние реформы на социальную трансформацию беларуской деревни

Освобождение крестьян от крепостничества и проведение аграрных преобразований, несмотря на свою ограниченность, открыли путь для капиталистической модернизации деревни. Ощутимым фактором, который повлиял на это, стало национально-освободительное движение начала 1860-х гг. Оно поспособствовало переводу помещичьих, а затем и государственных крестьян Беларуси на выкуп (в отличие от внутренних и некоторых других регионов Европейской России), что в конечном итоге создало более благоприятные условия для социально-экономической трансформации беларуской деревни. Бывшие временнообязанные крестьяне переходили в единый разряд крестьян-собственников. После реформ 1861 г. землеустройство разных категорий сельских жителей ставило целью постепенную унификацию их правового положения, ликвидацию дореформенных категорий крестьянства.

Это было очень важно, ибо пока существовало крепостное право, не произошла дефеодализация труда крестьянства, не сформировались предпосылки перехода к индустриальному труду, не могли сложиться классы буржуазного общества. После реформ этот процесс ускорился, и одним из его результатов стала пролетаризация значительных слоев населения, чей социальный статус в течение предыдущих десятилетий часто был выше, чем городских поденщиков, рабочих и всех тех, кто полностью зависел от заработной платы.

Однако социальные изменения в деревне наталкивались на тогдашние нормы поведения, мировосприятие и этику деревенских жителей. Архаические элементы народной культуры создавали прочный барьер переменам, связанным с распространением рыночных отношений. В ряде беларуских народных пословиц и поговорок подчеркивалось как великое достоинство безусловное преимущество бедности над успехом. Не очень поощрялось создание излишков в хозяйстве, не приветствовались ссуды и кредитные операции: «Лучше голодному переспать, чем с долгом проснуться», «Пазычай – ліхі абычай» (Одалживать – плохой обычай) и др.

Оптимальной линией поведения крестьянам казалась имущественная самодостаточность: «У хорошего хозяина всё есть», «Сижу на своем участке, никому ничего не плачу» и др. Существовала уверенность в том, что честное и старательное исполнение своих обязанностей приведет к благополучию: «Работай от зари до зари – будешь жить не с доли, а за мозоли», «Кто работает, с голода не умрет» и т.п.

От отношения беларуского крестьянства к предпринимательству и зарождению капиталистических отношений в большой степени зависел выбор пути модернизации, выработка способов перехода к индустриальному обществу. Скептическое отношение крестьянства Беларуси к уравнительному принципу распределения земли нередко сочеталось с негативным отношением к зажиточным односельчанам. Среди ценностей беларуской деревни большое место занимал труд земледельца, который воспринимался как источник благополучия крестьян. В связи с этим уважением пользовались те деревенские жители, которые умело и разумно вели свое хозяйство.

Главным фактором в определении социального статуса крестьянина внутри общины выступало владение им недвижимым имуществом, земельным наделом, что давало голос в деревенской «громаде» (общине). Тот крестьянин, который имел пусть даже небольшие хозяйство, достаток и уровень потребления, был более уважаемым в глазах односельчан, чем безземельный сельский житель, который мог иметь значительно больший доход и благополучие от работы по найму или на отходных промыслах. При этом крестьянин, который работал батраком, занимался отходными промыслами, нанимался на фабрику или эмигрировал в поисках заработка за границы Российской империи, часто был грамотным, имел больше шансов дать образование своим детям, что в свою очередь открывало лучшие возможности для социального успеха.

Но в середине XIX века у крестьян не было представления о возможной альтернативе своему существованию, поэтому они воспринимали свое положение как неизменное. А когда в конце XIX века расширились возможности образования и просвещения крестьян, их требования и запросы стали более разнообразными. Одним из способов изменить свое положение явилось стремление к миграции в другие регионы империи.

В последние десятилетия XIX и особенно в начале XX века крестьянство охватили процессы социальной мобильности. Это была, прежде всего, горизонтальная мобильность, однако на грани столетий участились случаи вертикальной мобильности, повышения социального статуса. Для начального этапа было характерно стремление крестьянства поднять свое положение через расширение

собственного хозяйства, увеличение земельных угодий и, соответственно, материального благополучия.

В начале же XX века процесс разложения традиционных ценностей и культуры в беларуской деревне набрал силу. Его проявлениями были:

– появление элементов городской бытовой культуры;

– заметное снижение эффективности контроля деревенского сообщества за нормами поведения односельчан, особенно молодежи;

– распространение грамотности и определенный рост качества образования среди крестьян;

– формирование социального и этнического сознания и самоидентификации крестьян;

– постепенная индивидуализация деревенской жизни одновременно с приданием ценности личным достижениям человека и его творческой инициативе.

В это же время четко проявилось осознанное стремление крестьян давать своим детям профессиональное образование, особенно по наиболее популярным и перспективным специальностям – деревенского учителя и телеграфиста. Прежнее представление крестьян о том, что «наука» – напрасное дело, которое только отвлекает работника от хозяйства и к тому же требует денег в качестве платы за обучение, уходило в небытие.

Отмена крепостного права стала очень важной вехой в развитии деревни и всего беларуского общества. Освобождение крестьян от крепостничества, проведение дальнейших аграрных преобразований, несмотря на определенную ограниченность, открыло путь для капиталистической модернизации деревни. Перевод на выкуп помещичьих, а затем и государственных крестьян Беларуси, в отличие от внутренних и некоторых других регионов Европейской России, создал более благоприятные условия для социально-экономической трансформации беларуской деревни.

Дефеодализация труда привела к появлению рынка труда, расширению миграционных процессов и экономических связей. Бывший крепостной крестьянин получил возможность постепенно включиться в общественно-культурные процессы, пойти путем самоосознания, что наложило большой отпечаток на становление современной беларуской нации. Сельский житель Беларуси во время подготовки и после отмены крепостного права стал объектом сильной борьбы между польскими национально-политическими кругами и российскими правительственными органами за влияние на его сознание и склонность к тому или другому государственно-политическому пути.

Коротко об авторе

Кохановский Александр Геннадьевич (1963 г.р.) — кандидат исторических наук, доцент. Тема кандидатской диссертации (1989 г.): «Социально-классовая структура населения Беларуси во второй половине XIX века». Заведует в БГУ кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени. С 1991 г. заместитель декана исторического факультета БГУ по научной работе. Исследует вопросы социальной и этнокультурной истории Беларуси XIX — начала XX вв.

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ (СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ) В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Андрей Киштымов

До реформ 1860–70-х гг. Беларусь была аграрным обществом с элементами торгового капитализма. Именно сельское хозяйство являлось экономической основой всего феодального периода; во-вторых, именно в нем были сосредоточены основные экономические усилия самих беларусов.

Владение землей являлось основой военной, юридической, административной и политической системы феодализма. Место человека в феодальной иерархии и обществе определял характер его отношений к земельной собственности. Иное дело — рыночная экономика. Она включает в себя все элементы производства, в том числе землю, деньги и труд. Отмена крепостного права принципиально изменила отношение к земле. Потенциальным участником земельного рынка мог теперь стать любой, а не только помещик или арендатор. Но экономическая ценность земли при этом не уменьшилась, а многократно возросла.

Цену земле наши предки знали. Причем не только крестьяне, о вековечной тяге которых к земле написано очень много. Но и те, кто владел земельными угодьями (помещичьими имениями). В отличие от великорусских губерний, здесь сохранялись и устойчиво развивались крупные и средние помещичьи хозяйства.

Беларуские имения второй половины XIX — начала XX века не замыкались сами в себе по принципу «натурального хозяйства», а множеством нитей были связаны с рынком. Понятно, что владельцы стремились не только сохранить полученную продукцию, но и переработать ее, ориентируясь на потребительский спрос. Поэтому органичной частью хозяйственного усадебного комплекса стало то, что в терминологии тех лет называлось «сельской промышленностью». С одной стороны это означало все более выраженную ориентацию на рынок, с другой — расширение производства и его специализацию. Экстенсивные методы ведения хозяйства постепенно сменялись интенсивными.

Помещики Беларуси лучше своих соседей сумели приспособиться к рыночным условиям. Именно в сфере сельскохозяйственного производства дворяне-католики взяли своеобразный экономический реванш за свое поражение в трех восстаниях против царизма.

Убедительными примерами успешного ведения предпринимательской деятельности в аграрном секторе являются хозяйство графов Хрептовичей, костяк которого составляли три имения — Бешенковичи, Вишнево и Щорсы; Высоко-Литовское имение графини Марии Ксаверьевны Потоцкой; ряд имений в Оршанском уезде помещиков Менжинских...

Своеобразный групповой портрет образцовых сельскохозяйственных производств Беларуси начала XX века содержится в Справочнике Департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ. Хозяйства в справочнике сгруппированы по губерниям, справки по каждому имению состав-

лены по единой схеме: владелец, количество земли, состояние полеводства, скотоводства, птицеводства, наличие сада, хмельника, пасеки, лесное хозяйство, технические производства. Наименьший размер беларуского имения, упомянутого в справочнике – 150 десятин (имение Судовщина Мстиславского уезда, владелец Н.М. Черневский), наибольший – 74720 десятин (имение при местечках Чечерск и Жлобин, Гомельского и Рогачевского уездов, владелец граф И.И. Чернышов-Кругликов). Всего в этом справочнике приведены данные о 144 поместьях из Беларуси.

Подавляющее большинство имений, названных в этом справочнике, являлись участниками сельскохозяйственных и универсальных выставок, как российских, так и зарубежных, причем неоднократными, и удостаивались наград. Кроме того, владельцы этих хозяйств зарекомендовали себя в качестве активных деятелей сельскохозяйственных обществ разного профиля.

После реформы 1861 г. выжили те помещики, которые сумели в полной мере воспользоваться новыми экономическими условиями. Огромные земельные владения сами по себе теперь не могли гарантировать ни устойчивого роста, ни даже стабильности доходов владельца. Только там, где на первый план выходили предпринимательские способности владельца, умноженные на умелое использование новых экономических реалий и технологических новаций, стало возможно достижение экономического успеха.

Такие имения становились образцом для других землевладельцев и содействовали общему подъему сельскохозяйственного производства: не только наращивая собственное производство, но и продавая элитные семена, породистый скот, готовя умелых работников и администрацию. Они знакомили с новой сельхозтехникой, выполняли ее ремонт, а иногда занимались и производством таковой.

Когда в 1912 году Центральное Общество сельского хозяйства в Царстве Польском обратилось в Минское Общество сельского хозяйства с просьбой указать адреса тех имений, «в которых ведется хозяйство на основах новейших достижений науки и практики, в направлении извлечения наибольшего дохода из земледельческой культуры», то, по мнению Общего собрания, этим условиям отвечали хозяйства графа Г.Э. Чапского, Л.Ф. Наркевича-Иодко, К.И. Святицкого, О.Ю. Свиды, Л.И. Регульского, Р.А. Скирмунта, Я.В. Трусколяской, Б.К. Залесского, М.В. Ястржембского, С.А., П.С. и П.Л. Ваньковичей. Часть беларуских помещичьих имений, например Высоко-Литовское имение княгини Марии Потоцкой, соответствовали лучшему мировому опыту ведения сельского хозяйства.

Все, кто работал в образцовых сельскохозяйственных производствах, от управляющего до батраков и поденщиков, по сути проходили школу овладения новыми методами хозяйствования на земле. Это было зримое проявление черт новой культуры производства, соответствующей индустриальному обществу.

А как адаптировался к новым экономическим условиям крестьянский мир Беларуси? Неужели все, что происходило после отмены крепостного права, можно свести лишь к «ограблению» крестьян, «крепостническим пережиткам», гнету и бедствиям? В беларуской историографии за общими статистическими цифрами, за рассуждениями о растущем обезземеливании крестьян давно потерялся хотя и замедленный, но несомненный прогресс крестьянского хозяйства. Между тем М.В. Довнар-Запольский отмечал:

«Жизнь деревни перерабатывается под влиянием двух условий: общего роста культуры и экономических условий».

К началу XX века такая «переработка» принесла плоды. Точную оценку состояния сельского хозяйства и общего экономического положения Беларуси дал Антон Луцкевич:

«Впрочем, несмотря на неблагоприятные условия, в крестьянском хозяйстве Северо-Западного края можно отметить некоторый прогресс, или, по крайней мере, тенденцию к прогрессу. Господствующая трехпольная система местами сменяется четырехпольной; примитивные орудия труда понемногу вытесняются более усовершенствованными; нередко встречается и искусственное удобрение. Стремление к переходу к хуторскому хозяйству в Белоруссии и соседних с ней губерниях проявляется сильнее, чем в остальной России.

(...) хорошо организованная внутренняя торговля (...) сосредоточивается не только в немногочисленных больших городах, но производится, что особенно важно, в массе мелких местечек (...) таким образом, сельское население имеет возможность на местных рынках сбывать все, что только дает сельское хозяйство, равно как и получать нужные ему продукты, что, понятно, имеет огромное значение для крестьянского хозяйства».

Под влиянием технического переворота изменилось лицо беларуской промышленности: XIX век начался как век пара, а закончился как век электричества. Появлению первых паровых двигателей и первой электростанции, Беларусь обязана инициативе отечественных предпринимателей. Первые фабрики с паровыми двигателями в местечках Хомске и Косово принадлежали слонимскому помещику и промышленнику Войцеху Пусловскому (1762–1833). В 1824 году прошли успешные испытания на Соже первого беларуского парохода, построенного англичанином-механиком Адамом Смитом по распоряжению владельца Гомельского имения графа Николая Румянцева (1754–1826).

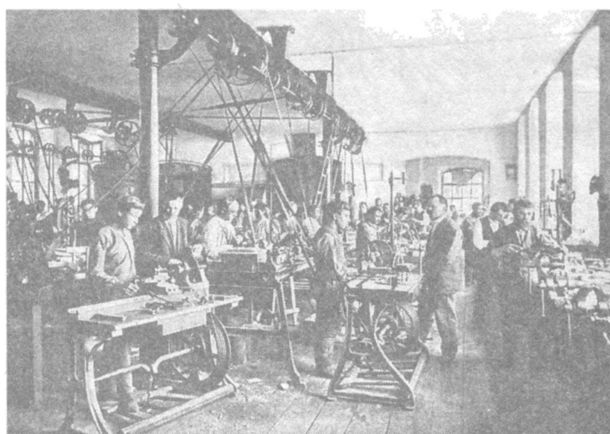
А в 1889 году дала ток электростанция в Добруше – первенец беларуской электрификации.

В отличие от частных предпринимателей, самодержавие на Беларуси в своих экономических действиях руководствовалось соображениями военно-стратегического характера (водные пути, шоссе, железные дороги, почта, телеграф). Государственные предприятия занимались обслуживанием непосредственно возникавших нужд (Брестский крепостной кирпичный завод, железнодорожные депо и мастерские, несколько шпалопропитных заводов, хлебопекарные и сухарные заводы военного ведомства), утилизацией принадлежавших казне лесов (немногочисленные казенные лесопильные и лесохимические предприятия) и крайне редко – стремлением наладить образцовое производство (Горы-Горецкий механический завод).

Наибольший размах на наших землях приобрели государственные усилия по строительству и эксплуатации путей сообщения: в первой половине XIX века – водных, начиная с 60-х годов – железных дорог. Довольно интенсивно велась прокладка шоссированных дорог, хотя сеть шоссе намного уступала железным дорогам. К началу мировой войны пять беларуских губерний имели железнодорожные линии общей протяженностью более 3800 км. По степени насыщенно-

Фабрика в Северо-Западном крае

В одном из цехов фабрики

сти железными дорогами они занимали одно из первых мест в империи. В то время из Беларуси на Запад вели 7 железнодорожных «коридоров». Сейчас в строю всего два.

И в прямом, и в переносном смысле железные дороги стали тем локомотивом, который потянул за собой беларускую экономику. Они дали ей мощный импульс развития, во многом определили ход процессов экономического развития и ее урбанизации. Среди экономических показателей деятельности железных дорог наиболее красноречив баланс грузооборота железнодорожных станций. По подсчетам автора, в 1913 году на них прибыло 191.054 пудов (3 млн 57 тыс. т) груза и отправлено 206.295 пудов (3 млн 300 тыс. т). Убедительное свидетельство самодостаточности экономики Беларуси тех лет!

С 1900 по 1913 год число предприятий промышленности выросло более чем вдвое. Рядом с фабриками и заводами продолжали свою деятельность многочисленные мануфактуры, мелкие предприятия, мастерские.

При сохранении той отраслевой структуры производства, которая сложилась на Беларуси в XIX веке, почти в каждой отрасли произошли качественные перемены. Во-первых, резко обозначилась роль относительно крупных предприятий — лидеров в своей отрасли, как старых, но значительно модернизованных, так и вновь построенных. Во-вторых, во всех отраслях шли техническая и технологическая перестройка и рост энерговооружения через внедрение паровых двигателей, двигателей внутреннего сгорания и электромоторов.

При этом темпы технического перевооружения в сельском хозяйстве превышали фабрично-заводские показатели. Так, в 1901 году в пяти беларуских губерниях насчитывался 1321 фабрично-заводской паровой котел и 165 сельскохозяйственных паровых котлов — в 8 раз меньше. К 1914 году количество фабрично-заводских котлов выросло в 1,7 раз (2267 штук), а сельскохозяйственных — в 3,3 раза (543 штуки), причем соотношение первых и вторых теперь составило четыре к одному.

Качественные изменения в экономике убедительно показывает положение в лесном деле. Так, параллельно с вывозом сырого леса возникла многоотраслевая промышленная переработка лесных ресурсов.

Потребности железных дорог обслуживали шпалопропитные заводы, крупнейшие из которых действовали на станции Лунинец (открыт в 1902 году, в 1910 году 135 рабочих, произведено продукции на 115 тыс. руб.) и в Мозыре (в 1910 году 334 рабочих, стоимость продукции 216 тыс. руб.).

Лидером бумажной промышленности оставалась Добрушская писчебумажная фабрика (в 1913 году — 10 тыс. тонн бумаги на сумму 3 млн. руб. при 1400 рабочих). Значительными размерами производства отличались бумажные фабрики в Шклове и «Скина» в Лепельском уезде. Производство обоев было сосредоточено в Минске — четыре обойные фабрики.

Сплав леса по реке

Одним из крупнейших в империи предприятий лесохимической промышленности был Выдрицкий завод сухой перегонки древесины в Оршанском уезде (в 1913 году произведено продукции на 500 тыс. руб. при 450 рабочих).

Высокотехнологичным производством было производство спичек. Спичечные фабрики работали в Пинске, Мозыре, Борисове, Ново-Борисове, Новобелице, Койданово, Вишневе, Речице, Слониме, Бобруйске. Несколько довольно крупных предприятий выпускали спичечную соломку, которая находила сбыт за пределами беларуских губерний, шла и за рубеж (продукция фабрики спичечной соломки в Крупках, Сенненского уезда, Могилевской губернии).

Изобретение фанеры привело к возникновению на рубеже XX века ряда специализированных фабрик и цехов на лесоперерабатывающих заводах Беларуси. Практически монопольное положение в империи занимала Пинская фабрика деревянных сапожных гвоздей, которая принадлежала семейству Лурье.

Кроме леса, другой традиционный беларуский товар — лен, тоже стал выступать на рынке не только в качестве сырья. С 1900 года выработку суровой и беленой льняной пряжи начала льнопрядильная фабрика «Двина» в Витебске (в 1910 году 1110 рабочих, 3 двигателя в 1750 лошадиных сил, производство 120 тыс. пудов пряжи на 1,5 млн. руб.). Другая крупная льнопрядильная фабрика была основана в 1902 году в селе Высочаны, Оршанского уезда (в 1901 г. 477 рабочих, 4 двигателя в 440 л.с., сумма производства 455 тыс. руб.)

Открытие в 1901 году ткацкой фабрики в местечке Дубровно Горецкого уезда по выработке хлопчатобумажных, шелковых и джутовых тканей (в 1910 году 488 рабочих, производство на сумму 622,6 тыс. руб.) привело к структурным изме-

нениям в текстильной промышленности: сократилась доля фабрик по производству шерстяных тканей.

К структурной перестройке в стекольной промышленности относится развертывание производства хрустального стекла и стекол для керосиновых ламп, стеклянных электроизоляторов. На заводе в Альбертине (Слонимский уезд) в 1913 году начался выпуск электролампочек.

В пищевкусовой промышленности крупнейшим предприятием являлась Гродненская табачная фабрика Шерешевского (в 1913 году 1400 рабочих, продукция на 3,5 млн. руб.).

Количество винокуренных заводов уменьшилось, но объем производства возрос за счет укрупнения предприятий и улучшения технологии. К 1914 году Минская губерния вышла на первое место в империи по производству спирта.

В целом, экономика Беларуси, и в первую очередь ее промышленность и транспорт, переживали начальный период своей индустриализации.

Экономика нуждалась в капиталах и их обороте. Банковское дело, как вершина организации денежного обращения, вводит необходимую вертикальную интеграцию в плоский мир экономических инициатив. В нем появляется четкая иерархия, ранее выраженная слабо. Положение в сфере финансов и кредита — не столько количественный, сколько качественный показатель состояния дел в экономике.

На территории беларуских губерний банковское дело представляло собой комбинацию государственных и частных, как акционерных, так и индивидуальных (в основном дисконтеры и банкирские конторы), кредитно-финансовых учреждений.

Создание кредитно-банковской системы в Российской империи началось с учреждения в 1860 году Государственного банка. Отделения Госбанка были открыты во всех губернских городах — Гродно, Вильне, Минске, Могилёве и Витебске.

Затем появились частные коммерческие банки, ипотечные банки, городские банки и другие кредитные организации. Первым, в 1864 году, был открыт Петербургский Частный банк, спустя год появился Московский Купеческий банк. За 5 лет (1864–68 гг.) было организовано 6 акционерных банков, в последующее пятилетие — еще 33 банка.

Регионы остро ощущали необходимость открытия местных банков. Так, могилёвский губернатор, на рассмотрение которого в 1871 году был представлен проект Могилёвского коммерческого банка, подчеркнул:

«При неимении в г. Могилёве кредитного учреждения, производящего ссуды, заем денег, преимущественно у местных капиталистов-евреев, чрезвычайно затруднителен и обходится весьма дорого, (...) устройство в Могилёве коммерческого банка может поэтому благоприятно повлиять на развитие в губернии торговли и сельской промышленности».

В 1870–1914 гг. в Беларуси действовали 9 банков и 48 банковских отделений, многочисленные банкирские конторы, кредитные общества, ссудо-сберегательные товарищества. Самое активное участие в создании и развитии этой сети кредитно-финансовых учреждений приняли предприниматели еврейского происхождения. В силу ряда историко-экономических особенностей, в беларуских губерниях в этом деле они играли исключительную роль.

Отметим, что попытка «русификации» частного кредита не имела успеха. Развитие кредитно-финансовых учреждений в беларуских губерниях шло как при активном участии еврейских капиталов, так и с использованием богатейшего опыта ведения денежных операций евреями-финансистами.

Первый в Беларуси акционерный коммерческий банк был открыт в Минске. Это связано со строительством железных дорог. В Могилёве железнодорожного движения не было до 1902 года, а Минск еще в 1873 году стал местом пересечения двух магистралей — Московско-Брестской и Либаво-Роменской. Именно в этом году, 10 сентября, начал работать Минский Коммерческий банк (МКБ). Он расширял свою деятельность, открывая отделения в других городах. Первоначально такие отделения существовали в Либаве, Ромнах, Конотопе и Гомеле. Самым крупным являлось Либавское отделение. Так, в 1891 году оно принесло 46 тыс. руб. чистой прибыли, в то время как все остальные в совокупности — 33,5 тыс. руб. Затем отделения МКБ открылись в Житомире, Могилёве, Белой Церкви, Черкассах, Пинске, Ворожбе, Сумах, Ровно, Прилуках, четко определив экономико-географическую сферу его деятельности — беларуско-украинские пределы «черты оседлости».

В тени финансовых магнатов действовали финансовые предприниматели рангом ниже: владельцы банкирских контор, меняльных лавок и отдельные дисконтеры — частные лица, занимавшиеся учетом векселей. К январю 1910 года по данным Министерства финансов в империи насчитывалось 287 банкирских контор и 88 меняльных лавок. По числу банкирских контор первое место занимали литовско-беларуские губернии (99 контор), затем шли привислинские (42) и южные (33) губернии. Абсолютное большинство банкирских контор принадлежало евреям.

Важную роль в экономике беларуских губерний играли небольшие кредитные учреждения, основанные на принципе коллективной ответственности своих членов — общества или товарищества взаимного кредита. В Беларуси первые такие общества появились в 1874 году — в Минске, Могилёве и Витебске. Особенно бурный рост числа кредитных товариществ в беларуских губерниях наблюдался в годы экономического подъема перед мировой войной. Этот процесс охватил не только губернские и уездные города, но также местечки и даже села.

Если банки имели дело, в основном, с крупной клиентурой, то средние и мелкие предприниматели шире пользовались услугами обществ взаимного кредита. Часто такие общества носили специализированный характер, обслуживая опре-

деленные отрасли экономики. Например, в Минске, кроме Минского кредитного общества, действовали: Купеческое общество взаимного кредита (с 1905 г.), Торгово-промышленное общество взаимного кредита (с 1911 г.), Лесопромышленное общество взаимного кредита (с 1914 г.), Городское кредитное общество (с 1896 г.), Ремесленное кредитное товарищество (с 1901 г.). Названия этих обществ ясно указывают на то, кто входил в их состав.

Нередко кредитные общества добивались высоких показателей эффективности своей работы. Так, Полоцкое общество взаимного кредита на протяжении более десяти лет (1894–1905 гг.) ежегодно выплачивало дивиденд по 15 %. А максимальный дивиденд Пинского общества взаимного кредита достиг 17 %.

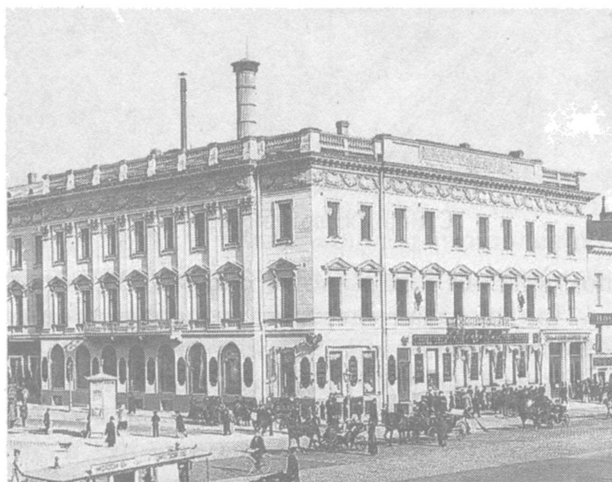

Помимо денежных потоков и финансовых структур, роль интегратора экономических усилий стала играть торговля.

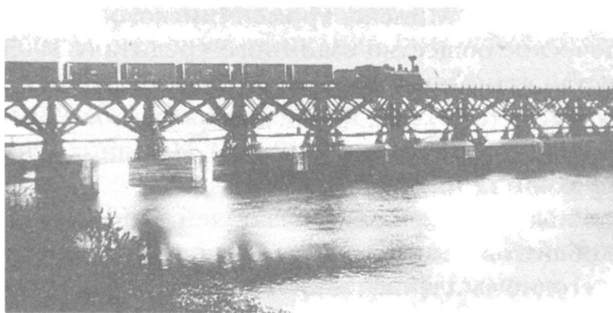
В первой половине XIX века наиболее значительными и заметными фигурами в мире товаров были купцы, занятые организацией и ведением ярмарочной торговли. Урбанизация Беларуси, заметная начиная с 1860-х гг., привела к значительному росту розничной торговли, и, соответственно, к расширению предпринимательства в этой области. Свидетельством трансформации беларуской торговли стало наличие в ней в начале XX века полного спектра известных в то время форм ее организации: бирж, ярмарок, оптовых складов, розничной торговли.

Решающее значение для развития торговли имело интенсивное строительство водных систем и каналов в конце XVIII – первой половине XIX веков и железных дорог во второй половине XIX – начале XX века. Свой вклад внесло совершенствование инфраструктуры рынка, появление телеграфа и телефона, становление коммерческой кредитно-банковской системы. Изменилось лицо потребительского рынка, что, в свою очередь, вело к изменению форм и методов тор-

Здания банков

Железнодорожные мосты

Станция железной дороги

говли, как оптовой, так и розничной.

Торговля развивалась вширь, шла за потребителем, осваивала новые территории, вовлекала в профессиональное занятие коммерцией все новых людей. Губернские отчеты фиксируют неуклонное увеличение числа документов, выдаваемых на право ведения торговой деятельности. Наиболее динамично выглядят показатели документов на право ведения мелочного и разносного торга и свидетельства приказчиков. Количественно это находило проявление в росте базарной, лавочной и магазинной торговли — того, что составляет «нижний этаж» рыночной экономики (выражение Ф. Броделя). Однако это не сопровождалось упадком и застоем в «верхнем этаже», в сфере оптовой торговли.

Новым явлением стало открытие, начиная с последней четверти XIX века, оптовых складов и представительств торговых фирм. Только в Минске в 1899 году имелось 26 складов оптовой торговли. Тогда же новой фигурой в торговом мире стал коммивояжер — разъездной агент торговой фирмы, предлагающий покупателям товары по образцам и каталогам.

Продолжала существовать и традиционная форма оптовой торговли — ярмарки. Крупные ярмарки уступали не столько конъюнктуре рынка, сколько веяниям технического прогресса: почта, телеграф и газеты с их оперативностью и доступностью значительно нарушили монополию ярмарок как места по обмену информации между участниками рынка, а такое транспортное средство, как железная дорога, в значительной мере приняло на себя объем товаров, ранее концентрировавшихся на ярмарках. Однако новые виды оптовой торговли —

биржи, торговые представительства, оптовые склады – не подменяли ярмарки, а просто надстраивали «верхний этаж» рыночной экономики.

В этом отношении лучшей иллюстрацией является анализ положения в лесном деле. Так, именно купцы основали все спичечные и мебельные фабрики в Беларуси, фанерное и паркетное производства. Более скромным было участие беларуского купечества в развитии бумажной промышленности. Оно ограничилось строительством картонно-бумажной фабрики в Шклове (1890 г.). Зато именно купцам принадлежали все обойные фабрики, производство конвертов, альбомов, конторских книг, других писчебумажных принадлежностей, большинство типографий, гильзовое производство, использовавшее бумагу. В Гродно сын харьковского купца 1-й гильдии М. Эльяшев основал карандашную фабрику. Таким образом, из состава купечества формировалась новая группа предпринимателей – промышленники.

Изменения происходили и в среде купечества, торгующего лесом. В особую группу выделились крупные лесоторговцы, ориентированные на торговые операции в больших масштабах, в том числе на экспорт. Они предпочитали иметь дело с готовым лесным товаром, осуществляли его браковку и оценку, транспортировку потребителю, организовывали рынки. Одновременно появлялись новые формы лесной торговли – лесные рынки и биржи.

В начале XX века главными местами оптовой лесной торговли стали ярмарки в Гомеле и Минске. Обороты ежегодной ярмарки в Гомеле, проводившейся 1–10 января, к 1900 году достигли 3 млн. руб. В последующие годы они снизились (1906 г. – 2,5 млн. руб., 1910 г. – около 2 млн. руб.), хотя по-прежнему оставались достаточно высокими.

Одной из причин стал «упадок лесной торговли в южном горно-промышленном районе». Другой причиной стало учреждение недельной Рождественской лесной ярмарки в Минске (27 декабря – 4 января). Ее ежегодные обороты достигали более 20 млн. руб. Среди лесных ярмарок Российской империи Минская ярмарка стояла на первом месте, среди всех ярмарок – на третьем, уступая по обороту лишь Нижнегородской (167 млн. руб.) и Ирбитской (около 25 млн. руб.).

В XIX веке на Беларуси постепенно сложилась новая социальная группа – предприниматели. Их объединяло не сословное происхождение или имущественное положение, а способность вести дело на основах рыночной экономики. Это был новый тип организаторов капиталистического производства, с глубоким знанием техники и технологии производства, готовых нести ответственность за свои решения, проводивших энергичную социальную политику на своих предприятиях, принимавших активное участие в общественно-политической жизни.

При формировании этой социальной категории наглядно проявилась нивелирующая общественная роль рыночной экономики. Например, для вхождения в эту группу не было препятствий сословного или этно-конфессионального характера. Владение капиталом и занятие предпринимательством ломало сословные рамки Российской империи. Для предпринимателей достижение экономических свобод означало и преодоление ограничений сословно-феодальной си-

стемы самодержавия на пути к политической свободе. Это отражало общемировую тенденцию: повсюду политической демократии предшествует демократия рынка. Основными источниками формирования буржуазии Беларуси были представители дворянского и купеческого сословий, в меньшей степени – выходцы из мещан и крестьянства.

В начале XX века на улицах беларуских городов появились первые автомобили

Нередко фигура предпринимателя объединяла черты представителей разных слоев буржуазии. Например, дворянин Игуменского уезда Адам Ельский с 1887 года на протяжении почти 20 лет был членом учетного комитета Минского отделения Госбанка и одновременно – агентом частного Виленского земельного банка, вместе с братом он владел имением Гольна в Гродненской губернии (600 десятин земли), ему же принадлежала четвертая часть механического и чугунолитейного завода в Варшаве, земельный участок и дом в Минске. В одном лице банкир, помещик, фабрикант и домовладелец.

Значительная часть местных предпринимателей выросла из среды проживавших на беларуских землях евреев – купцов и мещан. По переписи 1897 года в купеческом сословии пяти беларуских губерний евреи составляли 84,5 %, русские – 10,7 % и только 1,7 % беларусы. В то же время еврейская буржуазия являлась собственником более половины (51 %) фабрик и заводов.

Иностранцев среди предпринимателей было немного. Преобладали среди капиталистов-иностранцев выходцы из Германии.

Беларуская национальная буржуазия к началу XX века находилась еще в стадии становления и представляла собой наиболее слабую прослойку местной многонациональной буржуазии. Среди беларусов практически не было крупной и средней промышленной буржуазии. Беларусы встречались среди владельцев мелких предприятий, размещенных в сельской местности – мельниц, гончарных мастерских, кирпичных заводов.

При этом традиционное деление буржуазии на крупную, среднюю и мелкую носит весьма условный характер. Тот, кто по сельским или местечковым меркам считался зажиточным, в городе или на всероссийском уровне таким не был.

Элиту беларуской буржуазии представляли менеджеры – наемные управляющие капиталистическими предприятиями. Хотя термина «менеджер» в то время еще не существовало, можно уверенно говорить о значительной роли, которую играли в беларуской экономике директора фабрик и заводов, администрация казенных железных дорог, банкиры, управляющие крупными имениями. Менеджеры действовали как в государственных, так и в частных областях экономики – в промышленности, на транспорте, в аграрном секторе. Они выделялись организаторскими способностями, образованием, экономическим способом мышления.

Если в сельхозпроизводстве наемный управляющий в имении (иногда иностранец) был для Беларуси традиционной фигурой, то в области промышленности подобное стало отчетливо проявляться лишь после 1861 года. От наемного управляющего оставался один шаг до менеджера, сочетающего выполнение управленческих функций с личным участием в формировании и распределении капитала – либо в качестве акционера, либо в форме прямого получения части прибыли. В этом смысле первым классическим образцом менеджмента на беларуской земле является многолетняя деятельность директора-распорядителя Добрушской писчебумажной фабрики Антона Игнатьевича Стульгинского (1851–1915).

Предприниматели являлись ключевой фигурой в успехах беларуской экономики. Со второй половины XX века они оказывали воздействие на государственную экономическую политику не только путем собственных экономических усилий, но и через свои предпринимательские представительские организации. Наибольшим влиянием в Беларуси пользовались общества сельских хозяев (существовали во всех губерниях и ряде уездов), съезды предпринимателей (фабрикантов, судопромышленников, лесоторговцев, банкиров, коммивояжеров) и их отраслевые организации (например, Общество винокуренных заводчиков Северо-Западного края).

В развитии беларуской экономики была и обратная сторона. Однако теневые стороны капитализма на самом деле объясняются не тем, что его было «много», а тем, что «мало». Лидеры рыночной экономики как раз и демонстрировали возможно достижимый высший уровень ее развития, их роль заключалась в создании экономического прецедента и стимуляции остальных субъектов народного хозяйства.

В начале XX века Беларусь, располагаясь между крупнейшими промышленными центрами Российской империи – Петербургом, Москвой, Украиной, Царством Польским, Ригой – успешно развивала различные отрасли промышленности, сельское хозяйство, вела разработку лесных богатств, принимала участие в международных экономических отношениях.

Первая мировая война и последующие исторические события подвели черту предыдущему циклу экономического развития. Циклу, который можно назвать «первой индустриализацией» Беларуси.

Коротко об авторе

Андрей Леонидович Киштымов (1954 г.р.) — кандидат исторических наук, доцент.

С 1979 по сентябрь 2005 г. работал в Институте истории АН БССР (с 1991 — НАН Беларуси), прошёл все ступени служебной лестницы от младшего лаборанта до старшего научного сотрудника. Автор более 200 публикаций в научных изданиях Беларуси, Германии, США, Польши, России, Украины, Литвы, Эстонии. Один из авторов «Handbuch der Geschichte Weissrusslands» (Gottingen, 2001) и 4-го тома в шеститомной «Гісторыі Беларусі».

Принимал участие в Международных экспедициях «Богун — 2002», «Шелковый путь — 2003», «Янтарный путь 2004–2005», «Большой Неман — 2006».

В настоящее А.Л. Киштымов — доцент кафедры политологии и гуманитарных дисциплин Института парламентаризма и предпринимательства в Минске.

Часть II. «СОВЕТЫ»

ИДЕЯ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМИИ И БНР

Инна Герасимова

Среди вопросов истории беларуского национально-освободительного движения одним из важнейших является изучение отношений беларусов-незалежников и представителей национальных движений других народов, которые живут в Беларуси. В этой связи представляет интерес исследование темы «Евреи и беларуская национальная идея», центральное место в которой занимает малоисследованная страница в истории Беларуской Народной Республики – идея провозглашения Правительством БНР в 1921 г. еврейской национально-культурной автономии.

Историография беларуско-еврейских отношений в начале XX века только начинает складываться. Но надо отметить, что интерес к этому вопросу проявляли как евреи, так и беларусы. Еще в 1913 г. в еврейском литературном журнале «Еврейский мир» («Дас идише вельт»), который выходил в Вильне, была напечатана большая статья (в двух номерах) одного из основоположников беларуского возрождения Антона Луцкевича (А. Навины) «Наши соседи» («Унзере шхеним»). В нем изложены цели и задачи беларуского возрожденческого движения и его отношение к так называемому «еврейскому вопросу» и к делу еврейского национального освобождения.

Позже, в 1917 г. в Одессе вышла книга И. Шехтмана «Евреи и национальные движения в свободной России», в которой автор изложил историю национальных движений 11 народов, проживающих на просторах бывшей Российской империи, и попытался определить место, которое занимают среди них евреи. Характеризуя беларуское освободительное движение, одно из самых молодых среди других бывших угнетенных народов России, Шехтман отмечал, что оно еще до февральской революции «сделало значительные успехи... и непосредственно после революции с удивительной скоростью началось группирование национальных сил». На вопрос: какое же место займут евреи в беларуском движении? – автор книги отвечал, что это будет зависеть от политики беларусов в национальном вопросе:

> «При наличии единой и целенаправленной национальной политики еврейство Беларуси может обеспечить себе активное участие в строительстве края, стать одним из «краёвых элементов».

Из журнала «Спадчына», 2000, № 5-6, с. 28-45. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* Шехтман И. Евреи и национальные движения в свободной России. Одесса, 1917, с. 28-29.

В 1921 г. в ковенской русскоязычной газете «Свободная Литва» (выпуск от 10 июля) появилась небольшая статья «Белорусы и евреи», подписанная инициалами «А.В.». В ней автор охарактеризовал историю беларуско-еврейских отношений с февраля 1917 по июнь 1921 гг.

Важную роль в разработке нового для того времени понятия «национальной автономии» сыграл «Совет национальных социалистических партий России», который действовал в Петрограде до октябрьского переворота, и где вместе с беларусами, украинцами, поляками, латышами, эстонцами, грузинами, татарами, литовцами и другими работали евреи (Гутман, Рафалькес, Марголин, Давидович).

На Всероссийском демократическом совещании делегатов народов России, которое состоялось в «северной» столице 12–14 сентября, представитель еврейской национальной группы Ефройкин заявил: «Условием расцвета России является решение национального вопроса на почве территориальной и национально-персональной автономии»*. Представители других национальностей, в том числе беларусы, поддержали это положение.

Некоторые евреи, делегаты названного совещания (прежде всего М. Гутман), позже участвовали во Всебеларуском съезде в Минске в декабре 1917 г. и были избраны членами Совета и Исполнительного Комитета этого съезда, которые в ночь на 21 февраля 1918 г. были преобразованы, соответственно, в Раду и Народный Секретариат Беларуской Народной Республики.

Идея предоставления национально-культурной автономии меньшинствам, постоянно проживающим в Беларуси, официально нашла отражение в январе 1918 г. в Декларации беларуской делегации участникам советско-немецких мирных переговоров в Бресте, составленной от имени Исполнительного Комитета Рады Всебеларуского съезда. Второй пункт документа провозглашал: «Национальные меньшинства имеют в Беларуси национально-персональную автономию».

К тому времени в Исполнительный Комитет Рады уже вошли представители национальных меньшинств, среди которых были члены Объединенной еврейской социалистической рабочей партии (социал-сионисты), еврейские сионисты и активисты Еврейской социал-демократической партии «Поалей-Цион». В Первой Уставной Грамоте БНР от 21 февраля 1918 г. отмечалось, что национальные меньшинства, проживающие в Беларуси, должны использовать свое право на национальную автономию. Во Второй Уставной Грамоте БНР от 9 марта добавлялся пункт о равноправии местных языков. Необходимо подчеркнуть, что тексты этих фактически конституционных актов Беларуси печатались не только на беларуском и польском языках, но и на идиш.

Исполком Рады Всебеларуского съезда, а позже Народный Секретариат Беларуси обратили внимание региональных структур на привлечение в свои ряды представителей национальных меньшинств. В апреле 1918 г. во «Временном наказе местным Беларуским Радам» приказывалось «дополнить свой состав представителями других народностей края, согласно с их численностью в округе», для чего планировалось провести перепись жителей.

---

* Речи делегатов народов России на Всероссийском демократическом совещании 14–21 сентября 1917 г. Стенограмма.

Известные члены еврейских политических партий и организаций в Беларуси в этот период активно участвовали в работе Рады БНР и беларуского правительства. В первый состав Народного Секретариата Беларуси вошли Г. Белкин (народный секретарь финансов) и М. Гутман (товарищ, т.е. заместитель руководителя правительства). Оба – еврейские социалисты. В состав Рады БНР входили члены других еврейских партий: «Поалей-Цион», Бунда и др. (Айзенштат, Литвак, Розенгауз, Мац, Каплан, председатель Минской городской думы Вайнштейн, Марьясин, Бергер, Хургин). Это известные в еврейских политических кругах люди.

До сих пор, например, не оценен вклад в законотворчество БНР М. Гутмана. Известно, что именно в его доме и под его редакцией составлена Первая Уставная Грамота Республики. Как бывший член Центральной Украинской Рады в 1917 г., М. Гутман, несомненно, использовал свой опыт участия в структурах украинского правительства и в своей работе на должности заместителя председателя Народного Секретариата Беларуси. Отсюда становится понятным, почему первые конституционные акты БНР и универсалы УНР имеют много общего в своих положениях. Декларирование обоими правительствами соседних стран национальной автономии для евреев, наличие министерств национальных меньшинств, другие элементы в правительственной политике Украины и Беларуси свидетельствуют о непосредственной причастности к этому Гутмана.

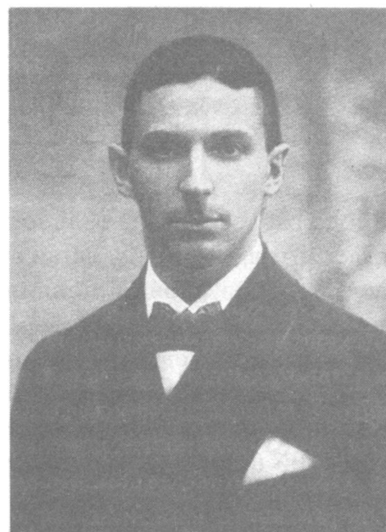
Сотрудничество еврейской местной политической элиты с правительством БНР было недолгим. В апреле 1918 г. после провозглашения независимости Беларуси и государственного разрыва с Россией евреи-социалисты оставили Совет и Правительство Республики. И только в 1920 г., когда Совет Министров БНР оказался в изгнании и вынужденно осел сначала в Берлине, а затем в Ковно, евреи возобновили свою деятельность в составе БНР.

Появление евреев в Правительстве БНР в это время не было случайным. Для Беларуси наступили тяжелые годы после Первой мировой войны и оккупации иноземцами, которые господствовали в крае. Оказавшись в эмиграции, Правительство БНР стремилось получить международное признание как единственный законный представитель Беларуси, денонсировать с помощью международного сообщества незаконные правовые акты, закрепившие раздел беларуских этнических территорий между соседями, компенсировать Беларуси материальные и гуманитарные потери во время войн и интервенций.

Для реализации этих сложных задач нужны были постоянные официальные и неофициальные отношения с различными международными общественными организациями и влиятельными частными лицами. Таких контактов члены беларуского правительства Вацлава Ластовского не имели. Для установления таких отношений деятели БНР обратились за поддержкой к бывшим выходцам из Беларуси, проживавшим за границей. Среди последних было немало евреев-эмигрантов, лидеров еврейского и сионистского движения в Европе и Северной Америке. Еврейские общественные и политические международные организации отличались сплоченностью и влиянием в мире, их поддержка беларускому освободительному движения стала бы важным политическим фактором в деле признания и легализации деятельности Правительства БНР в эмиграции.

Но была еще одна важная причина, которая могла помочь беларуским правительственным деятелям получить реальную помощь от международного еврейства. Это горестная жизнь еврейского населения в Беларуси, страдавшего от массовых этнических погромов во время польско-советской войны 1919–1921 гг. Только в 1921 г. в 177 населенных пунктах произошли погромы, жертвами которых стали 1748 еврейских семей, убитыми считались около 1700 человек, ранеными – 150, 1259 женщин были изнасилованы*. Еврейские международные организации (Агро-Джойнт, ОРТ и другие) оказывали значительную материальную и гуманитарную помощь. Некоторые надеялись, что именно Правительство БНР, став законною властью в крае, сможет остановить этнические погромы и противостоять большевистской диктатуре. Такие люди начали предлагать беларускому правительству в эмиграции свои услуги.

Одним из тех, кто имел тесные связи с сионистским международным движением и вошел в состав Правительства БНР – дипломатический представитель БНР в Копенгагене, а позже в Берлине доктор Исаак (Саша) Лурье. Уроженец Пинска, сын известного местного фабриканта, сионистского лидера, делегата нескольких сионистских конгрессов Григория Лурье, Исаак имел контакты с известными в мире сионистами, выходцами из бывшей Российской империи, Хаимом Вейцманом, Наумом Соколовым и Лео Моцкиным.

Давид Анекштайн

В начале 1920-х гг. в берлинском Беларуском пресс-бюро работал бывший минчанин, студент Давид Анекштайн, в компетенцию которого входило установление контактов между международными еврейскими организациями и БНР. В феврале 1921 г. он направил известным в мире пианистам Н. Соколову и Л. Моцкину письмо, в котором объяснял некоторые моменты программы Правительства БНР относительно еврейской проблемы в Беларуси:

> «Наше правительство [БНР] стоит на той почве, что евреи в Беларуси должны получить не только широкую национальную автономию, но равноправность еврейского языка и справедливое пропорциональное представительство евреев в Правительстве, властях центральных и местных и т.д.»

Это письмо было отправлено из Берлина 16 февраля 1921 г., а 25 марта на торжественном заседании в Ковно, посвященном 3-й годовщине провозглашения независимости Беларуси, председатель Рады БНР Пётр Кречевский приветствовал нового члена беларуского правительства министра национальных меньшинств Самуила Житловского:

---

* Погромы производили подразделения Первой конной армии С.М. Буденного, Союзной народной армии С.Н. Булак-Балаховича, а также некоторые отряды повстанческой организации «Зеленый Дуб». – *Ред.*

«Новый член кабинета С. Житловский дорог нам не только как общественный деятель, а еще как представитель еврейского народа, с которым мы, беларусы, желаем и будем работать вместе для счастья нашей родины».

В ответ в своей речи Житловский поблагодарил за честь войти в состав Правительства БНР и в частности отметил:

«Я знаю ту титаническую работу, которую проводят беларусы за свое освобождение, и я желаю принять участие в этой работе как уроженец [края] и как еврей. Евреи всегда хорошо относились к беларусам, и братское единство обоих народов в борьбе за свободу и независимость Беларуси будет содействовать скорейшему освобождению [страны]. Мы, евреи, знаем, что сила не во временном подавлении чужой свободы, а в стремлении самого народа к свободе. Нас, евреев, угнетали в старину и египтяне, и ассиро-вавилоняне, и римляне, но эти народы исчезли бесследно, а мы живем, будем жить и стремимся к свободе нашей нации и к братскому сожительству со всеми народами, вместе с которыми живем».

То, что Правительство БНР после трех лет деятельности в этот сложный период пошло на создание Министерства по национальным меньшинствам, можно объяснить несколькими причинами:

Во-первых, большинство еврейских влиятельных политиков в 1918 г. не поддержали Акт 25 Марта, который провозглашал независимость Беларуской Республики, вышли в то время из всех структур БНР. Возвращение евреев в беларуское правительство произошло в конце 1920 – начале 1921 г., когда и беларусы, и беларуские евреи, исповедовавшие демократические ценности, оказались на чужбине в эмиграции после прихода в Беларусь большевиков.

Во-вторых, именно в Литве, на территории которой в Ковно в 1921 – 1923 гг. продолжало свою деятельность Правительство БНР (Ластовского), в правительстве Литовской Республики существовали министерства беларуских и еврейских дел. Это, безусловно, повлияло на организацию Министерство национальных меньшинств при беларуском правительстве. Такая структура требовалась хотя бы потому, что евреи в Беларуси в то время составляли 14 процентов жителей.

И, в-третьих, поддержка мировой еврейской общественностью международного признания БНР была для беларуских незалежников очень важной. А залогом этой поддержки могла стать идея национальной автономии для евреев Беларуси.

В связи с назначением министра по делам национальных меньшинств в Правительстве БНР было составлено обращение к гражданам Беларуси, опубликованное в газетах под заголовком «Беларусь и Евреи», и посвященное проблеме суверенности обеих наций, беларуской и еврейской, и объединения их в единый «государственный народ». Однако в документе уже не встречается тезис об автономии, имеется только пункт о равноправии всех наций страны (см. Приложение 1).

Именно это обращение Правительства БНР стало главным ориентиром в дальнейшей деятельности министра национальных меньшинств Самуила Житловского, на которого руководство правительства возлагало значительные надежды. Это было не только потому, что он еврей и активный общественный деятель. Было важно и то, что он родной брат знаменитого ученого, писателя, пуб-

лициста, издателя Хаима Житловского, который жил в Соединенных Штатах Америки еще с конца 1880-х гг. и пользовался большим авторитетом в еврейском мире. Хотя и сам Самуил был человеком неординарным.

Родился Самуил Житловский в Витебске в 1870 г. в семье влиятельного и зажиточного купца. После окончания Смоленского реального училища поступил в Московскую консерваторию, где учился сразу на двух отделениях: скрипичном и дирижерском. Одновременно посещал в качестве вольнослушателя юридический факультет МГУ. После получения высшего музыкального образования вернулся в Витебск, где преподавал музыку в учебных заведениях города. Организовал симфонический оркестр, которым сам дирижировал, давал сольные концерты как скрипач. Работая на ниве музыкального искусства, одновременно много времени отдавал коммерции, продолжая дело отца — являлся членом разных товариществ акционеров и предпринимателей, в которых занимал важные должности.

Самуил Житловский

Где-то в 1905–1906 гг. с семьей переехал из Витебска сначала в Ригу, потом в Москву и Петербург. После октябрьского переворота 1917 г. какое-то время еще жил в Москве, добиваясь выезда за границу. Сначала перебрался в Вильню, а потом в Ковно. Кандидатура С. Житловского на пост министра национальных меньшинств, как человека всесторонне образованного и имеющего серьезные связи с влиятельными еврейскими кругами, подходила наилучшим образом. В подтверждение этого процитируем выдержку из письма Д. Анекштайна известному сионисту Л. Хазановичу:

> «Нам очень важно завоевать симпатии еврейского общества Америки. Мы имеем надежду, что когда положение это позволит послать делегацию в Америку, которая будет иметь своей целью ведение там пропаганды, то не останемся без Вашей ценной помощи».

Вступив на должность министра БНР, С. Житловский дал интервью ряду изданий, которое опубликовали все беларуские и еврейские газеты Летувы под заголовком «Беларусы и Евреи», ибо главная тема выступления — отношение евреев к беларуской национальной идее, перспективы беларуско-еврейских отношений. Основанием для такого сотрудничества стала совместная Декларация Рады и Правительства БНР от 21 марта 1921 г. С. Житловский отметил:

> «Это безоговорочное признание суверенности еврейской нации в Беларуси имеет не только большое политическое значение для беларуских еврев, но является историческим прецедентом для всего еврейского народа... Я имею основания утверждать, что евреи, которые живут в Беларуси с древности, прошли с беларуским крестьянством мученический путь притеснения и унижения от польской шляхты и царского самодержавия, придут на клич своей второй родины и приложат всю свою энергию, знания и сплоченность, чтобы вместе с беларусами строить общее свободное государственное здание».

Из этого интервью также понятно, почему в Декларации БНР от 21 марта 1921 г. не упоминается о национальной автономии для этнических меньшинств. Это связано с политическим положением Беларуси на тот период и невозможностью Правительства БНР, находившегося в изгнании, реализовать идею национальной автономии на практике. Вот как это объяснял С. Житловский:

> «Что касается интересов национальных меньшинств, то, пока родина наша, разорванная Рижским договором на две части, находится под оккупацией, не может быть речи о какой-нибудь работе в этом направлении».

Через несколько дней министр С. Житловский поехал в Берлин, Лондон и Париж для встреч с руководителями еврейских общественных организаций и партий. Он объяснял им суть политики БНР, просил помощи в борьбе за независимость Беларуси, в поддержке беларуского правительства, которое борется против оккупантов и выступает против еврейских погромов, собирал деньги в пользу своего правительства. Ему приходилось трудно, так как большинство лидеров еврейской политической элиты, главным образом сионисты, не видели необходимости в поддержке беларуского освободительного движения.

С. Житловский написал большую статью для еврейских изданий о причинах его вхождения в состав Правительства БНР, подчеркнул схожесть целей беларуского и еврейского народов в возрождении независимой свободной Беларуси:

> «Это нисколько не означает, что евреи должны ослабить свою борьбу за создание еврейского государства в Палестине. Однако еврейское государство не сможет полностью решить "еврейский вопрос"... Возможность не только равноправного, но и полноправного существования еврейского народа в Беларуси является одной из гарантий успешной реализации сионизма. В этой работе по созданию независимой Беларуси должны принять участие все евреи, которым дороги интересы еврейского народа. Участие в этой работе каждого еврея, активное или пассивное, обязательно. Если Палестина наш военный фронт, то Беларусь, Польша и Галиция – наш тыл. А фронт без тыла ничего не значит».

К своим обязанностям министра национальностей в Правительстве БНР С. Житловский относился ответственно и с искренним желанием помочь в осуществлении идеи освобождения Беларуси. В этом смысле интересно письмо Самуила своему брату Хаиму Житловскому в Америку, написанное по-русски (обычно братья переписывались на идиш), и полностью посвященное еврейско-беларуским отношениям. Самуил писал о том, что евреи получат государственный аппарат благодаря деятельности беларуской демократической интеллигенции, которая стремится строить новое государство вместе с евреями. Обязанность каждого еврея, считает С. Житловский, помогать им. Именно поэтому он ездит по миру, чтобы объяснить евреям необходимость помощи беларускому правительству. И далее:

> «Из Лондона через какое-то время я еду в Америку для создания общественной мысли, с которой в Европе теперь очень считаются, и для сбора необходимых средств. В Америке я очень сильно рассчитываю на помощь».

В этом письме автор несколько раз упоминает договор между беларусами и евреями, не объясняя подробностей. В Национальном архиве Республики Бела-

русь обнаружен проект беларуско-еврейского договора (см. Приложение 2). О нем имеются и косвенные подтверждения. В парижской русскоязычной газете «Еврейская трибуна» от 10 июня 1921 г. в статье «Права евреев в Беларуси» приведена беседа журналиста с министром БНР С. Житловским, который поведал про официальный договор, подписанный в конце марта 1921 г. Правительством БНР и министром С. Житловским. Документ состоит из семи пунктов-тезисов:

1) Две нации, которые будут доминировать в возрожденном беларуском государстве – беларусы и евреи, которые объединятся для работы в Беларуской Республике;

2) Евреи имеют равные права в культурных и религиозных отношениях;

3) Пропорционально количеству еврейского населения в стране эта нация должна быть представлена в правительстве;

4) Евреям разрешено иметь собственный суд (согласно национально-религиозной традиции);

5) Евреи имеют право, как и беларусы, на владение землей;

6) Денежные знаки и почтовые марки должны выходить на четырех языках – беларуском, польском, еврейском (идиш) и русском;

7) Отношения между национальностями строятся на взаимном доверии.

Значение беларуско-еврейского договора С. Житловский охарактеризовал как один из немногих в тогдашней мировой практике официальных актов, признававших равенство евреев с другими национальностями и дающих им все права свободной нации. Положения беларуско-еврейского договора он активно презентовал через частную переписку с известными еврейскими политиками и общественными деятелями, в статьях и интервью в еврейской европейской и американской прессе.

Иосиф Житловский

Его активность пришлась на время 12-го мирового сионистского конгресса в Карлсбаде (сентябрь 1921 г.), где С. Житловский собирался выступить с Меморандумом о положении евреев в Беларуси и очень надеялся, как и руководство БНР, на помощь беларускому делу от сионистских и других еврейских организаций. Но участие министра национальностей БНР С. Житловского в Карлсбадском сионистском конгрессе требует отдельного исследования и не касается рассматриваемого нами вопроса – идеи еврейской национальной автономии в Правительстве БНР.

Хаим Житловский

В заключение надо отметить:

Во-первых, идея еврейской национально-культурной автономии, как автономии националь-

ного меньшинства, впервые была заявлена в 1917 г. во время Демократического совещания представителей народов России, но практического воплощения она тогда не получила.

Во-вторых, уже в первых правовых актах БНР эта идея рассматривалась применительно к еврейству Беларуси.

В-третьих, с марта 1921 г. Правительство БНР предпринимало конкретные меры для реализации этой идеи на практике.

Тогдашние политические условия, когда Беларусь стала объектом империалистического захвата со стороны советской России и Польши, а Правительство БНР оказалось в изгнании, не позволили воплотить принципы беларуско-еврейского договора в жизнь. Идея национальной автономии трансформировалась в идею объединения двух народов в государственную нацию на равноправной основе.

Приложение 1

Адозва Рады і Ураду БНР 25 сакавіка 1921 г.

25 сакавіка 1921 г. прайшло 3 гады ад часу, калі Беларускі Народ у асобе лепшых сваіх прадстаўнікоў выявіў сваю непахібную волю да самаіснага дзяржаўнага будавання і апавесціў Незалежнасць Беларускай Народнай Рэспублікі.

Ні векавое панаванне шляхецкай Польшчы, ні рабскі ўціск расейскага самадзержаўя не вырвалі з душы народу яго святога імкнення да свайго вызвалення ад векавых прыгнётчыкаў.

Наадварот, пракавечнае змаганне за сваё нацыянальнае бытаванне выкавала ў ім непахібную волю да свабоды і загартавала лепшых сыноў народу ў імкненні да здзейснення сваіх нацыянальных ідэалаў.

Гістарычны шлях быў доўгі і цярністы. Многа ахвяр палажыў Беларускі Народ на алтар свабоды. Многа жывых палягло ў самаахвярным змаганні за шчасце і дабро народу. Вечная слава волатам змагарным. Маці-бацькаўшчына будзе вечна праслаўляць іх імёны.

Ды не сам адзін быў Беларускі Народ у сваім змаганні. Побач яго цярпеў і бароўся другі Народ — пракавечны мучанік Народ Жыдоўскі — з незапамятных часоў паліваўшы зямлю беларускую сваім потам, слезамі і крывёй.

Бязмерны быў глум панявольнікаў над верай і жыццём сыноў Ізраіля. Самадзержаўе Маскоўскае меркавала, што яно ў крыві жыдоўскай патопіць народны гнеў, які не адзін раз парываўся разбурыць ціранскую ўладу: шляхецiча польскае шчыра дапамагала свайму ж кату распаляць інстынкты разбэшчанай чэрні.

Жыдоўскі народ зразумеў ясна, што яму німа чаго чакаць ласкавасці ад сваіх панявольнікаў: што толькі ў змаганні жыды дабудуць правы на жыццё і свабоду.

Уразумеўшы гэта, жыды падалі прыязную руку свайму брату па няшчасцю — Народу Беларускаму, дзеля супольнага змагання за Незалежнасць, замацаваўшы гэта Актам 25 сакавіка.

Адозва Рады і Ўраду БНР ад 25 сакавіка 1921 г. на ідыш.

(Беларускамоўны варыянт Адозвы Рады і Ўраду БНР)

Сталося: дзве сувэрэнныя нацыі, населяючы Зямлю Беларускую, уявілі сябе і аб'едналіся ў адзін народ, дзеля далейшага змаганьня за сваю зямлю, культуру і дзяржаўную незалежнасьць.

У вялікі гістарычны дзень 25 Сакавіка 1918 г. – Дзень апавешчаньня Незалежнасьці Беларускай Народнай Рэспублікі першы раз была ясна і галасна на увесь сьвет высказана дзяржаўная воля гэтых дзьвёх сувэрэнных нацый. Ніякія найміцкія штыкі, ніякія інтрыгі і авантуры ап'янеўшых ад шовинистычнага чаду імпэрыялістаў не прымусяць Беларусоў зьвярнуць з раз выбранага імі шляху. Лёгіка гісторыі прымусіць прызнаць народы, каторыя шчыра зацікаўлены ў тым, каб спыніць братабойніцтва, згодна з яго нацыянальнымі ідэаламі, супакоіць развогненую пасыю і дасьць магчымасьць усім нашым суседнім народам улажыць меч у похвы і ўзяцца за плуг і молат.

Лозунг на идиш
«Да здравствует Беларусь!»
(Zol lebn Weisrusland!)

У вялікі гістарычны дзень 25 Сакавіка 1918 году Беларуская рада, перэняўшы ўладу ад Усенароднага Беларускага Кангрэсу, першы раз развярнула запраўдны народны сьцяг, на якім накрэсьлены запраўды сьвятыя словы:

1. Незалежнасць Беларускай Народнай Рэспублікі, як свабоднай дзержавы.

2. Перэдача ўсёй зямли працоўнаму народу і дзяржаўная абарона працы.

3. Сувэрэннасьць нацый беларускай і жыдоўскай і поўнае аб'яднаньне іх у адзин дзержаўны Беларуски Народ.

4. Грамадзянскае роўнапраўе ўсіх нацый, насяляючых Беларусь, бяз розьніцы веры і поўнае здаваленьне рэлігійных і культурных патрэб.

Вялікія словы. Пад гэтым сьцягам шчасьце жыць і змагацца і пачэсна паміраць.

У трэція гадавины вялікага народнага сьвяткаваньня Беларуская Рада і выканаўчая ўлада ў асобе Рады Міністраў не да сьмерці клічуць вас, грамадзяне, а да жыцьця і змаганьня за сьвятыя ідэалы, пакінутыя ў спадчыну нам вялікімі змагарамі за шчасьце і свабоду Беларускага Народу.

Грамадзяне! Мы цьвёрда верым, што ў гэты вялікі дзень на ўсёй зямлі кожнае чэснае беларускае сэрца б'ецца разам з намі і разам з намі кличэ: Слава Беларускай Народнай Рэспубліцы! Няхай жыве Беларуская Незалежнасьць!

(НА РБ, фонд 325, опись 1, дело 164, лист 4)

Приложение 2

Проект основы договора о совместном строительстве Беларуской Народной Республики белорусами и евреями с равными, доминирующими элементами в Беларуси.

1. Исходя из факта историчности евреев в Беларуси и численности еврейского населения в Беларуси, в силу чего белорусы и евреи являются двумя доминирующими нациями на территории Беларуси, – обе нации – белорусская и еврейская, заключают договор о восстановлении Белоруской Демократической Республики.

2. В границах БНР обе нации, пришедшие к соглашению, будут пользоваться в полном размере всеми государственными правами, а в делах культурно-просветительских и культа [религии] каждая из них будет пользоваться автономией.

3. В государственных учреждениях и в правительстве каждая из сторон, пришедших к соглашению, занимает соответственно своей численности [населения] проценты мест.

4. Суд, создается общегосударственный и национальный, последний может решать дела только между представителями одной и тот же нации, причем его постановления не должны противоречить общегосударственным законам.

5. Государство из земельного фонда предоставляет согласно общегосударственного земельного закона наделы земли для еврейского населения, для их обработки и использования.

6. Все местные языки равноправны и все государственные указы (документы, денежные знаки, почтовые марки и др.) печатаются на четырех языках: белоруском, еврейском, русском и польском.

7. Во всех без исключения отношениях между белорусами и евреями равные права, взаимное доверие, уважение, избегание споров, самоотверженное содействие искоренению дефектов и оплошностей, подъему хозяйственного и культурного уровня не только доминирующих наций, но и вообще всего населения БНР.

(НА РБ, фонд 325, опись 1, дело 119, лист 6.)

Коротко об авторе

Кандидат исторических наук **Инна Павловна Герасимова** с апреля 2009 по март 2012 года была первым директором Музея истории и культуры евреев в Беларуси (г. Минск, ул. Веры Хоружей, 28).

КАК БОЛЬШЕВИКИ УНИЧТОЖАЛИ КРЕСТЬЯНСТВО

Петр Сосновский

Раскулачивание

У нас на Беларуси «борьба с кулаками» началась осенью 1929 г. В нашем Бельском сельсовете Дрыбинского района власти решили раскулачить примерно 30 хозяйств (самую зажиточную часть крестьян, к которым принадлежали мой отец, мой тесть Михаил Малахов, а также Карп Малахов)*. Позже, весной 1930 г., волна «раскулачивания» затронула уже менее зажиточные хозяйства, как у моего дяди Андрея и двух моих старших братьев. При проведении акции, кроме степени зажиточности хозяйства, учитывалось прошлое хозяев, их родственные связи. Выяснялось, например, материальное положение до революции, принадлежность к священству или шляхте, обязательно учитывалась служба в полиции или в жандармерии и т.д.

Несмотря на то, что мой отец для того, чтобы заплатить налоги, отдал свое хозяйство и даже дом, его все равно раскулачили в первую очередь, так как он считался зажиточным и пользовался трудом наемных рабочих (по мнению коммунистов – занимался эксплуатацией).

Показатели для определения зажиточности крестьянского хозяйства в разных районах страны были разные. Например, на Украине, в Сибири и на Урале многие хозяйства были богаче беларуских, но не подлежали раскулачиванию, так как в этих районах все население было богаче и тамошние середняки по своему благополучию вполне равнялись нашим кулакам.

В то время перед властями встала задача – сломить упорное сопротивление крестьянства коллективизации, которая на самом деле являлась «красным крепостничеством». Для этого, во-первых, надо было уничтожить наиболее самостоятельный слой деревни, который представляли «кулаки» и запугать тех середняков, которые все еще колебались, а во-вторых, что не менее важно, из захваченного имущества создать фундамент колхозных хозяйств.

Еще в 1928 г. деревенский «актив» по приказу ЦК компартии Беларуси в присутствии руководства сельсоветов и районов на закрытых совещаниях решил, кого зачислить в «кулаки» или в «подкулачники». Перед этими совещаниями из беларуского ЦК были получены специальные инструкции и указания, по каким признакам определять хозяйства, которые подлежат налогообложению в индивидуальном порядке. Например, индивидуально облагали налогами всех, кто арендовал землю у других лиц, имел примитивную маслобойку для конопли или

Из журнала «Спадчына», 2000, № 5–6, с. 76–89. В своем очерке П. Сосновский, репрессированный в 1930 г., вспоминает о том, как происходило в БССР «раскулачивание» (уничтожение самой трудолюбивой части крестьянства, дававшей самую большую часть сельхозпродукции). Впервые очерк был напечатан в эмигрантском русскоязычном журнале «Посев» в 1980 году (№ 2–3).

* Дрыбинский район расположен на юго-востоке Могилёвской области. В апреле 1931 г. состоял из 12 сельсоветов. В настоящее время в районе 108 деревень, хуторов и поселков. От Могилева 64 км до райцентра Дрыбин (2 тыс. жит.). – *Ред.*

Сдача продналога

льняных зерен, либо имел мельницу, и обязательно тех, у кого работали наемники в хозяйстве или на сезонных работах. Они были зачислены в кулаки, а члены семей автоматически лишались всех гражданских прав.

Вот таким образом начиная с конца 1929 г. все более или менее крепкие хозяйства «подбрили», иначе говоря, просто обобрали непомерными налогами, а осенью 1930 г. уничтожили окончательно. Процесс раскулачивания в разных районах и даже сельсоветах проходил по-разному, но обычно у «кулаков» отбирали буквально все, хозяев сразу отправляли за решетку, а женщин, детей и стариков полураздетыми выбрасывали во двор, в лучшем случае их забирали к себе родственники и соседи.

Наконец и нашему деревенскому активу (Лосевы, Парфений Косой, Тимофей и Кузьма Косые, Бернацкий Язеп и др.) сельсоветовское и районное руководство дало приказ – полностью ликвидировать кулацкие хозяйства. Они начали с того, что конфисковали все строения, потом забрали скотину, сельскохозяйственные машины, фураж и даже основной хлеб. Во временном пользовании остались дом, корова, домашние инструменты, немного бульбы и хлеба. Моему отцу, после того как дом пошел на уплату налогов, оставили баню, где он еще некоторое время жил с семьей. Так было с осени 1929 по февраль 1930 г.

Выселение

2 февраля 1930 г. в 5 часов утра в баню, где жили мои родители и младший брат, ворвались деревенские активисты – секретарь сельсовета Левон Кошечкин и начальник уголовного розыска Дрыбинского района Лисовский. Они дали два часа на сборы для переезда, якобы в другой район, разрешили взять с собой только немного продуктов и какую-то одежду. Вместе с моими родителями вывозили соседскую семью Карпа Малахова, нас же (в тот момент я жил у тестя Михаила Малахова) пока не тронули.

Ссыльных вместе с небольшим грузом погрузили на собственные сани и под вооруженной охраной повезли на железнодорожную станцию в Горки. Женщины и дети плакали и голосили, как по покойнику, даже некоторые мужики не сдержали слёз. Карп Малахов снял шапку, поклонился и обратился к толпе односельчан: «Если я может кого из вас обидел когда-нибудь, то простите!». Потом махнул рукой, потому что не мог больше говорить, повернулся и пошел на клад-

бище, чтобы проститься с дедами. Как только семьи бывших кулаков вывезли со двора, жены активистов, словно голодные волки бросились тянуть все — чугунки, посуду, остатки еды и одежду, ничего не оставили, как будто африканская саранча там побывала! Впав в затмение разума, эти люди утратили совесть и человечность.

А на станции Горки стоял подготовленный поезд, и вечером всех, кого высылали из Горецкого и Дрыбинского районов, закрыли в трех холодных товарных вагонах. Можно только догадываться, как в сорокаградусный мороз чувствовали себя там младенцы, женщины и старики. Ночью их отвезли за 42 километра к станции Орша, где перегнали в другие товарные вагоны с маленькими чугунными печками. Там поезд доукомплектовали до 60 вагонов, по 50 человек в каждом, и на протяжении 7 дней везли в прикамские дремучие леса.

Через две недели после высылки моих родителей, брата и семьи Карпа Малахова большевики вспомнили про нас. 15 февраля, опять в 5 утра, в дверь постучали вооруженные браунингами и наганами активисты, которых возглавляли начальник уголовного отдела Лисовский и председатель Бельского сельсовета Андраюк. Нам тоже дали всего два часа на то, чтобы собрать сколько-нибудь продуктов и одежды. Лисовский дал тестю какую-то бумажку, чтобы тот подписал, что мы якобы добровольно переезжаем в другой район, но в анкете не было указано, в какой именно... Михаил Малахов категорически отказался подписывать такой документ. Во время сборов моя трехмесячная дочь Катя, жена Вера и теща плакали, но активисты даже не пустили в дом наших родственников и друзей попрощаться.

Нас все время подгоняли, а соседка, кума Гомановна, нетерпеливо повторяла тестю: «Кум! Ну скорее собирайтесь, а то люди ждут!». Видимо, не могла дождаться, когда можно будет броситься в дом и хоть что-то схватить. Жутко было видеть все это, слышать плач женщин, детей и мужиков, даже председатель сельсовета Андраюк не сдержал слез (он в общем был неплохим человеком). Михаил Малахов, как и его брат, простился с толпой односельчан, поклонился перед Распятием и, передав этот крест соседу Николаю Бернацкому, пошел на кладбище поцеловать кресты своих родителей. Мы поехали к станции на своих же лошадях и санях под караулом вооруженных активистов. Родственники проводили нас до холодных товарных вагонов со льдом и снегом на полу. После того, как вагоны были загружены, толпу отогнала охрана ГПУ. Нам уже потом рассказывали свидетели, что наши лошади, возвращаясь со станции домой, все время непрерывно ржали, вероятно, в предчувствии скорой всеобщей беды.

Ссыльных кулаков все подвозили, набивали в промёрзшие вагоны-телятники по 40 человек, закрывали двери и везли следующих. Погрузка длилась с часа дня до пяти вечера на запасной линии далеко от станции, за это время заполнили 30 вагонов. (Мне теперь в Австралии часто приходится видеть погрузку и перевозку скотины. Так скажу, что со скотиной здесь обходятся лучше.) Хотя нас в вагоне было много, мы не смогли в февральский мороз согреть собой помещение. Обувь примёрзала ко льду, который лежал толстым слоем на полу, а на оконных стеклах и потолке быстро появился пушистый иней.

В нашем вагоне было двое младенцев и пятеро детей в возрасте от двух до восьми лет. Нашу трехмесячную дочь жена согревала своим телом, а чтобы вы-

сушить и согреть пеленки, оборачивала их вокруг своего тела. Бутылка с молоком для дочери лопнула, молоко стало куском льда; тогда ребёнку дали соску из пережеванного хлеба.

В пути

В одиннадцать вечера к нашим вагонам прицепили паровоз, да с таким толчком, что люди попадали бы, если бы не опирались друг на друга. Через две часа мы уже были на станции Западная в городе Орше, где состав подогнали к пакгаузу. Единственное, что было слышно ночью, это скрип мерзлого снега под ногами охранников ГПУ.

Утром вагоны открыли, и нас поочередно стали загонять в большой железнодорожный клуб с железными решетками на окнах. В это помещение затолкали около 1500 человек – нас, кулаков, с женщинами, детьми и стариками. Из клуба охрана никого не выпускала, только время от времени двое конвоиров вызывали десять человек, каждому давали два ведра и водили на вокзал за кипятком (это единственное, что нам давали). Когда пришла моя очередь, по дороге к вокзалу я увидел оршанский собор, который до такой степени был наполнен заключенными, что из него валил пар, как из бани. Вспомнились слова революционной песни большевиков – «церкви и тюрьмы сровняем с землей». А на самом деле они не только тюрьмы и железнодорожные клубы набили дотла, но даже церкви превратили в тюрьмы.

Через день гэпэушники стали вызвать по одному человеку от каждой семьи в пакгауз навешивать ярлыки на свои вещи, так как собирались грузить их в отдельный вагон. С собой разрешили взять немного еды, горшки, миски да ведро. К некоторым семьям из тюрьмы привели мужиков-хозяев, арестованных перед ссылкой (человек 30 – 40).

На пятые сутки ночью нас всех погнали на дальнюю платформу возле пакгауза и опять стали загружать в товарные вагоны, оборудованные маленькими чугунными печками и настилами из досок. Как и раньше, в вагон помещали по 48 – 50 человек старых и малых, потом просто закрывали двери.

Мы разожгли печь, для натуральных нужд приспособили ведро возле дверей и ждали конца погрузки, которая затянулась. К эшелону присоединили вагоны из Бобруйска и Слуцка, в которых было около 1000 человек. Грузили ночью, чтобы было как можно меньше свидетелей того, что власть делает с людьми. Только 20 февраля на рассвете двинулся наш поезд из 56 вагонов, в которых находилось около 2500 человек. Его охраняла вооруженная стража войск ГПУ, которая состояла исключительно из украинцев (а на Украине, вероятно, раскулаченных охраняли беларусы...). Жили они в специальном служебном вагоне, а караул несли в будках на тормозных площадках.

Остановок почти не было, только на малых станциях, большие или пропускали нас без задержки, или оставляли на запасных путях, как можно дальше от вокзала.

Наш путь проходил через Оршу, Витебск, Великие Луки, Осташков, Нижний Новгород, Пермь, Ирбит до самого Туринска и занял восемь дней. За это время нам три раза дали горячей жидкой похлебки из капусты с бульбой, всего два

ведра на вагон, а хлеб (10 буханок на вагон) дали только однажды, около Осташково, а вот дрова выдавали на станциях несколько раз. От каждого вагона избирался староста, и только он один мог ходить за кипятком, у нас старостой был мой тесть Михаил Малахов, дважды в день он приносил два ведра.

За эти восемь дней в пути умерли двое младенцев, но не выдерживали не только дети. Один мужик во время движения поезда вылез через люк и стал прыгать по крышам вагонов, охранники в будках открыли стрельбу и ранили его в руку. Пришлось остановить поезд, чтобы снять его с крыши. Выяснилось, что он помешался. Его оставили на станции недалеко от Нижнего Новгорода.

В нашем вагоне было девять семей, наша состояла из четырех взрослых и трехмесячного ребёнка. Вместе с нами ехали семьи с соседних хуторов — Наумовы и Воробьёвы, из деревни Трилесино — семьи Акулы, Заболотных и другие.

В арестантском вагоне

Через щели мы читали названия станций, смотрели на реки, мосты и леса. У двоих молодых хлопцев Заболотных была гитара, и они обычно пели под нее грустные песни. Сквозь грохот колес было слышно то музыку, то детский плач, то всхлипывания женщин. Мужики думали о неизвестном будущем или просто дремали, стоя, прислонившись к нарам. Когда поезд неожиданно толкало, многие обжигались о печку, так как теснота была невероятная.

Волгу мы пересекли около Нижнего Новгорода, Каму у Перми, а через Уральские горы наш большой эшелон все время тащили два паровоза.

Наконец ночью 28 февраля 1930 г. наш поезд последний раз сильно толкнуло, и мы остановились на станции Туринск*. В закрытых вагонах нас продержали до утра. Охрана ГПУ поехала в обратную сторону, наверно, за новой партией кулаков. Вместо них утром 1 марта на станцию приехали три милиционера с десятком активистов-комсомольцев из местных жителей-чалдонов. Они все были на малорослых сибирских лошадках и с охотничьими ружьями за плечами. В восемь часов утра открыли вагоны и приказали выходить с вещами. Следующим приказом было сложить в пакгауз наш оставшийся груз, который был в отдельных вагонах, якобы для того, чтобы привезти его позже (но он почти весь исчез). Среди кулацких вещей я увидел несколько десятков пар лаптей и подумал, что коммунисты даже лапотников записали в буржуев...

В это время начали подъезжать чалдоны с санями, на которых стояли большие, сплетенные из лозы, корзины. Саней было много, вероятно, со всего рай-

* Туринск находится в Тюменской области на реке Тура. От него до Тюмени по прямой линии около 140 км. — *Ред.*

она людей согнали. На сани посадили детей и немощных стариков, положили немного вещей первой необходимости. Нам попался хороший сибиряк Матвей, житель деревни Павлово, которая находилась в 4 километрах от Туринска. Он посадил на сани мою жену с ребенком и тещу, и положил три небольших узла с вещами, а мы с тестем пошли пешком.

Сани двинулись в полдень – сначала по льду реки Туры, а потом по сибирскому тракту, большинство людей шло пешком, почти по колено в снегу. Нас гнали в направлении Конды, впереди был 500- или даже 600-километровый путь. (Матвей говорил, что там находятся рыбные и охотничьи промыслы и лесозаготовки, а ссыльные живут в колониях на берегу реки).

Колонна растянулась километра на два и медленно двигалась на север, спереди и сзади верхом ехали конвоиры – чалдонские комсомольцы. Вокруг на сотни километров раскинулась глухая тайга. До ближайшего населенного пункта Маркино было 25 километров (там был домик лесничего, четыре небольших барака для работников и почтовая контора). В лесу, около большака, изредка попадались охотничьи полуземлянки, построенные из толстых плашек, и одинокие бараки, наверно, для лесничих или работников.

1 марта 1930 г., не дойдя несколько километров до Маркино, в 30-градусный мороз, под звездным небом колонна остановилась на отдых. Мы съехали с дороги под большой кедр, утоптали снег, нарубили еловых и пихтовых ветвей, на которые посадили женщин с детьми. Нашли сухостой, накололи дров и разожгли костер, на котором приготовили ведро воды и немного утолили голод кипятком с куском хлеба. Спать пришлось мало, ибо все время приходилось поворачиваться то одним, то другим боком к костру. Так группками человек по 15 мы и провели первую ночь в тайге.

Следующим населенным пунктом после Маркино была деревня Глубокое. Домов здесь было немного, поэтому каждый дом был переполнен ночлежниками, которые спали вповалку, но все же это лучше, чем на снегу. После трудного пути по холоду и снегу хоть какой-то отдых был необходим. В эту ночь в Глубоком умер еще один ребенок, наутро его похоронили.

На север от Глубокого в сторону Конды было очень мало населенных пунктов, а путь – очень длинный. Наши возчики стали жаловаться, что они не успеют вернуться до начала весеннего поводка, во время и после которого таежные дороги все лето будут непроходимыми. Об этом они заявили начальнику конвоя, протестовали и отказывались ехать на Конду. Позже мы поняли, что этим они спасли нас всех от смерти. Начальник по телефону связался с Туринским областным ГПУ, и после короткого спора было решено отправить нас вместо Конды в Таборинский район, который находился в 60 километрах от Глубокого, на лесозаготовки и лесосплав. Это была еще совсем необжитая делянка, потому мы должны были сначала построить новую колонию около реки Тавды. Снова нам пришлось спать на снегу, в эту ночь смерть забрала еще одного ребёнка.

Наконец мы добрались до Таборинского района, который получил такое название потому, что когда-то там находился табор пеших переселенцев, а сейчас районный центр Таборы (360 км от Свердловска и 96 км от железнодорожной станции Туринск).

Деревни находились здесь не более чем в 10 – 20 километрах друг от друга, так как земли были достаточно плодородные. Ссыльных разместили в деревнях Шмелёвка, Повья, Галкино, Аверино и других. Мы поселились в деревне Аверино в доме одного кулака. Этот кулацкий дом, после того как в 1929 году хозяина вместе с семьей выслали за 650 километров в Конду, теперь занимал председатель сельсовета. Переступив крыльцо, мы (человек 20) просто повалились на пол и уснули, словно убитые. О бывшем хозяине тестю только в 1932 г. по секрету поведал наш возчик Матвей, дескать, что нам просто посчастливилось не попасть в эту Конду. В 1932 г. оттуда из несколько сот человек высланных вернулись только пять охотников. Они преодолели почти непроходимые болота на специальных широких лыжах, а потом скрывались у родственников и друзей. Все остальные погибли от голода, цинги и других болезней.

На следующий день многие пошли на Тавду удить рыбу, так как хлеб, взятый еще из дома, почти кончился. Рыбы было много, ее удили сетями, сделанными из тряпок, привязанных к жердям, или просто решетом.

Фараоновы рабы

Через два дня всем мужикам приказали явиться в полуразрушенную, оскверненную аверинскую церковь. Двое вооруженных гэпэушников залезли на то место, где был раньше алтарь, и начали собрание.

Злобно ухмыляясь, они объявили нам примерно следующее: «Вы сюда приехали не гулять, а лес пилить. Кто будет работать, тот будет получать паёк, инструменты и спецодежду. Не будете работать, ничего не получите, ибо кто не работает – тот не ест. Но мы думаем, что есть хочет каждый».

О деньгах, естественно, речь не шла, видимо считалось, что за каторжный труд хватит и нищенского пайка. Они заявили, что мужики должны заготовить материалы и построить бараки, в которые потом переселятся наши семьи, и таким образом будет сделана новая колония ссыльных, типа Троицкой, которая в 70 километрах от Тавды. Потом мы должны выкорчевать делянку леса для коллективной обработки земли, а затем переехать на новую делянку. Весной, во время поводка, мы будем сплавлять лес по Тавде. Было подчеркнуто, что в лесу должны работать не только мужики, но и работоспособные женщины.

Одним словам, нам стало понятно, что мы и наши дети, если и выживем, то будем здесь работать, как фараоновы невольники, до самой смерти. На собрании, в ответ на их «кто не работает – тот не ест», я сказал, что нас сюда пригнали только за то, что мы много работали...

На следующий день чалдонские активисты на конях, вооруженные ружьями, стали собирать всех и сгонять в центр деревни. Нам под расписку выдали пилы и топоры и погнали за 15 км класть настил через топь. Сначала в дно загоняли длинные сваи, а потом клали настил из жердей. Кладки надо было сделать еще до оттепели, так как летом здесь уже не пройти. Река Тавда небыстрая, но у нее много рукавов, непроходимых болот и малых заросших озёр. За одним из таких проливов находилась лесная делянка, предназначенная для лесозаготовки и новой колонии для высланных кулаков-беларусов и нескольких казаков-кубанцев.

Те, кто строил настил через болото, ночевали в ближайшей деревне Галкино, на другой стороне Тавды. Вечером им выдавали по 600 граммов хлеба, по миске пустого супа из перловой крупы и кипяток. Семьям же ничего не давали до того момента, пока мужики не закончили класть настил и не начали готовить бревна к сплаву, а другие работники не начали строить бараки. Семьи кормились рыбой, которую ловили в полыньях, когда же потеплело и сошел снег, стали собирать по болотам прошлогоднюю клюкву и бруснику.

Крестьяне копают бульбу

Однако весной смерть все чаще и чаще посещала семьи ссыльных. За детьми начали умирать старики. Многие решили, что дальше так продолжаться не может.

Мы достали несколько бланков со штампами местного сельсовета и по оттискам сделали печать. Я сделал около сотни фальшивых справок и раздал тем, кто хотел бежать. Было только одно условие — не выдавать, кто сделал документы, если вдруг схватят, ведь на станциях была строгая проверка пассажиров. По этим справкам много ссыльных бежало домой, и даже к польской границе, чтобы перейти в Польшу. Граница в то время охранялась не очень строго.

К побегу подготовились три семьи: наша, семья Наумова Василия и молодая пара литовцев по фамилии Евдалькис, которые уже похоронили в Аверино своего единственного ребёнка. Сначала мы с литовцем сходили в разведку за 70 километров на железнодорожную станцию Азанка. Потом отдали одному чалдону несколько вещей, чтобы он немного подвез наших детей и сумы с последними пожитками ближе к Азанке. Наконец решили двинуться 20 апреля 1930 г.

Побег

Дорога была грязная, но под грязью еще оставалась мерзлая земля, и мы смогли добраться до ближайшей деревни Повья за один день. В Повье переночевали у хорошего человека, который дал нам ценные советы: как обойти места, которые охраняет милиция, и как безопаснее добраться до станции. Он объяснил, что еще не поздно пробраться через замерзшее болото, но уже опасно переходить через паводковые речки. От Повьи до Азанки через тайгу, по квартальной просеке, была зимняя дорога, а летом там могли пройти только охотники по звериным тропкам. Мы с чалдоном проехали еще километров шесть и распрощались, ибо дальше ехать было невозможно.

Семья Наумовых испугалась перехода через болотистую тайгу и вернулась с извозчиком в Аверино. Позже из их писем я узнал, что семья была на сплаве, на лесозаготовках, в какой-то артели и в колонии для ссыльных вплоть до Второй мировой войны. Сталин их не вернул домой, не знаю, вернул ли Хрущев. Неко-

торые члены семьи, в том числе сын Константин, погибли там от нищеты, непосильного труда и голода.

Наша семья с ребенком на руках и Евдалькисы твердо решили пробираться через болотистую тайгу – по звериным тропам, через болота по кладкам, через притоки сибирских рек – с тяжелыми узлами за плечами. Местами проваливались в грязь по колено и даже глубже. Единственное спасение, что болота еще не вполне растаяли и внизу был лед. Мы делали переходы по три-четыре километра, относили узлы вперед, а потом возвращались за ребёнком и женщинами. Переносили ребенка и вещи по кладкам и опять шли вперед.

Четыре раза ночевали в тайге рядом с медведями, которые уже проснулись от зимнего сна. Ночью к костру они боялись подходить, но днем мы видели их. У нас были два длинных сибирских ножа, однако защищаться не пришлось, они нас не трогали: посмотрят и пойдут в лес. Однажды, столкнувшись с нами, медведь даже встал на задние лапы, но потом опустился и поковылял в кусты.

На последней остановке мы разожгли костер, от которого по недосмотру загорелась сухая прошлогодняя трава и листва. Это было замечено, и едва мы вышли из леса, как нас догнал милиционер с десятником и повели в участок. Во время допроса мы отказались от того, что развели костер, и показали фальшивые документы. Милиционер был необразованный и доверчивый, он отвел нас в барак и даже приказал накормить супом. Мы сдали в багаж свои вещи и приобрели билеты до Ирбита. В худшем случае, мы теряли не так много денег, а главное, при проверке ГПУ особенно строго проверяло людей с билетами до Беларуси и на Кубань. Наш расчет оказался правильный: проверяли строго, но наши справки всех удовлетворили.

Мы подслушали, как гэпэушники друг другу говорили: «Куда они могли деться?». Наверно, уже было объявлено, что мы бежали, но в лицо они нас не знали. В Туринске вагоны опять проверяли, но и здесь все обошлось. В Ирбите мы сошли с поезда, продали некоторые вещи на ярмарке недалеко от вокзала, так как не хватало денег. И купили билеты уже до Орши.

Коротко об авторе

Петр Сосновский родился 7 октября 1905 г. в деревне Рыбки Горецкой волости Копыского уезда Могилевской губернии. Во время коллективизации был раскулачен и в 1930 г. вместе с женой и маленькою дочерью выслан в Сибирь. После трех лет тяжелого труда на лесоповале, нищеты и болезней Сосновские вернулись в Беларусь и поселились в городе Горки. Некоторое время Петр совмещал работу с вечерним обучением. Он поступил в Горецкий сельскохозяйственный институт, который закончил через шесть лет и получил диплом агронома.

Во время Второй мировой войны судьба забросил семью Сосновских в Германию, и еще пять лет после нее они жили в лагерях для перемещенных лиц. Только в 1950 г. Сосновские эмигрировали в Австралию и поселились в Мельбурне. На новом месте, без знания английского языка, Петр сумел устроиться рабочим на электростанции. Это дало возможность зарабатывать хоть какие-то деньги и кормить семью, в которой уже росли пятеро сыновей и две дочери.

Во время жизни в Австралии Сосновский написал несколько стихотворений и рассказов, которые печатались в эмигрантском издании «Беларускі голас» (Канада).

Умер Петр Сосновский в Мельбурне 21 мая 1995 г. на 90-м году жизни.

«ЗОНА»: БЕЛАРУСЬ 1930-х ГОДОВ С СОВЕТСКОЙ СТОРОНЫ ГРАНИЦЫ

Ирина Романова

На рубеже 1920–1930-х гг. идея мировой социалистической революции временно утратила свою актуальность для большевиков. В СССР началось «строительство социализма в отдельно взятой стране». Цементирование тоталитарного государства шло изнутри – путем физического уничтожения либо изоляции потенциальной оппозиции. Вместе с развертыванием кампании политических репрессий против инакомыслящих власть «заботилась» об укреплении внешних государственных границ. Понятно, что мероприятия по установлению «железного занавеса» от проникновения в страну враждебного Запада* затронули в первую очередь западные республики советской империи.

По Рижскому договору 1921 г. государственная граница между Польшей и СССР рассекла Беларусь на две части. Единый народ разделили на «своих» и «чужих». Нужно было забыть о родных и близких, оказавшихся по другую сторону пограничного кордона, или скрывать этот факт от властей, чтобы не попасть в число «врагов народа».

Пограничный пояс советско-польской и советско-латвийской границ, проходивших на территории БССР, включал 40 районов, которые были разделены на 2 группы.

Группа «А» состояла из 7 так называемых опорных пунктов (Дзержинский, Житковичский, Лепельский, Мозырский, Освейский, Полоцкий, Слуцкий).

Группа «Б» разделялась на две зоны: 1-я зона включала в себя 15 районов (Бегомльский, Заславский, Копыльский, Краснослободский, Лельчицкий, Логойский, Любанский, Минский, Освейский, Плещеницкий, Россонский, Старобинский, Туровский, Узденский, Ушачский); 2-я зона состояла из 18 районов (Березинский, Бешенковичский, Бобруйский, Борисовский, Глусский, Ельский, Кличевский, Крупский, Наровлянский, Осиповичский, Паричский, Петриковский, Пуховичский, Сиротинский, Смолевичский, Стародорожский, Чашникский, Червеньский).

На 1 января 1935 г. население районов группы «А» составляло около 550 тысяч человек, группы «Б» – свыше 1,5 млн. Они, таким образом, были включены в процесс формирования нового типа человека – обитателя советского пограничья.

План укрепления государственной границы СССР разрабатывался уже с конца 1920-х гг. Это спектр мероприятий военного, политического и экономического порядка. Военные мероприятия были направлены на обеспечение воин-

---

Из журнала «Спадчына», 2001, № 1–2, с. 111–134. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* Этот термин в политический обиход впервые ввел российский философ Василий Розанов в своей книге «Апокалипсис нашего времени» (1918 г.).

ской мобилизации и на организацию глубокой структурной обороны на территории БССР во время возможной войны: приспособление гражданских зданий под армейские госпитали, реквизиция средств автотранспорта для нужд армии и эвакуации, переориентация машинно-тракторных станций (МТС) для ремонта военной техники, создание сборных мобилизационных пунктов, подготовка мобилизационного резерва из сотрудников милиции, обеспечение запасов топлива, продовольствия, других материально-технических ресурсов и т.д. Для быстрой перестройки хозяйственного комплекса на военный лад необходим достаточно высокий уровень экономического развития в мирное время. С учетом этого правительство страны разработало комплекс приоритетных направлений развития пограничной территории.

Меры большевистского руководства по обеспечению надежности «последних рубежей» СССР можно разделить на две составные части. Сначала происходила «зачистка» пограничной территории от «контрреволюционных и кулацких элементов» и идеологическая обработка здешнего населения в духе верности режиму. Потом предусматривалось заселение пограничного пояса политически надежными и проверенными людьми: красноармейцами, активистами компартии и комсомола, передовыми колхозниками.

Разрабатывались мероприятия экономического и культурного развития этого региона. Постановлением ЦК КП(б)Б за февраль 1929 г., кроме выселения из пограничной зоны кулаков и «антисоветского элемента», предполагалось пятилетний план выполнить здесь за 3 года, за это же время ликвидировать неграмотность среди детей 12–15 лет, довести долю коммунистов и комсомольцев среди учительского состава не менее чем до 50 %, открыть широкую сеть хат-читален, увеличить завоз потребительских товаров; снизить нормы сельскохозяйственного налога и отчисления по страхованию.

Переоборудование государственных границ пришлось на время «коренной ломки» устоев общества, которая сопровождалась сворачиванием политики НЭПа, установлением плановой экономики с господством партийно-советской бюрократии и монополией большевистской пропаганды, проведением насильственной коллективизации, развертыванием государством массового политического террора. Все это отражалось на характере и методах по обустройству и упорядочению границ «первого в мире социалистического государства».

Во время так называемого «великого перелома» мероприятия по «зачистке» пограничья приобрели характер массовых политических репрессий против жителей этих районов. Так, если в 1925–1926 гг. отсюда выселили 229 чел., то в 1928–1929 гг. на лесоповалы в северные районы России органы ГПУ отправили уже 2068 чел. 11 сентября 1929 г. руководство БССР докладывало в Москву:

> «Необходимо также принять во внимание наше пограничье, где этим летом для разгрома контрреволюционных польских кулацких гнезд выселено из Беларуси 600 хозяйств и земля передана бедноте».

Через десять дней была направлена еще одна докладная записка в ЦК ВКП(б), в которой приводились цифры о выселении очередной партии «бывших землевладельцев и контрреволюционного элемента». Многие из них были приговорены к многолетним срокам заключения в концлагерях и даже к «высшей мере

социалистической защиты за шпионаж и другую контрреволюционную деятельность» — расстрелу. В заключение партийного отчета из Минска заявлялось:

> «Бюро ЦК [КП(б)Б] просит ЦК ВКП(б) в связи с пограничным положением [республики] разрешить осуществить дополнительное выселение из Беларуси бывших помещиков и крупных землевладельцев».

В мае 1931 г. секретари райкомов компартии и председатели райисполкомов Беларуси получили циркуляр, в котором сообщалось:

> «Директивными органами принято решение об очищении территории БССР, как пограничной, от остатков кулачества. Под эту рубрику, кроме кулаков 3-й категории, будут отнесены бывшие кулаки, заможники* и эксплуататоры в прошлом, «обрезанные» во время революции, независимо от того, выплачивали последние налог или нет. Вся работа по выселению кулацких семей возложена на органы ГПУ [...] В течение 19–21 мая с.г., в целях предупреждения побегов кулацких семей и особенно трудоспособной их части, будет проведена конфискация глав** [семей] и всех трудоспособных мужчин, которые подлежали выселению...».

От политических репрессий, происходивших по линии «укрепления» государственных границ, страдали и представители национальных меньшинств: национальная принадлежность, по мнению «бдительной» власти, свидетельствовала о возможности измены. В том же 1929 г. ГПУ «раскрыло» среди польского населения ряд повстанческих и шпионских организаций, после чего из БССР было выселено 1500 польских семей***. В 1931 г. ГПУ проводило так называемую «Минскую операцию», в результате которой из пограничной зоны выселили еще 860 семей (3928 чел.). Но, как отмечалось в отчете, надо было выселить еще около 800 человек.

Террор советской политической охранки вынудил крестьянство использовать в ответ методы как пассивного, так и открытого вооруженного сопротивления. Известны факты ведения деревенским населением настоящей партизанской борьбы. Чекисты в оперативных сообщениях отмечали, что «кулачество, которое еще оставалось в польской деревне, действует совместно с католическим клиром, не собирается складывать оружие и продолжает сопротивление советам, изменив только формы и методы борьбы». Крестьяне стали семьями переходить на польскую сторону. Власти соседней Польши шли навстречу перебежчикам из «советского рая». После трехдневного задержания и выяснения обстоятельств, беглецов отпускали к родне, а тех, кто родственников в Польше не имел, обеспечивали временной работой.

«Польским влиянием» было удобно «объяснять» причины массового недовольства здешнего жительства существующей властью. Именно польской пропагандой власти объясняли причины волнений крестьян в деревнях Стадоличи и Симоничи (Лельчицкий район), Лясковичи (Петриковский), Ляховичи (Жит-

*, ** Так в документе. — *Авт.*

*** В категорию «польского населения» зачисляли и беларусов католического вероисповедания. К ней же чекисты нередко приписывали тех православных жителей беларуского пограничья (восточное Полесье, Слутчина и другие регионы), которые отличались антибольшевистскими настроениями.

ковичский) в так назывемый «период перегибов в коллективизации», а не самими «перегибами». Эти выступления сопровождались арестами уполномоченных округа, местных работников, вооруженным сопротивлением красноармейским отрядам. Имелись жертвы с обеих сторон. Обеспокоенность у руководства БССР вызвали события 1930-х гг. в Лельчицком районе. Здесь «помимо мелких шпионских и контрреволюционных группировок» ликвидировали польскую повстанческую организацию, которая насчитывала по чекистским подсчетам 103 чел., из которых 43 приговорили к расстрелу. До 1 июля 1931 г. из этого района ушло в Польшу около 200 чел., много крестьян скрылось в лесных пущах. Некоторые днем работали на поле, а ночью шли в лес. В ЦК КП(б)Б сообщалось:

> «Практическая деятельность бежавших в лес проявлялась в том, что группа в числе 80–85 чел. с оружием стремилась прорваться в Польшу, но была отражена пограничниками [...]. И необходимо отметить, что если бы этой группе удалось прорваться в Польшу, то стремление со стороны крестьян к переходу через границу усилилось бы еще больше».

Выселение «польской» семьи

Крестьянские подворья опустели, а некоторые деревни напоминали скорее места боев, чем постоянные селения. Органы ГПУ объявили «пятидневку» добровольной явки беглецов. После истечения срока организовывались облавы в лесах Лельчицкого, Петриковского и Туровского районов. В результате операции летом 1931 г. добровольно из лесов вернулись 44 чел., убиты 21, ранены 3, захвачены во время облав 68, бежали 87 (всего 223 чел.).

В 1932–33 гг. в Лельчицком районе чекисты ликвидировали еще одну «контрреволюционную» организацию, которая якобы состояла из 27 «повстанческих ячеек». Различные приговоры и сроки заключения получили 168 человек.

В отчете из Плещениц было отмечено:

> «В районе каждый год ликвидируется 2–3 контрреволюционные повстанческие организации. Не успевают ликвидировать одну организацию, как вырастает другая».

В 1934 г. начальник Управления пограничной охраны и войск ГПУ БССР Радин докладывал в ЦК КП(б)Б:

> «В связи с рядом мероприятий, проведенных за последнее время правительством в пограничных районах Беларуси, как, например: очистка колхозов от кулацкого и враждебного элемента, паспортизация в 100-километровой пограничной зоне, а также репрессии в отношении кулацкого элемента, саботирующего хозяйственно-политические кампании — усилились эмигрантские настроения и попытки со стороны антисоветского и контрреволюционного элемента к нелегальному уходу за кордон, особенно среди той части, которая имеет там родню».

«Эмигрантские» настроения органы ГПУ зафиксировали почти на всем беларуском пограничье, но наиболее сильно они ощущались в Житковичском, Туровском и Дрисенском районах. Часто крестьян разоблачали во время продажи имущества в обмен на золото; они рассчитывали уйти за кордон «налегке».

Руководитель пограничной службы БССР отмечал, что в Логойском и частично Заславском районах распространялись слухи, что весной 1934 г. население, которое живет на беларуско-польском пограничье, будет выселяться в глубь страны. Чтобы избежать принудительного переселения в необжитые районы советской империи, некоторые стремились превентивно уехать подальше от границы. Чаще всего уезжали в Украину. Из Логойского района, например, выехали 12 семей единоличников. «Осмотрительные» крестьяне из деревни Рудаки Заславского района заслали вперед троих «ходоков», после возвращения которых вся деревня собиралась на юг. Туда же, в Украину уехали 20 семей из деревни Тонеж Туровского района, 17 семей из колхоза «Полымя Камуны» Житковичского района. А 4 семьи из колхоза деревни Малое Малишево, что на Туровщине, решили уехать в Сибирь.

Во время следствия по сфабрикованному делу «Объединенное антисоветское подполье в Беларуси» (1937 г.) было «выявлено», что центр этой организации:

> «широко развертывал и безнаказанно проводил практическую контрреволюционную деятельность в пограничных районах СССР [...]. Несмотря на то, что двадцать девять пограничных районов Белоруссии являются запретной зоной с особым режимом, в них оседало значительное количество быв[ших] кулаков как ранее репрессированных, так и скрывшихся от репрессий, церковников, сектантов, бывших активных непосредственных участников антисоветских вооруженных восстаний и их пособников, контрабандистов и укрывателей шпионско-диверсионного элемента. Эти контингенты, оседая в пограничных районах, имели и всяческим способом систематически поддерживали организационные и родственные связи с Польшей, являясь одной из надежных баз польских и немецких разведывательных органов».

Крупномасштабная ликвидация «врагов народа» среди представителей национальных меньшинств проводилась в августе 1937 – сентябре 1938 гг. Акция имела громкое название «Операция по польской, немецкой и латвийской агентуре БССР» и проводилась по приказам из Москвы. Арестовали 21407 «польских шпионов, диверсантов и участников повстанческих организаций», «немецкой агентуры» – 563 чел., латвийской – 1459 (всего 23.429 чел.).

Во исполнение оперативного приказа наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова и по постановлению «тройки» НКВД БССР в пограничных районах БССР расстреляли 1210 человек и еще 2066 осудили на длительные сроки заключения в тюрьмах и концлагерях. Встал вопрос: что делать с семьями репрессированных? Выселение в глубь республики для БССР, как пограничной территории Союза, не подходило. В отчете республиканского НКВД сообщалось:

> «Переселение семей репрессированных по первой категории /казненных. – *Ред.*/ из пограничной полосы внутрь БССР, равно как и оставление семей репрессированных по второй категории /осужденных на заключение. – *Ред.*/ – в погранполосе, в силу этих обстоятельств, может дать врагу известную базу для продолжения активной шпионской, диверсионной, вредительской и другой контрреволюционной деятельности».

Нарком внутренних дел БССР Б.Д. Берман (занимал этот пост в марте 1937 – мае 1938 гг. – *Ред.*) настаивал на выселении семей ранее репрессированных лиц в отдаленные районы СССР. По состоянию на 20 октября 1937 года, в 29 пограничных районах республики членов семей репрессированных по 1-й категории было 4483 чел., по 2-й – 7623 чел.

Основания для антисоветских настроений в семьях репрессированных действительно имелись. Ведь в основном это были женщины с 3–5 малыми детьми, без мужа, арестованного или высланного раньше. Как сообщали чекистские источники из Житковичского района, их положение мало отличалось от нищенского, жили они чаще всего в «подсобках» или в полуразрушенных хатах, оставшихся от прежних хозяев, раскулаченных крестьян. Голод, болезни детей, невозможность устроиться на работу, отсутствие средств к существованию. Разумеется, сообщалось это не ввиду необходимости оказания этим семьям материальной помощи, а потому, что:

> «нахождение этих семей, раскулаченных и осужденных с подобным имущественным положением, на территории пограничного района совершенно недопустимо, ибо [...] они сами являются самыми злостными контрреволюционерами, агитаторами против всех мероприятий партии и правительства. Необходимо принять срочные меры к освобождению района от подобных лиц».

Лишь изредка в чекистских отчетах отмечалось, что далеко не последней причиной недовольства населения политикой властей были трудности с питанием, возникавшие в результате реализации «хозяйственно-политических мероприятий». О «трудностях с питанием» сказано очень мягко: в ряде районов БССР в это время крестьяне пухли с голода.

•◆•

В постановлении ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 11 января 1932 г. программа усиления «погранполосы» была конкретизирована. Пограничье особо финансировалось для «обеспечения организационно-хозяйственного укрепления» колхозов и совхозов, чтобы они превратились в «опорные пункты» сельского хозяйства и сделали значительный вклад в производство «валовой продукции».

Советские пограничники 1930-х гг.

«Тракторцентр» обязывался немедленно обеспечить «погранполосу» тракторами и сельхозинвентарем, «Белколхозцентр» – подготовить соответствующие материально-бытовые условия для приема и размещения в колхозах беларуского пограничья 350 колхозников из районов нижней и средней Волги.

Тот же «Белколхозцентр» и райкомы КП(б)Б должны

были укрепить руководящий состав всех национальных колхозов (они доживали последние дни и вскоре были отменены), учинить проверку на «идеологическую зрелость» местных колхозников-нацменов, перевести сюда кадры из других районов республики. На руководящую работу в пограничные колхозы направлялись 100 партийцев и комсомольцев из контингента пограничной охраны. Наркомату земледелия поручалось организовать в 1932 году 10 красноармейских колхозов, а также пополнить существующие колхозы бывшими красноармейцами с тем, чтобы «во всех колхозах, непосредственно прилегающих к границе, красноармейцы составляли крепкое руководящее ядро».

Выселение крестьянской семьи (1930-е гг.)

Особое внимание партийно-чекистские органы уделяли кадрам. В июле 1935 г. Бюро ЦК КП(б)Б опять рассмотрело мероприятия по укреплению границ. В дополнении к протоколу заседания ЦК планировало провести очередную проверку жителей пограничья. Под выселение приписывались лица, которые имели родню в зарубежье, бывшие царские жандармы и офицеры, «лишенцы», выходцы из кулацких семей, священники, бывшие уголовники, а также ненадежные в политическом смысле лица, которые ранее принадлежали к той или другой «партийной оппозиции» (троцкисты, зиновьевцы и др.). Тотальной проверке подвергались работники райисполкомов (за исключением председателей), сельсоветов, колхозов, МТС, агрономы, бригадиры тракторных бригад, учителя, работники кооперации, местные сотрудники милиции, прокуратуры, суда (за исключением аппарата НКВД). В соответствии с инструкцией сомнительных и «слабых» работников переводили в тыловые районы. Все мероприятия приказывалось проводить «строго конспиративно и не допускать оглашения». С этою целью образовывались районные «тройки» (председатель райисполкома, уполномоченный сотрудник ГПУ и представитель Центральной контрольной комиссии Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской инспекции – ЦКК НК РКИ).

ЦК КП(б)Б по материалам, поступившим из девяти пограничных районов, 8 мая 1932 г. принял постановление «О мероприятиях по отбору надлежащего количества специалистов для переброски их из тыловых районов БССР в пограничные районы», по которому необходимо было заменить 260 работников разных профессий. Секретариат ЦК 7 августа 1932 г. принял директиву о срочной «очистке» первой полосы пограничья от классово-враждебных элементов среди учительства и замене их партийцами и комсомольцами из тыловых районов. Для выполнения этой директивы из пограничных районов сняли 486 чел. и на смену им мобилизовали 551 (242 послали из тыловых районов, еще 309 – из педтехникумов и учительских курсов). Например, в тыловые районы выслали 43 специалистов-медиков, а на их место перевели «проверенных». Подобное практикова-

лось и в других республиканских наркоматах. Среди новоприбывших было много коммунистов и комсомольцев. Как достижение преподносился факт, что к началу 1933/34 учебного года в 10-километровом поясе среди педагогов коммунисты и комсомольцы составляли 91 %, а остальные 9 процентов учителей – это беспартийные жены либо родственники ответственных работников района или красноармейского командного состава.

После очередной номенклатурной чистки в 1932 г. ЦК КП(б)Б послал в пограничные районы 1-й зоны 1492 чел. Но в скором времени персональный состав кадров этой территории руководство республики признало неудовлетворительным, поэтому начались очередные кадровые перестановки. Только с декабря 1932 до марта 1933 года из «погранполосы» отозвали 2180 чел., «ликвидировали» 146 «контрреволюционных организаций и группировок расхитителей социалистической собственности». По линии колхозов «очистили» 801 хозяйство, в госаппарате освободили от должностей 150 чел. Но и эти «оргвыводы» были не последними: все сильнее раскручивалось колесо политических репрессий, жертвами которых все чаще становилась партийная и советская бюрократия. В отчете в ЦК КП(б)Б отмечалось:

> «Однако, этот административный удар не был закреплен организационной и массово-политической работой для повышения бдительности партийных организаций и трудящихся масс. В результате ряд колхозов и звеньев аппарата все еще продолжает оставаться сильно засоренным».

Проверку кадров вели районные «тройки». Председатель райисполкома лично вызывал к себе руководителей учреждений и под видом учета кадров предлагал последним заполнять «спецанкеты». Руководители низших структур, в свою очередь, обеспечивали заполнение анкет своими подчиненными. Потом «тройка», через аппарат НКВД и местного райисполкома, проверяла «на соответствие» все приведенные в анкете сведения. После «анкетирования» и проверок районные «тройки» на своем заседании «рассматривали» каждое лицо. Решения о судьбе того или другого работника вступали в силу после утверждения Республиканской комиссией.

По инструкции СНК СССР от 14 января 1933 г. в режимной 100-километровой пограничной зоне раньше других регионов вводился институт прописки, началась паспортизация населения. Был составлен список режимных городов и районов БССР, в который вошли Минск, 37 районов полностью и 5 частично. В 1935 г. в пограничной закрытой зоне паспортизацию и перерегистрацию выданных ранее паспортов было приказано провести в 2-месячный срок.

«Неблагонадежный элемент», который по «оценке» тогдашнего партийного руководителя БССР Н.Ф. Гикало (первый секретарь ЦК в январе 1932 – январе 1937 гг. – *Ред.*) насчитывал свыше 2000 семей, подлежал выселению из пограничной зоны (первоначально предлагалось всех их расстрелять, не вывозя за пределы республики!). Тем же постановлением предусматривалось утвердить на руководящие должности в советском и партийном аппарате пограничных округов «товарищей с опытом военно-чекистской работы».

Проявили здесь «собственную инициативу» и местные власти. Из Орши, Витебска и Бобруйска в ЦК КП(б)Б были направлены ходатайства о введении в

4 Зак. 36

этих районах режима пограничной зоны («очищение от классовых врагов, введение режима прописки»).

С целью «укрепления» пограничных районов ЦК КП(б)Б направил сюда в 1933 году на партийные и советские должности 148 чел. коммунистов и «проверенных советских работников», в том числе из центральных республиканских структур. Так, в Дзержинский (польский) район в качестве секретаря райкома был послан секретарь партколлегии ЦКК известный большевистский функционер Чеслав Домбровский, а заведующий польского сектора ЦК КП(б)Б Врублевский направлялся заведующим отдела этого района, заместитель наркома РКИ Андрей Турлай (1894–1937) послан секретарем Полоцкого района.

Руководство БССР столкнулось с проблемой, которая возникла в результате бесконечных кадровых чисток – слабое знание местной специфики, отсутствие опыта работы с деревенскими жителями, низкий профессионализм и моральное разложение партийных «выдвиженцев». В 1933 г. сотрудник инструкторского отдела ЦК КП(б)Б Берзон докладывал:

> «В результате такой текучести работники не успевают изучить свой район. До сих пор ряд важнейших районных органов не укомплектован [...] при этом процент обеспеченности сельского хозяйства специалистами тыловых районов выше пограничных. В центральных белорусских организациях нет тщательного отбора посылаемых кадров в пограничные районы. Например, Наркомпрос в порядке кампании без достаточной подготовки провел работу по укреплению учительскими кадрами погранполосы, послав учителей из тыловых районов, а также учащихся техникумов и курсов в количестве 500 человек. В результате районы жалуются на слабость и неопытность новых учителей, среди которых имеются социально-чуждые элементы».

Подобная информация наступала и из других районов.

В результате многочисленных высылок-переселений в ряде хозяйств не было кому работать. В 1934 году из Плещениц сообщали, что в некоторых колхозах нет людей, чтобы обрабатывать уже распаханные поля, много дворов, где остались только дети и старики. В ряде пограничных колхозов на один двор приходилось по 15–20 га пашни и по 10–15 га сенокоса, не хватало тяглового скота. Далее отмечалось:

> «Те колхозы, где 10–12 га на двор не имеют чем выполнить поставки и получили отсрочки, не имели семян на озимый сев – получили ссуду, не имеют кормов для свиноферм, не обеспечены полностью семенами, и колхозники уже голодают. В этих колхозах колхозники голодали прошлый год, сейчас трут мелко сено и пекут лепешки, дети занимаются нищенством».

В 1935 году было приказано: на те административные территории, где имелись «укрепленные районы», распространить положение о 7,5-километровой зоне, въезд куда разрешался только по пропускам. СНК БССР должен был издать постановление об организации института ночных караульных во всех населенных пунктах пограничной зоны. В каждом сельсовете, который прилегал к государственной границе, и в сельсоветах, где размещались «укрепрайоны», вводился в штат старший милиционер и пожарный – всего 146 человек по республике. Опять запланировали очередную кадровую чистку. Для этого необходимо было арестовать: 1600 человек «активного кулацко-враждебного элемента, пе-

реселить 6000 семей, а взамен их «вселить благонадежных из других районов БССР и демобилизованных красноармейцев».

По постановлению СНК БССР и ЦК КП(б)Б, утвержденному в Москве 29 декабря 1935 г., из 500-метровой полосы подлежали выселению 887 хозяйств здешних колхозников и единоличников, вместо них планировалось завербовать 2000 семей из тыловых районов.

Отобранные для переселения колхозники, так сказать — «лучшие из лучших», наученные горьким опытом не верить «своей» власти на слово, ехать неведомо куда не желали и требовали разрешения послать вперед, в места переселения, своих ходоков, чтобы ознакомиться с условиями тамошней жизни. В этом им было отказано.

Во время переселения дело доходило до курьезов: в Мстиславском районе переселенцам, еще до их прибытия на новое место, с подачи одного острослова приклеили кличку — «абисинцы». Председатель приграничного колхоза «Чырвоная Диброва» Ханевский в своем официальном письме в местный райисполком так и заявил: «Просьба выдать в наш колхоз 5 трудоспособных семей абисинцев».

Советские пограничники 1930-х гг.

Все мероприятия, связанные с переселением, обставлялись особыми торжествами: до станции отправления переселенцев с почетом провожало само руководство района, организовывались праздничные митинги с оркестрами и речами. Из Полоцкого района сообщалось:

> «Среди завербованных настроение хорошее, каждый подготовился к отъезду, чувствуя себя лучшим колхозником района, которого направляют в погранрайоны, как районы имеющие особое значение для нашей Республики и всего СССР».

Но праздник кончался сразу после приезда на новое место, новоприбывшие начинали осознавать, что они потеряли: сразу начиналась проверка документов, отбирались паспорта, затем переселенцев разбирали председатели сельсоветов и колхозов «по предварительно подготовленным спискам».

То, что ожидало «ударников-колхозников» в пограничных районах, показано в отчете начальника политотдела Плещеницкой МТС Сапуна:

> «Для стимулирования было решено: освободить семьи переселенцев на 1 год от всех сельскохозяйственных поставок и налогов [картофель, мясо и молоко]. Затем выдать им на квартирное обустройство по 500 рублей, 5 пудов хлеба и 15 [-] картофеля. Должны были до 15 марта окончить переселение. [...] Колхозники поверили и приехали из хороших колхозов в развалeнные, из тыловых колхозов, где они пользовались полной свободой — на кордон, где каждый раз, идя на работу, он должен брать пропуск на заставе, а если забудет взять [документ] на работу, его заберут. Как стем-

неет, он должен закрыть наглухо окна и никуда не выходить. Если к нему захочет приехать родственник из другой деревни в гости, он должен получить на это разрешение. Теперь у этого переселенца забирают корову за несдачу мяса и молока. Угрожают еще штрафом и судом за то, что он не возвращает полученные 5 пудов хлеба и 15 — картофеля. [...] Районные заготовительные организации заявляют: у вас решение ЦК есть, а у нас по советской линии нет, потому мы и обязаны с переселенцев взимать...»

О «благополучии» населения в пограничных районах БССР ярко свидетельствует письмо председателя оргкомитета Мозырского округа Дубиной с просьбой о материальной и финансовой помощи, направленное на имя председателя СНК БССР Н.М. Голодеда:

«Для 3-х пограничных районов Мозырского округа нам необходима срочная помощь хлебом, так как имеется ряд колхозов в Туровском, Житковичском и Лельчицком районах, которые чрезвычайно нуждаются в хлебе. На самой границе Житковичского района Брониславского с/с колхоз "Дзержинского" буквально без хлеба. Колхозник этого колхоза Дашкевич Константин имея 11 душ семьи не имеет хлеба, и семья пухнет от голода... Колхозы этих районов денег на покупку хлеба также не имеют».

А вот коллективная петиция в районный отдел НКВД колхозников-переселенцев; выехали раньше из Смолевичского района на постоянное жительство в район близ местечка Красная Слобода (бывшая Вызна), что на Слутчине, где раньше жили семьи бывших слуцких повстанцев:

«Благодарим Вас за хорошее переселение, что дали нам хорошую жизнь за нашу стахановскую работу, что мы так стояли за советскую власть грудью и нам так приходится страдать без хлеба и без воды, огородили хаты, как плот, и повсаживали, что у некоторых и сидеть нет как, хлевов нет, стоит скотина под открытым небом. Вы нам говорили, что все готовое, как хаты, так и холодные постройки, а тут ничего нет и еще люди относятся плохо, называют валацаки, чего вы приповзли к нам, вы нам не потребны и крутят нам трудодни [...]

Выбирали самых честных людей и такую дали жизнь, что мы не можем переносить, обманули нас, мы порешили свои хозяйства, продали свои хаты, все проели, а теперь как мы будем жить. [...] Нам теперь смерть не страшна, и детей не оставим страдать на чужой стороне, пусть лежат с нами вместе в могиле».

Переселенцам не позволялось перевозить свои прежние хаты и хозяйственные строения, перевоз хлеба, картофеля и фуража лимитировался, излишек советовали сдавать во время отъезда заготовительным конторам под билеты с правом получения сданного в том же размере в районах нового места жительства. Но на практике получалось так, как всегда при советской власти: то, что положено по закону — не выдавали полностью и «обрезали». Не выплатили в полном размере и обещанную денежную помощь — сначала выдали по 450 рублей, а затем «помощь» сократили до 250 рублей.

Через какое-то время началось бегство с новых мест переселенцев, советских активистов и «надежных граждан». До ноября 1936 г. в Плещеницком районе из 120 семей переселенцев уехали 48 (40 %), до середины 1937 года в Ветринском районе из 124 семей бежали 34 (27,4 %), в Ушачском из 97 — 27 (27,8 %), в Бегомльском из 87 — 17 (19,5 %). Отмечалось, что «переселенцы в большинстве случаев уезжают тайно, ночью».

Важным средством «укрепления» пограничья власти считали кампанию по ликвидации («стягиванию») хуторов, которая проводилась согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 11 января 1937 г.

«Выборочный осмотр» 154 хуторов, размещенных в 7,5 километровом пограничном поясе Заславского, Минского и Узденского районов, проведенный в том же году, «выяснил»: 75 дворов имели родственников в Польше, а хозяева 118 дворов «составляют контрреволюционный актив, который творит антиколхозную работу». «Контрреволюционный актив» выявлен среди жителей хуторов в пограничной зоне Копыльского и Старобинского районов. Отмечалось также, что «особое значение имеют хуторские хозяйства в деле подготовки польской разведкой повстанческих групп и организаций к моменту войны между Польшей и СССР».

Более 100 жителей хуторов Старобинского района были привлечены к ответственности по фальсифицированному делу повстанческой организации «Беларуская Революционная Партия» (БРП); на территории этого же района «раскрыли» повстанческую организацию, якобы «созданную агентами польской разведки», то же самое было «выявлено» на хуторах Ветринского, Краснослободского, Ельского, Бегомльского и Лельчицкого районов. Отмечалось, «что, если надо, количество этих примеров можно значительно увеличить» (!).

По делам «польских шпионов» и «повстанческих организаций» 1937 г. нет почти ни одного, где бы не проходили — в качестве «активных участников» — жители хуторов, а сами хутора значились как «явочные квартиры и пункты переправ». Такие дела составляли до 70 процентов от общей цифры. Руководитель НКВД БССР Берман предлагал в течение 1938 г. «стянуть» все хутора из 5-километровой зоны.

По постановлению от 31 декабря 1936 г. ЦК КП(б)Б на 500-метровом пограничном поясе председателей сельсоветов обязывали за два месяца стянуть в центр колхозов разбросанные по границе хутора, все строения выселенных с этой полосы подлежали сносу, в пограничных деревнях надо было значительно улучшить внешний вид строений: отремонтировать крыши, заборы, хозяйственные строения, побелить трубы и т.д. Местному руководству объяснялось, что пограничные колхозы — это витрина достижений советской власти. Но и эта задача, которой придавали большое идеологическое значение, была провалена. В 1938 г. новый первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко отмечал:

> «Пограничные селения выглядят неприглядно, строения кроются соломой. Отсутствуют электрификация, в то время как на польской стороне на границе, как правило, стоят благоустроенные помещичьи и кулацкие усадьбы [...] В пограничных районах не созданы материально-культурные условия для работников: низкая заработная плата, плохие жилищные условия, мало культурных учреждений [...] Отсутствует совершенно местная промышленность».

Среди других мероприятий по укреплению государственной границы СССР в планах большевистского руководства важным пунктом значилось создание красноармейских колхозов, этаких военных поселений, «опорных пунктов не только в оборонительном смысле, но и в политико-экономическом». Организа-

ция последних планировалась в Калининской, Ленинградской, Винницкой областях, в Азово-Черноморском крае и в БССР. Большинство жителей этих опорных пунктов должны были составить демобилизованные военнослужащие.

По постановлению ЦК и СНК БССР от 11 января 1932 г. предусматривалось создание 12 красноармейских колхозов на 825 человек, а также подселение в 137 существующих пограничных колхозов 2105 военнослужащих с тем, чтобы они в пограничье составляли «крепкое и руководящее ядро» (по 15–16 чел. на колхоз. — *Ред.*). Вербовались красноармейцы, которые подлежали демобилизации и до воинской службы работали колхозниками либо сельскохозяйственными рабочими. Агитировать единоличников разрешалось в исключительных случаях, после тщательной проверки каждого. Красноармейцы, которые подселялись в пограничье, должны были получать централизованный паёк от райсоюза, семейным обещалась хата, корова, всем — денежная помощь (по 300 рублей на семью и по 150 рублей холостякам). Белкоопсоюз обязывался выдать одежду, обувь, кухонную посуду. На первое время красноармейские колхозы полностью освобождались от государственных сельскохозяйственных поставок.

Три колхоза военного типа в БССР были созданы еще в 1929–1930 гг. Первый — коммуна Реввоенсовета Белорусского военного округа (Любанский район) — возник на Мгринских болотах. Земли, отведенные под хозяйство, представляли неосвоенную торфяную почву, покрытую лесом и кустарником, которую демобилизованные красноармейцы должны были превратить в «цветущие сады». В 1933 году на Беларуси их было уже 13: в Полоцком районе — 5, Лельчицком — 2, Логойском, Дзержинском, Копыльском, Краснослободском, Любанском и Петриковском — по одному.

Но во время подведения результатов новой кампании в 1933 г. констатировалось, что постановление «по военизации» пограничных сельских хозяйств выполнено не в полной мере: завербовать удалось 2274 чел., а на места прибыли всего 1669. С сентября 1932 до февраля 1933 года из красноармейских колхозов ушло еще 484 человека**.

Главной причиной массового бегства называлась «совершенно неудовлетворительная работа по отбору вербованных непосредственно в воинских частях». Многие набранные волонтеры убегали из района в первый же день приезда на новое место. Приводились факты, когда красноармейцы ехали сюда только для того, чтобы уволиться из армии, получить обмундирование и «подъемные» деньги, а затем вернуться на родину.

Первое, с чем сталкивались прибывшие красноармейцы — отсутствие приемлемого жилья. Взамен обещанных отдельных и уютных хат чаще всего их селили на квартиры к колхозникам, в неподготовленные помещения, «а в хозяйствах некоторых районов (Полоцкий, Лельчицкий) красноармейцы вынуждены были размещаться даже в хлевах». Местное население также неприязненно относилось к ним: «Прислали нахлебников; на кой черт нам нужны на зиму». Зафиксированы случаи, когда бывших «дембелей» агитировали ехать назад: дес-

* Невольно вспоминаются «военные поселения» графа А.А. Аракчеева, существовавшие в 1810 – 1857 гг. — *Ред.*

** Таким образом, остались всего-навсего 121 человек из 2274 (5,3 %) от общего числа «добровольцев». — *Ред.*

кать, в колхозе плохо жить, нечего есть. В Заславском и Узденском районах крестьяне, выпекая хлеб для военнослужащих-колхозников, специально добавляли в муку землю.

Красноармейские колхозы, создаваемые на новых местах, требовали значительных денежных вложений и постоянного внимания со стороны партийно-советских органов. Вероятно, что главными причинами производственной неэффективности красноармейских колхозов была бесхозяйственность и «потребительская психология» демобилизованных, незаинтересованность в результатах своего труда. По итогам 1932 года из 13 таких колхозов только 3 выполнили план сева на 100 процентов. Один из отчетов сообщал:

> «Также неудовлетворительно в отдельных колхозах проведена уборка урожая 1932 г. и поднятие зяби. Особенно надо отметить скверное качество обработки земли. Ход подготовки к севу в большинстве красноармейских колхозов организован плохо».

В марте 1933 г. Бюро ЦК КП(б)Б рассмотрело результаты организации красноармейских колхозов и пришло к выводу, что соответствующая директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР не выполнена. Пришлось опять ставить «очередные задачи» укрепления воинских хозяйств.

Во исполнение партийной директивы командующий БВО И.П. Уборевич (занимал этот пост с апреля 1931 по июнь 1937 гг. – *Ред.*) приказал командирам частей:

Колхозники- красноармейцы

> «Немедленно развернуть работу по вербовке из подлежащих к увольнению крепких, политически устойчивых красноармейцев и младших командиров. В составе завербованных должно быть не менее 50 % партийцев, комсомольцев и 90 % переселяющихся с семьями. Ответственность за качество вербовки и закрепление завербованных в колхозах возложить лично на комдивов и начподивов. Разъяснить завербованным политическое оборонное значение красноармейских колхозов, их задачи по преодолению трудностей».

Но никакие партийные постановления и приказы не могли поднять производство и финансовое состояние хозяйств, работники которых не были заинтересованы в результатах труда, парализованы страхом ареста или выселения. Эти полувоенные хозяйственные структуры содержались за счет государственных дотаций. Нарком земледелия Казимир Бенек (арестованный в мае 1937 г.) докладывал в СНК БССР, что задолженность красноармейских колхозов государству на 1 января 1934 г. составила свыше 1,5 млн. рублей. Он добавил:

> «Эта сумма старого долга в значительной степени отягощает экономический подъем красноармейских колхозов и отражается на моральном состоянии завербованных и вербуемых красноармейских семей. Считаю необходимым ходатайствовать

перед СНК СССР об отсрочке красноармейским колхозам платежа 1000 тыс. руб., причитающихся к взносу в 1934–35 гг., на следующие годы».

Постановлением СНК БССР от 4 октября 1935 года «О мероприятиях по укреплению красноармейских колхозов» с названных хозяйств списали «недоимки» по всем натуральным платежам, а также другие ссуды.

План 1934 года по дополнительному переселению бывших военнослужащих в пограничные районы, как и в предыдущие годы, выполнен не был. Вообще к началу 1937 г. в красноармейских колхозах республики остались только 363 семьи бывших красноармейцев.

В 1938 г. после очередной номенклатурной чистки произошла смена руководства БССР. Первым секретарем ЦК КП(б)Б стал Пантелеймон Пономаренко, республиканский НКВД возглавил Алексей Наседкин (в декабре того же года его арестовали и заменили на Лаврентия Цанаву). Но коренных изменений в методах руководства не произошло. Наоборот, новые московские наместники советской Беларуси подчеркивали необходимость усиления политических репрессий. На основании рекомендаций Наседкина 4 августа 1938 года Пономаренко направил на имя Сталина докладную «О положении в пограничных районах БССР», где сообщал:

> «В Белорусской ССР 16 пограничных районов, из которых 14 граничат с Польшей и 2 с Латвией. [...] В пограничных районах и районах, расположенных вблизи границы, в настоящее время выявлено около 600 человек бывших кулаков, 900 человек церковно-сектантского актива, 550 человек участников политбанд, 200 человек бывших эсеров, 280 человек бывших бундовцев, 150 человек чинов бывшей жандармерии и полиции, 75 человек бывших офицеров царской белой армии, 79 человек сионистов, 65 человек еврейских клерикалов, 8000 человек членов семей репрессированных органами НКВД. Все эти элементы, безусловно, являются базой для шпионско-вредительской и террористической работы иностранных разведок [...] В пограничных районах вскрыт ряд антисоветских повстанческих формирований и большое количество диверсионно-вредительских групп в колхозах, куда преимущественно входили бывшие церковники, сектанты и другие социально-чуждые элементы».

«В целях дальнейшего улучшения работы, хозяйственно-политического положения пограничных районов и усиления госграниц от проникновения нарушителей» партийный руководитель БССР обращался в ЦК ВКП(б) и лично к «товарищу вождю»:

> «Разрешить выселение из погранрайонов за пределы БССР семей репрессированных, контрреволюционные и повстанческие элементы и лиц, имеющих близкие связи с Польшей и Латвией».

Создание красноармейских колхозов, по мнению Пономаренко, никак не оправдало себя. Это также отмечалось в «Описании политико-экономического состояния пограничных районов БВО» («опорными пунктами в настоящее время колхозы еще назвать нельзя»). Секретарь ЦК КП(б)Б признал провал кампании с организацией красноармейских колхозов и предложил создать 2-ю линию охраны границы путем устройства 320 спецхуторов, а также ограничить въезд в 22-километровый пояс всем, кто не имел здесь постоянной прописки.

Интересно сравнить политику и методы по обустройству пограничной территории в СССР с соседями. Так, например, для безопасности своей восточной границы власти Польши тоже использовали превентивные меры и даже репрессии. На этих территориях создавался институт колонистов, который формировался из бывших легионеров Войска Польского, из «надежных» крестьян – выходцев из этнических польских воеводств. Такая политика тоже вызвала возмущение, стимулировала просоветские настроения у здешнего беларуского населения, так как мероприятия польских властей на «крэсах всходних» не стыковались с национальными и экономическими интересами последнего. Вторая Речь Посполитая была государством для поляков, которое мало заботилось о нуждах непольского населения страны.

Тем не менее, при обустройстве своих восточных рубежей с опасным соседом, правительство Польши делало ставку не на репрессивный и пропагандистский аспекты, а в первую очередь на экономическое развитие пограничья. Создавались здесь не полуфеодальные военизированные структуры, а частные хозяйства типа хуторов. Вместе с льготным финансированием (безвозвратные денежные ссуды, выгодные кредиты и др.) поощрялась частная инициатива колонистов, которым не угрожала ссылка в Сибирь и которым центральная и местная власти доверяли и содействовали в жизни. За межвоенный период колонисты, благодаря прежде всего своим стараниям, достигли значительных успехов в развитии частных хозяйств. Их упорядоченные и красивые усадьбы стали «визитной карточкой» польского пограничья. Этот факт признавала, кстати, и советская сторона.

Пройдет еще год, начнется Вторая мировая война. СССР в сговоре с гитлеровской Германией начнут военные действия против Второй Речи Посполитой. Вскоре, по Пакту Риббентропа-Молотова, кроме Западной Беларуси и Украинской Галичины, к советской империи будут присоединены страны Балтии и Бесарабия. А после войны по законам советской тоталитарной «зоны» жила уже половина Европы. Понадобилось полстолетия, чтобы «железный занавес» упал.

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» 1936–1938 ГГ. КРАТКАЯ ХРОНИКА

Составители *Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский*

Большой террор – период массовых репрессий и политических преследований в СССР, датируемый 1937–1938 гг. Кампания массового террора была организована лично Сталиным. Массовые репрессии периода Большого террора осуществлялись на основании «спущенных на места» из Москвы цифр «плановых заданий» по выявлению и наказанию так называемых «врагов народа»».

Исключительная роль Сталина в организации этой широкомасштабной бойни, не имеющей аналогов в истории человечества, не вызывает сомнений и подтверждается всеми документами. Имеются сотни записок, сделанных рукой Сталина, в которых он требовал от чекистов убивать все больше и больше. Приговоры он выносил красным карандашом. Напротив некоторых имен арестованных писал: «Бейте еще». Внизу многочисленных страниц стояло: «Всех расстрелять». В некоторые дни Сталин приговаривал к смерти более 3000 так называемых «врагов народа».

За эти 2 года по политическим мотивам были приговорены к расстрелу (по официальным данным) 681. 692 человека. Вместе с умершими в тот же период в ГУЛАГе, исправительно-трудовых учреждениях и тюрьмах, а также с политзаключёнными, казненными по уголовным статьям, количество жертв за 1937–38 гг. составило более 1 млн человек.

Название «Большой террор» дано по книге американского автора Р. Конквеста «Большой террор»» (The Great Terror). В постсталинском СССР период репрессий 1937–38 гг. было принято называть «ежовщиной» по имени народного комиссара внутренних дел Н.И. Ежова.

(Википедия)

События «Большого террора» только в небольшой своей части выходили на поверхность общественной жизни: в советской печати появлялась информация лишь о больших и – на местном уровне – о малых показательных процессах, сопровождавшихся погромной пропагандой. Личный опыт человека, попавшего в жернова репрессий, также не мог раскрыть общей картины происходящего. Поэтому масштаб, структура и механизмы репрессий оставались скрытыми как для большинства современников (за исключением, разумеется, «авторов» и главных исполнителей террора), так и для нескольких поколений историков.

Сейчас совокупность доступных источников дает возможность рассмотреть чертеж «Большого террора» более или менее отчетливо. Однако в предлагаемой хронике мы не стремились представить этот чертеж как связное целое, – наша задача более скромная: дать представление о последовательности репрессивных событий, сопроводив главные из них минимальным комментарием.

Хроника базируется, преимущественно, на документах ЦК ВКП(б) и НКВД СССР – прежде всего на директивах, регламентировавших динамику репрессий, их идеологические, количественные и процессуальные параметры.

«Показательные процессы» – это акции, которые имели явное политическое значение и играли роль символического устрашения.

Ход репрессий в описываемый период не был равномерен – течение «Большого террора» в самом общем виде можно разделить на четыре периода:

Первый. Октябрь 1936 – февраль 1937 гг. Перестройка карательных органов, установка на чистку партийной, военной и административной элиты от потенциально оппозиционных элементов в условиях угрозы «империалистической агрессии».

Второй. Март 1937 – июнь 1937 гг. Декретирование тотальной борьбы с «двурушниками» и «агентами иностранных разведок», продолжение чистки элиты, планирование и разработка массовых репрессивных операций против «социальной базы» потенциальных агрессоров – кулаков, «бывших людей», представителей национальных диаспор и т.п.

Третий. Июль 1937 – октябрь 1938 гг. Декретирование и реализация массовых репрессивных операций – «кулацкой», «национальных», против ЧСИР; интенсификация борьбы с «военно-фашистским заговором» в РККА, с «вредительством» в сельском хозяйстве и других отраслях.

Четвертый. Ноябрь 1938 – 1939 гг. Так называемая «бериевская оттепель»: прекращение массовых операций, упразднение большинства чрезвычайных механизмов внесудебной расправы, частичное освобождение арестованных, уничтожение «ежовских» кадров в НКВД.

События, предваряющие разворот репрессий

9 марта 1936 г.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов».

Декларируется, что в СССР «скопилось большое количество политэмигрантов, часть из которых является прямыми агентами разведывательных и полицейских органов капиталистических государств».

В связи с этим ужесточается процедура получения разрешений на въезд в СССР зарубежным коммунистам, закрываются «переправы» («окна» на границе) Коминтерна, производится полный переучет политэмигрантов, создается комиссия (под председательством секретаря ЦК Н.И. Ежова) для «очистки от шпионских и антисоветских элементов» аппаратов Профинтерна, МОПРа (Международная организация помощи борцам революции) и др. международных организаций на территории СССР.

25 марта 1936 г.

Нарком внутренних дел СССР Г.Г. Ягода вносит предложение в Политбюро ЦК ВКП(б) «всех троцкистов, находящихся в ссылке и ведущих активную работу, арестовать и отправить в дальние лагеря, троцкистов, исключенных из ВКП(б) при последней проверке партийных документов, изъять и решением Особого совещания при НКВД направить в дальние лагеря сроком на 5 лет», а «уличенных в причастности к террору» расстрелять. 31 марта свой положительный отзыв на записку Ягоды представляет Прокурор СССР А.Я. Вышинский.

28 апреля 1936 г.

Постановление СНК СССР «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской обл. Казахской АССР 15.000 польских и немецких хо-

зяйств». Мотивация принудительного переселения: очистка приграничных районов от неблагонадежных элементов. Всего было переселено 69.283 чел.

20 мая 1936 г.

Постановление Политбюро ЦК о репрессировании троцкистов (по записке Ягоды от 25 марта и Вышинского от 31 марта).

19 июня 1936 г.

Нарком ВД СССР Ягода и Прокурор СССР Вышинский представили в Политбюро ЦК ВКП(б) список 82-х «участникоз контрреволюционной троцкистской организации, причастных к террору» с предложением привлечь их к суду. В списке – Зиновьев, Каменев и др.

29 июля 1936 г.

Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» (обвинение в убийстве С.М. Кирова, подготовке покушений на членов Политбюро; педалируется связь троцкистских агентов с «гестапо»), резкое усиление широкой пропагандистский кампании против бывших троцкистов. (Как ныне установлено, убийство Кирова было осуществлено по приказу Сталина).

19–24 августа 1936 г.

В Москве проходит открытый судебный процесс (заседание Военной коллегии Верховного суда СССР) по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Председатель суда В.В. Ульрих, гос. обвинитель А.Я. Вышинский.

Обвиняемые: Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Е. Евдокимов, И.Н. Смирнов, С.В. Мрачковский и др. Среди обвинений: убийство С.М. Кирова, подготовка покушений на Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе. Все обвинения фальсифицированы. Все 16 обвиняемых приговорены к смерти и расстреляны 25.08.1936. В разных регионах страны прошли «дочерние» процессы, на которых осуждено более 160 чел.

14 сентября 1936 г.

Арест Ю.Л. Пятакова, через два дня К.Б. Радека, – будущих главных обвиняемых на процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (январь 1937).

25 сентября 1936 г.

Телеграмма в Политбюро от Сталина и Жданова из Сочи: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на четыре года».

26 сентября 1936 г.

Г.Г. Ягода освобожден от должности наркома внутренних дел СССР и назначен наркомом связи СССР. Н.И. Ежов назначен наркомом внутренних дел СССР, с сохранением должностей секретаря ЦК ВКП(б) и председателя КПК при ЦК ВКП(б).

29 сентября 1936 г.

Политбюро принимает Постановление ЦК ВКП(б) «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам», в котором содержится важная идеологическая новация:

«а) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились ещё больше вниз и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе».

Из этой предпосылки делается вывод:

«б) в связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только подследственных (...), дела которых ещё не закончены, но и тех, которые раньше были высланы».

Первый этап «Большого террора»

4 октября 1936 г.

Политбюро рассматривает просьбу Ежова и Вышинского санкционировать осуждение 585 человек по списку и принимает («опросом») постановление:

«Согласиться с предложением т.т. Ежова и Вышинского о мерах судебной расправы с активными участниками троцкистско-зиновьевской контрреволюционной террористической организации по первому списку в количестве 585 человек» (так создан прецедент списочных осуждений).

19–22 октября 1936 г.

В Новосибирске проходит «кемеровский процесс» по делу о взрыве 23.09.1936 на кузбасской шахте «Центральная».

На суде «выяснилось», что диверсию «организовала» подпольная троцкистская группа в сговоре с инженерами из числа старых «спецов», что нити заговора тянулись в Москву. Все 9 подсудимых приговорены к расстрелу, ряд фигурантов дела выведены на процесс «Антисоветского параллельного троцкистского центра» в январе 1937. Все обвинения были фальсифицированы, а обвиняемые после 1956 г. реабилитированы.

13 ноября 1936 г.

Циркуляр НКВД СССР о выявлении и разгроме «эсеровского подполья» (начало повсеместных арестов бывших эсеров на воле и в ссылке).

13 ноября 1936 г.

Приказ НКВД «Об усилении борьбы с крушениями на железнодорожном транспорте» (каждая авария должна рассматриваться как возможная диверсия).

29 ноября 1936 г.

Прокурор СССР Вышинский издает распоряжение проверить законченные дела прошлых лет о пожарах, авариях, выпуске недоброкачественной продукции и т. п. «с целью выявления контрреволюционной вредительской подоплеки этих дел и привлечения виновных к более строгой ответственности».

4 и 7 декабря 1936 г.

Пленум ЦК ВКП(б). Отчет Ежова о раскрытых троцкистских группах, совершенных ими диверсиях, о количестве арестов по «троцкистским делам» (несколько тысяч человек); в частности, названы подсудимые готовящегося процесса: Пятаков, Радек и др., выдвинуты новые обвинения в адрес Бухарина и Рыкова, заявлено о существовании «антисоветского правого центра».

На основании доклада Ежова проведено обсуждение вопроса о причастности Бухарина и Рыкова к «преступлениям троцкистов» и к террору (резолюция: «Принять предложение т. Сталина: считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку и отложить дело решением до следующего пленума ЦК»).

17 декабря 1936 г.

Постановление СНК СССР «О выселении к.-р. элементов из Азербайджана в Иран и отдаленные районы СССР». Мотивация: очистка приграничных и режимных местностей от неблагонадежных элементов.

6 января 1937 г.

Всесоюзная перепись населения. Полученная численность населения страны оказалась гораздо меньше ожидавшейся. Результаты переписи объявлены недостоверными (сент. 1937) и засекречены. Разработчики и организаторы переписи – репрессированы.

Справка: Всесоюзная перепись населения 6 января 1937 г. стала единственной известной переписью, предварительные результаты которой были практически сразу (спустя 10 дней) объявлены «вредительскими»; проводившие её ответственные работники были арестованы и репрессированы. В связи с этим разработка результатов переписи так и не была начата, а предварительные материалы были изъяты и засекречены. Сохранившиеся в архивах основные результаты переписи были опубликованы только в 1990 г.

Общая численность населения СССР составила 162.003.225 чел., включая контингенты РККА и НКВД. Эта цифра была значительно ниже той, которая ожидалась по данным текущего учёта населения. Так на 1.01.1933 г. ЦУНХУ расчетная численность населения составила 165,7 млн.

Первыми «вредителями», выявленными 31 марта 1937 г., стали ответственные за подготовку и проведение переписи О.А. Квиткин (начальник Бюро переписи населения ЦУНХУ СССР), М.В. Курман (начальник Сектора населения), Л.С. Бранд (Брандгендлер) (заместитель начальника Бюро переписи населения) и И.М. Обломов. Начальник Управления народно-хозяйственного учёта Госплана СССР И.А. Краваль был арестован 31 мая 1937 г. и впоследствии расстрелян. Аналогичные «выявления» прошли по всем уровням УНХУ СССР и союзных республик.

8 января 1937 г.

Циркуляр Наркомюста и Прокурора СССР: военным трибуналам предписывается рассматривать дела, «по которым может быть разглашена военная, дипломатическая или государственная тайна», как правило, без участия обвинения и защиты. В эту категорию попадали, в частности, дела по обвинению в измене родине, шпионаже, диверсии и терроре.

9 января 1937 г.

Директива НКВД СССР о выселении к/р элементов из Азербайджана в Иран

и отдаленные районы СССР согласно Постановлению СНК от 17.12.1936. Намечено выселить из Баку и пограничных р-нов АзССР в Иран 2500 иранских подданных (исключенных из партии, не занимающихся общественно-полезным трудом, имеющих судимость по уголовным и политическим преступлениям, быв. перебежчиков), а также 700 семей «к.-р. элемента» (кулаки, беки, муллы, ранее осужденные и вернувшиеся домой).

23–30 января 1937 г.

Второй открытый процесс в Москве по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Председатель суда В.В. Ульрих, гос. обвинитель А.Я. Вышинский. Подсудимые Г.Л. Пятаков, К.Б. Радек, Л.П. Серебряков, Г.Я. Сокольников и другие обвинялись в организации саботажа, диверсий и шпионажа в пользу Германии и Японии, в заговоре с целью расчленения СССР и реставрации капитализма. 13 человек приговорены к смертной казни; расстреляны 1 февраля 1937. В газетах развернута пропагандистская кампания, демонстрирующая массовый энтузиазм и ненависть к «врагам народа». (Ныне доказано, что все обвинения являлись фальсификацией).

27 января 1937 г.

Политбюро утверждает Постановление ЦИК СССР о присвоении Н.И. Ежову звания Генерального комиссара госбезопасности (одновременно Постановление ЦИК переводит в запас Ген. комиссара гос. безопасности Г.Г. Ягоду).

9 февраля 1937 г.

Циркуляр НКВД об усилении оперативной работы по «эсеровской линии».

18 февраля 1937 г.

Смерть члена Политбюро ЦК ВКП(б), Наркома тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе. Он с 1936 г. оказывал определенное сопротивление репрессивной политике Сталина, во всяком случае, старался защитить сотрудников своего ведомства. По официальному сообщению, он «внезапно скончался от паралича сердца во время дневного сна». Существует версия, что смерть Орджоникидзе наступила в результате самоубийства; некоторые современники полагали, что Орджоникидзе был убит по заданию Сталина.

21 февраля 1937 г.

Директива ГУГБ (Главного управления гос. безопасности) НКВД СССР об ускорении мероприятий по разгрому троцкистских диверсионных и шпионских организаций.

23 февраля – 5 марта 1937 г.

Пленум ЦК ВКП(б), почти целиком посвященный политическому обоснованию разворачивающихся массовых репрессий, прежде всего, в среде партийной и хозяйственной элиты. Значительная часть Пленума (23-27.02) была посвящена «делу Бухарина-Рыкова» (основной докладчик Н.И. Ежов); 27 февраля оба они исключены из партии и арестованы. Установочные доклады В.М. Молотова и Л.М. Кагановича (28.02) касались «уроков вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» в промышленности и на транспорте, доклад Ежова (01.03) — вражеской деятельности в НКВД.

В докладе Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» (03.03) беспощадная борьба с врагами по-

стулировалась как важнейший приоритет партийной работы на современном этапе. По логике Сталина, поскольку троцкисты и иные политические противники превратились «в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующую по заданиям разведывательных органов иностранных государств», в борьбе с ними нужны «не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома».

На Пленуме выступили 73 человека. 56 из них в 1937–1940 гг. были расстреляны, 2 кончили жизнь самоубийством (т.е. погибли 79,4 %).

Второй этап «Большого террора»

27 февраля 1937 г.

Ежов представляет на утверждение членам Политбюро первый «список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР», включающий фамилии 479 человек, которых заранее (!) решено казнить. В течение следующих полутора лет такие списки регулярно подавались из НКВД на утверждение Сталину и его ближайшим сподвижникам – только после их визы дела поступали на судебное рассмотрение Военной коллегии. Всего в этих 383 списках более 40 тыс. чел. Подавляющее большинство из них были осуждены на смерть.

11 марта 1937 г.

Директива НКВД СССР о раскрытии «японо-троцкистских диверсионных групп» в нефтяной промышленности.

15 марта 1937 г.

Приказ НКВД СССР, ужесточающий режим в тюрьмах особого назначения НКВД. Окончательная отмена существовавшего с начала 1920-х гг. специального режима для содержания заключенных, признававшихся властью «политическими».

17 марта 1937 г.

Закон СССР о запрещении крестьянам покидать колхозы без согласия администрации и подписанного трудового соглашения с будущим работодателем. Законодательное оформление лишения крестьян права на свободу передвижения.

23 марта 1937 г.

Распоряжение НКВД СССР о прекращении освобождения из ссылок бывших оппозиционеров (троцкистов, зиновьевцев, правых, децистов, мясниковцев и шляпниковцев), у которых заканчивается срок ссылки.

27 марта 1937 г.

Циркуляр НКВД СССР об усилении агентурно-оперативной работы по «церковникам и сектантам». Утверждается, что «церковники и сектанты» активизировались в связи с принятием новой Конституции и ведут подготовку к выборам в советы, «ставя своей задачей проникновение в низовые советские органы». Предписываются меры, направленные на «выявление и быстрый разгром организующих очагов нелегальной работы церковников и сектантов»: внесение раскола в церковные общины, ослабление материальной базы церкви, затруднение участия в выборах и т.д.

29 марта 1937 г.

Политбюро постановляет «предложить Наркомату Обороны уволить из рядов РККА всех лиц командно-начальствующего состава, исключенных из ВКП(б) по политическим мотивам».

2 апреля 1937 г.

Директивное письмо ГУГБ НКВД СССР о возрастающей активности германских разведорганов, об организации ими в СССР актов террора и диверсии, а также «массовой фашистской работы в среде немецкого населения» с целью создания «повстанческой базы»; об усилении борьбы с агентами германской разведки.

3 апреля 1937 г.

Циркуляр ГУГБ НКВД о якобы вскрытых «антисоветских организациях троцкистов и правых в военно-химической промышленности» и о необходимой очистке отрасли от враждебных элементов.

7 апреля 1937 г.

Политбюро по представлению Вышинского принимает решение: «Указать НКВД на продолжающиеся случаи самоубийства заключенных в следственных тюрьмах».

8 апреля 1937 г.

Политбюро утверждает новое Положение об Особом Совещании (ОСО) при НКВД СССР. ОСО получает право заключать в тюрьму на срок от 5 до 8 лет лиц, подозреваемых в шпионаже, диверсии, терроре, вредительстве (ранее могло осуждать к ссылке или лагерю на срок до 5 лет).

14 апреля 1937 г.

Директива НКВД СССР об арестах лиц, подозреваемых в террористически-диверсионных намерениях, усилении агентурного наблюдения и охране партийных и советских руководителей к празднованию 1 мая.

15 апреля 1937 г.

Начальником ГУГБ НКВД СССР вместо Я.С. Агранова (креатура Ягоды) становится М.П. Фриновский (креатура Ежова) с сохранением поста заместителя наркома внутренних дел.

21 апреля 1937 г.

Директива НКВД и Прокурора СССР о запрещении производить зачеты рабочих дней заключенным-троцкистам (тем самым их лишили права на досрочное освобождение).

29 апреля 1937 г.

Директива ГУГБ НКВД СССР о бывших меньшевиках, преимущественно находящихся в ссылках, которые подозреваются в «нелегальной работе, направленной на воссоздание меньшевистской партии», в диверсионно-террористических намерениях и стремлении заключить блок с эсерами, троцкистами и правыми с целью вооруженного свержения советской власти. Предписывается «немедленно приступить к быстрому и полному разгрому меньшевистского подполья».

7 мая 1937 г.

Директива ГУГБ НКВД СССР об усилении агентурно-оперативной работы среди физкультурников. Объявляется о ликвидации ряда групп среди физкультурников, «ведших активную работу по подготовке террористических актов против руководителей ВКП(б)».

14–29 мая 1937 г.

Аресты военачальников – основных обвиняемых по делу о «военно-фашистском заговоре в РККА».

23 мая 1937 г.

Постановление Политбюро о высылке из Москвы, Ленинграда, Киева «всех исключенных из ВКП(б) за принадлежность к троцкистам, зиновьевцам, правым, шляпниковцам и др. антисоветским формированиям». Также предписано выслать все семьи оппозиционеров, осужденных к расстрелу или на срок свыше 5 лет.

8 июня 1937 г.

Директива ГУГБ НКВД СССР «Об агентурно-оперативной работе по антисоветским тюрко-татарским националистическим организациям». В директиве заявлено об «активизации националистических элементов» в Азербайджане, Крыму, Татарии, Узбекистане, Таджикистане, Казахстане, захвате ими руководящих постов, «блокировании с троцкистами и правыми и прямой ориентации на фашизм», «организации повстанческих кадров для вооруженного выступления в момент войны против СССР», «совершении местных террористических актов и подготовке центрального террора». Приказано «во всех восточных национальных республиках и областях работу по разгрому националистического подполья рассматривать как работу первостепенной важности».

11 июня 1937 г.

Дело о военно-фашистском заговоре в РККА рассмотрено Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР под председательством В.В. Ульриха (гос. обвинитель А.Я. Вышинский). Восемь военачальников – М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборевич, В.М. Примаков, В.К. Путна, А.И. Корк, Р.П. Эйдеман, Б.М. Фельдман осуждены к смертной казни. Их расстреляли в ночь на 12 июня. (После 1956 г. все они реабилитированы). Начало массовых арестов в армии. Всего в течение 1937–38 гг. было репрессировано не менее 32 тысяч военнослужащих РККА, в основном из категории командного состава.

15 июня 1937 г.

Инструкция НКВД СССР о проведении (в соответствии с решением Политбюро от 23 мая) операции по выселению из Москвы, Ленинграда, Киева, Ростова, Таганрога, Сочи лиц, «вычищенных» из ВКП(б), и членов семей репрессированных. Начало операции – 25 июня.

23–29 июня 1937 г.

Пленум ЦК ВКП(б); доклад наркома внутренних дел СССР Н.И.Ежова о «заговоре, существующем во всех звеньях партии и государства».

26 июня 1937 г.

Циркуляр НКВД СССР об усилении агентурно-оперативной работы среди ис-

ключенных из ВКП(б). Циркуляр утверждал, что «в целом ряде случаев исключенные из ВКП(б) идут на прямое смыкание с японо-немецкой-троцкистской бандой, пополняя собой ряды шпионов, вредителей, диверсантов и террористов».

28 июня 1937 г.

По записке секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе о «вскрытой» в крае контрреволюционной повстанческой организации среди высланных кулаков Политбюро принимает постановление о создании «для ускоренного рассмотрения дел» в ЗСК «тройки». В состав тройки входят начальник Управления НКВД Миронов (председатель), секретарь крайкома Эйхе и краевой прокурор Барков. Тройка по ЗСК – первый из внесудебных органов 1937–38 гг., обладавший правом приговаривать к расстрелу.

Третий этап «Большого террора»

2 июля 1937 г.

Политбюро принимает Постановление «Об антисоветских элементах» и 3 июля направляет его телеграммами секретарям региональных парторганизаций. В директиве, подписанной Сталиным и Молотовым, говорилось:

> «ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке».

Этой телеграммой началась подготовка так называемой «кулацкой операции».

5 июля 1937 г.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О женах осужденных изменников родины», согласно которому «все жены изобличенных изменников родины подлежат заключению в лагеря не менее, как на 5–8 лет», а дети – помещению в детские дома и закрытые интернаты.

7 июля 1937 г.

Прокуратура СССР специальным циркуляром предписывает «обеспечить, чтобы хулиганские действия, сопровождавшиеся или конкретно выраженные в контрреволюционных либо шовинистических выпадах» квалифицировались по ст. 58-10 (антисоветская пропаганда), либо по ст. 59-7 (пропаганда, направленная «к возбуждению национальной или религиозной вражды») УК РСФСР (т.е. были приравнены к государственным преступлениям).

14 июля 1937 г.

Открытие канала Москва – Волга (ныне – канал им. Москвы), длиной 128 км, построенного силами заключенных. К этому моменту были арестованы несколько сот заключенных и вольнонаемных, работавших на строительстве, 218

из них были расстреляны по обвинению в заговоре с целью покушения на Сталина и Ежова в момент их приезда на торжественное открытие канала.

16–20 июля 1937 г.

Ежов и Фриновский проводят совещание руководителей центральных и региональных органов НКВД, посвященное планированию и осуществлению «кулацкой операции».

20 июля 1937 г.

Постановление Политбюро с требованием немедленного издания приказа НКВД «об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах и высылке части арестованных за границу».

20 июля 1937 г.

НКВД издает указание «приступить к организации детального учета работающих на жел. дор. транспорте поляков, перебежчиков, политэмигрантов и политобмененных из Польши, военнопленных польской армии, бывших польских легионеров, бывших членов польских антисоветских партий как ППС и других, независимо от того, имеются на них компрматериалы или нет».

Начало интенсивной подготовки «польской операции».

24 июля 1937 г.

Директива НКВД СССР о мерах предотвращения бактериологических диверсий. «Наряду с подготовкой бактериологической войны, (...) разведывательные органы генеральных штабов главное внимание обращают на организацию актов бактериальных диверсий и массовый террор, частью через специально засылаемую агентуру и в особенности через агентуру, вербуемую на месте в СССР». Приказано начать аресты лиц «из числа иностранных подданных, бывших иностранцев, принявших советское гражданство, лиц, связанных с заграницей», и «активных антисоветских элементов», работавших на водопроводных и бактериологических станциях, в научно-исследовательских институтах и лабораториях, занимающихся микробиологией.

25 июля 1937 г.

Оперативный приказ НКВД СССР № 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР» (в первую очередь имелись в виду работавшие на оборонных заводах и на транспорте). Аресты начались 29 июля. С осени операция постепенно стала распространяться на некоторые категории советских немцев и других граждан, обвиняемых в связях с Германией и шпионаже в ее пользу. Тогда же для осуждения стал использоваться «альбомный порядок» (см. 11 августа).

По «немецкой операции» в 1937–38 гг. были осуждены 55.005 чел., из них 41.898 (76,2 %) приговорены к расстрелу.

27 июля 1937 г.

Директива ГУГБ НКВД о выявлении и аресте участников военного заговора в разведорганах РККА. Эта директива повлекла за собой полный разгром Главного разведывательного управления Генштаба РККА, а также почти всей его агентуры за рубежом. Как отмечали исследователи, в Разведупре «расстреляли всех, вплоть до поварих и уборщиц туалетов».

29 июля 1937 г.

Приказ ГУРКМ [Главного управления рабоче-крестьянской милиции] НКВД об очистке железных дорог от «социально-вредных элементов».

31 июля 1937 г.

Оперативный приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» утверждается в Политбюро ЦК ВКП(б). Одновременно утверждаются сроки «кулацкой операции» и ассигнования на ее проведение, принимается решение об организации шести новых лесозаготовительных ИТЛ, куда должны направляться осужденные по этой операции. Приказ определял контингенты, подлежащие репрессии: быв. кулаки, оставшиеся в деревне или осевшие в городах, быв. члены соц. партий, священство, «бывшие белые» и т.д., а также «уголовники», т.е. люди, ранее судимые по общеуголовным статьям УК.

В отношении «наиболее активных а/с элементов» операция должна была проводиться также в тюрьмах, лагерях, трудпоселках. Приказ устанавливал количественные «лимиты» по 1-й (расстрел) и 2-й (заключение в лагерь) категориям для каждого региона СССР, а также фиксировал персональный состав «троек», выносящих приговоры (нач. УНКВД, секретарь обкома, обл. прокурор). Приговоры выносились заочно, т.е. без вызова обвиняемого, без участия защиты и обвинения, обжалованию приговоры не подлежали. Специально указывалось, что приговоры к расстрелу должны приводиться в исполнение «с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения».

Согласно приказу, операция должна была продлиться 4 месяца, за это время запланировали осудить на расстрел 75.950 человек, заключить в лагеря — 193.000 чел. (всего 268.950 чел.). Сроки операции неоднократно продлевались, регионам предоставлялись новые дополнительные «лимиты». Всего в ходе «кулацкой операции», в основном завершенной к весне-лету 1938 г., было осуждено не менее 818 тысяч чел., из которых расстреляно не менее 436 тыс. чел. (53,3 %).

Июль 1937 г.

Указание Политбюро, разрешающее применять физические методы воздействия при допросах в ходе следствия по к.-р. преступлениям. В архивах директива о применении пыток не обнаружена. Содержание ее восстанавливается по телеграмме ЦК ВКП(б) от 10.01.1939, ограничивающей применение пыток, и по дискуссии на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 г. Видимо, Сталин устно сообщил содержание директивы Ежову, который передал его руководящему составу НКВД – УНКВД в ходе совещания 16–20 июля (практически поголовные избиения на допросах фиксируются с конца июля — начала августа 1937).

1 августа 1937 г.

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) о борьбе с вредительством в области хлебозаготовок.

3 августа 1937 г.

Директива ЦК ВКП(б) об организации «в каждой области по районам 2–3 открытых судебных процессов над врагами народа — вредителями сельского хозяйства». Предписывается «широко освещать ход судебных процессов в местной печати».

5 августа 1937 г.

Начало «кулацкой операции». Массовые аресты тех, кто был намечен к осуждению по 1-й категории.

5 августа 1937 г.

Директива НКВД о проведении операции по приказу № 00447 в ГУЛАГе: установление лимитов (только по 1-й категории) для лагерей. Осуждение заключенных не предполагало нового следствия, приговоры выносились тройками на основании справок лагерной администрации.

7 августа 1937 г.

Указание А.Я. Вышинского прокурорам республик, краев, областей, что в ходе реализации приказа № 00447 предварительной санкции прокурора на арест не требуется.

11 августа 1937 г.

Оперативный приказ НКВД СССР № 00485 «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ [Польской военной организации]» (его проект утвержден Политбюро 9 августа). Репрессированию подлежали, в частности «быв. военнопленные польской армии, перебежчики из Польши, политэмигранты и политобменянные из Польши, бывшие члены ППС [Польской социалистической партии] и других польских политических партий». Одновременно предписывалось прекратить освобождение по концу срока из лагерей всех, подозреваемых в шпионаже в пользу Польши, дела их передавать на Особое совещание. Наиболее жестоким репрессиям подверглись представители польской диаспоры, работавшие в военно-стратегических отраслях (транспорт, связь, оборонная промышленность, армия, органы безопасности, и т.п.), а также польские культурные сообщества.

Приказ создавал особый внесудебный орган – «двойку» (Комиссию Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР) и «альбомный» порядок оформления дел (рассмотрение дел производилось заочно, по спискам, сшитым в «альбомы»). Этот механизм применялся при проведении всех «национальных операций».

По «польской операции» в 1937–38 гг. было осуждено 139.815 чел., из них 111.071 (79,44 %) приговорили к расстрелу.

15 августа 1937 г.

Оперативный приказ НКВД СССР № 00486 о репрессировании «жен изменников Родины, членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категории, начиная с 1-го августа 1936 года».

Устанавливался порядок ареста и осуждения Особым совещанием при НКВД на 5–8 лет женщин – ЧСИР («членов семей изменников родины») и помещения их детей в детские дома и ясли. Дети старше 15 лет, признанные «социально-опасными», подлежали аресту. Всего по этой операции было арестовано более 18 тысяч жен и «изъято» более 25 тысяч детей.

16 августа 1937 г.

Организованы новые лесные лагеря ГУЛАГа НКВД: Ивдельский, Каргопольский, Кулойский, Локчимский, Тайшетский, Томско-Асинский и Усть-Вымский

ИТЛ, куда должны направляться, в основном, заключенные, осужденные по приказу 00447 (2-я категория).

17 августа 1937 г.

Директива НКВД о распространении действия приказа № 00485 от 11 августа о «польском шпионаже» на Молдавскую АССР в отношении «румынских шпионов». Аресту подлежали, в первую очередь, перебежчики и эмигранты из Румынии. Вскоре «румынская операция» была распространена на всю территорию Украины, а затем и на другие регионы СССР. Всего в рамках операции было осуждено 8292 человек, из них на смерть – 5439 чел. (65,6 %).

21 августа 1937 г.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О выселении корейского населения пограничных районов Дальне-Восточного края».

22 августа 1937 г.

Циркуляр НКВД СССР «Об иностранцах». Исходя из тезиса, что «подавляющее количество иностранцев, живущих в СССР, является организующим началом шпионажа и диверсии», предписывается прекратить продление видов на жительство гражданам Германии, Польши, Японии и ряда других стран.

29 августа 1937 г.

Циркуляр ГУГБ НКВД СССР «Об оперативных мероприятиях по борьбе с отравлениями и бактериологической диверсией в частях РККА». Предписывается дела об отравлениях красноармейцев вести «в особо ударном порядке, добиваясь обязательного вскрытия организаторов и активных участников отравлений – заговорщиков, шпионов, диверсантов», а также «решительно очистить и укрепить агентуру во всех звеньях пищевого блока и санитарной службы (продскладах, столовых, кухнях, пекарнях, лабораториях, аптеках, водокачках и т.п.)».

31 августа 1937 г.

Телеграмма СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О борьбе с клещом и ликвидации последствий вредительства в деле хранения зерна».

4 сентября 1937 г.

На Украине и в ряде других регионов СССР началась вторая стадия «кулацкой операции» – аресты по 2-й категории (подлежащие заключению в лагеря).

5 сентября 1937 г.

Политбюро расширяет права Особого совещания при НКВД СССР, разрешив приговаривать перебежчиков из Польши, членов Польской социалистической партии и др. по делам об антисоветской деятельности к 10 годам тюрьмы.

10 сентября 1937 г.

Телеграмма СНК СССР и ЦК ВКП(б) (в развитие телеграммы от 31 августа) во все регионы Союза, обязывающая «устроить по области, краю от двух до трех показательных судов над вредителями по хранению зерна, приговорить виновных к расстрелу, расстрелять их и опубликовать об этом в местной печати».

14 сентября 1937 г.

Постановление ЦИК СССР (повторяющее решение Политбюро от 11 сентября, принятое по предложению Вышинского) «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик»:

«1. По делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дел в суде.

2. Кассационного обжалования по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст.58-7 УК РСФСР (вредительство) и 58-9 УК РСФСР (диверсия) и соответствующими ст.ст. УК других союзных республик – не допускать.

3. Приговоры о высшей мере наказания (расстреле) приводить в исполнение немедленно по отклонении ходатайств о помиловании».

17 сентября 1937 г.

Циркуляр НКВД СССР и Прокурора СССР, ужесточающий запреты на проживание бывших осужденных в режимных местностях (в том числе в столицах союзных и автономных республик).

20 сентября 1937 г.

Оперативный приказ НКВД № 00593 «О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из так называемых харбинцев» (проект утвержден Политбюро 19 сентября).

Репрессировались «бывшие служащие Китайско-Восточной ж.д. и реэмигранты из Манчжоу-го, осевшие на железнодорожном транспорте и в промышленности Союза». В проведении «харбинской операции» использовались те же механизмы, что в польской и других национальных операциях. По «харбинской линии» в 1937–38 гг. осуждено 46.317 чел., из которых 30.992 (66,9 %) приговорены к расстрелу.

28 сентября 1937 г.

Постановление СНК СССР «О выселении корейцев с территории Дальневосточного края». Депортации подлежали корейцы со всей территории ДВК (а не только из пограничных районов, как предполагалось постановлением от 21 августа). Формальная цель переселения – «пресечение проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край». На основании этого постановления также подвергались арестам и депортации корейцы, проживавшие в других регионах СССР. К концу октября из ДВК в Среднюю Азию и Казахстан вывезено 36.442 семьи (171.781 чел.) Вместе с ними вывезены из ДВК еще около 10 тыс. человек – китайцев, поляков, немцев, харбинских репатриантов и др.

2 октября 1937 г.

Постановление ЦИК СССР, вводящее в качестве меры наказания по делам о шпионаже, вредительстве и диверсионных актах лишение свободы на срок до 25 лет (ранее предельный срок заключения по УК – 10 лет).

2 октября 1937 г.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах борьбы с вредительством в животноводстве». Предлагается «организовать по каждой республике, краю и области от 3 до 6 открытых показательных процессов с широким привлечением крестьянских масс», «изобличенных во вредительстве приговаривать к расстрелу». В качестве вредителей назывались «как изобличенные ветеринары, зоотехники, лаборанты биофабрик, так и работники местных земельных и совхозных органов».

4 октября 1937 г.

Циркуляр ГУГБ НКВД об ужесточении надзора за арестованными в след-

ственных тюрьмах в целях предотвращения самоубийств. «Некоторые работники ГУГБ забывают, что враг не прекращает своей борьбы и после ареста, прибегая нередко, в целях скрытия своей преступной деятельности, к самоубийству». «Имевшие место случаи самоудушения и самоповешения арестованных (...) и особенно выбрасывание из окон во время допроса – результат отсутствия элементарных предупредительных мер со стороны многих НКВД-УНКВД». Устанавливались более строгие правила проведения обысков, очки и пенсне выдавались только по требованию следователя, запрещалось иметь собственные (с воли) лекарства, затягивались сетками пролеты лестниц и т.д.

8 октября 1937 г.

Приказ Прокурора СССР Вышинского, ужесточающий наказание за «разговоры»: предложено «квалифицировать контрреволюционные выступления, содержащие одобрение террористических актов, а также высказывания террористических намерений в отношении вождей партии и Советского правительства по ст. 17 – 58-8 УК РСФСР» (т.е. как пособничество террору). Ранее такие высказывания квалифицировались по ст. 58-10 (контрреволюционная агитация).

10 октября 1937 г.

Директива НКВД СССР об освещении в печати фактов проявления бдительности трудящихся.

11 октября 1937 г.

Директива НКВД СССР о выселении курдов и членов семей репрессированных из приграничного Азербайджана в Казахстан.

12 октября 1937 г.

На Пленуме ЦК ВКП(б) по предложению Сталина Н.И. Ежов избран кандидатом в члены Политбюро.

23 октября 1937 г.

Приказ НКВД СССР № 00693 «Об операции по репрессированию перебежчиков – нарушителей госграницы СССР». Предписывается арест всех перебежчиков, «независимо от мотивов и обстоятельств перехода на нашу территорию», осуждение их (в том числе «оставшихся не разоблаченными как агенты иностранных разведок») к заключению в тюрьмы или лагеря.

28 октября 1937 г.

Приказ НКВД СССР № 00698 «О пресечении к.-р. шпионской, террористической, диверсионной деятельности личным составом посольств и консульств Германии, Японии, Италии и Польши». Предписывалось немедленно арестовать всех советских граждан, имеющих постоянные связи с иностранными консульствами и посольствами, ограничить контакты сов. граждан с иностранными представительствами.

1 октября – 5 ноября 1937 г.

Директива НКВД, приказывающая «в ближайшие дни обеспечить оперативный разгром церковного и сектантского контрреволюционного актива, подвергнув аресту всех участников шпионских, повстанческих и террористических формирований, в том числе пытающихся вести подрывную работу в связи с выборами [в Верховный Совет СССР]».

3 ноября 1937 г.

Директива НКВД СССР о форсировании массовых операций («кулацкой», «национальных», против ЧСИР). Сроком их окончания определено 10 декабря 1937.

4 ноября 1937 г.

Директива ГУГБ НКВД СССР о подготовке операции по преступным элементам среди кочующих цыган.

4 ноября 1937 г.

Циркуляр ГУГБ НКВД «О борьбе с диверсией на военных складах РККА».

22 ноября 1937 г.

Директива ГУГБ НКВД СССР об усилении работы по выявлению германских шпионско-диверсионных групп в энергетическом хозяйстве.

30 ноября 1937 г.

Директива НКВД СССР о проведении массовой репрессивной операции по линии «латвийского шпионажа». Операция проводилась в рамках «национальных операций». Репрессировались, в первую очередь, политэмигранты и перебежчики из Латвии, активисты латышских клубов и обществ (в т.ч. просветительских, латышских красных стрелков и др.) и т.д. По «латышской линии» в 1937–38 гг. осуждено 21.300 чел., из них 16.575 (77,8 %) приговорены к расстрелу.

11 декабря 1937 г.

Директива НКВД СССР о продлении всех массовых операций («кулацкой» и «национальных») до 1 января 1938 г.

11 декабря 1937 г.

Директива НКВД СССР о проведении массовой репрессивной операции среди греков. Арестованные обвинялись в шпионаже и националистической деятельности. Операция проводилась методами «национальных операций». Основному удару подверглись греческие колонии на Юге России, в Закавказье и в Крыму. По «греческой линии» в 1937–38 гг. осуждено 12.557 чел., из них 10.545 чел. (83,9 %) приговорены к расстрелу.

14 декабря 1937 г.

Директива НКВД СССР о репрессиях по «латвийской линии» (30.11) распространена на «перебежчиков финнов, эстонцев, литовцев, болгар». Фактически аресты по эстонской и финской «линиям» начались еще в сентябре. В 1937–38 гг. по «эстонской линии» осуждено 9735 чел., из них к расстрелу 7998 чел. (82,15 %), по «финской линии» осуждено 11.066 чел., из них к расстрелу 9078 чел. (82,03 %).

17 декабря 1937 г.

Директива НКВД о рассмотрении дел о побегах заключенных из лагерей на «тройках», о расстреле всех беглецов и об объявлении приговоров приказами по лагерям.

22 декабря 1937 г.

Директива НКВД о репрессиях среди китайцев на Дальнем Востоке. Приказано немедленно арестовать всех китайцев, «проявляющих провокационные действия или террористические намерения».

26 декабря 1937 г.

Директива НКВД с требованием «решительности и беспощадности» в проведении «национальных операций». Указание проводить дополнительные аресты вне зависимости от объявленных сроков окончания операций.

7 января 1938 г.

Указание ГУГБ о контроле переписки военнослужащих:

> «За последнее время в адреса военнослужащих РККА идет значительное количество документов, принявших массовый характер, в которых сообщается о репрессиях (аресты, высылки, и т.д.), применяемых к врагам народа. (...) Все воинские документы такого содержания задерживать и направлять в распоряжение 5 отделов УГБ».

9 января 1938 г.

Циркуляр НКВД об усилении массовых операций на транспорте («изъять весь оставшийся на транспорте кулацкий и антисоветский элемент»; «в полной мере выполнить требования приказов об операциях по полякам, немцам, харбинцам, латышам, финнам, румынам и др.», «остающийся срок работы троек в первую очередь рассматривать дела по жел. дор. транспорту»).

11, 14, 18, 20 января 1938 г.

Пленум ЦК ВКП(б). Вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии» (докладчик Г.М. Маленков). Пленуму предшествовало решение Политбюро от 9 января, где роспуск П.П. Постышевым в Куйбышевской области 30 райкомов партии, руководство которых было объявлено врагами народа, был признан «политически вредным» и «провокационным». Пленум постановил «решительно покончить с массовыми, огульными исключениями из партии». Постышев был выведен из кандидатов в члены Политбюро (вскоре арестован и расстрелян), на его место избран Н.С. Хрущев.

14 января 1938 г.

Директива НКВД СССР о продлении работы «троек» до особого распоряжения.

15 января 1938 г.

Указание ГУЛАГ НКВД СССР о лишении зачетов рабочих дней и запрещении производить зачеты впредь почти всем категориям осужденных по политическим обвинениям (25.08.1938 на заседании Президиума Верховного Совета СССР Сталин предложил вообще отменить практику условно-досрочного освобождения заключенных; 19.04.1939 это предложение было оформлено приказом НКВД).

18 января 1938 г.

Директивы НКВД СССР об «исчерпывающей ликвидации эсеровского подполья» (в особенности бывших эсеров, вступивших в компартию) и о чистке эсеров в армии. Во исполнение этих распоряжений в течение одной недели (до 25.01.1938) по Союзу было арестовано около 12 тыс. чел.

19 января 1938 г.

Директива НКВД о репрессировании в Азербайджане иранцев — иранских подданных или не имеющих ни советских, ни иностранных паспортов. Постановление Политбюро о выселении иранцев из пограничных районов Азербайджана (принудительное переселение в Казахстан, высылка в Иран, аресты).

21 января 1938 г.

Циркуляр ГУГБ НКВД с запрещением администрации тюрем ГУГБ разрешать свидания и передачи заключенным, выдавать справки о нахождении заключенного в данной тюрьме, вступать в переговоры и переписку с родственниками осужденных.

24–25 января 1938 г.

Ежов и Фриновский проводят в Москве совещание руководителей региональных органов НКВД, посвященное подведению итогов репрессивных кампаний 1937 года.

29 января 1938 г.

Директива НКВД СССР о проведении «иранской операции» на всей территории СССР. Аресту подлежали перебежчики и политэмигранты из Ирана, вожди племен, перешедших в СССР из Ирана, руководители «реэмигрантских откочевок» и «религиозных сект», старосты иранских колоний, служащие «существовавших ранее фирм со смешанным англо-иранским капиталом» и др. Арестованные обвинялись в националистической, диверсионно-повстанческой и шпионской деятельности. Репрессивная кампания проводилась в рамках «национальных операций». Основному удару подверглись иранские колонии в Средней Азии и Закавказье. По «иранской линии» в 1937–38 гг. осуждено 13.297 чел., из них 2046 (15,38 %) приговорены к расстрелу.

31 января 1938 г.

Постановление Политбюро о продолжении «кулацкой операции» и дополнительных лимитах для 22 регионов (57.200 чел., из них 48.000 по 1-й категории). Срок окончания операции в этих регионах: 15.03 – 1.04.1938. Остальные регионы должны закончить операцию 15.02.1938. 1 февраля соответствующие директивы издает НКВД.

31 января 1938 г.

Постановление Политбюро о продлении до 15.04.1938 операции «по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын» с оставлением «существующего внесудебного порядка рассмотрения дел»; указание провести «аналогичную операцию» в отношении болгар и македонцев. 1 февраля издана соответствующая директива НКВД.

31 января 1938 г.

Постановление Политбюро «О перебежчиках» с ужесточением карательных санкций по отношению к ним. Для тех перебежчиков на территорию СССР, чьи «преступные намерения» будут установлены – расстрелы по приговорам военных трибуналов, для остальных – 10 лет тюрьмы по решению ОСО.

1 февраля 1938 г.

Постановление Политбюро о дополнительном лимите для лагерей Дальнего Востока (с целью «разгрузки») – 12 тыс. чел. по 1-й категории.

5 февраля 1938 г.

Открыта вторая очередь лесных лагерей ГУЛАГа НКВД СССР: Вятский, Красноярский, Онежский, Северо-Уральский, Унженский, и Усольский.

11 февраля 1938 г.

Приказ НКВД СССР № 0051 с повторным (см. 11 августа 1937 г.) запрещением освобождать из лагерей осужденных «по признакам польского шпионажа» и перебежчиков из Польши, закончивших срок. За два месяца до освобождения предоставлять на них материалы в Особое совещание при НКВД.

14 февраля 1938 г.

Директива НКВД СССР об усилении работы по меньшевикам и анархистам. «Следствие по этим делам вести с задачей установления организационных связей (...) с правыми и троцкистами и иностранными разведками». Особое внимание обратить на бывших меньшевиков и анархистов, вступивших в ВКП(б).

16 февраля 1938 г.

Директива НКВД СССР о проведении массовой операции по «афганской линии». Аресту подлежали политэмигранты, перебежчики, старосты афганских колоний, руководители «религиозных сект» и «реэмигрантских откочевок», все лица, связанные с афганскими дипломатическими учреждениями и т.д. Основные аресты были произведены в Туркменской и Узбекской ССР. Репрессивная кампания проводилась в рамках «национальных операций». Осуждено 1557 чел., из них 366 (23,5 %) — к расстрелу.

17 февраля 1938 г.

Постановление Политбюро о дополнительном лимите по «кулацкой операции» для Украины — 30 тыс. чел.

23 февраля 1938 г.

Директива НКВД СССР об использовании наклейки фото на паспортах для выявления лиц, подлежащих репрессии (фотокарточки на паспортах были введены 23.10.1937 Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР). В качестве примера для подражания фигурировала Белоруссия:

> «Специально проинструктировав работников милиции, проводящих наклейку фотографий на паспорта и прикрепив работников УГБ для конкретной помощи аппарату милиции, НКВД БССР только по 20 промпредприятиям гор. Минска выявил скрывавшихся перебежчиков — 122, т.н. политэмигрантов — 17, лиц иностранного происхождения (немцев, румын, харбинцев и пр.) — 644».

2–13 марта 1938 г.

Третий открытый политический процесс в Москве по делу об «Антисоветском правотроцкистском блоке». Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Н.Н. Крестинский, Г.Х. Раковский, А.И. Икрамов, Г.Г. Ягода и другие обвинялись в убийстве С.М. Кирова, отравлении В.В. Куйбышева и М. Горького, заговоре против И.В. Сталина, в организации промышленного саботажа, диверсий, в заговоре с целью расчленения СССР и т.д. Председатель суда В.В. Ульрих, гос. обвинитель А.Я. Вышинский. 17 обвиняемым был вынесен смертный приговор, их расстреляли 15 марта. После 1956 г. все они реабилитированы, за исключением Ягоды.

23 марта 1938 г.

Постановление Политбюро об очистке оборонной промышленности от тех «национальных контингентов», против которых проводятся репрессивные операции (поляки, латыши, греки и т.д.).

23 апреля 1938 г.

Директива ГУГБ НКВД с запрещением освобождения из ссылок заканчивающих срок «бывших людей», высланных из Ленинграда, Москвы и др. городов. Требование прислать списки ссыльных «на предмет продления им срока ссылки».

24 апреля 1938 г.

Директива НКВД СССР об арестах лиц, «подозреваемых в террористически-диверсионных намерениях», усилении агентурного наблюдения за родственниками репрессированных (прежде всего, за детьми старше 15 лет), и охране партийных и советских руководителей в связи с первомайскими торжествами.

26 мая 1938 г.

Постановление Политбюро о продлении до 01.08.1938 прежнего («альбомного») порядка рассмотрения дел по всем «национальным операциям». 28.05 соответствующую директиву издает НКВД, приказывая сосредоточить усилия на чистке оборонной промышленности и транспорта.

4 июня 1938 г.

Директива ГУГБ НКВД Особым отделам об аварийности в авиации РККА. «Аварии являются результатом деятельности неразоблаченных врагов», «впредь ни одной аварии без исчерпывающего агентурно-оперативного расследования не оставлять». (В настоящее время доказано, что главными причинами значительной аварийности являлись низкое качество авиатехники и подготовки летного состава).

10 июня 1938 г.

Постановление Политбюро о том, что переселение китайцев с Дальнего Востока в Синьцзян (Восточный Туркестан) может быть только добровольным. Одновременно с этим предписывалось «арестованных китайцев, исключая осужденных и обвиняемых в шпионаже, активной диверсии и терроре, из-под стражи освободить и выселить в Синьцзян, вместе с их семьями и имуществом. В дальнейшем, массовые аресты китайцев прекратить».

13 июня 1938 г.

Бегство в Японию Г.С. Люшкова – начальника УНКВД по Дальневосточному краю. Отчасти вследствие этого в ДВК вскоре начинается новый виток репрессий.

16 июня 1938 г.

Циркуляр ГУГБ НКВД СССР об усилении агентурно-оперативной работы на объектах угольной промышленности в связи со «вскрытием право-троцкистских организаций» в угольных бассейнах страны.

24 июня 1938 г.

Директива Наркомата Обороны об увольнении из армии военнослужащих «немцев, латышей, поляков, эстонцев, литовцев, финнов, румын, корейцев и других национальностей, не относящихся к народам СССР» (в первую очередь увольнению подлежали все родившиеся или проживавшие за границей, а также имеющие там родственников). Все уволенные проверялись органами безопасности и многие из них подверглись репрессиям.

28 июня 1938 г.

Директива НКВД об учете и аресте участников так называемой «толмачевско-белорусской» оппозиции в РККА (открытая внутриармейская оппозиция, возникшая в связи с введением единоначалия в РККА в 1927–1928 гг.; в 1938 г. былая принадлежность к оппозиции истолковывалась как участие в «антисоветской троцкистской организации»).

6–12 июля 1938 г.

Серия директив ГУГБ НКВД об усилении репрессий в Дальневосточном крае:

> «В 7-дневный срок подготовить массовую операцию по изъятию участников белогвардейского повстанческого подполья, бывших белых офицеров, бывших активных участников белых армий и различных антисоветских банд, (...) антисоветских элементов из бывших партизан, антисоветского актива, церковников и сектантов, всех шпионов и подозрительных по шпионажу немцев, поляков, корейцев, латышей, финнов, эстонцев, греков, иранцев, харбинцев».

Для ускорения процедур осуждения Ежов дает разрешение командированному в ДВК Фриновскому рассматривать вместе с прокурором края «альбомы» по «национальным операциям», выносить приговоры на правах ОСО по делам об арестованных женах «врагов народа» и другому «антисоветскому элементу», инициирует работу в ДВК Выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР.

21 июля 1938 г.

Директива НКВД об ускорении рассмотрения дел арестованных в целях «разгрузки» тюрем и скорейшего вывоза заключенных в лагеря.

31 июля 1938 г.

Политбюро утверждает дополнительный «лимит» по «кулацкой операции» для Дальнего Востока (15 тыс. чел. по 1-й категории и 5 тыс. чел. по 2-й).

10 августа 1938 г.

Директива НКВД СССР о строжайших мерах борьбы с побегами в лагерях и о прекращении возможности общения заключенных с местным населением.

22 августа 1938 г.

Первым заместителем Наркома внутренних дел СССР вместо М.П. Фриновского назначен Л.П. Берия (Фриновский назначен наркомом ВМФ СССР).

27 августа 1938 г.

Циркуляр НКВД «О порядке регистрации односторонних разводов между супругами, из которых одна сторона находится в заключении» (разрешено одностороннее расторжение брака по желанию супруга, оставшегося на воле).

29 августа 1938 г.

Политбюро выделяет последний «лимит» по «кулацкой операции» — 3 тыс. чел. для Читинской области. Срок исполнения — 1 ноября.

15 сентября 1938 г.

Постановление Политбюро о передаче «оставшихся нерассмотренных следственных дел на арестованных по к.-р. национальным контингентам» «на рассмотрение Особых троек на местах»; о предоставлении права особым тройкам

выносить приговоры по 1-й и 2-й категориям, «а также возвращать дела на доследование и выносить решения об освобождении обвиняемых»; о приведении решений «особых троек по первой категории... в исполнение немедленно».

В состав особых троек входят по должности нач. УНКВД, 1-й секретарь обкома/крайкома, прокурор. Персональный состав троек Политбюро не утверждало. Тройки рассматривают дела на арестованных до 1 августа 1938 г. по «национальным линиям» и должны закончить свою работу в двухмесячный срок.

17 сентября 1938 г.

Приказ НКВД СССР № 00606 об образовании Особых Троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др. («национальные контингенты»). Рассмотрение дел на Особых тройках заменило «альбомный порядок», установленный в августе 1937 г.

29 сентября 1938 г.

Директива НКВД СССР об укреплении режима в трудпоселках, которые «превратились в очаги контрреволюции». Приказано провести «необходимые мероприятия по разгрому контрреволюционного подполья в трудпоселках».

Свертывание «Большого террора»

14 ноября 1938 г.

Директива ЦК ВКП(б) об учете и проверке в партийных органах ответственных сотрудников НКВД СССР:

> «В результате этой проверки органы НКВД должны быть очищены от всех враждебных людей, обманным путем проникших в органы НКВД, от лиц не заслуживающих политического доверия».

(Реально это означало уничтожение участников и свидетелей репрессий периода 1937–38 гг., а также доверенных людей Ежова).

17 ноября 1938 г.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (утвержденное Политбюро 15 ноября). Прекращается деятельность всех чрезвычайных судебных органов, запрещается производство массовых операций, аресты разрешается производить только с санкции суда или прокурора. Восстанавливается ранее существовавший порядок согласования арестов с заинтересованными ведомствами и партийными органами.

25 ноября 1938 г.

Н.И. Ежова на должности наркома внутренних дел СССР сменяет Л.П. Берия.

26 ноября 1938 г.

Приказ НКВД СССР № 00762 в развитие Постановления от 17 ноября. Отменяются все оперативные приказы и директивы о проведении массовых операций; все следственные дела, находящиеся в производстве, передаются в судебные органы и Особое совещание.

1 декабря 1938 г.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов», заменяющее прежнее. 8 декабря соответствующая директива разослана по органам НКВД.

22 декабря 1938 г.

Директива НКВД СССР считать утратившими силу все приговоры внесудебных органов (тройки, двойка, Особое совещание), если они не были приведены в исполнение или не были объявлены осужденным до 17 ноября.

10 января 1939 г.

Телеграмма Сталина всем региональным руководителям ВКП(б) и НКВД о применении пыток:

> «ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов – крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. (...) ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Статистические итоги «Большого террора» (октябрь 1936 — ноябрь 1938 гг.)

По делам, которые вели органы госбезопасности (органы ГУГБ НКВД):

Арестовано (за 26 месяцев) – не менее 1 млн 710 тыс. чел. Осуждено – не менее 1 млн 440 тыс. чел. Среди осужденных приговорены к смертной казни не менее 725 тыс. чел. (50,3 % от общего числа осужденных).

В том числе: 1) «тройками» по «кулацкой операции» — свыше 436 тыс. чел.; 2) комиссиями НКВД СССР и Прокурора СССР («двойками») до сентября 1938 г. и «особыми тройками» в сентябре – ноябре 1938 г. по «национальным операциям» – не менее 247 тыс.чел.; 3) Военной коллегией Верховного суда СССР, Спецколлегиями областных судов, военными трибуналами – не менее 41 тыс. человек.

Кроме того за тот же период:

Осуждено «милицейскими тройками» как «социально вредный элемент» (СВЭ) – не менее 400 тыс. чел.

Подвергнуто высылкам и депортациям в административном порядке – не менее 200 тыс. чел.

Осуждено судами общей юрисдикции по общеуголовным обвинениям – не менее 2 миллионов человек, из них в лагеря отправлено не менее 800 тыс. чел.

Из «Википедии»:

События после ноября 1938 года

В декабре 1938 года началось массовое освобождение находящихся под следствием «контрреволюционеров». По данным историка Н.В. Петрова, в 1939–1940 гг. из тюрем были освобождены от 100 до 150 тысяч человек, в основном за счёт тех, кого арестовали, но не осудили до 17 ноября 1938 года. Экспертная комиссия МГУ оценивает количество освобождённых в 1939–1940 гг. в 150–200 тыс. человек.

Начиная с октября 1938 года, Берия проводил аресты людей из ежовского окружения. Как рассказал на допросе в 1953 году В.Н. Меркулов, начальников региональных НКВД–УНКВД арестовывали партиями. В Москву была вызвана группа руководителей региональных НКВД–УНКВД (от 15 до 20 человек), «все они по одному вызывались из приёмной в кабинет наркома и здесь же арестовывались». Меркулов

пояснил, что «операция эта была проведена Берией». В 1939–1940 гг. были расстреляны такие одиозные фигуры, как Б.Д. Берман, Г.Ф. Горбач, А.А. Наседкин, С.Ф. Реденс, А.И. Успенский и многие другие активные участники Большого террора.

6 апреля 1939 г. был арестован Фриновский, 10 апреля – Ежов. Им предъявили обвинения в руководстве контрреволюционной фашистской организацией в НКВД, подготовке государственного переворота и терактов, шпионаже, убийствах неугодных им лиц. 3 февраля 1940 г. ВК ВС под председательством все того же В.В. Ульриха приговорила их к расстрелу, 4 февраля их казнили. Такая же судьба постигла всех их ставленников: Агранова, Балицкого, братьев Берманов, Дагина, Заковского, Реденса, Кацнельсона, Фриновского и прочих.

В 1939 г. из органов НКВД было уволено 7372 оперативно-чекистских сотрудника (22,9 % от списочного состава), но арестовано из них только 937 человек.

О пытках

В связи с бериевской «оттепелью» партийные деятели начали критиковать следователей за применение пыток к арестованным. В ответ на это 10 января 1939 г. секретарям обкомов, крайкомов и руководству НКВД была разослана шифротелеграмма Сталина, разрешавшая применять меры физического воздействия в отношении «явных и неразоружающихся врагов народа».

20 марта 1940 г. нарком внутренних дел Берия издал приказ, согласно которому ни одно оправдательное решение суда или постановление прокурора о прекращении дела не вступало в силу без согласия НКВД. Это решение настолько противоречило Конституции и законодательству, что вызвало протесты у части работников юстиции. Нарком юстиции БССР С. Лодысев писал Сталину:

> «Выходит так, что хотя на человека, оправданного судом, не будет законного основания для содержания его под стражей, он всё же будет оставлен в тюрьме, и судьба его зависит от усмотрения административного органа».

Письмо передали Вышинскому, который разъяснил Лодысеву его «ошибку».

Информация о судьбе казненных

Приказ НКВД от 1939 г. предписывал на запросы родственников о судьбе того или иного расстрелянного отвечать, что он был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей без права переписки и передач. Осенью 1945 г. приказ был скорректирован — заявителям стали теперь говорить, что их родственники умерли в местах лишения свободы.

24.08.1955 г. председатель КГБ при Совете Министров СССР издал Указание № 108сс, которое продолжило данную практику. Родственникам выдавались свидетельства о смерти, в которых даты смерти указывались в пределах 10 лет со дня ареста, а причины смерти фальсифицировались.

Эта практика была прекращена в соответствии с Указанием КГБ при Совете Министров СССР № 20-сс от 21.02.1963 г. – родственникам расстрелянных, обращавшимся за информацией в органы КГБ начиная с этого момента начали устно сообщать о том, что их родственник расстрелян, однако тем, кому уже была сообщена ложная информация, правду так и не сообщали.

Только приказ КГБ СССР № 33 от 30.03.1989 г. полностью разрешил сообщать правду о судьбах расстрелянных.

Члены семей репрессированных

Известная фраза «Сын за отца не отвечает» была произнесена Сталиным в декабре 1935 г. На совещании в Москве передовых комбайнёров с партийным руководством один из них, башкирский колхозник Гильба, сказал: «Хотя я и сын кулака, но я буду

честно бороться за дело рабочих и крестьян и за построение социализма», на что Сталин произнёс: «Сын за отца не отвечает».

Однако приказ НКВД № 00447 от 31.07.1937 г. установил, что члены семей репрессированных, которые «способны к активным антисоветским действиям», по решению «тройки» подлежат водворению в лагеря или трудпосёлки.

Семьи лиц, «репрессированных по 1-й категории», проживавшие в пограничной полосе, подлежали переселению за пределы пограничной полосы внутри республик, краёв и областей, а проживавшие в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Баку, Ростове-на-Дону, Таганроге и в районах Сочи, Гагры и Сухуми — подлежали выселению из этих пунктов в другие области по их выбору, за исключением пограничных районов.

Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/144 от 5 июля 1937 г.

«1. Принять предложение Наркомвнудела о заключении в лагеря на 5–8 лет всех жён осуждённых изменников родины членов право-троцкистской шпионско-диверсионной организации, согласно представленному списку.

2. Предложить Наркомвнуделу организовать для этого специальные лагеря в Нарымском крае и Тургайском районе Казахстана.

3. Установить впредь порядок, по которому все жёны изобличённых изменников родины право-троцкистских шпионов подлежат заключению в лагеря не менее, как на 5-8 лет.

4. Всех оставшихся после осуждения детей-сирот до 15-летнего возраста взять на государственное обеспечение, что же касается детей старше 15-летнего возраста, о них решать вопрос индивидуально.

5. Предложить Наркомвнуделу разместить детей в существующей сети детских домов и закрытых интернатах наркомпросов республик.

Все дети подлежат размещению в городах вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тифлиса, Минска, приморских городов, приграничных городов».

Во исполнение этого решения 15 августа 1937 г. последовала директива НКВД, содержавшая ряд уточнений:

— регламентированы тотальные репрессии только против жён и детей, а не вообще любых членов семей, как в приказе Политбюро;

— жён предписано арестовывать вместе с мужьями;

— бывших жён предписано арестовывать только в случае, если они «участвовали в контрреволюционной деятельности»;

— детей старше 15 лет предписано арестовывать только в случае, если они будут признаны «социально-опасными»;

— арест беременных женщин, имеющих на руках грудных детей, тяжелобольных может быть временно отложен;

— дети, оставшиеся после ареста матери без присмотра, помещаются в детские дома, «если оставшихся сирот пожелают взять другие родственники (не репрессируемые) на своё полное иждивение — этому не препятствовать»;

В октябре 1937 г. директивой НКВД СССР репрессии в отношении «членов семей изменников Родины» (ЧСИР) были распространены также на ряд осуждённых по «национальным линиям» («польская линия», «немецкая», «румынская», «харбинская»).

С октября 1938 г. органы НКВД перешли к арестам не всех поголовно жён осуждённых, а только тех, кто «содействовал контрреволюционной работе мужей», или в отношении которых «имеются данные об антисоветских настроениях».

Приказом НКВД № 00486 1937 г. на Административно-хозяйственное управление НКВД было возложено особое задание по изъятию детей врагов народа и определению этих детей в детские учреждения или передаче родственникам на опеку.

С 15 августа 1937 года по настоящее время Административно-хозяйственным управлением проделана следующая работа:

Всего по Союзу изъято детей –25.342 чел., из них:

а) Направлено в детдома Наркомпроса и местные ясли — 22.427 чел.

б) Передано на опеку и возвращено матерям — 2915 чел.

У большинства осуждённых жён сроки заканчивались в начале 1940-х годов. В связи с этим 14 января 1938 г. Генеральный прокурор СССР издал директиву о том, что увольнения членов семей репрессированных являются неверными, выпущено соответствующее постановление Политбюро.

Число жертв

По данным комиссии под председательством П.Н. Поспелова (1956 г.) «по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии», в 1937–38 гг. было арестовано по обвинению в антисоветской деятельности 1.548.366 человек, из них приговорено к ВМН 681.692 (44,02 %).

Историк В.Н. Земсков утверждает: «по документально подтверждённым данным, в 1937–38 гг. по политическим мотивам было осуждено 1.344.923 человека, из них 681.692 приговорено к высшей мере» или 50,69 %.

Историк В.З. Роговин отмечает: «в 1937 году число расстрелянных увеличилось по сравнению с предшествующим годом в 315 раз (!), составив 353.074 чел. Почти такое же количество расстрелянных (328.618 чел.) пришлось на 1938 год».

Таким образом, интенсивность расстрелов в период Большого террора составляла 1200 — 1300 расстрелов в среднем в день по всей стране. В одном только городе Минусинск за август 1938 г. расстреляли 310 человек, а своеобразный «рекорд» был поставлен здесь в ночь на 8 декабря 1937 г. — 222 расстрела. В Славгороде «рекорд» был поставлен 22 января 1938 г. (298 расстрелов), в Тобольске 14 октября 1937 г. (217 расстрелов). Так как сотрудники оперсекторов УНКВД в маленьких провинциальных городах были малочисленны, к исполнениям приговоров привлекалась милиция и фельдъегеря.

Начальник УНКВД по Куйбышевской области 4 августа 1937 г. своим постановлением особо запретил привлекать к расстрелам красноармейцев и рядовой милицейский состав, в Тобольске 22 апреля 1938 г. отдельным постановлением было запрещено привлекать к расстрелам партактив.

Роберт Конквест в своей книге «Большой террор: сталинские чистки 30-х годов» оценил число жертв в 1937–38 гг. следующим образом: арестовано от 7 до 8 миллионов человек; расстреляно от 1 до 1,5 млн; умерли или расстреляны в лагерях около 2 млн; число заключённых и спецпоселенцев на конец 1938 г. — около 8 млн человек (на конец 1936 г. — до 5 млн).

Для сравнения: в царской России с 1825 по 1905 гг. (за 80 лет) по политическим преступлениям было вынесено 625 смертных приговоров, из которых приведены в исполнение 191, а в революционные годы (с 1905 по 1910) вынесено 5735 смертных приговоров по политическим преступлениям (в т.ч. приговоры военно-полевых судов), из них приведён в исполнение 3741 приговор.

БЕЛОРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: МНЕНИЕ ВРАГА

Олег Романько

1. Период 1902–1916 гг.

В декабре 1902 г. на минском съезде представителей студенческих и ученических организаций Вильно, Минска и Петербурга была создана первая белорусская политическая партия – Белорусская революционная громада, которая вскоре переименовала себя в Белорусскую социалистическую громаду (БСГ). Ближайшей целью БСГ ставила свержение «царского самодержавия» и утверждение демократических свобод в совместной борьбе с другими народами империи, после чего планировалось построение социализма.

Что касается национального вопроса, то первая программа партии предусматривала создание независимой Белорусской демократической республики, а вторая (1906 г.) – государственную автономию края в составе демократической федеративной России. При этом даже националистические историки не отрицают того, что первая программа БСГ практически вся была скопирована с программы Польской социалистической партии.

В 1905 г. была основана первая газета на белорусском языке – «Наша доля». Вскоре этот печатный орган принял новое название «Наша нива», и в таком виде существовал до лета 1915 г. Руководящую роль в газете играли члены БСГ братья Иван и Антон Луцкевичи, через которых шли средства на ее выпуск. Второй из братьев – А. Луцкевич – сотрудничал также в польской и левой русской прессе. Помимо них в работе газеты принимали участие Вацлав Ластовский (Власт), Иван Луцевич (Янка Купала), Константин Мицкевич (Якуб Колас).

«Наша нива» выходила в Вильно раз в неделю, двумя изданиями (русским и латинским шрифтом), и, по словам современников, «носила глубоко провинциальный характер». Никакого влияния эта газета и стоявшая за ней группа не оказывали ни на местную интеллигенцию, ни на прочее население, справедливо видевшее в этом деле очередную польскую интригу. Тем не менее, «Наша нива» была тем местом, где получили обработку и откуда вышли главнейшие деятели белорусского национализма.

Если русская революция 1905 года пробудила всевозможные национальные движения, то Первая мировая война принесла с собой неслыханные возможности для сепаратистов всех мастей, которые стремились расчленить Россию. Бе-

---

Кандидат исторических наук О. Романько работает в Крымском государственном медицинском университете им. С.И. Георгиевского в Симферополе. Получил определенную известность своей книгой «Коричневые тени в Полесье» (2008 г.), написанной с антибеларуских позиций. Точка зрения редакции «Дедов» такова: нам надо знать, что пишут о беларуском национальном движении его убежденные враги.

лорусский сепаратизм не был в данном случае исключением. Наибольший интерес к нему проявили немцы, использовавшие его с большей пользой, чем, например, поляки. Поэтому вскоре после занятия Вильно (1915 г.) тут появился представитель «немецких частных кругов» профессор Р. Абихт, начавший тесное сотрудничество с А. Луцкевичем и Ластовским. Последние же, поменяв польских покровителей на немецких, создали при их поддержке первую белорусскую сепаратистскую организацию — Белорусский национальный комитет, позже переименованный в Белорусский совет (Беларуская рада).

Члены совета участвовали в создании и других белорусских организаций, например, Общества помощи жертвам войны. Кроме того, они проделали работу по развертыванию сети белорусских школ. Немаловажная роль отводилась и антирусской пропаганде. Например, для этого на немецкие деньги издавалась еженедельная газета «Гоман». Именно в ней Ластовский «открыл» К. Калиновского как белорусского политического деятеля, а также приписал польскому восстанию 1863 г. белорусский характер.

№ 1. 8 lutaha 1916 h. Cena 5 fen.

HOMAN

BIEŁARUSKAJA WILENSKAJA CZASOPIŚ

WYCHODZIĆ DWA RAZY U TYDZIEŃ: WA UTORAK I U PIATNICU.

ADRES REDAKCII I ADMINISTRACII: WILNIA, ZAWALNAJA 7.

Cena z pierasyłkaj i dastaŭkaj da chaty: na 1 hod — 4 m. 80 fen., na ½ hodu — 2 m. 40 f., na 3 miesiacy — 1 m. 20 f., na 1 mies. — 40 f.

Cena abwiestak: na 4-aj staranie za liniejku drobnymi literami — 25 fenig.; drobnyje abwiestki — pa 5 fen. za słowa. Abwiestki ab śmierci — 60 fen. za liniejku drobn. drukam.

Виленская газета «Goman»

К этому же периоду относится выход белорусского национализма на международную арену. В 1916 г. Ластовский едет в Швецию на организованный немцами съезд представителей нерусских народов России, где была основана лига этих народов. Позже он побывал на подобной конференции в Лозанне (Швейцария). Антон Луцкевич тоже получил немецкий заграничный паспорт и совершил несколько поездок, выполняя поручения немцев, в основном пропагандистского характера.

В целом, усилия Ластовского и Луцкевича, направленные на развитие белорусского национализма в условиях немецкой оккупации, успеха не имели. Во-первых, у них не было кадров, а во-вторых, их деятельность носила характер государственной измены российскому государству, поэтому мало кто соглашался с ними сотрудничать. В то же время ими были установлены контакты, которые пригодились белорусским националистам в дальнейшем.

К февралю 1917 г., несмотря на все усилия националистов, белорусский национализм находился еще в зачаточном состоянии. М. Геллер и А. Некрич отметили:

> «Белорусские крестьяне не проявляли чувства этнической самостоятельности по отношению к русским, политическая жизнь в Белоруссии развивалась в русских и еврейских политических организациях»*.

---

* Геллер М.Я., Некрич А.М. История России. 1917 — 1995. В 4-х томах. М., 1996. Том 1, с. 73.

2. Период 1917–1920 гг.

Февральская революция в России позволила белорусскому национализму активно развиваться. Русский эмигрантский историк И. Коринкевич нарисовал следующую картину, предшествующую октябрьской революции и гражданской войне на территории Белоруссии:

> «По всей России происходили в то время разнообразные съезды, производились национальные формирования, образовывались реальные и дутые правительства и представительства. Все, у кого были хоть малейшие к тому основания, начинают митинговую борьбу за свои цели и идеалы».

Как отметил Коринкевич, при этом «белорусские националисты часто пытались присвоить и приписать себе то, что не имело к ним никакого отношения»*. В первую очередь речь идет о мифах, на которых строятся исторические обоснования белорусского национализма.

В начале апреля 1917 г. в Минске прошел съезд белорусских национальных организаций. На нем было решено добиваться автономии Белоруссии в рамках будущей Российской федерации. Для этого съезд сформировал Белорусский национальный комитет. Однако Временное правительство отказалось признать за белорусами право на автономию. В скором времени это привело к тому, что все национальные силы стали ориентироваться на Германию, считая реальным получить независимость из рук немецкого имперского правительства.

В середине июля 1917 г. в Минске состоялся съезд белорусских национальных организаций и партий. На нем депутаты избрали Центральный совет (Цэнтральную раду) белорусских организаций, которому было поручено создание национального банка, формирование армии и открытие университета. Переименованный в Великий белорусский совет, этот орган созвал в Минске 18 декабря 1917 г. 1-й Всебелорусский съезд, который должен был сплотить все национальные политические силы. Прибыли 1872 делегата, из них 716 – военнослужащие. Вся группа белорусских сепаратистов из зоны немецкой оккупации сравнительно легко сумела заручиться депутатскими полномочиями и явилась на конгресс в количестве 70–80 человек. Никакого влияния на деятельность и решения съезда эта группа не имела. Предложить резолюцию о провозглашении независимости Белоруссии она не решилась.

Основная борьба на съезде развернулась между социалистами, выступавшими за федерацию с Россией и большевиками, отвергавшими в тот момент федеративный принцип построения «свободной России». В результате приняли резолюцию о желательности федеративного устройства Российского государства. Такое решение получило у националистов следующее объяснение:

> «Массы еще далеко не доросли и не созрели для понимания идеи национальной независимости. Поэтому пришлось обратиться к поискам компромисса, приемлемого и для националистов, и для несознательных еще народных масс. Такой компромисс был найден в принципе федерализма».

Других резолюций и постановлений съезд не успел принять, так как был разогнан большевиками, настаивавшими на установлении советской власти. После

---

* См.: И. Коринкевич. Белорусский сепаратизм // Журнал «Часовой», 1955, № 6 (354).

этих событий 71 участник съезда (в основном, из националистических групп) провозгласили незаконный характер узурпации власти большевиками. Затем они постановили, что выделяют из своего состава так называемый Белорусский совет (Беларускую раду), который должен был представлять волю разогнанного съезда (в качестве его исполнительного органа. – *Ред.*).

В дальнейшем вокруг этого съезда (или конгресса) был создан миф, который лег в основу всех остальных националистических построений. Съезд стал представляться как нечто похожее на Белорусское учредительное собрание, которое стремилось провозгласить независимость Белоруссии, но не успело этого сделать, будучи разогнанным большевиками.

До конца февраля 1918 г. созданный националистами Белорусский совет (Всебелорусского съезда. – *Ред.*) находился в подполье и о своем существовании не заявлял. Однако временное прекращение мирных переговоров в Бресте и оккупация Белоруссии немецкими войсками создали новое положение вещей. Изгнание большевиков дало возможность националистическим силам добиваться независимости Белоруссии.

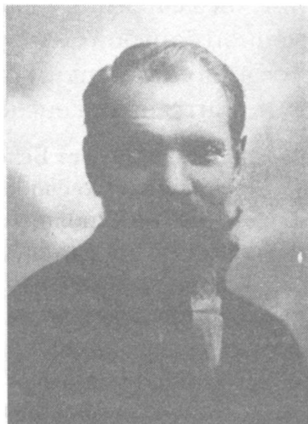
Иван Луцкевич (слева) и Александр Власов

Вскоре в этом направлении были предприняты конкретные шаги. 9 марта 1918 г. было провозглашено создание Белорусской народной республики (БНР), а 25 марта совет провозгласил независимость Белоруссии и вскоре послал от имени белорусского народа верноподданническую телеграмму кайзеру Вильгельму II с просьбой принятия Белоруссии под его покровительство.

После этого Белорусский совет был преобразован в Совет Белорусской народной республики (Рада БНР), был создан кабинет министров (народный секретариат) во главе с Петром Кречевским (1879–1928), который возглавлял и Совет БНР. Но руководить белорусскому правительству не пришлось. Несмотря на все его декларации, германское командование рассматривало Белоруссию как оккупированную часть России. Деятельность Совета БНР, а также временного правительства Белоруссии – народного секретариата – не была запрещена, но не приветствовалась. Только через три месяца, в мае 1918 г., командующий немецкими оккупационными войсками генерал Э. фон

Фалькенхайн принял представителей Совета БНР, дав согласие на создание при местных оккупационных структурах института советников.

В итоге, под немецкой оккупацией БНР существовала только на бумаге, а вся реальная деятельность ее Совета (Рады) и кабинета министров свелась к культурно-просветительским мероприятиям. Такое положение продолжалось вплоть до краха Германии в ноябре 1918 г., когда, ввиду приближения большевиков, белорусские министры были вынуждены бежать вместе с отступающими немецкими войсками, и оказались кто в Польше, кто в Литве, а кто в Германии или Чехословакии.

Петр Кречевский

В результате развала немецкого Восточного фронта и образования политического и военного вакуума на территории Белоруссии, ее территория была захвачена советской Россией. Так закончилась первая попытка белорусских националистов добиться независимости при помощи немцев.

•◆•

Белорусское национальное движение как в идейном, так и в организационном плане относилось к числу неразвитых и малоэффективных даже в сравнении с национальными движениями других народов бывшей Российской империи. Именно на счет этой слабости следует отнести полное поражение белорусской идеи в период революции и гражданской войны. Лидерам БНР не удалось создать ни полноценной администрации, ни вооруженных сил, ни получить международное признание. Наконец, белорусский народ тоже оказался равнодушным к идее независимости.

В 1919–1920 гг. Белоруссия стала полем вооруженной борьбы между советской Россией и Польшей.

Определенная часть белорусских националистов рассматривала поляков в качестве союзников. Однако возродившееся Польское государство не было заинтересовано в таком альянсе. В результате, все попытки националистов создать в оккупированной поляками Белоруссии свое самоуправление и вооруженные силы были блокированы. Эти события привели к первому серьезному расколу в их рядах. От них отошли белорусские социалисты-революционеры (эсеры), которые теперь считали союз с большевиками вполне возможным, при условии признания ими автономии Белоруссии.

Военные действия завершились Рижским миром (март 1921 г.), который закрепил разделение белорусских земель и «поставил крест» на всех проектах националистов. Восточная часть этих земель вошла в состав СССР под именем БССР. К Польше отошла западная часть с городами Гродно, Барановичи, Белосток, Брест и Пинск.

Надо сказать несколько слов еще об одном популярном мифе белорусских националистов. Речь идет о так называемом Слуцком восстании — событии, имевшем место на заключительном этапе советско-польской войны. Если первый

миф – о Всебелорусском съезде – носит, прежде всего, политический характер, поскольку с его помощью националисты пытаются доказать факт провозглашения «независимой Белоруссии», то второй миф связан с «сознательной вооруженной борьбой белорусского народа за эту независимость». Вот как, например, история со «Слуцким восстанием» выглядит в изложении авторов белорусского эмигрантского еженедельника «Бацькаўшчына»:

«...Когда Совет Белорусской народной республики объявил 25 марта 1918 г. в Минске Белоруссию свободным и независимым государством, на Случчине сразу стали создаваться исполнительные органы БНР, которые сделались местной властью, подчиненные центральным верховным органам в Минске. В Слуцке возникает Белорусский национальный комитет (БНК) во главе с Павлом Жавридом, который разворачивает широкую административную деятельность. Большевики, которые в то время продвигались на Запад (ноябрь 1918 г.), разгоняют БНК, а его председателя Жаврида арестовывают.

Через два года, в связи с польско-советской войной и продвижением поляков на Восток, Случчина переходит под польскую оккупацию. Перед самым большевистским отступлением Жавриду удается бежать из тюрьмы, а БНК возобновляет свою деятельность...

В конце ноября 1920 г. большевики без всякого предупреждения снова ворвались на Случчину. Главное белорусское командование приказало уже сформированным белорусским воинским частям и милиции оставить Слуцк и собраться в местечке Семежеве, где и собралось до 10 тыс. повстанцев. Сформированная 1-я белорусская дивизия 27 ноября пошла в кровавый бой за родную Белоруссию... Славный Слуцкий фронт БНР в продолжение месяца сдерживал наступление русско-монгольской орды»*.

И далее в том же духе, с нажимом на то, что:

«...массовая борьба белорусского народа может быть объяснена только его национальной зрелостью, его враждебным отношением к российскому империализму, его ненавистью к русскому оккупанту, его совершенно правильным отождествлением большевизма с расейщиной».

Что тут можно сказать? Правда обильно перемешана с ложью. Например, ни Главного белорусского командования, ни 10-тысячной 1-й белорусской дивизии, которая более месяца держала 100-километровый фронт, не существовало.

А что же было на самом деле? На основе договора о перемирии польские войска должны были отойти за демаркационную линию, а Красная армия войти в Слуцкий уезд. Однако 15 – 16 ноября 1920 г. в еще занятом польскими войсками Слуцке, по инициативе судьи Владимира Прокулевича (1887–1938) был созван съезд представителей местных властей уезда, на который прибыло 127 человек. Съезд избрал Слуцкий белорусский совет (Раду) в составе 17 человек и поручил ему организовать национальную армию. Кроме того, слуцкие представители выразили протест против вступления в границы уезда Красной армии, и призвали всех к борьбе за «независимую Беларусь в ее этнографических границах». Затем в течение трех дней из числа военнообязанных была сформирована бригада в составе двух полков (Слуцкого и Грозовского), всего около 4000 человек. Коман-

* «Бацькаўшчына», 1954, № 4 (126 – 127).

диром этого соединения был назначен капитан П. Чайка.

Когда же 22 ноября 1920 г. Красная армия, согласно условиям договора о перемирии, начала приближаться к Слуцку, командование бригады приняло решение отступать на запад, вслед за польскими войсками. В этот момент «слуцких повстанцев» покинул их командир Чайка.

Новый командир бригады штабс-капитан Антон Сокол-Кутыловский (1892–1983) отвел соединение за реку Морочь, чтобы не столкнуться с наступающей Красной армией. На правом берегу реки была уже польская территория. Здесь бригада сложила оружие и была интернирована.

Такой взгляд на эту историю является официальной версией современной белорусской историографии. Выглядит он, конечно, более правдоподобно, чем националистические сказки, хотя их влияние на эту версию тоже нельзя не заметить*.

Флаг Слуцкого полка

Солдаты Слуцкой бригады (реконструкция)

3. Период 1921–1939 гг.

По Рижскому миру большая часть Белоруссии осталась в составе СССР, где была создана Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР) со столицей в Минске. К Польше же отошла ее западная часть с городами Гродно, Барановичи, Белосток, Брест и Пинск. Помимо этого, небольшая часть белорусских земель была присоединена ко вновь образованным Литовской и Латвийской республикам. В дальнейшем этот территориальный (и, что не менее важно, религиозный) раскол сыграл весомую роль в развитии белорусского национализма в годы Второй мировой войны.

---

* Интересно, что за все время существования белорусской печати в межвоенной Польше (1920 –1939) никаких упоминаний о «Слуцком восстании» в ней не было. Эту тему стали «раскручивать» только после окончания Второй мировой войны.

Кроме того, на территории Центральной и Восточной Европы осела послереволюционная белорусская эмиграция. Хотя по своим размерам она не была такой значительной, как, например, русская или украинская (еще меньше там было «сознательных» белорусов), ее роль в дальнейшем развитии белорусского национализма также важна. К слову, почти все члены правительства БНР оказались в Чехословакии или Литве. Еще одним значительным местом проживания белорусских эмигрантов была Германия.

Естественно, что настоящая белорусская политическая жизнь развивалась только на белорусских землях. Менее активной она была в Литве и Латвии, хотя на территории последней оказался бывший «военный министр» БНР и известный публицист Константин Езовитов (1893–1946). Наиболее же активный характер эта жизнь приобрела в СССР и Польше. Развивалась она здесь в совершенно противоположных направлениях, но со временем пришла к единому знаменателю - усилению белорусского национализма.

Большевики провозглашали своей целью нивелировку всех наций, однако, как отметил историк И. Коринкевич, «их роль в разведении и насаждении разных национализмов хорошо известна».

В 1920-е годы эта деятельность получила свое выражение в политике так называемой «коренизации». В чем она заключалась? Прежде всего, в подготовке преданных идеям коммунизма национальных кадров и во внедрении языка того или иного народа во все сферы общественной и культурной жизни данной национальной республики. Белорусская разновидность такой политики получила название «белорусизация». В принудительном порядке белорусский язык начали вводить во всех партийных и советских учреждениях, и даже в армейских частях, дислоцированных на территории республики.

Не только советские историки, но даже националисты признают, что в Белоруссии не хватало грамотных кадров, которые бы говорили на белорусском языке. Почти вся белорусская интеллигенция того времени говорила по-русски и не желала переходить на белорусский язык.

Недостаток специалистов по белорусскому языку был восполнен оттуда, откуда меньше всего этого было можно ожидать. После объявления амнистии и провозглашения политики «белорусизации» в БССР вернулись многие бывшие деятели БНР, которые включились в проведение этой политики. Так, созданная в январе 1929 года Академия Наук БССР практически полностью попала в их руки.

Именно эти деятели определили тот советский вариант истории Белоруссии, основной тенденцией которого явилось выпячивание и подчеркивание самых незначительных проявлений сепаратизма в дореволюционное время и упор на те мифы, которые сложились после 1917 года. Фактически, этот вариант, правда, в несколько измененном виде, даже сейчас является базой для всех научных (и ненаучных) изысканий в области истории Белоруссии.

В конце 1920-х годов, после свертывания НЭПа и всех сопутствующих ей экспериментов в политической и духовной сферах, пришел конец и «коренизации». Большинство вернувшихся белорусских националистов и выращенная ими новая белорусская интеллигенция разделили трагическую участь интеллигенции других народов СССР. Однако посеянные ими зерна белорусской нацио-

нальной идеи и сепаратизма все-таки дали всходы. И произошло это в период Второй мировой войны.

Если политика большевиков в решении белорусского вопроса была поначалу лояльной по отношению к националистам, то в Польше все было наоборот. Официальная Варшава считала белорусов не каким-то отдельным народом, а только национальным меньшинством, которое необходимо ассимилировать. В результате, вся история Западной Белоруссии 1920–30-х гг. была наполнена борьбой белорусов за свое национальное выживание. Не удивительно, что многие из них с надеждой смотрели на СССР, где, как им казалось, белорусская нация активно развивается и строит свое национальное государство в виде БССР.

Польские власти формально не запрещали белорусские политические партии и организации. Однако они делали все для того, чтобы уничтожить их. Сейчас принято утверждать, что польский парламентаризм и режим «санации» был либеральнее сталинского режима так как он допускал существование белорусских политических партий и общественных организаций. Но, как это не покажется парадоксальным, белорусы бежали из Польши в СССР, а не наоборот (хотя многие потом и жалели об этом).

В целом, белорусское национальное движение в период между двумя мировыми войнами было расколото на несколько течений. Укажем наиболее значительные среди них.

Незалежники

Это довольно пестрое политическое направление, в котором на почве идеи белорусской независимости сосуществовали организации от христианских демократов до национал-социалистов.

По мнению И. Коринкевича, «христианских демократов можно считать единственной в настоящем смысле этого слова белорусской партией за все время существования белорусского сепаратизма». Возглавлял ее членов, преимущественно белорусов-католиков, ксендз Адам Станкевич (1892–1949), по словам современников — человек порядочный, способный и лояльный в отношении инакомыслящих.

Вокруг него группировалось некоторое число белорусских ксендзов, наиболее выдающимся из которых был Винцент Годлевский (1888–1942), настоятель в селе Жодишки. Белорусское католическое духовенство, безусловно, влияло на своих прихожан, что, конечно, не нравилось польским властям. Поэтому вскоре последовала расправа. В 1925 г. ксендз Годлевский был арестован и приговорен к двум годам тюремного заключения за антиправительственную деятельность.

После этого католические духовные власти постепенно перевели большинство священников-белорусов на приходы во внутренней Польше, в результате чего деятельность христианских демократов замерла. Но формально партия продолжала существовать до 1940 г. При этом из нее выросли и другие организации, наиболее значительной среди которых был «Белорусский фронт» («Беларускі фронт») вышедшего из заключения Годлевского. Эта организация была создана в 1936 г. и сыграла значительную роль в истории белорусского национализма. Ее сторонники выступали и против коммунизма, и против полонизации,

Винцент Годлевский (в центре, в очках) среди беларуских учителей (1942 г.). Крайний справа в первом ряду — Янка Станкевич

и против германского нацизма. Их целью было возрождение белорусского народа и его духа на основе исторических традиций.

На правом фланге белорусского «незалежницкого» течения находилась Белорусская национал-социалистическая партия (БНСП) Фабиана Акинчица. Она была создана в конце 1933 г. на волне общеевропейского увлечения идеями фашизма. Акинчиц и его сторонники считали, что все национальные и социальные проблемы белорусского народа можно решить только путем окончательного отказа от иллюзии демократического строя. А воссоединение разорванных Рижским договором белорусских земель возможно только в результате войны. Нет необходимости говорить, что в последнем пункте своей программы партия ориентировалась на возможную поддержку со стороны пришедших незадолго до этого к власти в Германии нацистов.

БСРГ (Беларуская сялянска-рабочая грамада). Ее возглавляли Бронислав Тарашкевич, Симон Рак-Михайловский, Игнат Дворчанин и другие деятели «левой» ориентации. В Громаду некоторое время входили и «полонофил» Р. Островский, и будущий национал-социалист Ф. Акинчиц.

Эта «шумная организация» канализировала все недовольство белорусского общества, накопившееся в результате социального неустройства и национальных притеснений. В 1926 г. движение Громады, в которое также включились явные и тайные коммунисты, приняло характер лавины. За короткий срок ее активисты создали сотни сельских комитетов («гурткоў»). Но польские власти спохватились и в начале 1927 г. нанесли Громаде сокрушительный удар. Наиболее активные руководители и члены движения были арестованы, а организация распущена и объявлена запрещенной.

Позже многие осужденные по делу Громады были отправлены, в соответствии с их собственным желанием в СССР, в обмен на арестованных советскими властями поляков. Практических всех выехавших в СССР лидеров Громады здесь репрессировали по сфабрикованному делу так называемого «Белорусского национального центра» (1933 г.). Эта участь постигла С. Рак-Михайловского, И. Дворчанина, И. Метлу и других. А несколько позже (в 1938) был репрессирован и Б. Тарашкевич.

Но, несмотря на то, что БСРГ прекратила свое существование довольно быстро, ее идеи дали свои всходы. Например, в годы немецкой оккупации Бело-

руссии ее бывшие члены пытались организовать альтернативное коммунистам партизанское движение.

«Полонофилы» составляли еще одно течение. Они пытались решить белорусский вопрос путем сотрудничества с польскими властями.

Самым значительным представителем этого течения был Радослав Островский (1887–1976). В январе 1927 г. его осудили по делу БРСГ. В тюрьме Островский изменил свои политические взгляды. Он стал активным организатором и пропагандистом сотрудничества с польскими властями. Но основная масса белорусского населения ни ему, ни его сторонникам не доверяла. И тому были все основания. Как вспоминал один из белорусских националистов Язеп Малецкий, «польское правительство цинично пророчило, что через 50 лет на территории Польской республики не будет и следа белорусов».

Радослав Островский (фото 1944 г.)

КПЗБ. Коммунистическая партия Западной Белоруссии действовала нелегально, но имела некоторое число беспартийных сторонников. Эта группировка крайне отрицательно относилась к первому и второму течениям и боролась против них, считая, что идея независимости Белоруссии «дезориентирует народные массы». Есть факты, что в своей борьбе против белорусских националистов коммунисты сознательно шли на сотрудничество с польской политической полицией. Но после присоединения Западной Белоруссии к БССР почти все местные коммунисты были либо уничтожены, либо высланы в Сибирь.

Такова, в целом, картина белорусского национального движения между двумя мировыми войнами. Ни Польша, ни СССР не были заинтересованы в создании самостоятельного белорусского государства, а западные демократии не проявляли интереса к белорусскому вопросу, и прежде всего из-за слабости этого движения. К этому следует добавить, что в 1925 г. правительство БНР в изгнании самораспустилось, а большинство его членов вернулось в СССР*. Поэтому можно согласиться с мнением ряда исследователей, что к концу 30-х годов XX века белорусский национализм и сепаратизм как таковые исчезли бы вообще, если бы не приход к власти нацистов и развязанная ими Вторая мировая война.

Белорусское национальное движение в своем развитии мало отличалось от подобных ему, в том смысле, что основывалось преимущественно на мифах. Однако ему были присущи особенности, которые нельзя оставить без внимания.

---

* Самороспуск правительства БНР в изгнании стал результатом специальной операции ГПУ, суть которой кратко выражает одно слово «провокация». — *Ред.*

Во-первых, эти мифы настолько неубедительны, что белорусское население в них не поверило. Поэтому первое появление белорусского сепаратизма на политической арене (1917 – 1921 гг.) закончилось провалом.

Во-вторых, все сепаратистские движения, возникшие в Российской империи перед Первой мировой войной, так или иначе, использовали помощь извне. Но только в случае с белорусским националистическим движением она (помощь) приняла первостепенный характер, так как без этой поддержки оно вряд ли бы вышло за рамки маргинальных культурно-просветительских кружков. В результате накануне Второй мировой войны это привело белорусских нацистов к союзу с гитлеровской Германией.

Гитлеровские декларации о переделе мира и «Новой Европе», в которой найдут свое место все обездоленные народы, вселили в лидеров белорусских националистов надежды на скорое решение белорусского вопроса. Безусловно, большинство белорусских политиков, считавших себя демократами, сначала очень критически относились к заявлениям Гитлера и пропаганде фашизма. Однако в конце 1930-х гг., когда стало ясно, что Германия взяла открытый курс на передел мира и войны не избежать, Германия стала надеждой и для польских украинцев, и для польских белорусов.

Даже орган Белорусской христианско-демократической партии – газета «Хрысціянская думка» – писала в статье «Немецкие намерения и белорусы»:

> «Последнее время Германия очень интересуется Восточной Европой - СССР, где расположены Украина и Белоруссия... Не потому, что хочет помочь украинцам и белорусам построить свое государство, а потому, что надеется этим развалить СССР, открыть для своей промышленности большой рынок сбыта и добраться до хлебного богатства Украины и лесного богатства Белоруссии... Это, однако, не значит, что белорусы должны уже теперь бояться немецких планов и уже теперь бороться с ними. Нет! Надо только знать, что никому не будет бескорыстной помощи, и что самая полезная только собственная сила»*.

То же относится и к газете «Беларускі фронт» – периодическому изданию одноименной организации ксендза Годлевского. Если в ее первых номерах (1937–38) журналисты врагами Белоруссии считали как коммунизм, так и нацизм, то с конца 1938 г. в газете ясно прослеживается тенденция ориентации на Германию не только как гаранта передела мира, но и как государство – образец нового порядка**.

4. Период 1939–1945 гг.

Руководство Германии мало рассчитывало на использование белорусского фактора в будущей войне, поскольку, как показано выше, белорусские националистические силы были крайне слабы. Белорусским вопросом в Польше и СССР интересовались только некоторые партийные инстанции и военная разведка. Они и установили контакт с белорусскими националистическими организациями, прежде всего, в Польше.

* «Хрысціянская думка», 1938, 10 сьнежня.
** «Беларускі фронт», 1937, 5 лютага; 1939, 15 студзеня.

Приоритет в этом деле принадлежал Внешнеполитическому бюро нацистской партии – АПА (Aussenpolitisches Amt NSDAP; APA) и его руководителю рейхсляйтеру Альфреду Розенбергу (1893–1946). Взаимоотношения этого бюро с белорусскими организациями не приобрели широкого размаха, но оказали заметное влияние на немецкое отношение к белорусской проблеме.

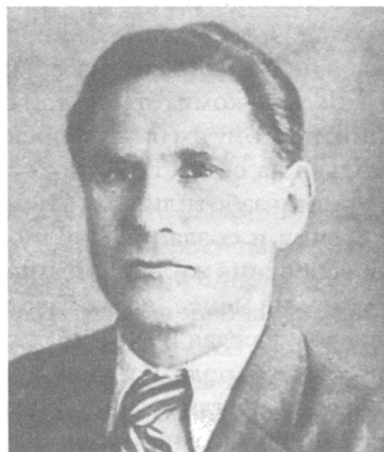
Еще летом 1933 г. АПА установило контакт с Фабианом Акинчицем (1886–1943) – идеологом и лидером небольшой группы белорусских национал-социалистов. В ноябре 1933 г. эта группа при поддержке и на деньги АПА приступила в Вильно к изданию газеты «Новы шлях». Почти одновременно стараниями Акинчица, в Берлине был создан пронацистский Союз белорусских студентов.

Эти усилия не дали желаемого результата. Союз студентов так и остался малочисленной организацией, а газета «Новы шлях» не пользовалась у населения популярностью. К тому же она имела жалкий вид: выходила один раз в два месяца, небольшим форматом на 8 страницах, а ее разовый тираж не превышал 500 экземпляров*. Последний факт – свидетельство тому, что немцы не особенно спонсировали деньгами белорусских идеологических союзников. Скорее, их поддержка была моральной.

Потерпели неудачу и попытки Акинчица сделать свою партию (БНСП) массовой. Во-первых, для этого в Западной Белоруссии не было необходимой социальной базы – людей, увлеченных идеями нацизма. Во-вторых, создание подобной партии польские власти встретили враждебно: они вполне справедливо полагали, что это будет не политическая партия, отстаивающая права белорусского населения, а организация гитлеровской агентуры.

В результате, в октябре 1936 г., почти сразу после создания БНСП, Акинчиц не получил разрешения польских властей на проведение съезда партии, а осенью следующего года ее деятельность была фактически запрещена. Редакцию газеты «Новы шлях» из-за преследований пришлось перенести из Вильно в Лиду, где 25 ноября 1937 г. вышел последний номер газеты.

Часть членов партии уехала в Германию. Некоторые, во главе с главным редактором газеты Владиславом Козловским (1896–1943), остались в Вильно и действовали нелегально вплоть до прихода туда советских войск летом 1940 г. Сам же Акинчиц объявил себя больным, вернулся в родное село Акинчицы (Минская область) и «стал ждать взрыва, который должен был уничтожить созданное в Версале и Риге политическое положение в Европе».

Владислав Козловский

В целом, деятельность этой партии ни к каким серьезным последствиям не привела. Единственным позитивным результатом работы ведомства Розенберга с группой Акинчица стало приобретение им опыта сотрудничества с белорусскими националистами*.

* Найдзюк Я. Беларусь учора і сяньня. Менск. 1944, с. 249.
** Ёрш С. Забойства Фабіяна Акінчіца. «Беларускі Рэзыстанс», 2004, № 1, с. 1.

Осенью 1938 г. в Берлине появилось Белорусское представительство *(Weissruthenische Vertrauenstell)*. Его создали Андрей Боровский (1873–1945), который в 1921–25 гг. руководил дипломатической и военной миссией БНР в Берлине, и Анатолий Шкутко. Целью бюро являлось объединение белорусов, живших в Германии, а также упрощение их контактов с германскими властями.

Через год, в результате Польской компании (сентябрь 1939 г.) на территории Третьего рейха оказалось около 70 тысяч белорусов – военнопленных Польской армии. Кроме того, в оккупированных немцами Польше и Чехословакии еще с 1920-х гг. существовала значительная белорусская диаспора. К концу осени 1939 г. стало ясно, что всю эту массу людей необходимо как-то организовать, а по возможности и использовать.

Поэтому германские власти способствовали созданию различных белорусских структур, прежде всего, регистрационных комиссариатов. В ноябре 1939 г. с целью объединения белорусских эмигрантов и военнопленных, оказания помощи в их трудоустройстве, Министерство внутренних дел Германии взяло Белорусское представительство под свое покровительство. Руководителем представительства был назначен Ф. Акинчиц.

Организация учредила свой печатный орган – газету «Утро» («Раніца»). Ее первый номер вышел 3 декабря 1939 г. Однако это представительство не могло удовлетворить национальных потребностей белорусов, так как его главной и единственной обязанностью была работа с военнопленными.

Летом 1940 г. Белорусское представительство добилось разрешения немецких властей на создание в Берлине Белорусского комитета самопомощи (БКС). Председателем комитета стал Николай Шкеленок, секретарем – А. Боровский, членами – Николай Абрамчик, Василий Комаровский (Антон Вярбіна), Александр Крит, Болеслав Борткевич. Были открыты филиалы этой организации в Познани, Лодзи и Торуне (Польша), Праге (Чехословакия), Вене (Австрия), Мюнхене и Гамбурге (Германия).

В декабре 1939 – январе 1940 г., независимо от берлинского комитета был создан Белорусский комитет в Генерал-губернаторстве (т.е. в Польше). Его штаб-квартира располагалась в Варшаве, а филиалы – в Бялой Подляске и Кракове.

Все эти комитеты имели статус общественных и вспомогательных организаций, поэтому им было запрещено заниматься политикой. Их члены имели право только на общественную и культурно-просветительскую деятельность. Например, они заботились об открытии общественных столовых для белорусского населения и создании библиотек, помогали решать вопросы трудоустройства, обеспечения жильем, медицинской помощью и т.п.

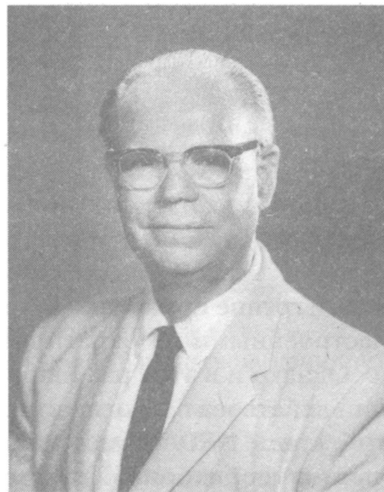
Тем не менее, на их базе возникло несколько политических групп националистов, каждая из которых видела себя единственным выразителем воли белорусского народа. В целом, все они стремились к достижению независимости Белоруссии. Отличало их только то, под каким углом зрения они смотрели на сотрудничество с немцами, и то, на какие немецкие инстанции они делали ставку: партию, правительство, СС или армию.

Для достижения своей главной стратегической цели каждая из этих групп ставила перед собой ряд тактических задач. У каждой они были разными. Но одна была общей – получение политического влияния в Белоруссии после ее оккупа-

ции немецкими войсками. Поэтому почти сразу между этими группами развернулась острая конкуренция за немецкую благосклонность.

Первым приступил к делу Иван Ермаченко (1894–1970) – бывший офицер Белой армии и один из лидеров белорусской диаспоры в Праге. С целью придать своей миссии характер исторической и политической легитимности, он заручился поддержкой Василия Захарко (1877–1943) – президента Совета (Рады) БНР в эмиграции. Почти сразу же после оккупации Чехии немцами, 20 апреля 1939 г., Ермаченко подготовил на имя Гитлера меморандум, лейтмотивом которого была просьба решить белорусский вопрос путем расчленения СССР. Известно, что этот меморандум не остался без внимания, о чем свидетельствует приглашение Ермаченко и Захарко (который только подписал меморандум) на конференцию в МИД Германии (Берлин, 3 августа 1939 г.). В ходе конференции оба деятеля белорусской эмиграции получили обнадеживающие заверения, что Германия «выступает против концепции единой и неделимой России». В дальнейшем эти контакты сильно повлияли на карьеру Ермаченко в немецкой оккупационной администрации на территории Белоруссии.

Ф. Акинчиц, наоборот, делал ставку на ведомство Розенберга, так как полагал, что многолетние отношения с этим политиком дают ему основания надеяться на получение руководящей роли среди белорусских эмигрантских организаций Германии и оккупированных ею территорий. Однако шансы Акинчица постепенно уменьшались. Неудачная попытка создания БНСП сослужила ему плохую службу. В определенных немецких кругах его стали считать авантюристом, со всеми вытекающими из этого последствиями. На такое мнение также влияло и то, что, несмотря на все заявления, Акинчиц имел очень мало сторонников. В конце концов, его сняли с должности председателя берлинского Белорусского представительства, заменив на А. Шкутко.

Иван Ермаченко
(фото 1969 г.)

Более того, когда в январе 1940 г. Акинчиц отправился в Варшаву, чтобы под видом Белорусского комитета самопомощи создать там легальную опору для возобновления деятельности своей партии, он застал там уже готовый комитет, созданный его идеологическими оппонентами. Между ними началась борьба, которую Акинчиц, несмотря на первоначальный успех, все-таки проиграл и во второй половине 1940 г. был вынужден вернуться в Берлин. Вернее, его туда просто выслали. Дело в том, что варшавских активистов поддерживала СД, поэтому у Акинчица не было никаких шансов даже при благожелательном отношении Розенберга.

Конец 1940 г. застал Акинчица в Берлине, где он продолжал борьбу за лидерство в белорусской эмиграции. К этому же времени относятся его меморандумы Розенбергу (1 ноября 1940 и 10 января 1941 г.), в которых он предложил подробный проект совместной деятельности белорусских национал-социали-

стов и немецкого руководства. В целом, этот проект предусматривал следующие мероприятия:

– организацию курсов с целью подготовки политических, административных и хозяйственных деятелей для будущей оккупационной администрации в Белоруссии;

– военную переподготовку военнопленных-белорусов;

– организацию курсов с целью подготовки разведывательных и диверсионных кадров для их будущей засылки на территорию СССР;

– подготовку пропагандистов из числа военнопленных-белорусов.

Но это еще не все. По мнению Акинчица, такие политические задачи могли выполнить только его единомышленники (т.е. белорусские нацисты), в связи с чем им должна быть отведена руководящая роль. Он писал:

> «Другая политическая группа настроена демократически. Ее отношение к коммунистам не вызывает сомнений, они тайно симпатизируют евреям, склонны к панславизму, и относятся к Германии со скрытым недоверием. Эта группа не верит в победу Германии и, судя по ее политической позиции, стремится не скомпрометировать себя ни перед поляками, ни перед коммунистами, ибо считает, что после поражения Германии коммунисты, а вместе с ними поляки и евреи, будут господствовать в Европе. Эта группа относится к нашей организации очень враждебно, постоянно старается ее уничтожить, и ни в коем случае не допустить, чтобы немецкие учреждения считались с ее взглядами».

После такой характеристики независимых от Акинчица группировок шли его доносы на их лидеров – реальных и мнимых конкурентов белорусских нацистов. Главным образом, это были те, кто лишил его власти в комитетах Берлина, Варшавы и Лодзи – всех их следовало заменить на его единомышленников. Досталось и группе Ермаченко в Праге. Ее членов автор меморандумов-доносов считал настроенными демократично и с левыми взглядами.

Однако и в этот раз Акинчиц потерпел поражение. Дело в том, что в Германии действовал строгий запрет на деятельность каких-либо политических партий, кроме NSDAP. Этот запрет касался как Третьего рейха, так и оккупированных им территорий. Поэтому все проекты по юридическому оформлению партии белорусских нацистов так и остались проектами, а ее члены должны были выполнять поручения различных немецких властей только в индивидуальном порядке. Например, многие из них вступили в разведывательно-диверсионные группы, которые немцы забрасывали на территорию СССР с декабря 1940 по июнь 1941 г.

Не был допущен Акинчиц и к официальной пропагандистской деятельности. Вероятно, на это решение немецких властей повлияла его бескомпромиссная антисоветская позиция, которая в свете советско-немецкого пакта о ненападении являлась слишком провокационной. По этой причине Акинчиц покинул редакцию «Раніцы», но своей пропагандистской активности не прекратил. Так, в первой половине 1941 г. его сторонники выпустили в Берлине две брошюры – «Как создать нашу силу» и «Дорогой борьбы Белоруссии с Москвой». Брошюры были напечатаны на ротаторе и внешне похожи на нелегальные публикации.

Период вынужденного бездействия Акинчица закончился в сентябре 1941 г. В этом месяце его назначили руководителем школы пропагандистов (или «идео-

логических руководителей») в городке Вустрау недалеко от Берлина. Как руководитель школы Акинчиц был наделен очень широкими полномочиями, вплоть до возможности вести вербовку необходимых ему людей среди военнопленных и рабочих. Это была серьезная победа Акинчица: со временем эти молодые люди должны были войти в будущую немецкую оккупационную администрацию Белоруссии и стать, таким образом, проводниками его влияния.

Лидером третьей группы белорусских националистов был молодой врач Николай Щорс (1913–1995), активный деятель виленского Белорусского студенческого союза, который идеологически был связан с Белорусским фронтом ксендза В. Годлевского. В отличие от двух предыдущих, это была очень влиятельная и разветвленная группа, имевшая своих представителей в Варшаве, Лодзи и Берлине. Со временем, членам этой группы удалось занять все ключевые места в белорусских общественных организациях, о которых говорилось выше, и даже оттеснить людей Акинчица от руководства редакционной политикой газеты «Раніца».

Николай Щорс (в первом ряду в центре) со своими помощниками по Варшавскому комитету

К слову, их он и считал своими основными оппонентами. Именно Щорс и его сторонники были названы в меморандумах Акинчица «тайными врагами Германии, друзьями коммунистов, поляков и евреев».

Наконец, 19 июня 1941 г. на совещании Белорусского представительства и Белорусского комитета самопомощи в Берлине был создан Белорусский национальный центр (БНЦ), который формально мог претендовать на роль организации, занимающейся руководством, планированием и координацией деятельности белорусской эмиграции в Германии и Генерал-губернаторстве. Председателем центра стал Н. Щорс, а его членами Винцент Годлевский, Витовт Тумаш, Чеслав Хонявко, Николай Шкеленок и Ф. Шкутько. БНЦ ставил конечной целью своей деятельности создание белорусского национального государства под протекторатом Германии.

Надо отметить, что сам факт создания центра за три дня до нападения на СССР указывал на то, что целью его создателей была отнюдь не работа среди эмиграции. Прежде всего, он должен был координировать все усилия националистов в ходе немецкой оккупации Белоруссии. А в дальнейшем, при благоприятных обстоятельствах, этот орган мог провозгласить себя временным белорусским правительством.

В отличие от Ермаченко и Акинчица, группа Щорса ориентировалась на военные круги (главным образом, на Абвер) и СД. Их сотрудничество с этими организациями было начато во второй половине 1940 г. и направлено на вербовку агентов с целью их дальнейшей засылки в СССР. Центром подготовки завербо-

ванных стала школа Абвера в местечке Ламсдорф (Германия). А главным вербовочным бюро – филиал варшавского Белорусского комитета в Бялой Подляске. Весной 1941 г. группа Щорса начала среди военнопленных-белорусов бывшей Польской армии набор добровольцев для диверсионных подразделений Абвера.

Планы нацистов в отношении Беларуси

Будущее устройство гражданского управления на оккупированных территориях Советского Союза вызывало постоянные споры среди нацистского военно-политического руководства. Гражданская администрация должна была стать переходной формой на пути к будущему политическому устройству всего «восточного пространства». Каким оно будет после победы Германии? На этот вопрос надо было ответить с как можно большей политической ясностью.

В начале 1941 г. начальник штаба оперативного руководства Верховного командования Вермахта (ОКВ) генерал А. Йодль подал на рассмотрение Гитлеру проект так называемых «Инструкций по особым вопросам», которые прилагались к Директиве № 21 (план «Барбаросса»). В начале марта фюрер вернул этот документ в ОКВ, снабдив его следующими комментариями:

> «Предстоящая кампания есть нечто большее, чем просто вооруженный конфликт. Это столкновение двух различных идеологий. Ввиду масштаба вовлекаемой в эту войну территории она не закончится просто разгромом вооруженных сил противника. Вся территория должна быть разделена на отдельные государства, каждое со своим собственным правительством, с которым мы затем сможем заключить мир. Формирование этих правительств требует большого политического умения и должно основываться на хорошо продуманных принципах. (...) Большевистско-еврейская интеллигенция должна быть уничтожена, так как до сего дня она является «угнетателем»... Наша цель – построить как можно скорее и, используя минимум военной силы, социалистические государства, которые будут зависеть от нас».

30 марта 1941 г. на совещании германского военно-политического руководства цели войны против СССР были определены окончательно. С военной точки зрения они заключались в достижении линии «Архангельск – Астрахань», а в политическом плане следовало сделать так, чтобы «никакая организованная сила не могла противостоять немцам по эту сторону Урала».

Для управления захваченными советскими территориями фюрер предлагал создать «протектораты»: в Прибалтике, на Украине и в Беларуси. Слово «протекторат» здесь взято в кавычки намеренно. Это не должны были быть протектораты как в Чехии и Моравии. Скорее, речь шла о политической ширме.

Указанное совещание знаменательно еще и тем, что на нем все вопросы будущего административно-политического планирования на «восточных территориях» были переданы в ведомство А. Розенберга. Уже 2 апреля 1941 г. Розенберг представил первый меморандум, в котором отразил свои политические взгляды и концепцию решения национального вопроса в СССР.

Согласно концепции, изложенной в этом документе, Россию (вернее, то, что от нее оставалось), надо было отрезать от остального мира кольцом нерусских государств. Кроме того, по замыслу Розенберга она теряла ряд территорий с русским населением. Так, Курск, Воронеж и Крым отходили к Украине, а Ростов-на-Дону и нижняя Волга – к Донской области. В будущей России «полностью уни-

чтожалась еврейско-большевистская администрация», а сама она «должна была быть подвергнута интенсивной экономической эксплуатации» со стороны Германии. Кроме того, это территориальное образование получало статус гораздо ниже, чем у окружавших его «государств», чтобы служить своего рода «приемником» для всех «нежелательных элементов с их территорий».

Розенберг не возражал против выделения Беларуси в самостоятельную административную единицу. Однако он был очень низкого мнения относительно национальной «спелости» белорусского народа, поэтому долго не решался сформировать окончательную позицию по белорусскому вопросу. Розенберг отметил в своем меморандуме, что эта советская республика «очень отстает в культурной и хозяйственной сферах», в связи с чем «пробуждение ее национальной жизни и создание полноценного государственного механизма может оказаться весьма трудным делом». Однако ее самостоятельное существование оправдывало хотя бы уже то, что ослабляло Россию. С этой целью территорию Беларуси планировалось увеличить за счет западнорусских областей с центром в Смоленске.

Этот план вызвал существенные замечания Гитлера, который считал, что деление будущей оккупированной территории не должно быть таким дробным, а создаваемые административные единицы – искусственными. Например, фюрер считал, что Беларусь надо объединить с Прибалтикой – так удобнее с административной точки зрения.

20 июня 1941 г. в Берлине состоялось очередное совещание высшего военно-политического руководства Германии, на котором Розенберг представил Гитлеру новый план административно-политического устройства «восточных территорий». По этому плану предполагалось создать 5 административных единиц – рейхскомиссариатов:

- «Московия» (центральные области России),
- «Остланд» (Прибалтика и Беларусь),
- «Украина» (большая часть Украины и Крым),
- «Кавказ» (Северный Кавказ, Закавказье и Калмыкия),
- «Туркестан» (Средняя Азия, Казахстан, Поволжье и Башкирия).

Эти административные единицы планировалось создавать по мере продвижения линии фронта на Восток.

Гитлер согласился с таким решением проблемы, и 17 июля 1941 г. подписал приказ о введении гражданского управления на оккупированных территориях. Этим приказом было создано Министерство оккупированных восточных областей - главный руководящий орган для указанных административных единиц. Возглавил министерство А. Розенберг. Но провал плана «молниеносной войны» против Советского Союза привел к тому, что удалось создать только два рейхскомиссариата – «Остланд» и «Украина». Юридически они начали функционировать 1 сентября 1941 г. В своем же окончательном виде их территории оформились к декабрю 1941 г.

Немецкая администрация на территории Белоруссии

Раздел оккупированной БССР был завершен к середине осени 1941 г. Ее территорию по линии Полоцк – Борисов на востоке, Старые Дороги – озеро Червонное на юге, по реке Зельвянка и восточной кромке Беловежской пущи на за-

паде выделили в генеральный округ «Белоруссия». Площадь округа составляла лишь часть БССР: 53.660 км с населением 2.411.333 человек (на 4.12.1941 г.).

Генеральный округ «Белоруссия» был составной частью рейхскомиссариата «Остланд». Помимо него, в этот рейхскомиссариат входили генеральные округа «Литва», «Латвия» и «Эстония». Возглавлял рейхскомиссариат «Остланд» СА-обергруппенфюрер Г. Лозе. Его резиденция находилась в Риге. Южные районы Белоруссии, а также часть Брестской области вошли в рейхскомиссариат «Украина». Белостокская область была выделена в отдельную административную единицу и присоединена к Восточной Пруссии. И, наконец, к генеральному округу «Литва» были присоединены некоторые северо-западные районы БССР.

Аппарат гражданской оккупационной администрации состоял из трех ступеней. Высшим органом власти в генеральном округе «Белоруссия» являлся генеральный комиссариат. Возглавлял комиссариат СС-группенфюрер Вильгельм Кубе. После его убийства советскими террористами (23 сентября 1943 г.), исполняющим обязанности генерального комиссара стал фюрер СС и полиции «Россия-Центр и Белоруссия» СС-группенфюрер Курт фон Готтберг.

Организация аппарата генерального комиссара повторяла структуру рейхскомиссариата «Остланд» и министерства Розенберга. Она состояла из четырех главных управлений – центрального, политического, хозяйственного и технического.

Политическое управление имело 14 отделов: общий, поселенческой политики, культуры, хозяйственной, рабочей и социальной политики, молодежи, женский, общей пропаганды, труда, медицинский, ветеринарный, юридический, финансовый, науки и искусства, общего руководства. Большинство отделов главных управлений включало в себя многочисленные подотделы. Например, в отделе науки и искусства это школьный, высшей школы, книжный, сценического и изобразительного искусства.

Среднюю ступень гражданской администрации представляли главные округа *(Hauptbezirk)* в Минске и Барановичах. Во главе этой административной единицы стоял главный комиссар, который руководил несколькими округами *(Gebiet)* – следующим уровнем оккупационной власти. В марте 1943 г. главные округа упразднили, территорию генерального округа разделили на 10 округов, в каждом из которых был создан окружной комиссариат. Это Барановичи, Борисов, Вилейка, Ганцевичи, Глубокое, Лида, Минск, Новогрудок, Слоним и Слуцк.

Округа, а также городской комиссариат в Минске являлись третьей ступенью гражданской оккупационной администрации. Структура окружных и городских комиссариатов предусматривала в своем аппарате управления и отделы, одноименные генеральному комиссариату. Все административные единицы подчинялись друг другу снизу вверх.

Территориально-административное устройство генерального округа «Белоруссия» оставалось без изменений до поздней осени 1943 г. Обстановка на Восточном фронте поставила на повестку дня ряд реформ. Во-первых, значительно уменьшился тыловой район группы армий «Центр». Во-вторых, к этому времени немцы потеряли практически весь рейхскомиссариат «Украина». От него остались только юго-западные белорусские территории, которые прежде являлись его составной частью – Брестский, Пинский и Кобринский округи.

Поэтому новому генеральному комиссару К. фон Готтбергу была передана гражданская власть и в восточных областях Беларуси, где она еще формально принадлежала Вермахту. А 25 февраля 1944 г. он, с согласия Гитлера, временно принял под свое управление три белорусских округа, оставшихся от рейхскомиссариата «Украина». Несколько позже сюда же была включена часть генерального округа «Литва» вместе с городом Вильнюс. Наконец, 1 апреля 1944 г. Гитлер издал указ, по которому генеральный округ «Белоруссия» выделялся из рейхскомиссариата «Остланд» в самостоятельный комиссариат. Теперь фон Готтберг подчинялся исключительно Министерству по делам оккупированных восточных областей.

В отличие от западных и центральных регионов, восточная часть Беларуси все три года оккупации являлась тыловым районом группы армий «Центр». К восточной Белоруссии были отнесены: Витебская, Могилевская и Гомельская области, восточные районы Минской области, северные районы Полесской области. Кроме того, в зону ответственности военной администрации входила большая часть Борисовского округа генерального комиссариата «Белоруссия» (кроме района Плещеницы). Здесь организация оккупационного аппарата по форме отличалась от тех районов, где действовала гражданская администрация.

Со временем, каждая из ветвей немецкой оккупационной администрации стала так или иначе привлекать к сотрудничеству население оккупированной Беларуси. В гражданской сфере это первоначально выражалось в создании органов так называемого местного самоуправления – сельских, районных и городских управлений. Их, соответственно, возглавляли: старосты, начальники районных и городских управлений. Эти органы создавались сразу же по установлении на данной территории немецкой военной или гражданской администрации. В политическом отношении органы самоуправления были абсолютно бесправными, а их руководители – полностью подчиненными соответствующим немецким чиновникам (окружным или городским комиссарам). Если же такие органы самоуправления создавались в зоне действия военной администрации, то их руководители подчинялись шефам полевых или местных комендатур.

В руках начальника районного управления находилось общее руководство районом. Он нес персональную ответственность за все подчиненные ему учреждения и хозяйство, должен был обеспечивать «покой и порядок» на подведомственной территории, бороться с проявлениями саботажа, диверсиями, неподчинением оккупационным властям, организовывать «изъятие» продукции для нужд Германии и удовлетворять потребности подразделений Вермахта, расквартированных на территории его района. Руководитель района назначался и увольнялся с должности по предложению полевой комендатуры, командующего тыловым районом армии или группы армий, а в генеральном комиссариате – коменданта местной комендатуры или окружного комиссара.

Структура районного управления предусматривала такие основные отделы: общего управления, «вспомогательной полиции порядка», школ и культурных учреждений, охраны здоровья, ветеринарный, финансовый, строительства, промышленности, снабжения и обеспечения рабочей силой. Со временем по-

явился еще один отдел – пропаганды. Их руководители назначались обычно начальником районного управления по согласованию с местным военным или гражданским немецким начальником.

Следующей по значению фигурой органов местного самоуправления был бургомистр. Этот термин имел два значения: руководитель общинного управления (обычно бывший советский сельсовет, состоявший из нескольких сел) или руководитель городского управления, которые подчинялись начальнику соответствующего районного управления. Задачи бургомистра были те же, что и у начальника районного управления для района. Таким же был порядок назначения и увольнения с занимаемой должности. Аппарат бургомистра состоял из тех же отделов, что и районное управление.

Низшей инстанцией местного самоуправления было сельское управление, во главе со старостой. Последнего, как правило, назначал бургомистр общины. Практическая работа сельских управлений не сводилась к обычной бухгалтерской рутине. В большинстве случаев, и это характерно для Беларуси, вследствие трудностей со связью, протяженностью территории, а главное, сопротивлением населения оккупационной политике, работа в селах часто выходила за рамки предусмотренных обязанностей. Дела сельского управления требовали зачастую приложения таких усилий, что в большинстве районов немцам пришлось платить старостам зарплату. Сначала же они работали на общественных началах.

Староста со своим помощником, бухгалтером и подчиненными управлению полицейскими должен был проводить в жизнь все распоряжения немецкой администрации, бургомистра и начальника районного управления. Например, в их задачи входило: регистрировать прибывших, вести учет местного населения, собирать налоги, обеспечивать поставки для частей вермахта, предоставлять рабочую силу, гужевой транспорт, квартиры для воинских частей и т.п.

Как правило, на должности начальников местного самоуправления всех уровней назначались люди, которые зарекомендовали себя «политически благонадежными» и активными пособниками оккупантов. При назначении на должность они должны были пройти проверку СД (в гражданской зоне) или тайной полевой полиции (в военной зоне). Однако и в дальнейшем все эти люди продолжали находиться под наблюдением тех или иных немецких органов. Что же касается комплектования исполнительного аппарата управлений (отделы), то немцы старались набрать в них сотрудников, уже знакомых с работой таких органов. Поэтому нет ничего удивительного, что в этих отделах осталось работать много бывших советских служащих (иногда даже из аппарата НКВД), которые продолжали сочувствовать прежней власти.

Другой особенностью кадровой политики при укомплектовании местного самоуправления было то, что на эти должности активно старались пробиться представители различных белорусских националистических организаций. Главной целью националистов была «белорусизация» этих органов, чтобы они работали не на немцев, а на белорусскую национальную идею.

В большинстве случаев это было сделать не просто. Во-первых, немцы поначалу не одобряли проявления любых видов национализма. Во-вторых, у белорусских активистов появились конкуренты, которые с такими же целями боролись за места в местном самоуправлении. В Западной Беларуси – поляки, в вос-

точной — русские. Часто дело доходило до такого, что они писали друг на друга доносы, обвиняя оппонентов в скрытых симпатиях к коммунистам и евреям. И немцы часто верили таким доносам. Иногда доносы на националистов писали даже сторонники советской власти или те, кто работал в самоуправлении по заданию советских спецслужб, подпольщиков, партизан, убирая их, таким образом, немецкими руками. Все это не способствовало плодотворной работе.

До сих пор не обнаружено никаких свидетельств того, что немцы планировали создание хотя бы марионеточного белорусского государства. Они тешили национальных деятелей иллюзиями, назначали их на должности в гражданской администрации или в полиции генерального округа «Вайсрутения», но в то же время уничтожали всех, кто в своих действиях выходил за рамки обычного сотрудничества (яркий пример — казнь ксендза В. Годлевского 24 декабря 1942 г.).

Даже на Втором Всебелорусском конгрессе в Минске, состоявшемся в конце июня 1944 года, вопрос о белорусском государстве не обсуждался. Это была всего лишь попытка создания антисоветской структуры, призванной каким-то образом задержать продвижение Красной Армии на запад.

Итак, белорусский коллаборационизм во время войны не возник спонтанно, а был порожден целым комплексом причин внутреннего и внешнего характера.

С лета 1944 года, после освобождения Красной Армией всей территории БССР от оккупантов и эвакуации большинства коллаборационистов в Германию, белорусское национальное движение существовало только в эмиграции.

Часть III. ФИГУРЫ

ПОЛУТА БОДУНОВА

Валентина Лебедева

Полута Бодунова – громкое имя в отечественной истории периода борьбы за демократическую государственность Беларуси. Министр правительства Беларуской Народной Республики, секретарь ЦК партии беларуских эсеров, организатор антипольского партизанского движения в 1919 году, жертва сталинских репрессий. Безусловно, это наиболее значительная женская фигура в беларуском освободительном движении после Элоизы Пашкевич-Тётки. Не зря ведь в пражской эмигрантской среде Бодунову называли «Тетка Полута».

Полностью восстановить хронику ее жизни, взглянуть на исторические события ее глазами исследователям вряд ли придется. Дело в том, что при аресте в 1937 г. у нее были «взяты» шесть общих тетрадей с собственными записями и четыре рукописных сборника стихов. Судьба этих документов, скорее всего традиционная – уничтожение после приговора либо при эвакуации архивов НКВД в начале войны с Германией.

Некоторые документы сохранились в гомельских и минских архивах; в том числе личное дело учительницы Бодуновой (1913 г.), следственное дело 1937 г. Используя эти материалы, публикации Владимира Колесника, Ростислава Платонова и Татьяны Протько, я попыталась создать очерк политической биографии П. Бодуновой, Использованы также воспоминания о ней родных и знакомых, живших в Гомеле и Москве.

Пелагея-Полина Александровна Бодунова (литературное имя Полута) родилась в 1885 г. в местечке Новобелица, отделенном от Гомеля рекой Сож (сегодня это один из районов города). Семья Бодуновых была известной в местечке. По семейному преданию, род происходил от донского казака, который в XVII веке во время гонений Екатерины II на казачество после восстания Пугачёва бежал в наш край, женился на местной крестьянке, выкупив ее из крепостничества, и стал одним из первых поселенцев вновь основанного местечка Новобелица.

Отец Пелагеи Александровны арендовал небольшое имение в окрестностях местечка. Семья постоянно жила в Новобелице и считалась мещанской. Сведений о матери не сохранилось, а детей было семеро – два сына и пять дочерей. В семье ценили знания и образование. Оба сына закончили Петербургский университет: Александр получил диплом юриста, специальность Данилы неизвестна. Учились и девушки – две из них (Пелагея и Мария) стали учительницами. Третья дочь, Анатолия, была матерью погибшего в Испании Героя Совет-

Из журнала «Беларуская минуўшчына», 1994, № 4, с. 49–53. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

ского Союза Склязнева, чье имя носит улица в Новобелице. Большую часть жизни она провела в Москве, где и умерла. Еще одна дочь, Анастасия, всю жизнь прожила в Новобелице, была замужем за начальником местной пожарной охраны. Последняя дочь – «поповна» (имя неизвестно) вышла замуж за православного священника в Западной Беларуси, но в советское время переселилась в Новобелицу, вероятно, из-за гонений польских властей на православную церковь.

История семьи Бодуновых – хрестоматийный пример судьбы дореволюционной интеллигенции в советское время. Хотя все братья и сестры Пелагеи лояльно относились к советской власти и честно трудились, их не обошли сталинские репрессии. Сестра Мария провела в лагерях 15 лет, мужья Анастасии и «поповны» погибли там же.

В Новобелице Пелагея провела все молодые годы. В 20-летнем возрасте она закончила Буйничское учительское училище и получила свидетельство домашней учительницы русского языка и географии. С 1905 до 1912 года работала в сельских школах Гомельского уезда, потом стала учительницей двухкомплектного земского училища в местечке Уть.

Гражданское становление Бодуновой происходило в среде местной интеллигенции, под культурным и политическим влиянием обеих столиц: там училась местная молодежь, ежегодно «петербуржцы» и «москвичи» проводили свой летний отдых на так называемых Поляковских дачах.

У нее были определенные литературные способности. По семейным воспоминаниям, Пелагея могла экспромтом продиктовать младшим сестрам и их подругам несколько вариантов сочинения на тему, заданную в гимназии. Сохранились сведения о сочинении ею стихотворений и даже целой поэмы об истории семьи Бодуновых.

Политическая биография Бодуновой началась в 1917 г. в революционном Петрограде. Когда и как она оказалась там – неизвестно. Похоже на то, что Пелагея выехала в Петербург на учебу накануне либо в начале Первой мировой войны, когда ей было уже 29 лет.

Так или иначе, домашняя учительница из провинциального местечка попала не только в столицу империи, но и в среду петербургских беларусов, воспитавшую многих идеологов и активистов национально-освободительного движения. Бодунова познакомилась и близко сошлась со многими из них, в том числе с Томашем Грибом, студентом Психоневрологического института академика В.М. Бехтерева. Томаш, который был родом из деревни Поляны Свенцянского повета (ныне в Островецком районе), прошел школу национального воспитания в беларуском студенческом землячестве под руководством профессора Бронислава Эпимах-Шипило*. Он возглавлял левое (народническое) течение в Беларуской Социалистической Громаде.

Последовательность пути Бодуновой в большую политику проследить трудно, но можно утверждать, что это был настоящий взлет. Пелагея вступила в Бела-

* В 1917 году 22-летний Томаш и 32-летняя Полута стали любовниками. – *Ред.*

рускую Социалистическую Громаду (БСГ), стала членом ее ЦК и Президиума. Сразу после Февральской революции ее избрали депутатом Петросовета от слушателей Высших историко-литературных курсов, учащейся которых она была.

Но беларуские дела волновали и притягивали ее больше всего. Демократические преобразования после февральской революции активизировали национально-освободительное движение. Главным вопросом стало национальное и государственное самоопределение Беларуси. БСГ повела борьбу за автономию Беларуси в составе России, за возрождение беларуского языка, национального сознания населения.

Для ведения этой работы летом 1917 г. Бодунова приехала на Гомельщину. В Новобелице, Гомеле, Будо-Кошелёве она выступала перед крестьянами, солдатами, на учительских съездах, пропагандировала идеи беларуского освободительного движения, программу БСГ. В результате были созданы местные отделения БСГ, развернулся сбор пожертвований в пользу беларусов-беженцев. С отчетом о ситуации на Гомельщине П. Бодунова выступила на июльском съезде беларуских партий и организаций в Минске.

Полута Бодунова

Томаш Гриб

Результатом развития беларуского движения летом — осенью 1917 г. стало образование Великой Беларуской Рады — представительного органа всех партий и общественных организаций края. Вместе с лидерами освободительного движения — Язепом Лёсиком, Аркадием Смоличем, Брониславом Тарашкевичем, Дмитрием Жилуновичем — в руководство Рады вошла и П. Бодунова.

Рада провела большую подготовительную работу и созвала в декабре 1917 г. Всебеларуский Национальный Конгресс, который определил исторические перспективы края, декларировал образование самостоятельной Беларуской демократической республики в федеративном союзе с РСФСР, неделимость ее этнической территории, осуществление национально-революционного народовластия. Бодунова принимала самое активное участие в подготовке и проведении Конгресса: ей поручили решать одну из самых сложных и больных для Беларуси проблем — проблему беженцев и инвалидов. Она возглавила комиссию Конгресса по этому вопросу, готовила доклад на пленарное заседание.

Работа съезда, как известно, была насильственно прервана, его президиум арестован. Однако наиболее активные делегаты нелегально избрали Раду Всебеларуского Конгресса и ее Исполнительный Комитет. Исполкому было поручено отстаивать суверенитет Беларуси и взять власть в крае, как только это станет возможным. Комитет возглавил Т. Гриб — соратник и самый близкий друг П. Бодуновой. Находясь в труд-

ных условиях подполья и политического преследования, Исполком продолжал дело Всебеларуского Конгресса – им была направлена делегация на переговоры в Брест, чтобы отстоять принятое Конгрессом решение о неделимости Беларуси. Состав Исполкома пополнили представители национальных меньшинств, устанавливались связи с местами, печатались воззвания к населению. Как свидетельствовал позже Т. Гриб, Исполком начал отзывать с фронтов военнослужащих-беларусов в Бобруйск, где планировалось начать формирование своей армии.

18 февраля 1918 г. после того, как Брестские переговоры были сорваны, и началось немецкое наступление на Западном фронте, большевистская власть на Беларуси – Областной исполнительный комитет Западного фронта и области (Облисполкомзап) поспешно эвакуировался из Минска. Город остался без власти. В этот момент Исполком Рады Всебеларуского Конгресса издал I Уставную грамоту с призывом к беларускому народу взять наконец свою судьбу в собственные руки и реализовать право на самоопределение. Провозглашалось образование Временного правительства Беларуси – Народного секретариата. Председателем правительства стал 27-летний Язеп Воронко (1891–1952), а в его состав вошли 15 народных секретарей, представители от БСГ, эсеров и социалистов-сионистов. Полута Бодунова оказалась единственной женщиной в Народном секретариате, где возглавила дела опеки. Ее подписи стоят под всеми документами Народного секретариата, в том числе под историческими II и III Уставными грамотами, которые объявили образование Беларуской Народной Республики, а затем и ее независимость.

Бодунова входила в левое крыло Рады БНР и БСГ, последовательно добивавшееся государственности и независимости Беларуси, делая при этом ставку на собственные силы. Беспокойство у этой части политиков вызвала прогерманская ориентация правого крыла Рады и БСГ, которое постепенно усиливалось в руководстве БНР. Поэтому направленная в апреле 1918 г. (по решению большинства членов Рады) телеграмма германскому кайзеру с благодарностью за освобождение Беларуси от большевиков и просьбой помощи в обретении государственной независимости привела к острому политическому кризису в Раде и Народном секретариате.

Апрельский политический кризис 1918 г. привел к распаду БСГ на три отдельные партии: социалистов-революционеров, социалистов-федералистов, социалистов-демократов. Беларуская партия социалистов-революционеров (БПС-Р) образовалась из лево-

12

МЕНСК. 26 IV Рада Беларускай Народнай Рэспублікі паслала Нямецкаму Імператару гэткую тэлеграму:

Яго Вялікасьці Нямецкаму Імператару.

Рада Беларускай Народнай Рэспублікі, як выбраная прадстаўніца Беларускага Народу, зьвертаецца да Вашай Вялікасьці са славамі глыбокай падзякі за вызваленьне Беларусі нямецкімі вайскамі с цяжкага чужацкага уціску, гвалту і анархіі.

Рада Беларускай Народнай Рэспублікі апавесьціла незалежнасць цэлай і непадзельнай Беларусі і просіць у Вашай Вялікасьці зашчыты пры дасягненьні ўмацаваньня дзяржаўнай незалежнасьці і непадзельнасьці Беларусі ў саюзе з Нямецкай Імперыей.

Толькі пад зашчытай Нямецкай Дзяржавы бачыць Рада добрую долю сваей староны ў будучыні.

Старшыня Рады: ***Іван Серада.***

Старшыня Народнага Сакратарыяту: ***Язэп Варонка.***

Члены Рады: ***Раман Скірмунт, Антон Аўсянік, Паўлюк Алексюк, Пётра Крэчэўскі, Язэп Лёсік.***

Менск. 26.IV. 1918.

Телеграмма кайзеру от 26.04.1918

народнического крыла БСГ. Возглавил ее Т. Гриб, а секретарями ЦК стали его ближайшие соратники Язеп Мамонько (1889–1937) и Полута Бодунова.

В своей программе партия придерживалась социалистической ориентации — выступала за социализацию земли и предприятий, ликвидацию наемного труда и эксплуатации, истинное народовластие. Партия выступала от имени всех трудящихся, но прежде всего — от имени беларуского крестьянства*.

В национальном вопросе БПС-Р отстаивала полный суверенитет Беларуси. Поэтому, возмущенная нежеланием сильных соседей учитывать интересы края, она объявила тактику «борьбы против двух оккупантов» — Германии и России, начала формирование вооруженных сил для этого.

Проволочки в решении вопроса о создании Беларуской республики, отрыв от Беларуси и передача РСФСР восточных губерний (Витебской и Могилёвской), а потом упразднение БССР и создание Литовско-Беларуской Советской Республики (Лит-Бел) только усилили антибольшевистские позиции БПС-Р. Противостояние привело к тому, что эсеры на советской территории были вынуждены перейти на нелегальное положение.

Эти обстоятельства обусловили осторожно-заинтересованное отношение руководства БПС-Р к «федералистской программе» Юзефа Пилсудского, который декларировал образование под эгидой Польши самостоятельных государств — Летувы, Беларуси и Украины. В начале российско-польской войны эсеры пытались добиться от Пилсудского передачи всей власти на Беларуси Раде БНР.

Язеп Воронко

Но захват территории края польскими войсками и оккупационный режим очень быстро раскрыли глаза беларуским эсерам на истинные планы Польши. Уже в марте 1919 г. они создали Беларуский повстанческий комитет как штаб антипольской борьбы, начали формировать партизанские отряды в тылу польских войск. Для организации борьбы в Западной Беларуси Т. Гриб нелегально переехал в Гродно. Повстанческий комитет, который остался в Минске, возглавила П. Бодунова.

Лидеры БПС-Р, в том числе Бодунова, стремились объединить в антипольской борьбе и в сражении за независимость Беларуси все политические силы. Они добились перехода на свои позиции социалистов-федералистов и такого авторитета в беларуском движении, как Вацлав Ластовский, который стал одним из лидеров БПС-Р. Решительные шаги эсеров вызвали репрессии со стороны польских властей: руководство Народной Рады и ее правительство, в том числе П. Бодунова, были арестованы, а после освобождения переехали в Летуву, откуда продолжали руководить антипольским партизанским движением. Партия беларуских эсеров вынуждена была перейти на нелегальное положение и в этой части Беларуси.

* Здесь не удержаться от комментария. Идеи «обобществления» всей земли и всех предприятий, вплоть до мастерских ремесленников, а также полной ликвидации наемного труда были фантастикой. Как мы сейчас хорошо понимаем, партия, отстаивающая такие идеи, не имела шансов на будущее. — *Ред.*

В сложившихся условиях БПС-Р пришлось искать союзников. Единственной политической силой, которая тоже вела вооруженную борьбу с поляками, была партия большевиков. Поэтому, несмотря на различные идейные позиции и политические программы, на противоречия во взглядах на государственность Беларуси, беларуские эсеры и большевики объединили свои силы для борьбы за освобождение края. В декабре 1919 г. в Смоленске произошла встреча представителей БПС-Р и КП(б)ЛитБел, где было выработано соглашение о совместных действиях. Бодунова, безусловно, сыграла одну из главных ролей в этих переговорах, потому что ее подпись стоит на договоре первой.

П. Бодунова и Язеп Мамонько

В результате объединения сил к началу 1920 г. практически на всей территории оккупированной Беларуси развернулось повстанческое движение, объединенное в Народную военную самооборону (НВС), организаторами которой были эсеры, а руководили совместно они и большевики.

Но блок с большевиками не мог быть долгим и прочным. Последние уже взяли курс на однопартийную власть, не собирались вступать в коалиции с национальными партиями, тем более эсеровского направления, потому что российские эсеры к этому времени уже были объявлены контрреволюционной силой. Со стороны большевиков союз с БПС-Р имел исключительно тактический характер — использование их влияния и вооруженных сил для борьбы с поляками. При этом сохранялось политическое недоверие, а Реввоенсовет Западного Фронта и ЦК КП(б)ЛитБел давали в Москву искаженную либо фальсифицированную информацию о деятельности эсеров.

В основе потенциального конфликта лежал главный вопрос — о государственности Беларуси. Если для большевиков ее перспектива определена не была, то БПС-Р с весны 1920 г. фактически вела подготовку к созданию Беларуской трудовой социалистической республики. Об этом недвусмысленно заявил съезд партии, нелегально прошедший 4 марта в Минске и предложивший начать подготовку Всебелорусского трудового конгресса представителей рабочих и крестьян для решения вопроса о государственной власти на Беларуси после изгнания польских оккупантов.

Заявка БПС-Р на политическое лидерство, а также рост ее влияния (весной 1920 г. партия насчитывала около 20 тысяч членов, руководила 10-тысячным Союзом молодежи, Союзами учителей, железнодорожников и почтово-телеграфных работников, была самой многочисленной партией на Беларуси) вызвали тревогу в беларуском большевистском руководстве.

ЦК КП(б)ЛитБел дал указание об изоляции эсеров. Компромисс перерастал в конфликт, и требовалось «выяснение отношений» на уровне ЦК РКП(б). Эту ответственную трудную миссию и взяла на себя П. Бодунова, возглавив специ-

альную делегацию в Москву. В течение месяца – с 6 марта до 8 апреля 1920 года – она добивалась переговоров со Сталиным и Красинским. Действуя от имени всей БПС-Р, Бодунова заняла на переговорах следующую позицию:

– Беларуские эсеры против готовности РСФСР подписать мир с Польшей на условиях передачи ей западной части Беларуси.

– Они считают ошибкой формирование беларуской власти из людей, которые не связаны с беларуским движением, не знают местных условий, игнорируют коренные нужды беларуского народа в развитии своей культуры и государственности.

– Партия не согласна с задержкой на Беларуси раздела земли между крестьянами и с передачей большей ее части совхозам, тогда как именно крестьянство – главная опора советской власти в крае.

П. Бодунова, Л. Родзевич, Я. Логинович

Бодунова от имени беларуских эсеров требовала, прежде всего, восстановления Беларуской Республики в этнографических границах проживания беларусов, в том числе возврата восточных губерний, присвоенных РСФСР, поддержки культурно-национального строительства в Республике.

Другими требованиями были: признание правительства Ластовского, формирование беларуской Красной армии для защиты республики, освобождение всех арестованных большевиками членов БПС-Р.

Таким образом, Бодунова отстаивала на переговорах принципы суверенности беларуского государства, неделимости его территории, создания коалиции политических сил в социалистических преобразованиях. Доказывать это приходилось в условиях недоверия, подогретого дезинформацией со стороны беларуского большевистского руководства. Переговоры шли исключительно трудно, и потребовалась вся настойчивость и эрудиция Бодуновой, чтобы достичь взаимопонимания: военный союз был подтвержден, а решение политических вопросов отложено до освобождения Беларуси.

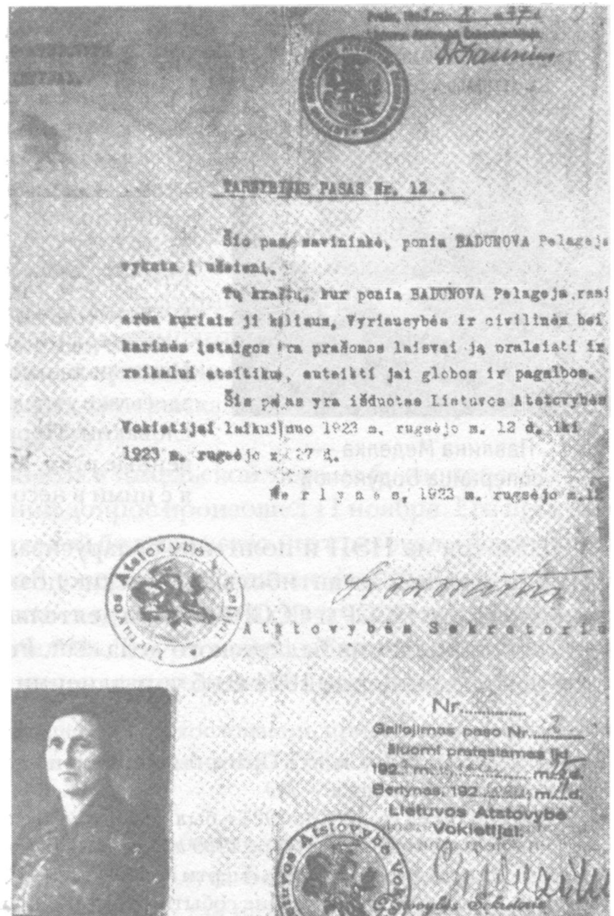
После освобождения Минска в июле 1920 г. БПС-Р подтвердила свою готовность к сотрудничеству с большевиками, но блок распался очень быстро: эсеры были возмущены провозглашением советской Беларуси в границах всего лишь 6 уездов Минской губернии. Они требовали вместо диктатуры пролетариата установления диктатуры всего трудового народа и компенсации крестьянству за продразвёрстку.

Со второй половины 1920 г. началось открытое противостояние двух партий. Методом борьбы с оппонентами большевики избрали репрессии. Чтобы изолировать эсеров накануне подписания Рижского договора, Чрезвычайная Комиссия арестовала 860 активистов партии. Большинство продержали в заключении около двух недель и отпустили с предостережениями в антибольшевистской дея-

тельности. Арестованную в Минске Бодунову отправили в Москву, где в Бутырской и Новинской тюрьмах она отсидела шесть месяцев. Больная и ослабевшая, она не покорилась: несколько раз объявляла голодовку. В ситуацию вынуждено было вмешаться руководство БССР: А.Г. Червяков обратился в в Москву с требованием освобождения Бодуновой. Чуть живая вернулась она в Минск.

Свои политические взгляды Бодунова не изменила, не поддержала готовности ряда членов ЦК БПС-Р пойти на уступки большевикам вплоть до ликвидации партии с тем, чтобы получить места в правительстве БССР. Известно, что она приезжала в Слуцк, где вела переговоры о необходимости сохранения партии с бывшими участниками Слуцкого восстания – эсерами Андреем Барановским (1895–1938), М. Светимским и другими. Пыталась она переубедить и Евсея Трофимова (1886–1970), секретаря ЦК БПС-Р. Но достичь взаимопонимания с однопартийцами не удалось. Было также понятно, что условий для дальнейшей политической деятельности в БССР нет.

Тогда Бодунова приложила усилия, чтобы перебраться за границу, где находились единомышленники – В. Ластовский, Т. Гриб, К. Дуж-Душевский, Я. Мамонько. В начала 1923 г. она нелегально, без документов, перешла границу с Польшей. Арестованная польскими властями, три месяца провела в тюрьме и еще шесть – в ожидании литовского паспорта, получить который помог В. Ластовский.

TARNYBINIS PASAS Nr. 12.

Šio paso savininkė, ponia BADUNOVA Pelageja vyksta į užsienį.

Tų kraštų, kur ponia BADUNOVA Pelageja rasis arba kuriais ji keliaus, Vyriausybės ir civilinės bei karinės įstaigos yra prašomos laisvai ją praleisti ir, reikalui atsitikus, suteikti jai globos ir pagalbos.

Šis pasas yra išduotas Lietuvos Atstovybės Vokietijai laikui nuo 1923 m. rugsėjo m. 12 d. iki 1923 m. rugsėjo m. 27 d.

Berlynas, 1923 m. rugsėjo m. 12

Atstovybės Sekretorius

Nr.........

Galiojimas paso Nr.........

Lietuvos Atstovybė Vokietijai.

Литовский паспорт Бодуновой

Еще не все сказано о том, насколько гибельную для беларуского дела роль сыграла борьба между отдельными организациями и группировками беларуской эмиграции. Самым тяжелым образом эта борьба отразилась на Бодуновой, силы которой были подорваны.

Драматически складывалась и личная жизнь. В Праге, куда Полута приехала в конце 1923 г., жил человек, которого она считала не только самым близким соратником, но и мужем – Т. Гриб. А тот еще в 1919 г., когда жил в Гродно, познакомился с учительницей Павлиной Медёлкой и влюбился в нее (Медёлке тогда было 26 лет, Грибу – 24, Бодуновой – 34. – *Ред.*). И хотя

вскоре они разъехались – Гриб в Прагу, Медёлка в Двинск (в Латвию), Гриба до конца жизни (он умер в 1938 г.) не оставляло стремление поехать к «своей Павлинке-Журавинке».

О состоянии Полуты по приезде в Прагу ярко свидетельствует письмо В. Ластовскому от Марии Голуб:

> «Вести или информация о П. Бодуновой печальные. Видела я ее после болезни и по выходу из больницы. Выглядит очень плохо, это несчастный, бедный, я бы сказала, сломанный, разбитый человек, которого надо было бы приголубить, приласкать, побаловать... убаюкать ее, как когда-то баюкала нас родная мать в детстве. Но этого она не имеет. И грустно и тяжело ей»*.

Ситуация в пражской эмигрантской среде спокойствия не обещала. Т. Гриб вступил в конфликт не только с бывшими оппонентами, но и с соратниками по БПС-Р и Народной Раде. О драматизме ситуации дает представление письмо самой Полуты к В. Ластовскому и К. Дуж-Душевскому в Ковно:

Павлина Меделка — соперница Бодуновой

> «Родные мои товарищи Вацлав и Клавдий! Я болею все тяжелее и тяжелее... высокая температура, я ослабла и совсем одна. Беларусы, кроме самого младшего т. Бусла, меня не проведывают. И это уже не впервые. В тюрьмах и в дорогах везде я одна. Нет моей сестры, моего ангела-хранителя и я чувствую /себя/ как былинка в поле. Ночью жар, протяну руки и некому воды подать. Может завтра перевезут меня в больницу. Украинский доктор Литов смотрит за мной. У него я оставлю все свои письма и бумаги. Кто знает, что будет со мной. А умру, вспомните когда-нибудь – перевезите меня в Минск**.
>
> Теперь пишу Вам, как можно скорее учреждайте Национальный Комитет. И Ластовский во главе. Они здесь уже учредили какую-то Беларускую Раду в Чехословакии. Перенимайте дела в Литве в свои собственные руки. Мамонька, Гриб – не знаю, что делают, я с ними в несогласии...»

Несмотря на НЭП и политику беларусизации, Т. Гриб и его ближайшие соратники остались на антибольшевистских позициях. Не поверили они амнистии правительства БССР и СССР бывшим деятелям БНР и приглашениям вернуться для «восстановления беларуского дела»***. Решения минского съезда социалистов-революционеров 1924 г. об упразднении Беларуской партии социалистов-

---

* М. Голуб (ум. 1939) жила в Праге, была врачом по профессии. Известна также как беларуская поэтесса Марыя Галубянка. – *Ред.*

** Сергей Бусел (р. 1901) с 1924 г. был студентом Высшей политехнической школы в Праге, которую окончил в 1929 г. В октябре 1939 арестован органами НКВД в Вильне, в феврале 1940 приговорен к 15 годам лагерей. Дата смерти неизвестна. – *Ред.*

*** Как показали последующие события, в этом они были абсолютно правы. Так, Ластовского и Жилку большевики арестовали уже в 1930 г. Жилка в январе 1933 г. умер от туберкулеза в ссылке, Ластовского расстреляли осенью 1938 г. – *Ред.*

революционеров, и Берлинской конференции 1925 г. о роспуске Рады БНР Гриб расценил как измену. Тем, кто отъезжал в советскую Беларусь, он предсказал их жалкое будущее. Но многие поверили большевикам и поехали – даже близкие друзья и соратники – Ластовский, Жилка. Поехала и непримиримая Полута Бодунова. О причинах ее возвращения можно судить, исходя из той ситуации, которая сложилась в Праге. В начале 1926 г. она вернулась в Минск, а в 1930 переехала в Гомель.

Надежд на советскую власть и действительность у Бодуновой не было, неприязни к ним она не скрывала. Да и сами власти давали основания для такого отношения. ОГПУ (в 1934 г. переименованное в НКВД) установило за ней пристальное наблюдение. Родственники, даже сочувствующие, не могли поддерживать тесных связей – под пристальным взглядом агентов ОГПУ-НКВД это было опасно. По свидетельствам, Бодунова почти голодала в Гомеле, находилась в одиночестве и изоляции. В 1932 г. она сделала попытку вырваться – обратилась в Международную организацию помощи революционерам (МОПР) с просьбой о содействии в выезде из СССР. МОПР, который находился под контролем сталинского Коминтерна, отказал с издевательской ссылкой на то, что она не является жертвой преследования капиталистов.

Это, конечно, не добавило ей любви к большевикам. Наибольшее же ее возмущение вызвали коллективизация и очереди за хлебом, появившиеся в начале 30-х годов. И своим знакомым, и непосредственно в самих очередях Бодунова говорила, что большевики не заботятся о рабочих, больше заняты собственным благополучием, что в буржуазной Чехословакии рабочие живут лучше, чем в коммунистическом Советском Союзе. Она не боялась никого и ничего. Правильно определила она и политическую ситуацию конца 30-х годов. После процесса Тухачевского – Якира сказала, что компартии не остается другой основы для существования, кроме террора, а принятие конституции победившего социализма – «отвод глаз темной массе». Эти высказывания стали формальным основанием для ее ареста 3 сентября 1937 г.

Более месяца арестованная провела в Гомельской тюрьме без допросов и даже без обвинения. Первый и последний допрос произошел 11 ноября. Его протокол занимает три страницы. Следователей больше всего интересовали факты политической деятельности Бодуновой в период гражданской войны и эмиграции. Явного «политического криминала» в отношении к советской власти и компартии в ответах Бодуновой найти нельзя. Тем не менее, обвинительное заключение формулирует следующий вывод из этого единственного допроса:

> «Проживая в СССР после возвращения с Чехословакии, проводила антисоветскую агитацию..., злостно высказывалась в отношении ВКП(б) и советского правительства».

«Тройка» НКВД БССР вынесла по этому обвинению приговор: 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Но в ГУЛАГ Полута Бодунова не попала. Ее перевели в Минск, во внутреннюю тюрьму НКВД, так называемую «американку», где через полгода она дождалась нового приговора – на этот раз смертного.

К тому времени было сфабриковано дело о раскрытии широкого антисоветского подполья на Беларуси, которое якобы сложилось в 1930–1931 гг. из «правых», троцкистов, национал-фашистов, эсеров, бундовско-сионистских организаций и церковников. Относительно Бодуновой, без всякой связи с первым приговором, было «раскрыто», что после возвращения из эмиграции она вместе с бывшими однопартийцами Чернушевичем (секретарь ЦИК БССР), Панкевичем (вице-президент АН БССР) и другими возглавила подпольный Центральный Комитет беларуских эсеров*. Никаких доказательств существования подпольной эсеровской организации, конечно же, не было.

В советской юриспруденции тех времен господствовала идея о том, что «вершиной доказательства» является собственное признание подследственного. Его выбивали — в прямом смысле — не брезгуя абсолютно никакими средствами. Потому не удивляют следующие «показания» П. Бодуновой:

> «...ЦК был связан с зарубежными центрами эсеров... Его платформа: отрыв Беларуси от СССР под лозунгом создания БНР, с правительством, которое возглавили бы беларуские эсеры, беларуские националисты и поляки. Вести борьбу в СССР и осуществление этой идеи всеми мерами за захват власти, включая интервенцию, шпионаж и террор».

Можно только представлять, какими методами следователи «добыли» эти показания у такой волевой, бесстрашной, по мнению недоброжелателей даже фанатичной в своих убеждениях личности, как Бодунова.

О том, что финал ее жизни был ужасен, свидетельствуют две последние даты из следственного дела: приговор о смертной казни вынесен 25 мая, а приведен в исполнение только 29 ноября 1938 года.

Такого перерыва в сроках (4 месяца) по правилам тех времен не должно было быть. После убийства С.М. Кирова в декабре 1934 года смертные приговоры исполнялись немедленно. Но теперь известно, что во время «разработки» дела об антисоветском подполье в Беларуси распоряжением наркома внутренних дел БССР А.А. Наседкина (арестован 16.12.1938, казнен 25.01.1940) был создан секретный (даже от НКВД СССР) «особый корпус», куда помещали наиболее «ценных» для следствия узников, в том числе смертников.

Пребывание там означало сплошное страдание, потому что официально этих людей уже не существовало, так же как и какой-либо ответственности за них. Когда же в середине ноября 1938 г. Москва запретила исполнение приговоров в связи с пересмотром ежовских «злоупотреблений», беларуские чекисты испугались раскрытия их самодеятельности с «корпусом» и за два дня расстреляли всех узников. Так завершился жизненный путь Полуты Бодуновой.

---

* Александр Чернушевич (1899–1937) в 1929–36 был членом ЦК КП(б)Б, в 1931–36 членом ЦИК БССР. В марте 1933 – феврале 1936 одновременно был еще и наркомом просвещения БССР. Арестован 19.06.1937, казнен 28.10.1937. Реабилитирован в декабре 1956.

Павел Панкевич (1895–1938) в 1931–35 был непременным секретарем АН БССР, а также членом ЦИК БССР. Арестован в 1937, через год казнен, реабилитирован в 1956. – *Ред.*

НОНКОНФОРМИЗМ НИКОЛАЯ РАВЕНСКОГО

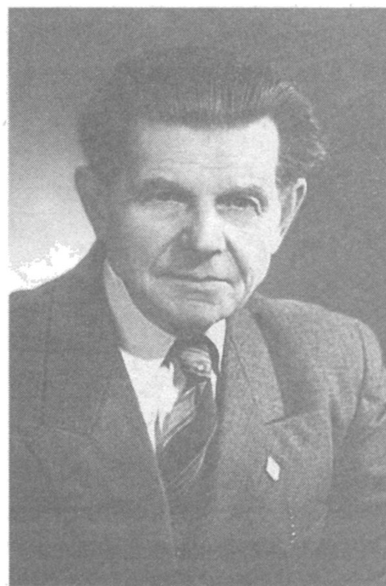
Владимир Мороз

Тихий беларуский нонконформизм... Это определение, которое показалось не лишенным философского смысла, пришло во время работы над документальным фильмом о Николае Равенском (1886–1953).

Представилось, как он стоит со скрипичным футляром под мышкою в коридоре городской управы (1941 год) наниматься скрипачом в организованный оркестр оперного театра. Управу создали оккупанты, но не немцам продаваться пришел композитор, а найти работу, чтобы можно было выжить в трудный час, чтобы продолжить служение беларуской музыке. Ей предан был художник и до войны, когда объявили его нацдемом (разве что арестовать и расстрелять не успели), и после войны, когда судьба забросила его на чужбину. Сколько напастей пережил он, как и все беларусы, но остался истинным сыном своей земли. Не в открытой борьбе, не насильно (ибо от насилия беларус устал за столетия своей истории), а тихо. Упорно держась своего. Отсюда и нонконформизм как раз беларуский, аккурат тихий.

Откуда истоки его? Как и у всех нас — в детстве, где с колыбели присоединяешься к родному слову, где горчат недозрелостью соблазнительные яблоки, где летит в небе жаворонок, через которого прикасаешься к высоким напевам. Беларуси никогда не давали покоя. В естественный круговорот жизни — рождение, крещение, родина, отец и мать, язык, песня, что идет от души народной — всегда неумолимо вмешивалась история. Судьба человека, вплетенная в жестокость действительности, был драматичной. А судьба музыканта особенно, ибо как никто другой слышит он дисгармонию времени, что врывается в исконные ритмы, крошит все на своем пути, перекручивает заведенный порядок.

Николай Равенский

Родился Николай Равенский 5 (17) декабря 1886 года в деревне Капланцы Игуменского уезда Минской губернии. Теперь это Березинский район. Всего на четыре года младше наших песняров Якуба Коласа и Янки Купалы. О дореволюционном периоде жизни известно немного, только то, что в 1913–15 гг. Равенский учился на регентских курсах в Москве и Петербурге. Потом работал регентом и учителем пения в Новогрудке, собирал народные песни. Уже тогда про него можно говорить как про фольклориста, композитора

Перевод и редакция А.Е. Тараса

и хормейстера. Англо-французский исследователь беларуской культуры Гай Пикарда считает, что именно в этот период написана значительная часть его произведений.

В Минске Николай Равенский оказался в 1919 г. Руководил хором при Беларуском рабочем клубе, работал хормейстером БДТ (нынешнего купаловского театра). В 1921 г. принимал участие в фольклорной экспедиции по Слутчине, организованной Инбелкультом. Минское кооперативно-издательское товарищество «Адраджэньне» в 1922 г. выпустило «Сборник песен с нотами» Н. Равенского. Интересная история с этим песенником. Его не найдешь сегодня даже в Национальной библиотеке. Украли заинтересованные люди, коллеги. И не только саму книгу, воровали мелодии, мотивы композитора, выдавая их за свои. Ясное дело, исчез композитор после войны, на чужбине оказался. Значит, враг народа, в Отечестве полное забвение. Отчего бы не воспользоваться? О таких случаях знает дочь композитора Ольга Николаевна Алексеенко (Равенская).

Я не буду здесь утверждать безапелляционно. Думается, что правду должны сказать музыковеды. Сборник ведь существует, есть в беларуской библиотеке в Лондоне. А в Беларуси раритетную книжку сохранил писатель Василь Витка, и теперь она находится у дочери композитора. Что до плагиата, то подпись произведений может быть в таком виде: идея (напев, мелодия) Николая Равенского, музыка (обработка, гармонизация) — имярек.

Равенский со своей скрипкой (Лювен, 1952 г.)

Бог им судья, талантливого мастера от этого меньше не стало, скорее наоборот. Одно знаю точно, под номером 25 значится в сборнике песня на слова Констанции Буйло «Люблю наш край, старонку гэту», которую на протяжении многих десятилетий нам представляли как народную. Автор слов радовалась этому факту, думается, что и Равенский понимал высоту отметки композиторской работы, когда песня делается народной.

Одаренного крестьянского сына (хотя возраст был уже зрелый — 37 лет) как государственного стипендиата республики послали на учебу в Москву. Интересный факт: от правительства БССР получил он при этом в подарок уникальную скрипку. Надо думать, что инструмент был старой работы отличного мастера. С этою скрипкою Николай Равенский не расставался тридцать лет, до самой смерти. В недобрые часы, во времена оккупации и на чужбине, она была его единственной значительной собственностью.

Ярко видится, как в содружестве с подругой-скрипкой рождал он мелодию бессмертного «Магутны Божа» на слова Натальи Арсеньевой. Было это весной — летом 1947 года в далеком Остергофене, беларуском лагере для перемещенных лиц. Равенский жил в одной квартире с родителями Зоры Савёнок (в замужестве Кипель). В Остергофене духовный гимн и прозвучал впервые.

Лювенский студенческий хор в Париже (7 декабря 1952 г.). Слева направо: Алесь Лазанов, Юрий Сеньковский, Василь Щецка, Янка Запрудник, Станислав Мак, Николай Равенский, Микола Арцюх, Владимир Цвирка.

Н. Равенский и его друг композитор Алесь Карпович (Лювен, Бельгия)

Но путь до этого был еще долгим. Московский период жизни композитора охватывает годы с 1923 по 1930. Сначала окончил музыкальный техникум имени Стасова, потом Московскую консерваторию. Был учеником Михаила Ипполитова-Иванова, который в первой половине 20-х годов возглавлял Беларускую песенную комиссию.

Жил Николай Яковлевич на Малой Никитской улице в здании представительства БССР. И здесь организовал земляческий хор. Отсюда и его искренние отношения с Владимиром Дубовкой, который тоже жил в беларуском здании. Композитора и одаренного поэта разделяли 14 лет разницы в возрасте, но как раз более молодой значительно повлиял на творчество старшего, еще больше закалил в деле беларусчины. Равенский написал песни на стихотворения Дубовки «О Беларусь, мая шыпшына», «Такая ноч» (одна из лучших вещей), «Ліпнёвы гімн» (запрещенный в 1930-м после ареста Дубовки). Тогда же была конфискована у него и первая беларуская историческая опера «Браніслава», тоже результат сотрудничества с Дубовкой.

Николай Равенский первым положил на музыку стихотворения Максима Богдановича «Слуцкія ткачыхі», «Завіруха», «Не кувай ты, шэрая зязюля». Уже во время войны написал музыку для «Пагоні» Богдановича. Из довоенных произведений надо отметить еще многочисленные обработки народных песен, историческую сюиту по мотивам стихотворения Буйло «Курган», первую беларускую оперетту «Залёты» на слова Дунина-Марцинкевича, песню на слова Тишки Гартного «Ах ты Нёман-рака» высокого патриотического звучания. Она тоже считалась народной, звучала на радио, ее издавна исполнял николаевский ансамбль «Коласаўскія землякі».

После Московской консерватории в 1930 году Николай Равенский возвращается в Минск, преподает в музыкальном техникуме, а позже в новосозданной Беларуской консерватории. Но уже приклеен к нему ярлык — нацдем. Прежде всего за дружбу и творческое сотрудничество с Владимиром Дубовкой.

И не только за это. В 1938 году арестован и расстрелян в Куропатах старший брат Антон, который учительствовал в Корзюках недалеко от Минска. Во время

учебы Николай летние каникулы проводил у брата, да и потом бывал не раз. Антон Адамович, эмигрантский писатель и критик, называл Антона деятельным беларуским эсером. Погиб в Куропатах и двоюродный брат Александр. Самого Николая Равенского в 1938 году исключили из Союза композиторов, знакомые стали отворачиваться.

Творец вынужденно ушел в тень, так о каких песнях тогда можно было говорить! Но не каялся перед режимом (за что?), не стал угодничать, как его коллега Николай Щеглов, чья «Кантата о Сталине» звучала в Минске, Киеве, Одессе, Харькове, Тбилиси. Правда, во время оккупации Щеглов сдал свой орден Почета в городскую управу, даже фамилию изменил, взял материнскую – Куликович. Так рвал с прошлым. Потом также оказался в эмиграции, многое сделал для беларуской музыки.

Николай же Равенский тихо и упорно держался нонконформизма. Как до войны, так и в войну. В тот упомянутый эпизод в городской управе Антон Адамович спросил у него о судьбе «Браніславы». «Где там! Даже если бы и сохранилась, так испепелилась бы теперь, в этой круговерти и бомбежке, в которой недавно и жена молодая завилась, как дым, и не найти вот никак...» «А через пару недель, – пишет далее Адамович, – пришел прощаться – пригласили на регента в церковь в прежний Игумен, недавний Червень».

Первая жена Николая Яковлевича умерла от родовой горячки, оставив дочь Лёлю (Лену). Во время оккупации дочь была уже взрослой, стала подпольщицей под кличкой «Синица». Лёлю арестовало гестапо, ее расстреляли во дворе Минской тюрьмы. Подрастал внук Борис.

Перед войной композитор женился второй раз, его избранницей стала собственная ученица Янина, молодая певица. От нее родились две дочери, Ольга и Людмила, которая умерла в детстве. Янина с Ольгой под оккупацией жили горестно, Равенский не смог их найти, помочь, забрать к себе в Игумен. Заглянув вперед, отметим, что карьера молодой одаренной певицы Янины Станиславовны не состоялась по понятным причинам – жизнь в оккупации, муж – эмигрант и враг народа. С трудом, но выбилась на отцову дорожку дочь Ольга. Закончила консерваторию, пела в хоре Виктора Ровды. Когда ансамбль стал исполнять «Магутны Божа», сначала не знала, что эту торжественную духовную песню написал отец. Сейчас активная пропагандистка творчества Равенского, исполняет многие его произведения.

Время освобождения, которое приближалось, ставило вопрос: возвращаться ли в непредсказуемую последствиями советскую действительность, где недобитых нацдемов и так называемых колаборантов должны были «добивать», либо уйти на чужбину. Оставалось последнее. Лагеря для перемещенных лиц Регенсбург, Остергофен, Розенхайм. Везде Равенский создавал ансамбли, руководил светским и церковным хорами, неутомимо поддерживал очаг беларусчины.

В 1950 году Николая Равенского пригласили в бельгийский Лювен, где стало возможным учиться в местном университете тридцати молодым беларусам. Это последняя страница жизни композитора. В Лювене он работал с Ансамблем беларуских студентов, пропагандировал народную музыку. Для немолодого и неизлечимо больного мастера это было единственным спасением от тоски по родине. Можно только удивляться, как из случайных для музыки людей ему удалось

создать высокохудожественный ансамбль, записи которого позже издавались в Бельгии, Германии, США и Канаде. Здесь, кроме досконального чувства хорового стиля, нужно было еще чрезвычайное упорство и терпеливость в работе. Но это удалось! Популярность хора вышла далеко за границы Бельгии, беларускую песню слушали в Париже, Лондоне и других уголках Европы.

Чертой для характеристики того времени являются слова Равенского из письма в Англию к свояченице Татьяне (Терезе) Рутковской, дочери упомянутого двоюродного брата Александра, от 10 января 1952 года:

Слева направо: Алесь Маргевич, Николай Равенский, Николай Шуст (повар беларуских студентов), Витовт Кипель, Федор Мазур (Лювен, апрель 1951)

> «...Приступил к работе, в настоящий момент готовимся к напеванию граммофонных пластинок. Имеем шесть пластинок, на которых будет помещено 12 песен. Больше пока не сможем напеть, так как очень дорого стоит. Переговоры с фабрикой еще не закончены, за эти пластинки она требует девятьсот тысяч, но думаю, пойдет на уступки. А с 20-го примем участие в ряде церковных служб в Брюсселе, где каждый год происходит так называемая “неделя общей молитвы” по разным костелам, за страдающий христианский Народ за железным занавесом».

Мне посчастливилось слушать народные песни с тех дисков. Высокое духовное звучание, сразу чувствуется классический профессионализм. Сам я не музыковед, потому для оценки творчества дам слово коллеге Равенского, тоже композитору-эмигранту, музыкальному критику и его товарищу Алесю Карповичу:

> «Через все произведения, при всей их эмоциональной разнообразности и широком жанровом диапазоне, красной нитью проходит принцип беларускости в музыке... Его любовь к народным мелодиям, стремление сохранить всю тайну красоты и богатства выражения этого мелоса, не перегрузить его гармоничными или тембровыми цветами... Широкие музыкальные полотна, приемы развития тематического материала позволяют говорить о стремлении автора симфонизировать хоровую фактуру, придать ей ту логику, эмоциональную выразительность и динамику, которые присущи высшему достижению музыкальной архитектоники – симфонии».

Люди, которые знали Равенского, отмечали его искренность, добродушие, сердечность, гостеприимство, готовность помочь каждому. Еще один человеческий штришок из воспоминаний Немановича (Владимира Цвирки):

> «Бывало, постучишь к нему: – Гм, – отвечал глубокий бас из-за дверей. Из-за стола, заваленного нотной бумагой, на вас смотрели приветливые серые глаза. – А пропуск есть? – внушительно спрашивал он. Пропуском он шутливо называл вино, что обычно было люксом не по студенческому карману. Это он знал, но хотя бы в шутку, от “традиционной” формы приветствия не отступал».

Умер Николай Равенский 3 марта 1953 года, похоронен в Лювене. В его комнате на столе лежал листок календаря, где рядом с записанными темами к песням была сделана рукой композитора рисованная композиция: художественно начерченные альфа и омега, а посредине — слово «Беларусь». Еще один знак нонконформизма, если обратиться к названию этого рассказа. Жил и творил художник ради Беларуси и ее народа, ради духовной красоты — потому и песня его осталась свободной, кристально чистой, вечно молодой.

Памятник на могиле сделал скульптор Михаил Наумович, беларус-эмигрант, который жил в Париже. Наследство разделили между беларуской общиной и племянницей композитора Татьяной Рутковской. Трудно сегодня собрать все вместе. «Завилась как дым», если использовать слова Николая Яковлевича, и знаменитая скрипка. Отыскать бы ее да вернуть на Отчизну, чтобы стала национальным достоянием.

Похороны Равенского: в первом ряду: Микола Абрамчик, Татьяна Рутковская, Борис Рогуля

У Моисея Седнёва есть стихотворение «Сьмерць музыкі. Памяці Міколы Равенскага» с такими щемящими строками:

Баюся я ўжо – на зямлі зусім
Зьвядуцца песьняры і гордыя музыкі.
Ды што я гавару – чужога места
Завулкі-вуліцы й мяне забудуць,
Дармо, што я хадзіў па іх задумны і натхненны...

Казалось бы, пророческие слова. Но, слава Богу, не сбылись. Вернулись стихотворения Седнёва, вернулся своими произведениями и композитор Равенский. Началось это в конце 80-х, когда мы все жили на эмоциональном подъеме, возвышенными надеждами на новую Беларусь. В исполнении разных коллективов зазвучал «Магутны Божа» — бесспорный духовный гимн беларусов. Даже если бы Николай Равенский больше ничего не написал, он бы одной этой торжественной песней остался в благодарной памяти потомков навсегда.

Были и публикации, хотя и немногие.

В 1993 году на студии «Летопись» компании «Беларусьфильм» создана документальная лента «Успамін пра Міколу Равенскага», автором сценария которой выпала честь быть мне. Этот фильм Михаила Ждановского в числе трех режиссеров (еще «Дорога на Куропаты» и «Жаворонки Беларуси») годом позже был отмечен Государственной премией Республики Беларусь.

К 115-й годовщине со дня рождения в серии «Беларускі Музычны Архіў» выпущен компакт-диск «Магутны Божа» с лучшими произведениями Николая Равенского. Стал он ценным приобретением моей домашней фонотеки, как для

многих беларуских семей. А в заключение этого очерка предлагаю стихотворение, которое родилось у меня уже после фильма, но называется одноименно.

Грай ты, скрыпка, нявесела грай –
У няволі так сэрцу маркотна.
Неспадзеўкі пакінуты край
За туманам прапаў незваротна.

Грай ты, скрыпка, нягучна іграй –
Смутак ціхі заўжды на чужыне.
На радзіме бярозавы гай
Разам з ветрам паплача аб сыне.

Грай ты, скрыпка, нядолю іграй –
Ад айчыны лісток адарваны
Лёсабур зваяваў, быдта май,
Знёс у горад юдолі нязнаны.

Грай ты, скрыпка, збавенне іграй –
Як дахаты спяшаюцца коні!
Светлай песні руплівы ратай
Зноў выходзіць на родныя гоні.

Грай ты, скрыпка, прасветлена грай –
До трываць болей лёс свой атрутны.
Адшукаць зацярушаны рай
Дай нам сілы, о Божа Магутны!

(2001 г.)

СУДЬБА ВЫДАЮЩАЯСЯ И ТРАГИЧЕСКАЯ

Анатолий Мясников

Антон Жебрак. Немного в беларуской национальной науке имен и судеб более выдающихся и, вместе с тем, более трагических, чем его. Он жил полнокровной, честной жизнью, неутомимо работал на пользу народа, ради будущего. И признавали ЕГО такие же настоящие, с большой буквы Ученые, которые знали реальную цену работе Жебрака и его достижениям...

Но нашелся человек, который, не имея таланта в науке, был зато большим подлецом и славолюбцем. Он имел доступ к обладателям власти и, сполна использовав это, навредил во много раз больше, чем сделал хорошего. Тех же, кто пытался показать его ошибки и промахи, кто отмахивался от его несуразных утверждений, оформленных под видом «научных открытий», он давил. Давил в прямом и переносном смыслах слова. Его звали Трофим Лысенко.

Из «Советского энциклопедического словаря»:

Жебрак Антон Романович (1902–1965), советский генетик и селекционер. Доктор биологических наук (1936), академик (1940) и президент (май – октябрь 1947) АН БССР. Заслуженный деятель науки БССР (1944). Основные работы по гибридизации, полиплоидии, иммунитету растений, филогении и биологическим основам селекции пшеницы и гречихи. Первым использовал метод пересечения амфидиплоидов пшениц.

Лысенко Трофим Денисович (1898–1976), советский биолог и агроном, академик АН УССР (1934), академик (1935) и президент (1938–56, 1961–62) ВАСХНИЛ, академик АН СССР (1939), Герой Социалистического труда (1945). Большинство теоретических положений Лысенко не получило экспериментального подтверждения и производственного использования. Депутат Верховного Совета СССР в 1937–66 гг. Сталинская премия.

Уже одно перечисление титулов и званий свидетельствует: выступали Жебрак и Лысенко, говоря спортивной терминологией, в разных весовых категориях. Первый был высокообразованным специалистом, много трудился на практической ниве, не мысля при этом о регалиях и наградах. Второй, наоборот, имея всего агрономическое образование, только и знал, что вращался в высших сферах: он был своим человеком сначала у самого «отца народов» – Сталина, а потом – у Хрущева... Поэтому и окончилась их борьба в науке (борьба за ее чистоту, за самый, несомненно, главный аргумент ее – истину) для нашего земляка трагически...

Антон Жебрак родился в один из последних декабрьских дней 1901 года в деревне Збляны Волковысского повета Гродненской губернии (ныне в Зельвенском районе). Родители были бедными безземельными крестьянами, с началом мировой войны подались в эвакуацию. Приют нашли в Тамбовской губернии, где перебивались случайными заработками. Рано изведал тяжелую мужскую ра-

---

Из журнала «Беларуская мінуўшчына», 1994; № 1, с. 46–48. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

боту и Антон: в 1916-м он уже бетонщик Мытищинского бетонного завода в Подмосковье, через год – на лесоразработках. Тем не менее, среднее образование ему получить удалось.

Антон решил посвятить себя самой мирной профессии – выращиванию и выведению новых сортов хлеба. В 1925-м Жебрак блестяще закончил Московскую сельскохозяйственную академию имени К.А. Тимирязева и стал генетиком. Он посвятил себя поиску новых путей в управлении наследственностью растений, в первую очередь – пшеницы.

Он отлично понимал: нужны прежде всего теоретические знания, овладение достижениями предшественников, выдающихся селекционеров мира. Окончив Тимирязевку, Антон Романович сразу же поступил на отделение естествознания Института красной профессуры в Москве, после окончания которого в 1929 г. стал доцентом кафедры генетики и селекции растений сельхозакадемии.

А здесь еще и счастье улыбнулось молодому ученому: в 1930 г. его направили на годичную стажировку за океан – сначала в Колумбийский университет в Нью-Йорк, а потом – в Пасадену (штат Калифорния) – к самому Томасу Ханту Моргану, всемирно известному генетику, создателю хромосомной теории наследственности, основателю генетических основ теории естественного отбора. Забегая вперед, отмечу: позже этот факт станет переломным в биографии Антона Романовича.

С 1931 до 1936 года А.Р. Жебрак профессор генетики и селекции Московской академии социалистического земледелия, одновременно с 1934 г. – заведующий кафедрой генетики и цитологии сельхозакадемии имени Тимирязева. Ей, знаменитой Тимирязевке, Антон Романович отдавал все свои знания, силы, талант, опыт. «Там была его душа, вся его жизнь», – напишут позже о Жебраке его единомышленники, ученики, последователи.

С 1936 года на протяжении 13 лет Жебрак проводил работы по амфидиплоидам пшеницы*. Антон Романович получил плодовитые формы после гибридизации очень многих видов культуры. Иммунитетом к болезням и вредителям, повышенным содержанием белка, величиной зерна – вот чем отличались сорта, выведенные им. Его имя стало известно во всем мире, результаты исследований охотно печатали в Советском Союзе и за границей. Но только через 15–20 лет новые сорта пшениц Жебрака вошли в Государственное сортоиспытание.

И еще несколько штрихов к портрету Антона Романовича. В 1940 году земляки-беларусы избрали его академиком АН республики. Жебрак имел к тому времени около 100 научных работ по общей генетике и генетике растений. На его груди сияли заслуженные награды – ордена Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Знак Почета. В марте 1945 года он представлял Беларусь на Всеславянском соборе в Софии. В июне того же года в составе делегации БССР подписал в Сан-Франциско Устав Организации Объединенных Наций. После возвращения из Америки более года возглавлял отдел в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)в Москве.

Но наука оставалась для Антона Романовича главным делом. В мае 1947 года его избрали президентом Академии наук БССР.

---

* Амфидиплоид – гибрид от скрещивания разных видов или родов. – *Ред.*

Еще в 1939 году Антон Жебрак вместе с другими генетиками активно участвовал в дискуссии, защищая принципы материалистической биологии. То было время массовых репрессий. Не могли они не затронуть и ученый мир. Погибли И. Агол, В. Слепков, С. Левит, с которыми Антон Романович учился вместе в Институте красной профессуры, а потом плодотворно сотрудничал на поприще генетики. В сталинских застенках погиб Николай Вавилов, выдающийся ученый, зачинатель современного учения о биологических основах селекции, академик, первый президент ВАСХНИЛ... Тот самый Вавилов, который собрал самую крупную в мире коллекцию семян культурных растений, заложил основы государственных сортовых испытаний полевых культур.

Антон Жебрак

Должен был стать жертвой и Антон Романович. Требовалась немного — элементарная зацепка. ...В 1945 году в американском еженедельнике «Science» («Наука») он опубликовал статью. Она была своего рода ответом на упрек ученого из Соединенных Штатов Карла Сакса в том, что советские ученые не могут, точнее, не имеют права высказывать точки зрения, которые отличаются от официальной позиции. Разговор шел о биологии и биологах, в частности о том, что только один Т. Лысенко формирует пути развития советской генетики.

Такое утверждение, конечно же, сильно задело Жебрака. И он лично, и его друзья-сподвижники и в довоенные, и в послевоенные годы сделали так много! И Антон Жебрак ответил — открыто, честно и смело: мы его путем не пойдем! «Наш путь прежний, проложенный задолго до появления Лысенко», утверждал он.

Трофим Лысенко молчать не собирался. В газете «Ленинградская правда» Исаак Презент, самый близкий друг и единомышленник «народного академика», выступил со статьей, одно название которой говорило обо всем: «Борьба идеологий в биологической науке». Название, от которого несло «духом времени». «За низкопоклонство, пресмыкательство перед буржуазной наукой», не имея на то никакого права, поносил этот Презент нашего земляка.

«Ленинградскую правду», однако, читали далеко не все, а удар лысенковцам хотелась нанести как можно более чувствительный. И они нашли более весомую трибуну: ею стала «Литературная газета».

Номер «ЛГ» за 30 августа 1947 года. Признавшись в чувствах «естественной гордости и радости за наших людей, за взрастившую их великую Родину», три автора-литератора Алексей Сурков, Александр Твардовский (кстати, член редколлегии «Литературной газеты») и Геннадий Фиш пишут:

> «Но, видимо, есть еще и в нашей среде люди, в которых эти чувства гордости и радости за успехи родной культуры, как это ни странно, отсутствуют...»

Да, они – деятели культуры... Но при чем здесь наука? И вообще – туда ли лезут литераторы?! Едва ли не американским шпионом называют авторы беларуского ученого. Здесь и прежние обвинения в «низкопоклонстве перед зарубежной наукой», и новые – предложение «американским ученым нечто вроде единого союза для борьбы против советского ученого Т. Лысенко», и «вывод» Жебрака о том, «что советская наука решительно ничем не отличается от буржуазной», и «клеветническое заявление Жебрака о том, что работы Т. Лысенко, по существу, мешают развитию советской науки»... А больше всего, по моему мнению, потрясло Суркова, Твардовского и Фиша смелое заявление Жебрака в журнале «Science» о том, что «вместе с американскими учеными мы, работающие в этой же научной отрасли в России, строим общую биологию мирового масштаба».

Трофим Лысенко

Донос, настоящий политический донос, которых было немало в нашей тогдашней жизни.

Через три дня после «Литературной газеты» газета «Правда» опубликовала статью профессора И. Лаптева «Антипатриотические поступки под флагом научной критики».

Нет, не был прав профессор И. Лаптев: Антона Романовича не «ослепляли буржуазные предрассудки», не становился он «на позиции враждебного нам лагеря»... Жебраку прежде всего была по вкусу чистая наука. «Единая биология мирового масштаба» была для него выше всего. И он служил ей искренне и честно. Прав был ученый: Лысенко тормозил развитие генетики, и тормозил очень сильно.

А. Сурков, А. Твардовский, Г. Фиш, И. Лаптев, И. Презент добились своего. Их призывы «решительно, беспощадно вырвать гнилые корни угодничества и раболепия перед буржуазной культурой» дошли до сталинистов. И те сработали так, как умели и хотели: пустили кровь тем, кто стал неугоден обладателям власти...

Были, однако, и такие люди, которые видели в устремлениях Антона Романовича веру в будущее отечественной науки, потребность его дела обществу и народу. Правда, их было немного. Один из таких настоящих патриотов – профессор Дмитрий Сабинин – бросился защищать Жебрака смело, решительно, даже отчаянно. В сентябре 1947 года, когда тучи над другом по науке только-только надвигались, он написал письмо «самому» Андрею Жданову – главному идеологу сталинской клики. Но расчеты на поиски истины были, конечно же, напрасными. Сабинин не только не помог товарищу, но и навредил себе. Вскоре его освободили от должности в одном из высших учебных заведений «белокаменной», а позже ученый закончил жизнь самоубийством...

Тем временем готовилось заключительное «мероприятие», которое, по мнению организаторов, должно было расставить все точки над «і». Речь идет об августовской (1948 года) сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук

имени Ленина (ВАСХНИЛ). Буквально через несколько лет после нее сессия была названа не иначе как погромом советской генетики. И был он не случайным. Лысенко и его единомышленники все рассчитали тонко, до мелочей, с дальним прицелом.

Основным докладчиком, который должен был задать тон и «направленность» разговора, стал, конечно же, «народный академик» Лысенко. Его доклад, как ныне установлено, просматривал перед началом сессии сам Сталин, сделал в нем многочисленные правки и «уточнения». При этом, естественно, советовался с будущим оратором. А это уже были самые «весомые» аргументы и выводы.

Лысенко сказал в докладе «однозначно»:

> «...Министерство сельского хозяйства открыло для работы по вопросам полиплоидии специальное учреждение во главе с А.Р. Жебраком. Думаю, что это учреждение, на протяжении ряда лет занимаясь только этой работой (т.е. полиплоидией) практически буквально ничего не дало».

Трофим Лысенко выступает на сессии ВАСХНИЛ (1949 г.)

Как показал ход сессии ВАСХНИЛ, Лысенко подготовил к ней не только доклад, но и практическую почву. Незадолго до этого сборища ему стало известно, что к Жебраку и его сторонникам с пониманием относятся в таком важном учреждении, как Всесоюзный институт растениеводства. Лысенко «разобрался» с ним по-своему, «укрепив» руководство своим человеком — академиком Иоганном Эйхфельдом. А тот сделал на сессии прямой донос: дескать, в распоряжении морганистов-менделистов находится большое количество кафедр биологических факультетов университетов, сельскохозяйственных, педагогических и медицинских институтов...

В чем же расходились представители противоборствующих сторон?

А. Жебрак, Н. Дубинин, М. Навашин, Д. Сабинин, И. Шмальгаузен, С. Алиханян и другие ученые считали себя представителями классической генетики. В ее основе лежало учение о веществе наследственности. Представители этого направления справедливо считали, что оно передается от родителей к потомству в виде отдельных частиц — генов, которые и обусловливают воссоздание у потомков примет и признаков, сходных с родительскими.

По крайней мере, еще великий Чарльз Дарвин утверждал: «Без признания гена как материальной единицы теория естественного отбора, конечно, не могла бы существовать». А вот академик Т. Лысенко и представители его «школы» полностью отвергали учение о веществе наследственности. Они считали его метафизическим, «не соответствующим опытным и экспериментальным данным» (академик Н. Беленький).

Не буду подробно анализировать ход дискуссии на сессии, приводить аргументы сторон: это и печально, да и ненужно сегодня.

Трофим Лысенко и его команда собирались уже праздновать победу. Им не хватало только одного, очень важного мнения – директора Тимирязевской академии Василия Немчинова.

И он вышел на трибуну сессии ВАСХНИЛ. Отметив, что общественность Тимирязевки осудила «антипатриотический» поступок А. Жебрака, он, тем не менее, нашел в себе мужество сказать правду о Жебраке-ученом. Немчинов не согласился с лысенковской оценкой хромосомной теории наследственности. Он назвал ее золотым научным фондом биологии. Шесть раз пытались прервать его выступление лысенковцы, однако Василий Сергеевич был в своих убеждениях тверд и однозначен.

А что же сам Антон Романович? Слово на сессии ему дали одному из последних. Он заявил твердо и однозначно:

> «...нам удалось получить новые виды пшениц, которые сама природа до сего времени не создала. Мы получили довольно мощные растения с хорошим колосом, очень крупным зерном...».

Если точнее, он защищал от неоправданных нападок Хлеб, полученный в результате скрещивания дикой, склонной к болезням пшеницы с шестью разновидностями английской, тремя – польской, тремя – персидской, одной – восточной и 19 (!) разновидностями твердых сортов пшениц с последующим удвоением количества хромосом.

Титанический труд, подвластный рукам, сердцу и уму нерядового исследователя, одаренного ученого, просто патриота своего Отечества!

Расправа, тем не менее, состоялась. Антона Романовича отлучили от Тимирязевки, а генетику сессия ВАСХНИЛ на весь мир объявила «буржуазной абракадаброй»... Зато участники сессии единогласно одобрили текст приветственного письма И.В. Сталину, которое заканчивалась так: «Слава великому Сталину, вождю народа и корифею науки!»

Гонения на выдающегося ученого на его родине, в Беларуси, начались еще раньше – осенью 1947 года. Минская газета «Літаратура і мастацтва» 1 октября опубликовала письмо местных биологов Н. Дорожкина, М. Замятина, А. Лаппо, В. Шемпеля, которые потребовали обсудить «антипатриотический поступок» А. Жебрака на президиуме Академии наук республики. К их голосу прислушались, и через две недели (16 октября 1947 г.) общее собрание академиков и членов-корреспондентов АН БССР открытым голосованием, что, кстати, не предусмотрено уставом академии, освободило Антона Романовича от обязанностей президента «за антипатриотический поступок, несовместимый с достоинством советского ученого». Он занимал этот пост всего лишь 5 месяцев.

Еще одну позорную акцию устроили земляки коллеге-ученому 30 августа 1948 года. На заседании президиума Академии наук БССР обсуждался вопрос о «состоянии работ» академика А.Р. Жебрака. Инициатором и «застрельщиком» очередного раунда расправы и травли снова выступил директор Института ботаники АН БССР Николай Дорожкин. В своем тенденциозном, полном надуманных примеров и обвинений докладе он предложил, а президиум согласился,

прекратить работы Жебрака с цитоплоидными пшеницей, гречихой и просом. Его лабораторию просто закрыли.

В промежутке между этими расправами на родине еще одна гнусная акция была осуществлена в Москве. Антона Романовича «выслушали» и по партийной линии, после чего заставили написать письмо-отречение для ...газеты «Правда». С болью в души, с великой обидой в сердце создавал он это «произведение», опубликованное 15 августа 1948 года. «Правда» дала к письму Жебрака «свой» комментарий. А в нем пошла писать контора!

> «Редакция не может согласиться с рядом его ошибочных утверждений...»; «неправильным является его утверждение о том, что нашей партией признавались оба направления в советской генетике...»; «в действительности А.Р. Жебрак в своих работах в основных вопросах биологии стоит на позициях Вейсмана – Менделя – Моргана»; «моргановская школа, – писал Жебрак в 1936 году, – обогатила генетику новыми понятиями и подняла ее на более высокую теоретическую ступень»...

Это только незначительная часть обвинений газеты, к которым, несомненно, приложил руку сам Т. Лысенко.

После всего этого Антон Романович понял: не миновать ему и физической расправы. Так оно, по крайней мере, могло случиться. Осенью того же 1948-го в Минске ученого настойчиво искали сотрудники ведомства Л. Цанавы. Однако двери квартиры никто не открывал. Не было Жебрака и в Москве. Как стало известно совсем недавно, скрывался Антон Романович в надежном месте – в бараке у одного из своих учеников.

Ученый с мировым именем стал безработным. И только почти через два года получил он должность заведующего кафедрой ботаники в Московском фармацевтическом институте.

После смерти И.В. Сталина – в 1953 году – спохватились и в Минске: Жебраку предложили возглавить лабораторию экспериментальной полиплоидии в Институте биологии АН Беларуси. В 1963 году Жебрак создал самостоятельный Отдел генетики и цитологии при академии, который за два года вырос в институт. В это же время Антон Романович написал учебник «Ботаника», монографию «Полиплоидные виды пшениц», которые сохраняют научную ценность и в настоящее время.

Все, казалось, осталось в трагическом и неповторимом прошлом. Но шрамы на сердце от не одного инфаркта не могли исчезнуть, пройти бесследно. 20 мая 1965 года при очередном инфаркте Антон Романович умер. Журнал «Генетика» в некрологе написал:

> «От нас ушел один из выдающихся людей советской науки; он пронес через всю жизнь как знамя честь ученого, ...несгибаемую волю в борьбе за науку – истинную, не знающую компромиссов...»

И еще в некрологе есть слова, касающиеся августовской сессии ВАСХНИЛ:

> «Антон Жебрак стоял на кафедре сессии ВАСХНИЛ и с уничтожающей понятностью говорил о смысле и значении экспериментальной полиплоидии растений; он смотрел далеко в будущее, поверх голов пигмеев, собравшихся здесь в качестве судей».

Две оценки – более чем высокие, достойные Человека, Ученого, Патриота. Жаль только, что прозвучали они после его кончины...

На его могиле – каменная стела, на которой высечено мудрое латинское выражение: «Пока дышу – надеюсь...» В нем – весь Антон Романович Жебрак. А пшеничный колос, тоже высеченный в камне, свидетельствует о главном – бессмертии Хлеба и Человека. Человека, который отдал борьбе за Хлеб всего себя.

Персоны, упоминаемые в статье (справка редактора)

Агол Израиль (1891–1937). Крупный советский генетик. Был казнен как «враг народа».

Алиханян Сос Исаакович (1906–1985). В 1941–48 работал в МГУ на кафедре генетики у Серебровского. После августовской сессии ВАСХНИЛ был уволен. Работал в НИИ пенициллина (1948–58), в Институте атомной энергии у Курчатова (1958–68), в 1968–75 возглавлял ВНИИ генетики и селекции промышленных микроорганизмов.

Беленький Нео Гдальевич (1908—1997) – физиолог и биохимик в области изучения сельскохозяйственных животных и птиц, доктор биологических наук (1943), профессор (1944), академик ВАСХНИЛ (1948). Сторонник Т. Лысенко.

Вавилов Николай Иванович (1887–1943). Советский биолог и генетик, основоположник учения о биологических основах селекции, а также о центрах происхождения культурных растений. Академик АН СССР (1929), академик и первый президент ВАСХНИЛ (1929–35). Президент Всесоюзного географического общества (1931–40). Мужественно защищал генетику в борьбе с «учением» Т. Лысенко. Был арестован, умер в саратовской тюрьме.

Вейсман Август (1834–1914). Немецкий зоолог и биолог-эволюционист, основатель неодарвинизма. Положил начало современным представлениям о дискретности генов, их локализации в хромосомах и роли в индивидуальном развитии организмов. Теория Вейсмана подвергалась яростным нападкам со стороны «лысенковцев».

Дарвин Чарлз Роберт (1809–1882). Английский биолог. Обосновал теорию эволюции органического мира – дарвинизм. Главные труды: «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859); «Происхождение человека и половой отбор» (1871). Эволюция, по Дарвину, осуществляется в результате взаимодействия трех основных факторов – изменчивости (мутаций), наследственности и отбора.

Дорожкин Николай Афанасьевич (1905–1993). Миколог и фитопатолог. Доктор сельхознаук (1934), член-кор. (1950), академик (1962) АН БССР, академик Академии сельхознаук БССР (1959–61). Зав. отделом (1944–48), директор (1948–52) Института биологии АН БССР. Одновременно зав. кафедрой БГУ (1947–52). С 1952. зав. лаб. Института социалистического сельского хозяйства АН БССР. В 1959–76 директор Белорусского НИИ картофелеводства и плодоовощеводства. Сторонник Т. Лысенко. Гос. премия СССР (1974) за выведение и внедрение в производство высокопродуктивных сортов картофеля.

Дубинин Николай Петрович (1907–1998). Генетик, академик АН СССР (1966), лауреат Ленинской премии (1966), Герой социалистического труда (1990). Открыл (совместно с А.С. Серебровским) делимость гена.

Жданов Андрей Александрович (1896–1948). Крупный деятель партии большевиков (коммунистов). Секретарь ЦК ВКП(б) с 1934 г. С 1935 кандидат, с 1939 член Политбюро ЦК. В 1934–44 первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии. Входил в ближайшее окружение Сталина. В 1930–40-х гг. один из организаторов мас-

совых репрессий, а также идеологических кампаний, направленных против инакомыслия в науке и культуре.

Замятин Николай Митрофанович (1900–1965). Животновод-селекционер. Доктор сельхознаук (1937), член-кор. АН БССР (1947). Зав. отделом (1946) Института социалистического сельского хозяйства АН БССР, зав. кафедрой Сельхозакадемии БССР (1949), зав. кафедрой (1959) Гродненского сельхозинститута). Автор книги «Принципы мичуринского учения в разведении животных» (Минск, 1949). Сторонник Т. Лысенко.

Лаппо Аркадий Иванович (1904–1983). Растениевод, селекционер. Член-кор. (1940), академик АН БССР (1950), академик Академии сельхознаук БССР (1957–1961). Зав. отделом (1946), директор (1949) Института социалистического сельского хозяйства АН БССР. Академик-секретарь (1953) Отделения биологических, сельскохозяйственных и медицинских наук АН БССР. Сторонник Т. Лысенко.

Лаптев Иннокентий Прокопьевич (1911–1988). Ихтиолог, профессор Томского университета. Сторонник Т. Лысенко.

Левит Соломон Григорьевич (1894–1938) – основоположник медицинской генетики в СССР. В 1930–35 гг. директор Медико-биологического института, преобразованного затем в Медико-генетический институт. В связи с выступлениями против Т. Лысенко 5.07.1937 уволен с работы, а институт вскоре расформирован. Арестован 11.01. 1938, осужден как «враг народа, шпион и террорист» (при обыске у него в квартире обнаружили фотоаппарат, пишущую машинку и финский нож), казнен 29.05.1938. Реабилитирован в 1956.

Мендель Грегор Иоганн (1822–1884). Австрийский монах и биолог, основоположник учения о наследственности (менделизм). К 1863 году сформулировал закономерности передачи наследственных признаков (законы Менделя). Теория Менделя подвергалась нападкам со стороны «лысенковцев».

Морган Томас Хант (1866–1945). Американский биолог, один из основоположников генетики. Президент Академии наук США (1927–31), член-корреспондент РАН (1923), почетный член АН СССР (1932). Лауреат Нобелевской премии (1933). Благодаря работам Моргана и его школы сформулированы и экспериментально подтверждены основные положения хромосомной теории наследственности. Теория Моргана подвергалась нападкам со стороны «лысенковцев».

Навашин Михаил Сергеевич (1896–1973). Цитолог и генетик. Работал в Биологическом институте им. К. Тимирязева (1924–37), стажировался в Калифорнийском университете в США (1927–29); директор Ботанического сада МГУ (1934–37); руководитель отделов в Институте генетики (1937–41), Институте цитологии, гистологии и эмбриологии (1941–48), Ботаническом институте (1948–69) АН СССР.

Немчинов Василий Сергеевич (1894–1964). Экономист и статистик, один из основоположников экономико-математического направления советской экономической науки. Академик АН БССР (1940), АН СССР (1946), академик ВАСХНИЛ (1948). Лауреат Сталинской премии (1946). Доктор экономических наук (1935). Заместитель председателя Госкомиссии по сортоиспытанию зерновых культур (1937). Директор сельхозакадемии им. К. Тимирязева (1940). Профессор кафедры политэкономии Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) (с 1947).

Презент Исаак Израилевич (1902–1967). Получил юридическое образование. Основным его занятием являлось внедрение так называемой «марксистской методологии» в биологию и сельхознауку. Был научный консультантом президента ВАСХНИЛ по философским вопросам (!). Благодаря безудержной демагогии, яростным напад-

кам на своих противников с приклеиванием им политических обвинений, в 1930 г. стал доктором биологических наук (!), в 1948 – академиком ВАСХИЛ. С 1934 г. и до конца жизни самым тесным образом сотрудничал с Т. Лысенко.

Сабинин Дмитрий Анатольевич (1889–1951). Видный ботаник и физиолог. Заведующий кафедрой физиологии МГУ (1932–37, 1938–48). На почве тяжелых переживаний, связанных с разгромом советской генетики и торжеством псевдонаучной школы проходимца Т. Лысенко, в апреле 1951 г. застрелился.

Слепков Василий Николаевич (1902–1937). Биолог и генетик, в 1929–33 – преподаватель Казанского университета. В 1933 арестован и выслан в Уфу, где преподавал биологию и генетику в медицинском и педагогическом институтах. В 1936 уволен, в следующем году снова арестован и расстрелян.

Сурков Алексей Александрович (1899–1983). Советский поэт, убежденный коммунист и сталинист. Воспевал Гражданскую и Отечественную войны, так называемое «строительство коммунизма». Лауреат Сталинских премий 1946 и 1951 гг.

Твардовский Александр Трифонович (1910–1971). Советский поэт, который в своем творчестве прошел путь от сталинизма до гуманизма. Главный редактор журнала «Новый мир», являвшегося в 1958–70 гг. центром и трибуной противостояния либерально-демократической интеллигенции официозной идеологии, литературе, искусству. Лауреат Ленинской премии (1961).

Фиш Геннадий Семенович (1903–1971). Советский поэт, писатель, публицист и переводчик.

Цанава Лаврентий Фомич (1900–1955). Один из подручных Берии. В декабре 1938 – феврале 1941 нарком внутренних дел, в феврале – июле 1941 – нарком госбезопасности БССР. В 1941–43 на руководящих постах в штабах фронтов. В июне 1943 – октябре 1951 нарком (с апреля 1946 министр) госбезопасности БССР. Затем в аппарате МГБ в Москве. Арестован 4.04.1953 по обвинению в организации убийства артиста С. Михоэлса. Покончил с собой в Бутырской тюрьме.

Шемпель Виктор Иванович (1908–1975). Агрохимик. Член-кор. (1940), академик АН БССР (1950), академик Академии сельхознаук БССР (1957–1961). Директор Института социалистического сельского хозяйства АН БССР (1946), ректор Беларуской сельхозакадемии (1949). С 1952 г. директор НИИ земледелия Министерства сельского хозяйства БССР (бывший Институт соц. сельского хозяйства) (1952). Сторонник Т. Лысенко.

Шмальгаузен Иван Иванович (1884–1963). Биолог, академик АН УССР (1922) и СССР (1935). Директор Института зоологии и биологии АН УССР (1930–41), Института эволюционной морфологии АН СССР (1936–48). Автор ряда научных трудов, признанных классическими.

Эйхфельд Иоганн Гансович (1893–1989). Биолог-селекционер, сторонник и последователь Т. Лысенко.

ЛЕГЕНДА О МАШЕРОВЕ

В альманахе «Деды» в 2010 г. (выпуск 5, с. 136–140) была опубликована статья А. Лазаковича «Гибель Машерова: несчастный случай или убийство?». Кроме того, в газете «Секретные исследования» была помещена статья В.В. Деружинского на ту же тему. Оба автора, не сговариваясь, последовательно проводят мысль о «ликвидации» П.М. Машерова «специалистами» КГБ СССР по приказу, исходившему от кого-то из членов Политбюро ЦК КПСС.

Недавно редакция альманаха получила статью без подписи, посвященную тому же случаю, но – диаметрально противоположной направленности. Публикуем ее.

Вероятность аварии исключалась абсолютно: маршрут знакомый, дорога – «как с иголочки», «олимпийская», лучшая в стране. И почти свободная. Идеальные условия... «Подстроили», – сокрушался «простой народ». «Неугодный был», – с горечью поясняли ревнивые партизаны и коммунисты. – «А потому и убили нашего Мироныча»...

Хотя «виновника» аварии нашли там же – это был обгоревший, чудом (именно чудом!) оставшийся живым водитель совхозного самосвала Пустовит Николай Митрофанович – и спустя три месяца его посадили на 15 лет, но легенда осталась: «Убили».

В Беларуси Машеров был воплощением мифа о коммунистах. В связи с его 80-летием /февраль 1998 г. – Ред./ и 20-летием «таинственной» гибели /октябрь 2000 г. – Ред./ СМИ Беларуси и России «озвучили» легенду об убийстве Машерова как соперника одного из кремлевских старцев.

Тогда у людей необразованных и далеких «от трона» были свои поводы для сотворения этой легенды. У тех же, кто был чуть-чуть образованнее и «ближе к трону» – и дальше от Бога! – были свои причины и потребности, а потому они сочинили еще лучшую легенду – о политическом убийстве. И на эту «политическую ёлку» они стали вешать свои шары: «защитник народа», «самый честный руководитель Беларуси», «борец против кремлевской мафии». После Чернобыльской аварии изготовили самый большой, самый «национальный» шар: «Машеров не скрывал бы от народа правды».

А потом «простые люди», зомбированные «всенародно избранным» и его командой, сочинили самую убогую легенду: «Если бы был жив Машеров, он не позволил бы разрушить Союз, мы жили бы хорошо, как раньше...»

Эту мыслишку-мечту тиражируют государственные СМИ, «предоставляя слово простым людям». А «простые люди» – как шарманка: «Если бы был жив Машеров»... И посылают проклятия всем, кто «разрушил Союз» – «перестройщику Горбачеву», «мафиози Ельцину», «этому Шушкевичу» и «тому Кравчуку». Что верно, то верно: некоторые руководители Беларуси «после Машерова» по внешности и поведению – карикатуры на него, пугало на политическом огороде. Но только не по существу...

Повторять сегодня эти легенды – смешно и нелепо, тем более главную – об убийстве. Но ее повторяют, хотя для обоснования ее нет ни одного аргумента – только «красивые слова». А они при честном изучении их «этимологии» оказываются с ядом клеветы и коммерции.

Конечно, дельцы от мифотворчества понимают, что «красивых слов» – мало, а потому командира небольшого партизанского отряда в Россонском районе Витебской области Петра Машерова они превратили сначала в прославленного партизана» (прославленного кем?), потом в «легендарного Дубняка» (по названию отряда), а потом и вовсе в «легендарного партизанского командира» без географических ориентиров и флоры – как бы всенародного...

Я прочитал много документальной литературы о партизанах, но лишь недавно узнал, что Машеров «еще в последний период войны» был «прославленным белорусским партизанским командиром»...

Понимают мифотворцы, что в этот миф мало кто поверит: он архаичный и откровенно лживый – только «на дураков». А потому выпускнику «усеченного» провинциального пединститута /Витебского. – *Ред.*/ образца 1939 года, из которого давно были вывезены в сторону Ванинского порта на Охотском море самые образованные педагоги, штатному вождю-сталинисту они присвоили «титул» образованнейшего человека. В превосходной степени! Иначе нельзя: в Беларуси недавно объявился один о-о-очень образованный, аж с «двумя высшими образованиями». А поскольку тот, у которого «два высших образования» не только всесторонний невежда, но и самый обыкновенный хам, то Машерова величают еще интеллигентнейшим человеком. Тоже в превосходной степени, дабы «интеллигентную внешность» не считали пустой оболочкой.

Обе «превосходные» характеристики даны не только с ближним, но прежде всего с дальним «прицелом», ибо советские люди помнят, насколько образованными и интеллигентными были их вожди: надо бы хуже, да некуда...

«Аргументы» и подтасовки

Однако «превосходные» характеристики неубедительны для аргументирования его отметности на кремлевском Олимпе, поэтому усиленно муссируется штатный штамп для вождей: Машеров был выдающимся партийным и государственным деятелем. А коли выдающийся, то, естественно, являлся помехой на пути менее выдающихся (вообще не выдающихся на Старой площади не было) – загораживал кому-то дорогу. А чтобы не загораживал...

Возможно, Машеров и был выдающимся партийным деятелем, ибо коммунистическая партия – структура уникальная, потому у нее уникальная и шкала ценностей. И цен – на должности и человеческие жизни. Никто не знает, и никогда не узнает, – какой ценой заплатил он за стремительную партизанскую и послевоенную карьеру.

После войны каждый руководитель, начиная с председателя колхоза и сельсовета, знал: чтобы сохранить свою жизнь, свою семью, он должен пожертвовать чужой жизнью, благополучием чужой семьи. И не одной. Чем выше руководитель, тем большее жертвоприношений от него требовалось. Знаю. Видел. Сам пережил.

После войны пролилось еще много слез и крови, – а в западных областях особенно много, – значит, атмосфера общего горя была благоприятной для его карьеры. И начиналась она с западных областей – и комсомольская /в Молодечненской области. – *Ред.*/, и партийная /в Брестской области. – *Ред.*/...

Но государственным деятелем? Тут уместно уточнить: выдающимся из какого ряда? Похоже, предполагая закономерность сомнения и адекватного вопроса, мифотворцы добавляют еще одну, уже абсолютную (!) характеристику – гениальный.

В советской стране было много гениальных вождей: у одних гениальность проявилась в способности уничтожать миллионы людей, у других – творить несусветные глупости. А у гениальных союзных вождей были чуть менее гениальные вожди в республиках, тоже натворившие таких дел, что и правнукам не разобраться...

П. М. Машеров среди «товарищей по партии»

Предвидя и такой поворот мысли читателя, авторы штампа заготовили изумительный по нелепости пассаж – поставили Машерова в один ряд с... чужими – Франклином Рузвельтом, Шарлем де Голем и Джоном Кеннеди... Если согласиться на правомерность такого ряда сравнений, то не странный ли это ряд для вождя коммунистов? Мне не встречалось читать, что де Голь и Кеннеди – гении. Да и весьма авторитетные исследователи жизни Рузвельта называют его лишь «мудрым руководителем». Кем были в своих странах и в мире эти руководители, общеизвестно – реформаторы в своем отечестве и фигуры мирового уровня.

Машеров же «не тянет» на реформатора даже в маленькой Беларуси. А коли признавать его реформатором, то надо помнить и про клавишу @...

О гениальности Машерова

Если так настойчиво вбивают в наши головы, что Машеров – гений, то нужно попытаться по этому уровню взглянуть на его деяния.

Значения слов «гений» и «гигант» не только близкие, равно значимые, но и «родственные»: только гению по плечу, под силу родить-соорудить что-то гигантское. Так может быть гениальность Машерова – в сооружении гигантских животноводческих комплексов, которое велось под его личным руководством, и открывать которые он приезжал сам? Но все как раз наоборот: абсурдность этих гигантов была очевидна уже тогда. Даже на уровне доярок. Или, может, в строительстве гигантских машиностроительных заводов?

Или, может, в гигантских «репрессиях» против хуторов и «неперспективных» деревень?

Еще и внукам-правнукам нашим хватит гениально-гигантской «каши» Машерова. Вся эта глупость и дурь – Система Машерова.

Гигантских творений Машерова достаточно для оценки его уровня как руководителя государства, даже небольшого: примитивный. Но беда его (и наша!) скорее не в этом, – вряд ли Рональд Рейган превосходил Машерова по интел-

лекту, — а в том, что он категорично (!) не внимал разумным аргументам честных и образованных специалистов. А в ближайшем его окружении таких и быть не могло, только примитивные наглые невежды и подхалимы. И пьяницы. Кстати, это отмечают и те, кто называет Машерова гением. И хотя никто из мифотворцев словом «самодур» не пользуется, — есть и гении-самодуры, — но характеристики дают близкие: если что не по его — взрывался, орал. Правда, поясняют: «быстро отходил». И вообще был «деликатнейший человек». В превосходной степени! Но любого инакомыслия не терпел...

Так в чем же все-таки проявилась гениальность Машерова, коль в ней причина насильственного устранения его как соперника? Похоже, что лишь в безукоризненном подчинении гениальной дурноте, что пёрла из Кремля. Весь Машеров — в «благодарственной» речи Л.И. Брежневу. Ею он шокировал всех...

Декларативная гениальность советских вождей держалась «на штыках» Главлита и КГБ, направленных против тех, кто в этом сомневался. Но когда «штыки» наклонили долу, гениальность «не усидела» — свалилась и стала тем, чем была — посредственностью...

Вершина абсурда: Машеров — «кремлевский диссидент»

Еще более нелепым, прямо-таки абсурдным — если не хуже! — выглядит политический мотив «убийства» Машерова. Оказывается, Машеров не простой «кремлевский диссидент», но и борец против «кремлевской мафии».

Однако если поверить, что Машеров был против чего-то или кого-то, не согласен с чем-то и кем-то, то напомню тем, у кого память короткая: те, кто был против и не согласен, немедленно оказывались в грязных конторах самых отдаленных колхозов. Другие же несогласные, — их называли презрительно «диссидентами» — в «психушках» или на нарах. А он дошел до самого верха в Минске и почти до самого — в Москве. Ни разу не споткнулся. Значит, всегда был не «против», а «за», и со всем и всеми согласен.

При Сталине — тем более: все тогдашние «колхозы» для руководителей, «не оправдавших доверия», назывались одним словом ГУЛАГ. А в нем были большие «бригады» — Карлаг, Озерлаг, Речлаг и много более мелких «отделений».

В советской системе всегда вверх поднимались лишь те, кто не только «одобрял и под-

П. М. Машеров среди народа

держивал», — не одобряющих и не поддерживающих быть не могло, — а кто, одобряя, проявлял инициативу и бдительность.

Поэтому изображать Машерова «кремлевским диссидентом», пусть «деликатнейшим» — значит оскорблять истинных диссидентов, которых калечили в «психушках» и следственных изоляторах, уничтожали в лагерях. Да и тех, кто «за недостаточностью улик» оставался на воле, били по поводу и без.

Это и есть «Система Машерова».

Примитивная зависть в Кремле и фантазия дельцов в Минске — сёстры

Понятно, что одна «Золотая Звезда» П.М. Машерова «весила» — по существу и в глазах «простого народа» — больше, чем вся коллекция «бліщчастых цацак» — 115 (!?) — Л.И. Брежнева, а потому создавала дискомфорт в доме на Старой площади, хотя у каждого тамошнего обитателя тоже были «Золотые Звезды» и масса орденов. Но!.. У них — иной «пробы»...

Пожалуй, дискомфорт от машеровской настоящей Звезды в сочетании с его относительной молодостью и человеческим обаянием создавали атмосферу примитивной зависти, а она побуждала желание «поставить на место» возмутителя равновесия.

Но не только этим выделялся Машеров на Старой площади как возмутитель равновесия: он не пил! А товарищ Брежнев не просто «любил выпить» — любил пьянки. И любовь эта у него была давнишняя, с фронта.

Всякие «руководящие» пьянки — признак невежества и примитивизма организаторов их. Общеизвестно, что в «пьяных» коллективах даже самый умный и образованный человек получает презрительные прозвища, если «с нами не пьет». Таких не уважали! Но Машеров не пил лишь потому, что болезнь не позволяла. И «наверху» знали об этом. Но народ не знал! И оценивал со своей колокольни: не пьёт! И уже за это уважал. И еще за то, о чем сам он никогда не помышлял — за борьбу с пьянством.

Во всех партийных и государственных структурах пьянки были штатным финалом любого «мероприятия». К его визитам в колхозы-совхозы и на предприятия «накрывали столы». Но он не пил! Это все видели. Пили сопровождавшие, потом допивали те, кто «накрывал столы»... Так создавалась популярность среди «простого народа».

К.Т. Мазуров отстаивал интересы Беларуси и защищался от нападок Кремля кабинетным методом — молчаливым сопротивлением. Он не стремился к личной популярности среди «простого народа». Отдача его политики была заметна, она ценилась высоко даже на уровне председателей колхозов и сельских мужиков. Видел и слышал. Мне это было особенно хорошо заметно, поскольку я вернулся из России, где жил много лет.

Машеров пришел на готовое, но ничего своего оригинального предложить не мог. Поэтому, чтобы выделиться, он использовал метод Хрущева — пошел к народу. И самым надежным путем — прямо в толпу: на улице, в цехе, в лаборатории, на колхозном поле. Его чисто человеческое обаяние, «интеллигентная внешность» и «Золотая Звезда» Героя войны не только скрывали его пустоту и

амбициозность, но и создавали новый образ вождя. А этот образ вызывал еще большее уважение «простого народа», ибо советские люди и так всегда уважали и любили всех своих вождей.

Это, еще большее уважение было для Машерова надежной «кольчугой», в Кремле с пониманием к нему относились – вынуждены были учитывать. Возможно, обязанность учитывать раздражала. И вызывала дополнительное желание хоть как-то уравновесить. Всё – на примитивном уровне. И оно, желание уравновесить, цинично «вылезло» в неприличную демонстрацию – задержку вручения «Золотой Звезды» не только лично Машерову, но и Минску. И сразу же становятся понятными все «реплики» в адрес Машерова как самого генсека, так и его окружения. Убогие люди.

Но чтобы устранить физически... Коммерческая фантазия!

Однако всё это – то, что на поверхности: легенда. А что и как было по сути?

У всех национальных вождей было важное преимущество перед российскими – их национальность. И если избранный Кремлем вождь потом чем-то разочаровывал, – немыслимое исключение – то все равно с ним считались. А у Машерова это преимущество усиливалось партизанской «Золотой Звездой». И не только ею: в Кремле знали всё... Так что, знайте меру, господа фантазеры-от-коммерции.

Сайт «Белорусский партизан» от 15 июля 2013 г.

В этом году Петру Машерову – одному из самых известных первых секретарей ЦК КПБ – исполнилось бы 95 лет. Несмотря на то, что со времени его гибели прошло более трех десятилетий, его личность по-прежнему находится в центре внимания общественности. Причем оценки чаще всего полярные.

От образа интеллигента во власти, который заботился о национальной культуре – к образу советского чиновника, при котором эту культуру целенаправленно переделывали на советский манер.

Как и вокруг каждой исторической личности, вокруг Машерова существует много мифов. Попробуем развеять пять из них.

Миф № 1. Машеров так долго находился у власти благодаря своей популярности.

Популярность Петра Машерова среди простых белорусов – явление бесспорное. Машеров был, пожалуй, единственным правителем Беларуси советского периода, который смог превратиться из чиновника в полноценного публичного политика. Герой Советского Союза (причем звезда полученная за участие в борьбе с врагом, а не к юбилею). Обаятельный, харизматичный, достаточно публичный (разумеется, в меру дозволенного), он во многом казался полной противоположностью своим коллегам. Достаточно посмотреть на официальные фотографии К. Мазурова, А. Громыко, М. Слюнькова.

Но стоит ли связывать отличительные качества Машерова с чрезвычайно длительным (более 15 лет) периодом его правления? Для брежневских времен была характерна кадровая стабильность. Если чиновник не являлся противником Леонида Ильича и признавал его первенство, то мог оставаться на собст-

венной должности десятилетиями (даже после смерти вождя). Например, в одно и то же с Машеровым время советские республики возглавляли Д. Кунаев (1964–1986, Казахстан), Г. Алиев (1969–1982, Азербайджан), В. Щербицкий (1972–1989, Украина), П. Гришкявичус (1974–1987, Летува) и другие. Поэтому в значительной степени Машерову повезло. Если бы он стал лидером в другое, не такое благоприятное время, то вряд ли надолго задержался на своем посту. И никакая популярность ему бы не помогла.

Миф № 2. Машерову завидовали московские чиновники, поэтому его не пускали в Политбюро.

Официально в СССР вся власть принадлежала народу, который избирал Верховный Совет. Соответственно, официальным главой государства должен был считаться Председатель Президиума этого органа власти. Но в реальности последний не играл никакой роли (вспомним «всесоюзного старосту» Михаила Калинина, который не смог защитить от сталинских репрессий даже собственную жену). Вся власть концентрировалась в Политбюро – главном партийном органе, который возглавлял генеральный секретарь.

Но вот несправедливость: в 1966-м, вскоре после своего назначения главой Беларуси, Машеров стал кандидатом в члены Политбюро... и оставался в этом статусе до самой смерти. За это время в Политбюро были выбраны 12 человек, часть из которых сейчас знают только историки и политологи. Чем же объясняется такое игнорирование личности Петра Мироновича? Неужели «кремлевским заговором»?

В реальности всё куда проще. С середины 1950-х годов среди кандидатов в члены Политбюро фактически было зарезервировано место для первых секретарей Коммунистической партии Беларуси. Эту должность занимали все лидеры БССР, начиная с Мазурова. И Машеров не был исключением. Если говорить цинично, кандидатом в члены Политбюро считался не человек, а его должность. То есть не Петр Машеров, а первый секретарь ЦК КПБ.

Миф № 3. При Машерове Беларусь жила хорошо и богато, «застоя» у нас не было.

В памяти большинства советских людей время Машерова осталось «золотым веком», когда жизнь была стабильной и состоятельной. Соответствует ли это действительности? По моему мнению, в общественном сознании соединились разные представления о прошлом. Во время экономического кризиса начала 1990-х жизнь в СССР вспоминалось как эпоха прочности и благополучия. А если уж образ Машерова закрепился в общественном сознании (его наследники не задерживались на своих должностях), достигнутые экономические и культурные успехи начали связываться именно с ним.

Но при ближайшем рассмотрении ситуация выглядит не такой однозначной. Успехи БССР были не в последнюю очередь связаны с общесоветской косыгинской реформой, которая, в частности, предусматривала расширение экономических методов управления вместо плановых. Приход Машерова в 1965-м совпал с ее началом. Преобразования были быстро свернуты, но дали импульс, на котором экономика продержалась аж десятилетие. Потом постепенно наступили кризис и эпоха «застоя».

Интересные сведения встречаются в воспоминаниях Николая Дементея (предшественник С. Шушкевича на посту спикера Верховного Совета: за год до смерти Машерова он стал секретарем ЦК КПБ по сельскому хозяйству). По его данным, в 1980 году из 2698 хозяйств республики закончили год с прибылью 1225, а с убытками — 1473 (более половины)! Причем надо учитывать, что мы имеем дело с официальной советской статистикой. То есть реальность, вне всяких сомнений, выглядела еще хуже. Между тем после окончания войны прошло три с половиной десятилетия...

Миф № 4. Машеров мог войти в руководство СССР, а в перспективе и возглавить страну.

В одном из интервью Наталья Машерова заявила, что ее отец вскоре должен был возглавить Совет Министров СССР: «Отец не дожил до Пленума ЦК КПСС меньше чем две недели. Все было решено. Он шел на место Косыгина». Соответствует ли это истине? Прежде всего, место премьера фактически уже было занято. После болезни А. Косыгина эти функции исполнял его первый заместитель М. Тихонов (представитель днепропетровского клана Л. Брежнева), который впоследствии и возглавил Совмин.

Кроме того, белорус по национальности не имел особых шансов на такой карьерный рост. Несмотря на то, что СССР был многонациональной страной, бал в центральном руководстве правили русские и украинцы. Представители других национальностей были одиночками, которые пробились «вверх» благодаря собственным заслугам. Из белорусов это члены Политбюро Кирилл Мазуров и Андрей Громыко, главный редактор газеты «Правда» Михаил Зимянин, заведующий отделом культуры ЦК Василий Шауро и некоторые другие. В Москве не существовало, скажем так, белорусского национального клана. Поэтому вы-

П. М. Машеров с «верхушкой» БССР. Какое подобострастие!

движенцы из нашей республики могли рассчитывать только на свою работоспособность и поддержку Генерального секретаря. Как только они теряли ее, то отправлялись на пенсию. Учитывая, что в последние годы жизни у Машерова были натянутые отношения с Брежневым, версия Натальи Петровны выглядит всего лишь версией.

Миф № 5. Машерова убили.

После автомобильной катастрофы, произошедшей на трассе Брест – Москва (в машеровскую «чайку» врезался грузовик), по стране поползли слухи, что это был не несчастный случай, а убийство. Дополнительным аргументом стала позиция союзного руководства. Политбюро в полном составе проигнорировало похороны. Вместо них в Минск приехало несколько политических фигур второго плана.

Разговоры и слухи об умышленном убийстве базируются на двух моментах. Во-первых, политические игры, предшествовавшие автокатастрофе. Во-вторых, ее непосредственные обстоятельства.

Убедиться в искусственности первых достаточно просто. Если Машеров не имел особых шансов на переезд в Москву и не мог составить конкуренцию советским лидерам, то какие мотивы были для убийства? Если бы его деятельность перестала удовлетворять верховное руководство страны, белорусского секретаря можно было или перевести на представительную, но малозначимую должность (например, в Верховный Совет), или просто отправить на пенсию. Тем более, что Машерову уже исполнилось 60 лет.

Разобраться в обстоятельствах аварии нам помогут воспоминания белоруса Эдуарда Нордмана, генерала КГБ. Партизанский командир времен Второй мировой, он возглавлял Ставропольское управление КГБ (когда главой края был молодой М. Горбачев), позже – КГБ Узбекистана. Так вот, этот опытный человек вспоминал свой разговор с Машеровым, который состоялся за год до смерти Петра Мироновича. Нордман заметил, что машина сопровождения, которая в случае необходимости должна принимать удар другого транспортного средства, идет на 500–600 метров впереди, а не прикрывает машину Машерова. На что тот ответил, что не любит длинных кортежей. Если бы в 1980-м машина сопровождения шла перед «чайкой» Машерова, она бы приняла на себя удар грузовика. Поэтому скорее всего Петр Миронович стал жертвой стечения обстоятельств.

Когда анализируешь мифы, складывается впечатление, что в них проявляются определенных психологические комплексы нации, находившейся в СССР на вторых ролях. Теперь она стремится доказать свою значимость через образ Машерова. Мол, мы были лучшими, но нам мешали обстоятельства.

Мое собственное отношение к личности Машерова лучше всего характеризует выражение «социализм с человеческим лицом», который произнес 46 лет назад Александр Дубчек, лидер Пражской весны. Машеров был классическим советским деятелем. Оба понятия в нем неразрывны. Поэтому каждый должен решить: принимать их вместе или выбрать что-то приоритетное: одни – «человеческое лицо», другие – социализм.

ЧЕЛОВЕК ПРЕКРАСНЫЙ
Памяти Николая Крюковского (1923–2013)

Василь Яковенко

Каждый человек способен так или иначе анализировать внешний мир, более того, способен философствовать. Однако не все люди – философы. Николай Крюковский, будучи смышленным деревенским юношей с прищеповского хутора, что возле деревни Машково, не страдал отсутствием интересов. Он отменно играл на мандолине, пел, участвовал в смотрах художественной самодеятельности; вместе с отцом подумывал о приобретении скрипки. Закончив десятилетку в Орше, Микола попытался поступить в Московский авиационный инженерный институт. Однако не удалось показать хорошие знания в математике. Вернулся в Оршу, куда еще раньше переехали на постоянное жительство его родители. Вскоре, однако, его без экзаменов приняли в Витебский ветеринарный институт.

Год проучился, как началась война. Пошел добровольцем на фронт. В стрелковом полку под Смоленском был назначен командиром отделения. Полк наспех проходил формирование, бойцы – армейскую подготовку, больше всего преодолевали расстояния шагом и пробежками. На привалах, когда таковые случались, наш музыкант неутомимо играл на прихваченной им из дому мандолине, разгоняя грусть бойцов.

Прополз по окутанным туманом рощам и взгоркам октябрь. Молодые бойцы, которых было большинство, еще не вошли во вкус битв с врагом, как их полки и дивизии попали в окружение в так называемом Вяземском котле.

Трижды Николай Крюковский со своими бойцами пытался вырваться из замкнутой громадной ловушки – безуспешно... Захватчики отобрали молодых военнопленных, вместе с которыми был и он, погрузили в товарные вагоны и под охраной повезли на запад, в Германию. Только проворному сметливому вояке Миколе темной ночью удалось спрыгнуть на ходу поезда. Было это где-то уже за Смолевичами... Ударился о слежавшийся грунт, но остался в своем теле. И, бродя по тихим деревенским углам, воротился в Оршу, в отчий дом, где остались только дедушка с бабушкой. Отец Игнатий Крюковский – знамо дело, на фронте, мать-учительница Мария Николаевна вместе со школой подалась в эвакуацию, на восток.

Парень прятался от немцев, но недолго. Позвали его партизаны. И на этот раз, оставляя дом, он прихватил с собой в рюкзак вместе с другими необходимыми вещами томик Гегеля, достаточно известного в мире мыслителя – к слову, в 30-е годы XX века в СССР были изданы 15 томов его сочинений. И читал-вчитывался, коль скоро подворачивалась свободная минута, пытался дойти до смысла смыслов самой жизни, культуры. Но, видит Бог, чисто мыслительный опыт давался нелегко. Были, правда, места в книге, изложенные как бы простым языком. Тогда что-то определенно откладывалось в памяти... Про войну так вообще удивительное:

«...высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей [...] сохраняется нравственное здоровье народов, их безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира. [...] В мирное время гражданская жизнь расширяется, все сферы располагаются на постоянное жительство, и в конце концов люди засасываются болотом, их частные особенности все более и более упрочиваются и закостеневают. Но здоровье предполагает единство тела, и, когда части затвердевают внутри себя, наступает смерть».

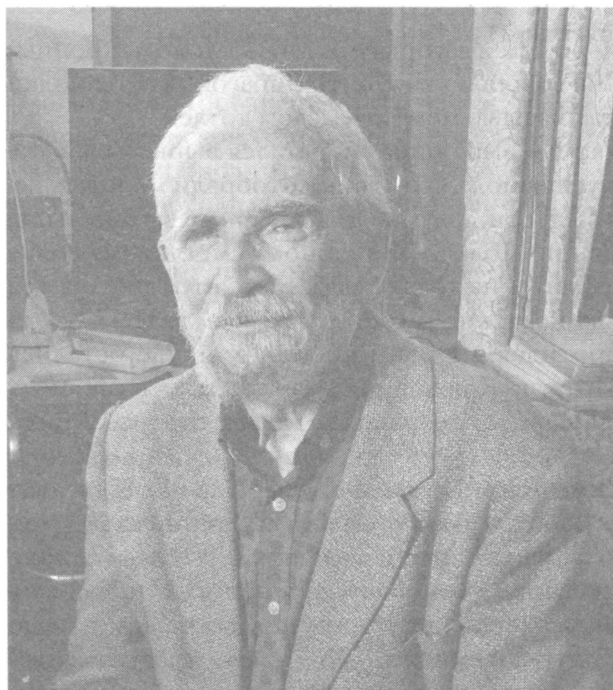
Любознательный юноша Крюковский не мог не остановить своего взора и на строчках, в которых определялось общество, **точнее — гражданское общество как промежуточное звено между семьей и государством**. В случае, когда гражданское общество складывается определенным образом, каждый чувствует себя личностью и...

«каждый для себя — цель, все другие суть для него ничто. Но без соотношения с другими он не может достигнуть объема своих целей; эти другие суть потому средства для целей особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими дает себе форму всеобщности и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем благо других».

Отсюда было недалеко и до мысли, что гражданское общество делает государство жизнедеятельным, духовно обеспеченным и сильным.

Книга Гегеля, ощутил тогда молодой человек, способствовала тому, чтобы углублять понимание самого предмета науки, расширять горизонты мышления... Однако в среде лесных воинов ему было не до книг, да и вместе с высоким, как это нередко бывает, граничило смешное. Потому-то, если Николай осваивал Гегеля с самого начала, то есть от титульного листа, то его сподвижники — с другой стороны — отрывали листы, прятали бумагу по карманам, потом заворачивали в нее махорку.

Мог ли тогда Н. Крюковский помыслить, что именно Гегель через какой-то десяток лет станет основой основ в его научных поисках, исследовательских работах, удачах и достижениях?

Профессор Н. И. Крюковский в свои 89 лет (октябрь 2012 г.)

В партизанах во время одной из вражеских блокад и стычек с врагом, а он тогда уже был начальникам штаба отряда «Молодой большевик», пуля прошила ему кисть левой руки, повредив сухожилие; рана зажила, однако в дальнейших своих расчетах на мирный образ жизни надо было забыть музыке... И трудно было распрощаться прощаться с мечтою о приобретении скрипки, вообще о занятии музыкой... Эту познанную в юном возрасте стихию звуков, исторгаемых руками, подвластных его воле, сплетающихся в мелодию, гармонию, дальнейшее покорение подобной стихии он оставит уже своим детям.

Фронт между тем катился кровавым валом на запад. В 1945 году, уже после Победы, Н. Крюковский поступил учиться в Белгосуниверситет, на филфак; получал там купаловскую стипендию. Университет закончил с красным дипломом. И опять же отличительный акцент: будучи филологом, тему для дипломной работы выбрал пограничную: «Ленинская теория отражения как философская основа эстетики социалистического реализма». Защитил дипломную и на душевном подъеме послал текст своего сочинения, богатого новациями, в московский журнал «Вопросы философии», а также популярному тогда писателю А. Фадееву, председателю Союза писателей СССР, который в публичной дискуссии того времени рассматривал соцреализм как сочетание обычного реализма и романтизма. В своей работе Н. Крюковский был близок к этим рассуждениям.

Только вот философский журнал, отвечая автору, разнес в пух и прах его университетский опус, а со стороны Фадеева ответил автору литконсультант союза писателей И. Лежнев. Его письмо, правда, было более мягким; тем не менее в письме содержалось грозное по тем временам предупреждение о некоем неизвестном автору прегрешении:

> «Чем скорее тов. Крюковский освободится от влияния “рапповских” просветителей, тем для него будет здоровее».

Солидную работу для новенького выпускника БГУ «подобрал» известный белоруский писатель Кондрат Крапива. Оценив подготовку и способности к науке этого обстрелянного войной парня, он помог ему устроиться в Институт языковедения АН БССР; потому-то и кандидатскую диссертацию молодой человек писал по языку: «Русское лексическое влияние на современный белорусский литературный язык» (1956 г.). Однако по истечении нескольких лет Николай Игнатьевич решительно откажется от предложения своего института развивать эту тему – писать докторскую о взаимодействии близкородственных языков во времена развитого социализма. Чрезмерно политизированной показалась ему тема для серьезного исследования. Вообще-то ему казалось уже, что он посеял рассаду не в своем огороде.

Поэтому, чтобы скорректировать направление своих научных помыслов, начал систематически заниматься эстетикой и философией а в 1963 году вообще перешел на работу в БГУ, на кафедру истории философии, логики и эстетики, которой тогда заведовал профессор Иван Михайлович Лущицкий, авторитет в этом деле. Николай Игнатьевич читал студентам отдельные курсы по эстетике, социологии искусства и теории художественной культуры.

Работа для него была живой и плодотворной как никогда, чему, безусловно, способствовала и жена Миколы – Евгения Петровна, в девичестве Сапинская,

гомельчанка, – поженились, будучи еще студентами, в 1946 году. Любовь и взаимопонимание способствовали молодым в жизни. Вместе ходили в кино и театр, навещали театральную студию в университете, вместе выходили на сцену оперного театра – пели в хоре и прочих массовых сценах. У Миколы отменный баритон, у Жени – меццо-сопрано.

Сапинская в семейной жизни, как и положено женщине, оказалась более смышленной и ловкой чем он... Получив диплом журналистки, она стала работать в газете «Автозаводец» и там же добилась выделения их семье однокомнатной квартиры. Потом, правда, пошли дети, и в той квартирке сделалось тесно; а ее муж Николай Игнатьевич в это время успешно читал лекции студентам... Уговаривала его написать письмо Первому секретарю ЦК КПБ П.М. Машерову с просьбой внимательно отнестись к их насущной заботе да выделить из жилищных ресурсов города партизанской, считайте, семье Крюковских квартиру просторнее.

В то время, заметим для лада и настроя, дочь Петра Мироновича, тоже Женя (как и Сапинская), симпатичная веселая девушка, была студенткой у Никалая Игнатьевича, и любопытный ко всему Машеров через нее, поди, мог быть наслышан об успешном преподавателе эстетики университета Крюковском. Однако этот преподаватель Н.И. Крюковский всячески уклонялся от разумного предложения жены.Тогда она сама составила ходатайство и послала его в ЦК КПБ.

Узнал об их насущной заботе Машеров или нет, нам неизвестно, но только двухкомнатную квартиру семья Крюковских получила, и удовлетворенный, как и жена, «ответственный квартиросъемщик» Микола теперь украшал ее собственноручно нарисованными натюрмортами. Рисовал их можно сказать профессионально; рисовать любил еще с детства.

В 1965 году философ Николай Игнатьевич Крюковский напечатал монографию «Логика красоты», за которую, правда, вездесущая «Литературная газета», не долго думая, отвесила ему оплеуху: «С точки зрения лошади...» Таков был заголовок статьи... Это был гротеск на монографию Крюковского.

Оставаясь на почве гегелевской методологии и на фундаменте, заложенном своей же университетской дипломной работой, профессор Н. Крюковский предлагал новую по тому времени систему основных эстетических категорий, причем эстетику человека он впервые разрабатывал с выходом на его биологическую природу и, что еще любопытно, в диалектическом единстве духовной и физической красоты человека. (Философы того времени не придавали должного внимания физической красоте человека). Что правда, основывалась монография и на структурно-функциональном подходе общей теории систем. Совсем по-новому преподносилась в монографии также концепция развития искусств как истории художественных стилей. К слову, все честь по чести

выводилось из гегелевской диалектики и концепции цикличного развития культуры. А что касается приоритетов, то последняя – концепция цикличного развития – была предложена философом Крюковским независимо от О. Шпенглера, Д. Тойнби и П. Сорокина, тогда практически неизвестных в советской науке марксистского разлива.

В этой и других авторских работах Николай Игнатьевич, опередив даже С. Хантингтона, поставил чрезвычайно актуальную для философского осмысления проблему взаимодействия различных культур.

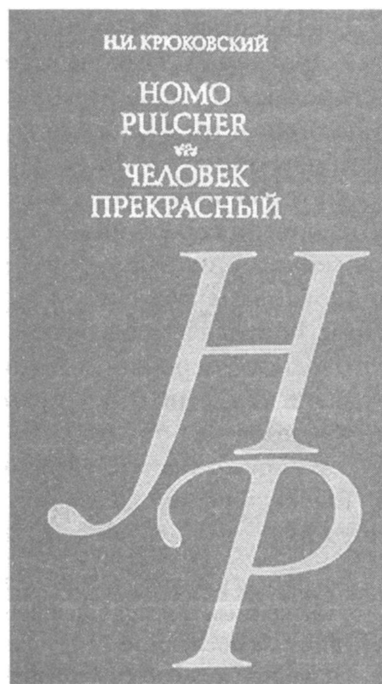
Все это, но более системно, рассмотрел он и в последней своей монографии «Блеск и трагедия идеала», изданной в 2004 году.

Рецензируя «Блеск и трагедию...» и увидев в этой монографии Крюковского явление для белорусской и европейской науки, профессор культурологии Алексей Рагуля писал:

> «Характер философского творчества Н. Крюковского можно определить поэтической формулой раннего А. Кулешова: "*под насмешки любителей легкой славы копаю русло собственной реки*"».

Но вернемся к первой монографии Н.Крюковского «Логика красоты». Она была успешно защищена в Минске на Ученом Совете университета как диссертация на степень доктора философских наук. Однако амбициозный ВАК (Всесоюзная аттестационная комиссия) в Москве пренебрежительно отверг решение профессуры Белгосуниверситета. Не воспринимались ВАКом ни новаторские положения, ни сама концепция красоты, изложенная белорусским ученым.

И все же Крюковский доказал свое. Защитился по той же монографии в Московском университете в 1982 году. На Ученый Совет были представлены три новые книги автора – все по эстетике, а среди них книга «Человек прекрасный», изданная в переводе на китайский язык. Доминировала в книге мысль о сложном мире чувств человека и их возможной гармонии:

> «Однако диалектическая противоположность биологического и социального, телесного и духовного в человеке, не случайно называется диалектической. Дело в том, что наряду с противоположностью она представляет собой в то же время и взаимно-неразрывное, целостное единство, стороны которого, несмотря на свою противоположность, не могут существовать самостоятельно, независимо одна от второй» (с. 29).

Теперь у нас это считается доказанным... Тем самым профессор Крюковский уже совершал выход на концепцию целостности, на концепцию холизма в философии.

Новые монографии ученого, дополнительно представленные в Москву, даже их количество, приятно поразили Ученый Совет Московского университета. К тому же, зная о московских заботах в защите вершин учености Николаем Крюковским туда, в МГУ, на высокое заседание пробился и его сподвижник по партизанскому отряду, уже давно ставший москвичом Григорий Николаенко, литейщик-экспериментатор, возмужавший, но по-прежнему заводной человек. Попросил слова...

– Вы кто? – спросили у него.

– Сталевар, – отвечает с достоинством.

– А о чем, на какую тему говорить желаете?

– О войне, на партизанскую тему... О том, что было под Витебском...

Притих заинтересованный зал.

> «Хочу сообщить высокому Ученому Совету, что я знаком с защитником диссертации "Логика красоты" с 1942 года, – начал редкий гость, столь неожиданный в профессорской среде. – Крюковский пришел в наш партизанский отряд "Молодой большевик" вместе с философом Гегелем. Он уже тогда в минуты затишья и спокойствия читал книгу этого великого немца, а мы, такие же, как и он, партизаны, стояли в очереди к нему, чтобы забрать очередную прочитанную им страницу, порвать на лоскутки... Да, так мы мстили гитлеровцам, которые пошли на нас войною. Правда, мстили не только так, но и иначе... А вот в Гегеля мы заворачивали махорку! (Веселый шум и смех воцарились в зале). На наше счастье, книга печаталась на газетной бумаге. Потому от нее вскоре и остался лишь переплет, такой твердый, черный, с красивыми золотыми буквами сверху. Он лежал уже как надгробие великому немцу».

Пассаж удался. Но и тут диалектика... Высокое и смешное рядом. Выступление сталевара Г. Николаенко перед учеными умиротворило душу профессора Крюковского, сильно взволнованного и потрясенного ходом защиты. Радовало его теперь и то, что на защиту приехала дочка Ольга, это ей он передал свою музыкальную мечту, – стала скрипачкой!

А вторая дочка, Наташа, опять же – музыкальный критик. Училась в Ленинградской консерватории. Способная. В своей дипломной работе при окончании консерватории открыла по-новому и дала новую жизнь творчеству Николая Дылецкого, замечательного музыкального деятеля Великого Княжества Литовского. Родился в Киеве, учился в Вильне, яркий след в теории, в мастерстве многоголосного церковного пения оставил в Москве. Пионерскую работу Наташи отметил академик В.В. Протопопов в своем исследовании по истории русского церковного песнопения.

...Во время выступления сталевара Ольга радостно и счастливо смеялась.

Выступил главный оппонент диссертации, строгий, ухоженный мужчина средних лет:

> «Я был и останусь оппонентом этой научной работы. Это мое... Однако я отношусь с уважением и к защищающему диссертацию профессору Крюковскому. Более того, скажу: за последние 30 лет в нашем университете это первая настоящая защита. Так...
> Она проходит с открытой критикой и блестящим парированием замечаний эрудитом

из Беларуси. А посмотрите вон в сторонке на его толстые книги. Это же не те брошюрки, написанные к очередному съезду КПСС, с которыми мы свыклись. Повторяю, эта настоящая за-щи-та!»

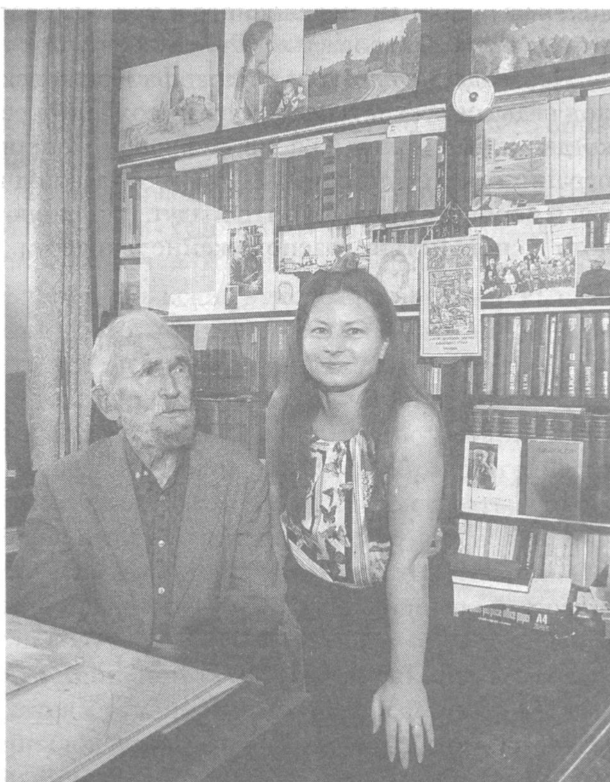
Конечно же, после таких аттестаций и выступлений защита увенчалась успехом. При голосовании автор диссертации Н. Крюковский не получил ни одного черного шара. А потом с легкой руки МГУ диссертация прошла и через ВАК.

Автору этого очерка повезло найти в Нижнем Новгороде ученика и последователя философской школы Крюковского — Николая Николаевича Александрова. Вот что он пишет:

> «Что касается Прекрасного — здесь для меня высшим авторитетом остается наш общий друг Николай Игнатьевич. Он показал, что прекрасное есть такая фаза цикла развития эстетического процесса, в которой наблюдается уравновешенность крайних сторон противоречия. Гомеостатика, сохраняющая в себе остроту крайних проявлений. Впрочем, про это и моя "Эстетика"».

В Беларуси при определенных благоприятных условиях могла бы сложиться своя оригинальная и живая философская школа, она же и складывалась... По мнению профессора А. Рагули, книга «Блеск и трагедия идеала» Н. Крюковского засвидетельствовала факт зрелости белорусской рефлексивной философии, ее способность развивать лучшие традиции мировой философской и эстетической мысли с опорой на национальный культурный опыт». В Минске, однако, школу профессора Н. Крюковского растоптали. В 1994 году Николая Игнатьевича вообще позорно уволили из университета и отправили на пенсию.

Это, конечно же, было признаком мракобесия — платой за нежелание подчиниться русификации суверенной страны Беларуси, а если конкретнее — за упрямое чтение лекций студентам на беларуском языке. Правда, позже ученому предложили должность профессора кафедры философии в Беларуском институте культуры и искусств, и уже, работая там, он напишет две новые монографии: «Философия культуры (введение в теоретическую культурологию)» и ту самую — «Блеск и трагедия идеала».

Ирина Шумская писала свою диссертацию по культурологии под руководством Н. И. Крюковского

Как-то по случаю высокого юбилея Н.И. Крюковского – впрочем, этот его юбилей исподволь и неотвратимо приближался, – к нему на квартиру пожаловал (с мольбертом в руках) художник Виктор Барабанцев. Посадив обросшего седой бородой хозяина на фоне стеллажей книг – как раз между письменным столом и семейным телескопом, довольно внушительным по своим размерам, – гость стал наносить карандашом первые черты портрета с натуры; одновременно он вел с этой натурой разговор. Художник высказал мнение, что философское долголетие профессора наверняка обусловлено генами, генной памятью рода...

«Не-ет! – сразу отбросил такое суждение Николай Игнатьевич. – Тут причина в ином. Много нагрузок давал телу, занимался спортом, охотой, рыбалкой. Летом свой отдых, как правило, проводил вместе с семьей в палатках, натянутых над озером или в лесу. Я первым в Минске приобрел ласты для подводного плавания и показывал с ними класс на Минском море и озере Нарочь. Ласты мне привез из Москвы Алесь Адамович. Позже я купил в Минске, в магазине "Динамо", парусник, и, знаете, по водам каких рек и озер проплыли! Освоили всю Беларусь с необычайной красотой ее природы».

И еще яркий пример физических тренировок Николая Игнатьевича, о которых в беседе с художником он не вспомнил. Когда дочки были малыми, их на лето отправляли в Оршу к родителям Николая. Но если приходилось самим Николаю с женой Женей ехать туда, он покупал для нее билет на автобус, а сам садился на спортивный велосипед и преодолевал расстояние в полторы сотни километров за 10 часов.

Невзгоды не сломали философа Крюковского. Взор Николая Игнатьевича под седыми кустистыми бровями сохранил свою остроту еще с того времени, когда он был молод, красив, исправен. Теперь этот взор, чуточку выцветший, ограничивается прищуром – так что глаз подчас не видать. Но именно из глаз, как и вообще с лица, струятся, идут, наполняют окружающее пространство теплота и спокойствие, расположение и красота.

(17 мая 2013 г.)

Часть IV. ЭТНОС

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ БЕЛАРУСОВ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Евгений Насытко

В дореволюционной исторической и этнографической литературе имеется ряд работ, где то или другое отражение нашел беларуский этнос. В начале XIX века под Беларусью понимались губернии Витебская, Минская, Могилёвская и Смоленская. Виленская, Ковенская и Гродненская губернии назывались Литвой. Но по мере изучения границ беларуского языка термин «Беларусь» стал распространяться на запад. Так, Михаил Коялович (1828–1891) писал:

> «Я понимаю под Беларусью значительно более того, что обычно называется этим именем, понимаю всю ту страну, где народ говорит по-белорусски, то есть часть Виленской и большую часть Гродненской губернии». («О расселении племен Западного края России», 1863 г.).

Такого же мнения придерживались и другие ученые, которые каким-то образом были знакомы с беларуской этнографией.

Первые небольшие этнографические зарисовки о беларусах появились в 1817 и 1819 гг. в журналах «Dziennik Wilenski» и «Tygodnik Wileilski». Принадлежат они перу польских исследователей и касаются отдельных местностей с их особыми обычаями, верованиями, песнями. Польский этнограф Александр Рыпинский (1811–1900) в своей фольклорно-этнографической книге «Беларусь» (Париж, 1840 г.) пытался очертить этническую границу беларусов. На юге он провел ее по Припяти, а на севере довел до Опочки и Великих Лук.

В 20-е годы XIX века свои научные интересы на территорию Беларуси распространила Российская Академия наук. Изучались главным образом границы проживания и язык, как главный этнический показатель. Надо сказать, что вообще язык любого народа Российской империи в течение всего дореволюционного времени являлся главным определителем его этнической территории. Основательные сведения о расселении беларусов в Минской, Виленской, Ковенской и Курляндской губерниях были получены в 1827 г. выдающимся российским этнографом и статистиком Петром Кеппеном (1793–1864). Но они, к сожалению, не были напечатаны и находятся в рукописи в архиве Российской АН.

Значительную часть этих материалов использовал в своей работе «Slowanski Narodopis» (Прага, 1842) известный чешский славист Павел Шафарик (1795–1861). Это был первый опыт показа славянских территорий и описания особен-

---

Из журнала «Беларуская мінуўшчына», 1994, № 4, с. 11–15. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

ностей языка каждого славянского народа. В приложенной к работе этнографической карте, по мнению тогдашних ученых, довольно точно были определены границы проживания народов.

Первое, что бросается в глаза, – это то, что показанные границы беларусов значительно шире современных государственных. Особенно большой «выступ» наблюдаем на севере и западе. На севере граница беларусов доходит почти до Люцина и включает Невель, Себеж, Велиж и их уезды. Западные границы проживания беларусов простираются за города Гродненской губернии Бельск, Брянск и Белосток. К сожалению, недостаток материала, связанный с тем, что этнографические исследования в России только начались, не позволил П. Шафарику точно провести беларускую границу по всем направлениям. Потому на востоке она фактически была проведена по старой границе Великого княжества Литовского и Московии. Вне беларуских границ оказалась и часть Виленщины с городом Вильней.

По П. Шафарику, общее количество беларусов, которые жили на очерченной им территории по состоянию на 1840 г., составляло около 2.726.000 человек, из них 2.376.000 (87,2 %) – православные и 350.000 (12,8 %) католики.

Первую этнографическую карту в России составил в 1851 г. П. Кеппен. Целью ее было показать расселение всех неславянских народов Европейской России. Потому определить по ней границы беларусов невозможно.

Мысль собрать точные сведения об этническом составе населения всей империи и по ним составить карту не оставляла неутомимого П. Кеппена. Потому он обратился с предложением к министру внутренних дел Д. Блудову и в Синод, чтобы к этому большому делу подключить приходских священников. Инициатива была поддержана на самом высоком уровне и, в конце концов, в 1857 г. во все церковные приходы империи были разосланы специальные бланки, куда священник должен был занести данные о географическом положении и названии населенных пунктов, которые принадлежат приходу, количестве прихожан, их этнической принадлежности. Эти источники названы приходскими списками.

В этом деле П. Кеппена очень интересовали беларусы, потому что еще в 20-е годы XIX века он имел намерение определить расселение их в Черниговской губернии, но из-за недостатка творческих научных сил встретил определенные трудности. Полученными приходскими списками П. Кеппен тоже был не вполне доволен. Позже он писал:

> «Некоторые составители списков не обратили внимания на заголовок графы, которая назначалась для этнографических показаний, в которой, между прочим, требовались сведения именно о белорусах, а некоторые составители списков вносили показания вроде следующих: «славянского племени», «древнего славянского племени», «сибирские белорусы»...

Составить на основе полученных источников этнографическую карту П. Кеппену по неизвестным причинам не удалось. Изначальные рукописи списков каждого церковного прихода сохранились и находятся в архиве РАН. На их основе в 60-е годы XIX века были изданы списки населенных пунктов большинства губерний Российской империи. По западным губерниям таких списков нет.

Зато имеется исследование М.О. Лебёдкина, который обработал приходские списки девяти губерний (Виленская, Витебская, Гродненская, Минская, Могилёвская, Ковенская, Киевская, Волынская, Подольская) и представил материал в виде статистических таблиц со сведениями об этническом составе населения каждого уезда*. Научная критика обработанного материала у автора отсутствует.

По М. Лебёдкину, удельный вес беларусов в Виленской губернии составлял 17,4 %, Витебской – 62,4 %, Гродненской – 3,3 %, Минской – 65,1 %, Могилёвской – 84,2 %, а общая их численность в эти пяти губерниях – 1.973.873 человека. Если к этой цифре добавить еще 53.020 беларусов в Киевской, Волынской и Подольской губерниях, то получим количество зафиксированного беларуского населения девяти названных губерний – 2.026.893 человека. Как видим, это даже меньше, чем на 1842 год по П. Шафарику. Очевидно, что данные приходских списков требуют значительной корректировки.

Карта А. Ф. Риттиха (1875 г.)

* Лебедкин М.О. О племенном составе народонаселения Западного края. 1861 г. – *Ред.*

Цифра в 3,3 % беларусов для Гродненской губернии никак не соответствует реальности, в то время как русских здесь показано свыше 132 тысяч, литовцев – 25,6 %, поляков – 24,5 %. По мнению тогдашнего знатока Гродненщины П. Бобровского, священники многих приходов православных беларусов относили к русским, а беларусов-католиков ксендзы записывали литовцами или поляками. Поэтому, без особого риска ошибиться, 75 % русских, литовцев и поляков губернии можно отнести к беларусам. Те же расчеты надо сделать и в отношении к Виленской губернии. С учетом этих поправок, количество беларусов в пяти западных губерниях на 1857 г. приблизительно составляло свыше 2,7 млн. человек.

В конце 50-х годов XIX века царское правительство вело кампанию по строительству православных церквей на Беларуси. Ответственным за это дело был назначен вице-директор департамента духовных дел иноземных вероисповеданий (позже – попечитель Виленского учебного округа) Помпей Батюшков. В помещичьи имения были направлены специальные чиновники для сбора сведений о вероисповедании прихожан. После окончания их работы подполковнику Генерального штаба Александру Риттиху было поручено составить атлас населения западных губерний по вероисповеданиям, который и был издан в 1863 году*.

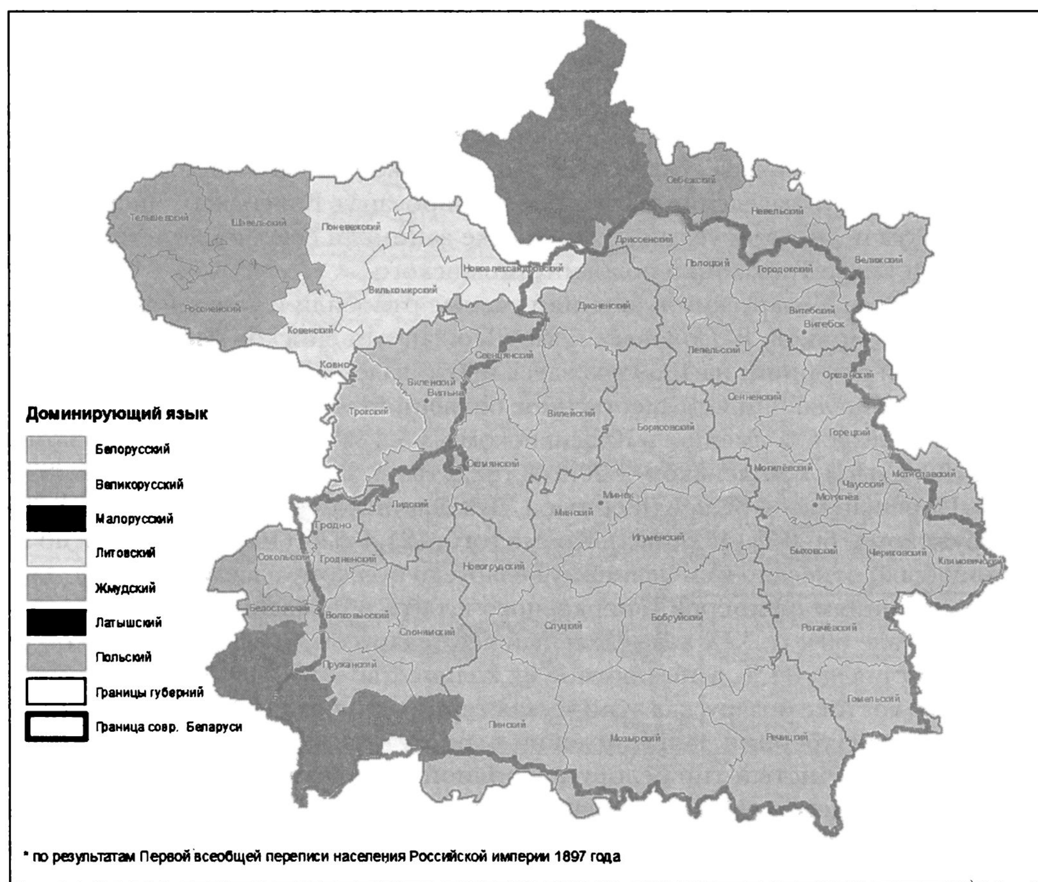
Главной целью атласа было заверить российскую общественность, что земли, присоединенные к империи после разделов Речи Посполитой, населены в основном православными и поэтому по праву должны принадлежать России. Основным источником этнической статистики для атласа послужили те же приходские списки, но уже значительно исправленные и дополненные материалами местных статистических комитетов и данными офицеров Генерального штаба, которые работали в это время в западных губерниях по составлению военно-топографических карт региона.

Сведения атласа, по сравнению с приходскими списками, дают несколько иную этническую структуру населения пяти западных губерний. В Витебской и Могилевской возросла доля русских, а в Гродненской наоборот – они совсем исчезли. Наполовину сократилось количество литовцев на Виленщине и поляков на Гродненщине. Все это изменило удельный вес беларусов, которых оказалось в Виленской губернии – 46,9 %, Гродненской – 57,9 %, Витебской – 59,8 %, Минской – 64,6 %, Могилёвской – 81,7 %. Всего же в этих губерниях беларусов проживало около 2,8 млн. человек, из них 2,3 млн (84,1 %) – православные и около 500 тыс. – католики. Последние составляли 64,7 % беларуского населения Виленской губернии, 23,6 % – Гродненской, 6,4 % – Витебской. В Минской и Могилевской беларусов-католиков было немного. Беларуское население зафиксировано также в Волынской (28,5 тыс.), Подольской (11,2 тыс.), Киевской (49,7 тыс.), Ковенской (0,77 тыс.) губерниях.

Все же надо заметить, что общее количество беларусов фактически было больше, на что сразу после выхода в свет атласа обратили внимание его рецензенты. Так, М. Коялович считал, что среди сплошной массы католиков на юго-

---

* Риттих Александр Федорович (1831–1915), картограф и писатель, окончил Николаевскую военную академию и Академию Генерального штаба. В 1894 г. вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта. – *Ред.*

Распределение населения Беларуси и Летувы по доминирующему языку
(на основе данных Всероссийской переписи 1897 г.)

запад от Гродно есть ряд православных приходов с беларуским населением, и самое главное, что количество литовцев, латышей и поляков увеличено за счет беларусов по всем границам их соседства.

Исследования А. Риттиха в Царстве Польском выявили, что беларусы составляли преимущественное большинство населения Августовского уезда Сувалковской губернии. По самым минимальным подсчетам, на начало 1860-х годов зафиксировано их 23,7 тысячи человек. Автор свидетельствовал:

> «...белорусы сохранили до настоящего времени не только свой язык, но даже и греко-униатскую религию и занимают пространство от Немана со стороны Гродно... от Сопоцкина и Липска... по системе Августовского канала и далее клином до Августова и озер Сайно и Бяле».

Даже мазуры, которые жили между Августовом и Сувалками, — считал А. Риттих, — это те же беларусы, несколько ополяченные, которые поселились здесь во время войн ВКЛ с крестоносцами, в то время как мазуры не доходили и до Сувалок. С А.Ф. Риттихом соглашался и М.О. Коялович. Он утверждал, что августовские беларусы —

— «те же белорусы, что и в соседних губерниях Западной России. У тех и других одна и та же жизнь, тот же язык, здесь живет тот же народ и раздается тот же язык, что и в западной части Смоленской губернии и в южной Псковской».

В середине XIX века границы проживания беларусов в Виленской губернии пытался определить известный этнограф А. Юркор. По его мнению, основная масса беларуского населения была сконцентрирована в Вилейском, Дисненском, Ошмянском и Лидском уездах, литовцы же занимали северную часть двух последних, а также Трокский и половину Виленского.

В XIX веке к беларуским губерниям ученые относили и Смоленскую (П. Семёнов, М. Цебриков, Я. Соловьёв и др.). По данным списков населенных мест Смоленской губернии, на 1859 год здесь проживало 537,1 тыс.(46,7 %) беларусов. Они составляли преимущественное большинство населения в семи из двенадцати ее уездов, а именно: в Красненском — 95,4 % (72,9 тыс.), Рославском — 94,7 (108,2 тыс.), Смоленском — 90,5 % (82,6 тыс.), Ельнинском — 84,7 % (89,3 тыс.), Пореченском — 82,9 % (69,0 тыс.), Духовщинском — 78,7 % (67,1 тыс.), Дорогобужском — 66,0 % (47,8 тыс.). Кроме того, 121,4 тыс. (10,5 %) человек по губернии было отнесено к смешанному беларуско-русскому населению.

По сведениям офицеров Генерального штаба, обработанным М. Цебриковым, в начале 60-х гг. XIX века удельный вес беларусов по всей Смоленской губернии составлял 54 %, а абсолютное их количество — 600,8 тыс. человек.

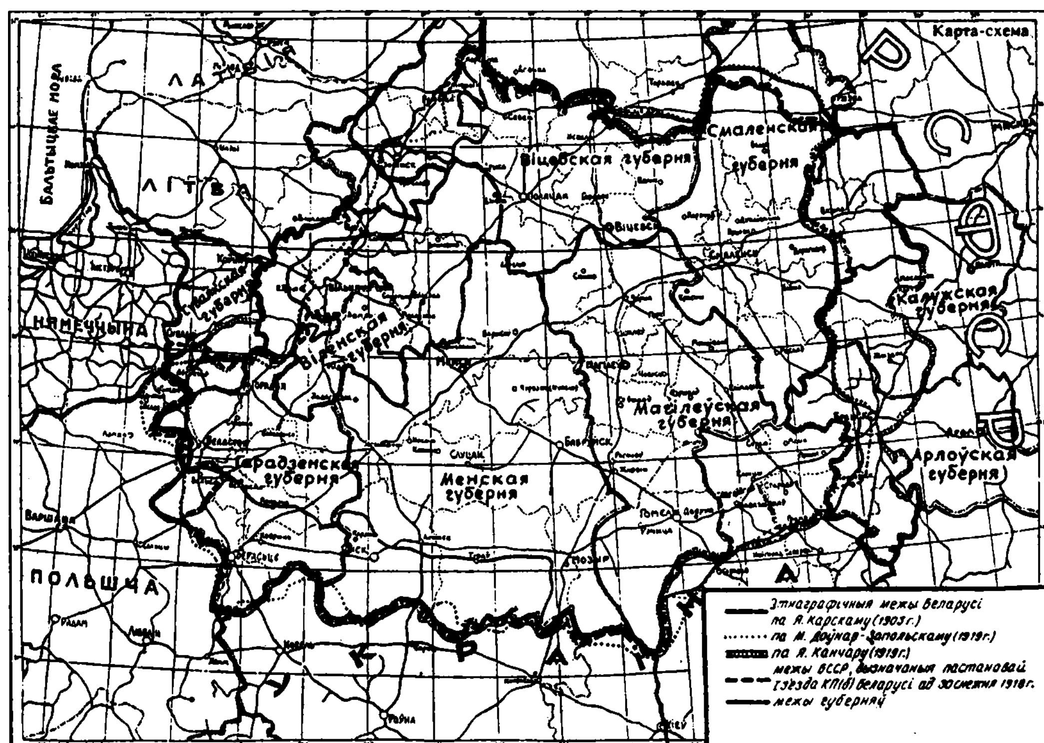
На юго-востоке беларуская этническая территория охватывала четыре уезда Черниговской губернии. В предисловии к списку населенных мест губернии отмечалось, что «чистый тип белоруса в полной силе возникает в уездах Суражском, Городнянском, Новозыбковском, Мглинском и Черниговском. В этих уездах в 1859 г. беларусы зафиксированы в 116 населенных пунктах, где их насчитывалось 54 тыс. человек. Основная их масса была сконцентрирована в Суражском уезде — 44 тыс. (81,5 % жителей уезда).

В этнографических исследованиях 60-х годов XIX века некоторые авторы главным показателям этнической принадлежности считали не язык, а вероисповедание. К ним относится прежде всего Р.Ф. Эркерт (1830–1900). В 1863 г. им был издан на французском языке «Этнографический атлас областей, населенных целиком или частично поляками», а через год вышла монография «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России» с атласом. Атлас на французском языке предназначался западноевропейскому читателю и был своеобразным социальным заказом, посредством которого царское правительство во время восстания 1863–1864 гг. хотело обосновать свои права на беларуские земли с точки зрения вероисповедания. Р. Эркерт категорически утверждал:

«ничто в западных губерниях России не определяет черты, которые отделяют русскую народность от польской так выразительно и правильно, как разность вероисповеданий, за сравнительно немногим исключением, все славянские жители православного вероисповедания должны считаться русскими, а все те, которые исповедуют католическую религию, — поляками».

Правда, он делает оговорку, что такое правило для беларуских губерний не совсем подходит, но в целом оно правильное. Термин «русские» в данном случае

имеет широкий смысл, под которым понимались восточнославянские народы — великорусы, малорусы и беларусы.

Среди беларусов Р. Эркерт выделил «настоящих», которые проживали в Могилёвской, Витебской и восточной части Минской губернии, а также чернорусов, место жительства которых он распространил на Виленскую, Гродненскую и западную часть Минской. Третьей частью беларусов он считал подляшан — обитателей Сокольского уезда Гродненской и значительной части Августовского уезда Сувалковской губернии. Чернорусы и особенно полешане, по мнению Р. Эркерта, были весьма ополячены.

В целом атлас Р. Эркерта завысил за счет беларусов количество поляков и литовцев на Виленщине, а также русских на Смоленщине, что сузило беларуские этнические границы на этих направлениях.

Надо отметить, что принятие Р. Эркертом вероисповедания в качестве главного критерия этнического разграничения населения было критически встречено рядом тогдашних ученых, особенно Павлом Бобровским (1832–1905). Прежде всего он не мог согласиться с выводом Р. Эркерта о том, что одежда, обычаи, весь уклад жизни делают беларусов-католиков устойчивыми поляками, потому что впечатление о Беларуси автор атласа вынес из «дворцов и костелов, что лежали на его пути».

П. Бобровский отмечал, что единственной отметкой для раздела населения Беларуси на беларусов и поляков может служить только язык. И здесь следует привести высказывание рецензента на этот счет целиком, так как оно очень емкое:

«Ничего не значит, что белорусы, по словам Эркерта, не называют себя этим своим именем. Белорусы, не зная, что они белорусы, сохранили и в повседневной речи, и в песнях, и в наречиях свои обозначенные национальные, логичные формы, свой обозначенный характер, свои привычки, обычаи и т.д. Белорус-крестьянин, будет ли он православный, или католик, имеет свои убеждения, свою моральную философию и передает это вместе с языком своим детям и внукам. Ксёндз и помещик никогда не скажут о белорусе католического вероисповедания, что он белорус, а скажут — литвин. Поговорите с этим литвином, и вы услышите белорускую речь. Во время нашей работы в Гродненской губернии мы имели этнографические списки населения от священников и ксендзов. На списках тех крестьяне, как православные, так и католики, названы литвинами и здесь приложены образцы их языка — вы думаете литовского? Нет — белоруского. Ксёндз делал это потому, что белорусы когда-то входили в состав народностей Литовского государства. Мы видим здесь не политическую ошибку, как думает Эркерт, а политическую правду и очень грубую этнографическую ошибку» («Русский инвалид», 1864, № 75).

В 1867 г., накануне принятия в России закона о всеобщей воинской обязанности, Русским географическим обществом было проведено обследование, во главе с уже нам известным А.Ф. Риттихом, всего мужского населения европейской России, где определялась этническая принадлежность на основании родного языка. Это не был общий опрос жителей, как при переписи. Источником послужили сведения из церковных приходов и волостных правлений, на основании которых Риттих в 1875 г. составил этнографическую карту Европейской России.

По сравнению с атласом Р. Эркерта на данной карте А. Риттиха этнические границы беларусов расширены на северо-западе за Вильню, а на востоке далеко за Смоленск. На самом севере территория, где проживали беларусы, простиралась до населенного пункта Свикле Люцинского уезда. Оттуда ломаной линией граница шла в западном направлении на Двинск, Свенцяны, Сувалки и Августов. С беларуской стороны оставались большая часть Виленщины с Вильней, а также треть Свентянского уезда.

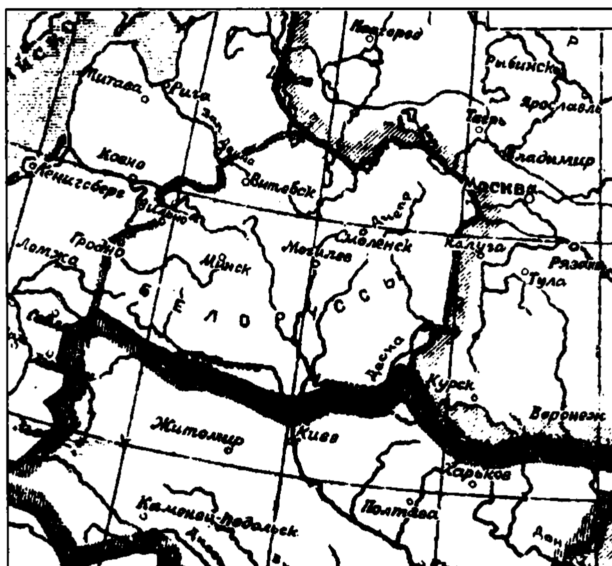
На Витебщине беларусы целиком населяли Дрисенский, Городокский, Витебский, Лепельский, Полоцкий уезды и составляли преимущественное большинство населения Велижского (87,2 %), Невельского (86,1 %) и Себежского (85,7 %). Города Невель, Велиж и Себеж отнесены к беларуской территории. Значительный процент беларусов проживал в Люцинском (23,1 %), Двинском (17,9 %), Режицком (12,6 %) уездах.

Западные границы беларуского населения, по исследованию А. Риттиха, простирались до Сувалок. В Сувалковской губернии беларусы компактно населяли Августовский уезд (23 тыс.). В Сокольском уезде их удельный вес составлял 77,5 %, в Белостокском — 47,4 %.

На Черниговщине А. Риттихом было зафиксировано беларусов около 82 тыс., из которых свыше 70 тыс. (87,6 %) проживало в Суражском уезде, где к украинцам было отнесено только около 21 тыс. человек.

На востоке территория с беларуским населением простиралась за Дорогобуж, почти до Вязьмы. Фактически были подтверждены те границы беларусов, которые были очерчены в приходских списках 1857 г. Не изменился даже процент беларуского населения в семи вышеупомянутых уездах Смоленской губер-

нии, что говорит об относительной точности обоих источников. Общее количество беларусов в Смоленской губернии превышало количество русских более чем на 46 тыс. человек. Поэтому можно уверенно говорить, что более половины Смоленщины – это извечная этническая беларуская территория, причем с очень высоким удельным весом беларуского населения, ведь даже на Минщине, к примеру, не во всех уездах процент беларусов был столь значительным.

Беларусская этническая территория
по «Русскому историческому атласу»
К.В. Кудряшева, 1928 г.

К беларуской этнической территории А. Риттих отнес также небольшую южную часть Фридрихштадского и Илукского уездов Курляндской губернии, где местное население количеством около 4 тыс. человек говорило по-беларуски.

Отдельного разговора требует обоснование южных границ беларуского этноса. По этнографической карте А. Риттиха, граница, которая отделяет беларусов от украинцев, проходит по реке Припять, делая около Пинска выступ на север и далее по реке Ясельда, севернее Пружан, между Бельском и Белостоком до реки Нарев. Получается, что на юг от этой линии, в уездах Брестском, Кобринском, Пружанском, Бельском, живут украинцы, беларусов здесь якобы совсем нет, а в Пинском уезде их незначительное количество.

Такое понимание тогдашними исследователями этнической принадлежности исходило из того, как верно замечают историки С. Брук и В. Кабузан, что языковый принцип регистрации этнического момента не всегда совпадал с этническим самоназванием и приводил к занижению фактического количества этноса и сужению его границ.

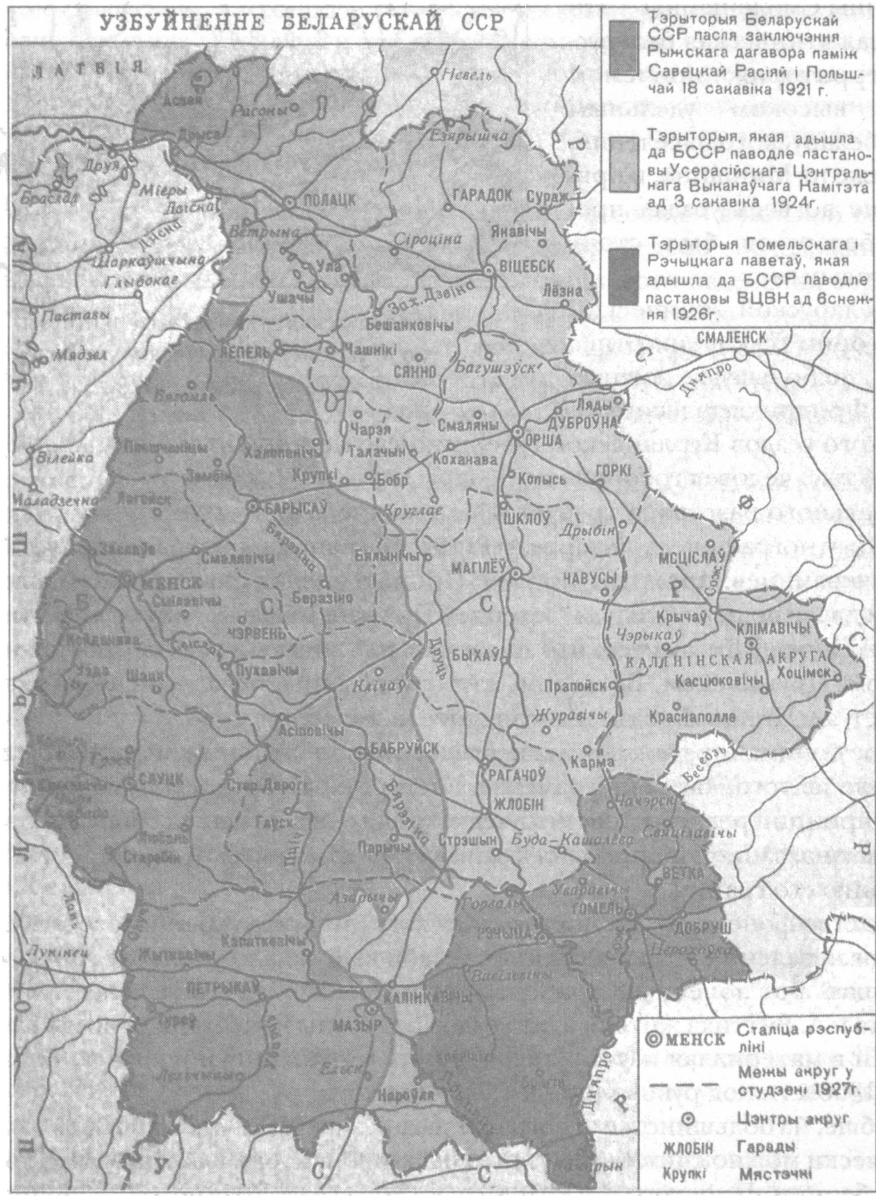
Сходство фонетических норм волынского диалекта украинского языка с диалектами населения вышеназванных уездов вынуждало ученых относить его к украинцам. Вот почему и в приходских списках 1857 г., и на картах и атласах Р. Эркерта и А. Риттиха жители этих уездов отнесены к украинцам. То же самое мы видим и в материалах научной экспедиции на Украину и в южную Беларусь в конце 1860-х гг. под руководством П. Чубинского.

Вообще, на большинстве этнографических карт XIX – начала XX вв., которые фактически можно считать лингвистическими, жители южных уездов Гродненской губернии, Пинского и части Мозырского уездов Минской губернии были отнесены к украинцам. Это мы видим на картах Г. Ноберта (1888), Я. Карского (1903, 1917), Л. Нидерле (1909), Т. Флоринского (1911). Такой подход значи-

тельно занижал общее количество беларуского этноса и сужал его этническую территорию.

•◆•

В 1903 г. этнографическую (лингвистическую) карту расселения беларусов на основании материалов предшественников, а также своих личных исследований составил Ефим Карский (1860–1931). Он отметил, что его карта есть «область, которая скорее принадлежит беларускому языку, чем этносу, потому что, например, некоторые жители калужского и орловского с беларусами пограничья го-

Карта БССР периода 1921–1939 гг. наглядно показывает, что большевистскому руководству были безразличны национальные интересы беларусов

ворят на южном диалекте русского языка и потому отнесены к русским, хотя их предки были, несомненно, беларусами.

По сравнению с этнографической картой А. Риттиха, на карте Е. Карского беларуские границы расширены на юго-востоке до Трубчевска и Брянска, а на северо-востоке – почти до Ржева. В остальном карты почти совпадают.

Накануне октября 1917 г. при Российской АН была создана комиссия по изучению «племенного состава населения». В отношении беларусов дело было поручено академику Е. Карскому. В том же году он создал этнографическую карту, которая почти ничем не отличалась от его карты 1903 года, только немного была отнесена на запад граница в Виленской губернии. Там, в Лидском и Ошмянском уездах был ряд деревень, где жители разговаривали и на беларуском, и на литовском языках, при этом с течением времени беларуский стал преобладать.

Этнолингвистическими признаками руководствовалась и Московская диалектологическая комиссия, которая перед началом Первой мировой войны начала изучать язык и расселение восточнославянских народов в Европе. Как результат работы комиссии, в 1915 г. появилась лингвистическая карта, на которой, в отличие от карт Карского, мы уже видим большую полосу диалектов, переходных от беларуских к украинским, идущую от Бельска Гродненской губернии до Чернигова, и у Е. Карского отнесенную к ареалу украинского языка. Комиссия также несколько расширила границы беларуского языка в Калужской и Черниговской губерниях.

Главный недостаток этнографических и лингвистических карт начала XX века в том, что все они строились на фонетических особенностях языка без учета других факторов, а также то, что авторы не использовали материалов официальной статистики и, прежде всего, результатов первой всероссийской переписи населения 1897 г., иначе границы беларуского этноса на юге имели бы другие очертания.

Впервые в России перепись была научно организована. Проводилась она путем опроса всего населения. В результате в Пинском уезде 74,3 % жителей назвали себя беларусами (по родному языку), а украинцами – 0,6 % (1423 человек), в Речицком – соответственно 82,5 и 1,7 %, в Пружанском – 75,5 и 6,7 %.

Только 64,3 % населения Брестского и 79,6 % Кобринского уездов своим родным языком назвали украинский. Однако вскоре и здесь положение изменилось. По сведениям губернского статистического комитета, в 1910 г. в Кобринском уезде удельный вес беларусов составлял 84,8 % и постепенно увеличился до 85,7 % в 1913 г., а в Пружанском – до 87,1 %. Почему за тринадцать лет население почти целого уезда (Кобринского) изменило свое национальное самоназвание? Разве могли бы этнические украинцы так быстро отказаться от своего народа? Понятно, что нет. Это шел естественный процесс беларусизации юго-западного уголка Беларуси, возрождения беларуской нации, осознания беларусами себя как этноса. На более высокую ступень поднялась этнографическая и историческая наука. Местные органы управления, приходские священники, данные которых и были источником этнической статистики, тоже уже понимали, что вокруг них живут не украинцы, а беларусы.

Только Брестский уезд перед Первой мировой войной был заселен на 65,9 % якобы украинцами, но и здесь к 1918 г. основная масса населения уже стала называться беларусами. Способствовал этому новый всплеск беларуского возрождения, образование БНР, многочисленная в то время литература на беларуском языке. В конце концов, на картах, составленных в 1918 и 1919 годах Митрофаном Довнар-Запольским и Евсеем Канчером (1882–1979), уже вся Брестчина включена в пространство проживания беларусов*.

Как видим, еще до начала советского периода истории границы проживания беларусов были окончательно очерчены и научно обоснованы. Но, как известно, с образованием БССР ее территория была обрезана со всех сторон до размеров одной Минской губернии. Даже воссоединения 1924 и 1926 годов не смогли в полной мере объединить все этнические беларуские земли в составе республики.

Территории с беларуским населением на Смоленщине отошли к России, на Черниговщине и Пинщине – к Украине, на Виленщине – к Литве, на Белосточчине – к Польше. На севере многие беларусы оказались в составе Латвии. Это великая историческая несправедливость. Но историю уже, к сожалению, не исправить, ее надо только объективно отображать.

См.: Доўнар-Запольскі М. Основы дзяржаўнасьці Беларуси. Городно, 1919; Канчер Е.С. Белорусский вопрос. Петроград, 1919. – *Ред.*

КАК ОДЕВАЛИСЬ НАШИ ПРЕДКИ

Людмила Дучиц

Костюм, который включает одежду, головные уборы, обувь, аксессуары и украшения, является одним из проявлений культуры, источником по изучению истории народа, индикатором общего состояния общества определенной эпохи, этничным маркером. В костюме отражается уровень экономического развития, связи с соседними землями, духовный мир, религиозные представления, художественные вкусы, возрастная и социальная градации.

Костюмы XIX – начала XX веков хорошо известны.

Костюм средневековой эпохи изучается по летописям, архивным источникам, произведениям искусства.

Представление о более раннем костюме дает археологический материал, особенно результаты раскопок погребений. Полностью предметы одежды и обуви не сохранились, но находят кусочки тканей, которые законсервировались на глиняной посуде, железных и кожаных вещах. Сопоставление находок с комплексами вещей на соседних землях, где встречается лучшая сохранность одежды, позволяет реконструировать виды костюмов, выделить локальные их особенности.

Первой одеждой наших предков были шкуры животных и переплетенные растения, которые накидывались на плечи и бедра. Так зарождалась плечевая и поясная одежда. Представление о самых первых костюмах дают костяные статуэтки найденные на территории Евразии. Одежда напоминает меховые комбинизоны. Головные уборы были в виде шапочек, которые прикрывали лоб и уши. Перевязи костюма делались из кожи, из жгутов скрученных растений. Уже в эпоху палеолита люди на территории Беларуси носили бусы сделанные из пластинчатых отколов бивней мамонта, из позвонков рыб, из трубчатых костей, зубов и когтей животных, из мягких камней. Известны даже диадемы и браслеты из пластин бивней мамонта.

В эпоху неолита (4 тыс. до н.э. – конец 3 тыс. н.э.) было изобретено ткачество. Ткани делали из растительных и шерстяных ниток, но они были очень грубыми. В те времена во всей Восточной Европе уже носили рубахи и поясную одежду. Использовались пояса и головные уборы. Весь костюм украшали костяными, каменными и янтарными подвесками, пластинками с отверстиями на краях – для пришивания. В качестве амулетов использовали зубы, косточки, позвонки и челюсти мелких животных, птиц и рыб. Много таких украшений, а также выточенных из кости и янтаря, найдено в Витебской области на стоянках Осовец (Бешенковичский р-н) и Головск (Сенненский р-н).

Исследователи считают, что уже в те времена одежду украшали вышивкой нитками. Орнаменты были подобны рисункам на глиняной посуде (зигзаги, ромбы, различные сочетания черточек). Вышивка заключала в себе определенный магический смысл.

В эпоху бронзы (конец 3 – нач. 1 тыс. до н.э.) костюм жителей на территории современной Беларуси был подобен западноевропейскому. Представление о нем

Рис. 1, 2. Эпоха бронзы.
Ветковский район Гомельской области.
Реконструкция Л. Клочко

дают ритуальные погребения найденные в болотах Дании, Германии и других стран, где хорошо сохранились ткани. Женский костюм состоял из рубахи и юбки или платья, сшитых из льняных либо шерстяных тканей. Рукава делались разной длины и часто расширенные книзу. Мужчины носили туникоподобные рубахи и штаны.

Украшений из металла той эпохи, изготовленных на месте, на территории Беларуси найдено немного, что объясняется удаленностью от центров металлургии (Западной и Центральной Европы, Закавказья, Казахстана). Но некоторые бронзовые вещи попадали к нам в результате обмена. Янтарь — в обмен на кремень, стеклянные бусы — из Причерноморья.

Костюм, как мужской, так и женский, дополнялся поясом — кожаным или металлическим, составленным из спиральных пронизок. Кожаные пояса украшались бронзовыми пластинками, заклепками или трубочками разных форм и размеров. Интересны погребения, открытые на Гомельщине в урочище Стрелица (Ветковский р-н). В одном погребении была одежда расшитая костяными бусинами и подпоясанная кожаным поясом, украшенным медными спиральными трубочками. На шее — медная пластинчатая гривна, расширенная посередине, а на руке медный браслет. В другом погребении одежда расшита костяным бисером, на шее две гривны — одна проволочная, а вторая посередине расширенная и дополненная по краю янтарными трапециеподобными подвесками (рис. 1, 2).

Начиная с середины 1 тыс. до н.э. на территории Беларуси в неболь-

ших печах из болотной руды стали получать железо. Изобретение железных орудий труда содействовало резкому росту производства, в том числе прядению и ткачеству, о чем свидетельствуют находки большого количества глиняных пряслиц от веретен. Развивалось и бронзолитейное ремесло, благодаря которому увеличивалось количество медных и бронзовых украшений. На многих археологических памятниках обнаружены металлические бляшки разных форм и размеров, а также литейные формочки для отливки украшений. Бляшками богато расшивались одежда и головные уборы. Судя по форме украшений, особенно височных, костюм на территории южной Беларуси в то время был близок костюму скифов и сарматов.Об этом ярко свидетельствуют находки сережек аналогичных скифским. Это литые украшения в виде шарового сегмента. Обычно они делались из меди и бронзы. В курганном могильнике у деревни Дубой (Столинский р-н) найдена такая золотая серьга.

Более подробная информация имеется по костюму 1 тыс. (рис. 3). Культура этого времени характеризуется восточнобалтскими, а местами западнобалтскими элементами. В начале тысячелетия в Западном Полесье ощутимо влияние готов, в бассейне Припяти и в Могилёвском Поднепровье – кельтов, на юго-востоке Беларуси – римских колоний. Погребений этого времени изучено довольно много, в некоторых сохранились даже кусочки шерстяных и льняных тканей. У деревни Петровичи (Жабинковский р-н) на Брестчине в погребении девочки 6–7 лет обнаружены парные фибулы, которыми скреплялись бретельки шерстяного сарафана. Тут же были ожерелье и браслет, составленные из стеклянных и янтарных бусин.

Украшения, найденные на памятниках Западного Полесья, аналогичны украшениям на территории Центральной Европы. Это дает основание сопоставлять костюм начала 1 тыс. с европейским костюмом, который известен по описаниям историка Тацита. По его данным мужчины тогда носили рубахи с длинными вшитыми рукавами, штаны (длинные или короткие), кожаные шапочки, сапоги либо поршни.

Женщины носили рубахи с длинными или короткими рукавами и длинные юбки. Верхней одеждой мужчин и женщин были плащи. Они представляли собой кусок ткани, который перекидывался через левое или правое плечо и свободно спадал за спиной. На плече плащ закреплялся фибулой (брошью) или булавкой.

Рис. 3. Ранний железный век. Центральная Беларусь

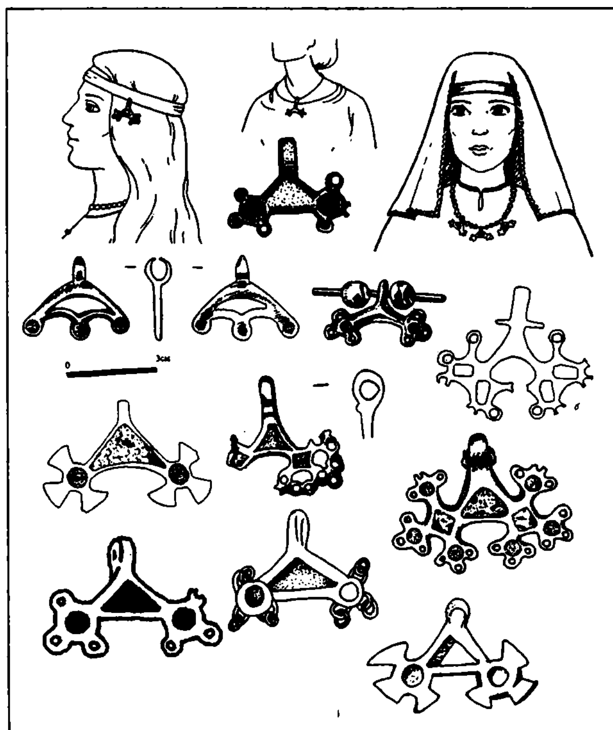

Рис. 4. Подвески с эмалью. Начало I тыс.

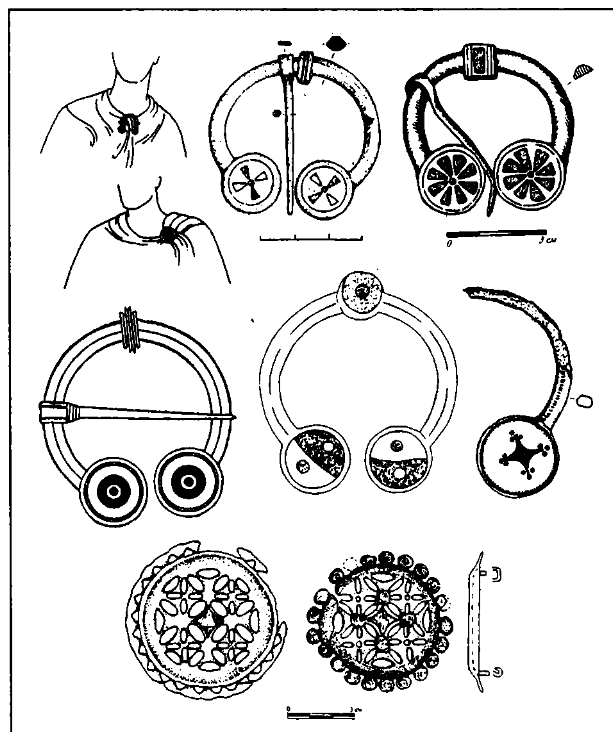

Рис. 5. Украшения с эмалью. Начало I тыс.

Важной деталью костюма был пояс – кожаный, плетеный, сшитый из ткани. Среди археологического материала этого времени много пряжек, наконечников поясов, различных заклепок, бляшек.

Довольно хорошо сохранился пояс в погребении 1 века н.э. возле деревни Отвержичи (Столинский р-н) на Брестчине. Он кожаный, украшенный бронзовыми пластинками и бляшками. На внутренней стороне есть следы тонкой ткани. Подобные пояса хорошо известны в погребениях Северной Германии.

В начале 1 тыс. в Могилёвском Поднепровье возникают мастерские по изготовлению украшений с эмалью. Складывается даже своя художественная школа (рис. 4, 5).

К середине 1 тыс. влияние римских провинций значительно уменьшилось, наблюдаются западноевропейские культурные импульсы (рис. 6). Костюм этого времени можно представить по могильнику, случайно открытому при раскорчевке леса в 1912 году вблизи деревни Хотище в нынешнем Славгородском районе. Тут найдены шейные гривны с подвесками, фибулы, браслеты, бляшки, украшенные изображениями птичьих головок, в том числе с позолотой, разнообразные стеклянные и янтарные бусы. Аналогичные наборы украшений характерны для синхронных среднеевропейских могильников.

В костюме третьей четверти 1 тыс. наблюдается много общеевропейских черт и в то же время отмечается выделение элитарных комплексов, особенно на территории Могилёвского Поднепровья. Именно там начинало складываться государственное образование, которое затем было уничтожено вторгшимися пришельцами. С такими событиями исследователи связывают слои сильных пожарищ на городищах и сокрытие кладов.

Костюм в Поднепровье формировался на основании европейской и евразийской моды. Появляются новые виды украшений – браслеты с расширенными орнаментированными концами, пальчатые фибулы. На городище близ деревни Никодимово (Горецкий р-н) обнаружен кожаный пояс длиной 90 см. Судя по отверстиям на нем помещалось 45 накладок, часть из которых сохранилась целиком, а остальные во фрагментах. Накладки сделаны из бронзы, но с внешней стороны покрыты серебром. Пояс застегивался на массивную литую бронзовую пряжку овальной формы. К нему подвешены два ножа в деревянных ножнах, покрытых серебром, на котором сохранились отпечатки чехла из ткани и железное кресало в железном футляре.

Рис. 6. Середина I тыс.
Южная и Центральная Беларусь

К концу 1 тыс. возросло количество населения и начался демографический подъем, который охватил всю Европу. Наблюдалась активизация торговых и политических связей. Функционировал «путь из варяг в греки», включавший в себя водную систему Беларуси. Такая ситуация отразилась и на костюме. Появляются разнообразные виды булавок, в том числе скандинавского типа. Можно говорить о распространении моды на сарафаны как с широкими клапанами, так и с тонкими бретелями из шнурков. Иногда парные фибулы на плечах не только придерживали бретели, но между ними натягивалось нагрудное украшение из цепочек, к которым прикреплялись подвески (рис. 7). Продолжали носить традиционные наплечные покрывала, но они богаче украшались металлическими спиральными пронизями, из них даже составлялись орнаментальные мотивы.

Рис. 7. Сарафаны. X–XI вв. Подвинье, Витебщина. Фибулы найдены на городище у д. Масковичи Браславского района

Большое внимание стали уделять украшению головных уборов. Полусферические кожаные и вязаные шапочки, как женские, так и мужские, по краю обшивались металлическими пронизями и бляшечками. К традиционным веночкам, составленным из пронизок и пластинок, подвешивали на цепочках бубенчики или трапециевидные подвески. В женском костюме стала распространяться мода на украшения которые прикреплялись к веночку или шапочке над висками (височные кольца). Они были весьма разнообразны. Например, на Витебщине в моду вошли круглые височные кольца с расширенной серединой, где иногда прикреплялись трапециевидные подвески. Там же распространились височные кольца в виде круглой тонкой орнаментированной пластинки (рис. 8, 9).

Значительно увеличилось количество и разнообразие стеклянных бус. Многие бусы были привезены из Византии, Сирии, Египта. Появилось больше сердоликовых и хрустальных бус. В ожерельях бусы чередовались с металлическими подвесками. Бисер нанизывали на проволоку и составляли шикарные колье. На севере Беларуси в моде были шейные гривны (обручи), в том числе с подвесками (рис. 10).

В конце 1 тыс. костюм довольно четко стал подразделяться на крестьянский, городской и костюм знати. В крестьянских комплексах наблюдался балто-славянский симбиоз. Костюм знати сочетал элементы предшествующих элитарных комплексов при сильном влиянии византийской и скандинавской моды. Дружинное окружение князей большую роль придавало именно поясу, который в это время стал ярким показателем социального статуса (рис. 11). Комплексы городского костюма только начинали складываться, они сочетали разноэтнические элементы региона и дешевое стремление подражать моде элиты.

На начало 2 тыс. приходится расцвет Полоцкого и Туровского княжеств. Они находились в центре Европы, на перекрестке между Западом и Востоком, что оказывало влияние на все стороны жизни, в том числе на костюм. С Востока поступали шелковые ткани, разнообразные бусы, с Запада — серебряные, из При-

балтики – янтарные украшения. Для изучения костюма этой эпохи кроме археологических источников есть летописи, миниатюры рукописей, фрески, изделия мелкой пластики (шахматы, разные фигурки и др.). Четче стали выделяться сословные и региональные отличия костюма.

Повседневная одежда жителей деревни шилась из довольно грубых тканей, а праздничная – из тонких и добротных тканей собственного производства. Были распространены три основные системы ткацких переплетений: полотняное, саржевое и комбинированное. С помощью чередования разноцветных ниток изготавливались клетчатые и полосатые ткани. Например, при раскопках могильника у деревни Вензовщина (Щучинский р-н) на Гродненщине выявлена ткань из темно-красных и зеленых полосок. На Логойщине найден кусок ткани из черных и белых полосок. Применяли различные сложные переплетения с введением в ткань ярких ниток, скрученных в виде тонкого шнурочка. В Дорогобужском районе Смоленщины встречены шерстяные ткани с мотивами ромба и восьмиконечных розеток. В те времена умели узор наносить на ткань с помощью набойки. Кусочки таких тканей обнаружены в курганах юго-восточной части Беларуси.

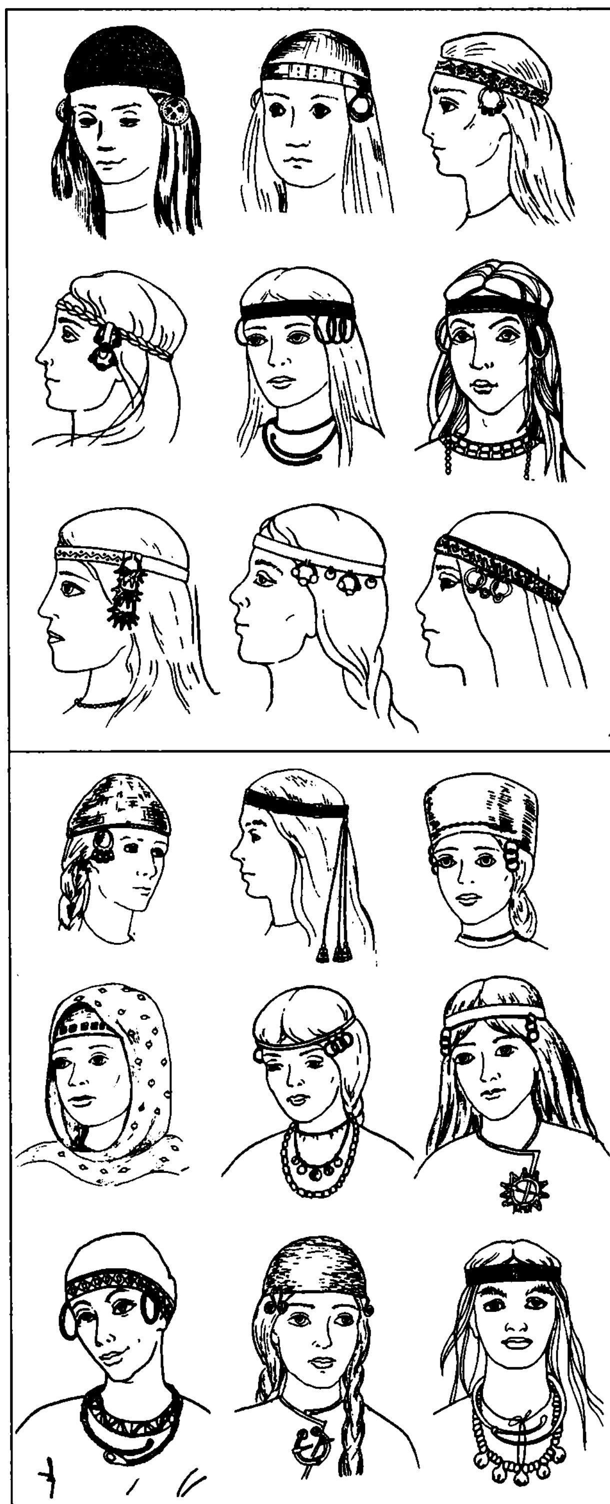

Рис. 8, 9. Головные уборы. Конец I — начало II тыс.

Как известно, от долгого нахождения в земле ткани ме-

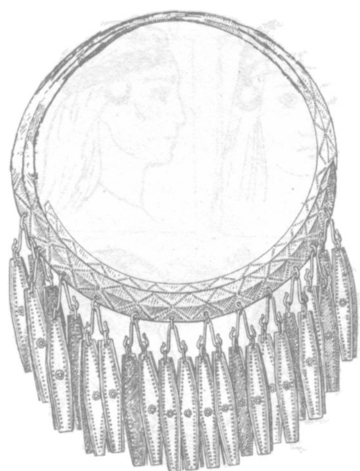

Рис. 10. Ожерелье X–XI вв. Лынтупа, Поставский район

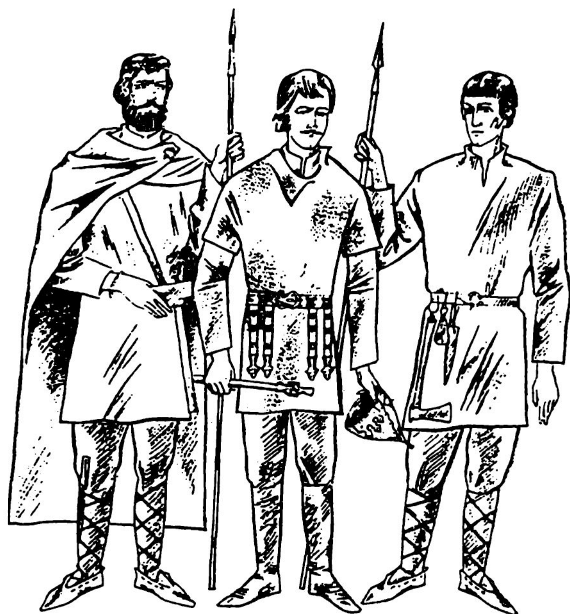
няют цвет, но лабораторные исследования позволяют восстановить их первоначальный вид. Таким образом выявлено, что основную гамму составляли красный, синий, желтый и зеленый цвета. Для окраски тканей применялись местные красители. Например, черную краску могли получать из «шариков», которые осенью выростали на листьях дуба, а также из отвара рябины, брусничника, еловых шишек. Отваром листьев зверобоя красили льняное полотно и сукно в красные тона. Синюю и голубую краску получали из цветов василька, зеленую – из листьев крапивы, фиолетовую и малиновую – из ягод ежевики. Ярко-зеленый цвет делали с помощью медных опилок, залитых кислым молоком, а красный цвет – из ржавого железа. Использовали и привозные краски – индиго, пурпур, морену.

Основными видами женской крестьянской одежды были рубахи и юбки. Рубахи шили длинными туникообразного покроя. У шеи они стягивались на шнурок, но чаще посередине был неглубокий разрез который завязывался шнурком, застегивался металлической заколкой (фибулой) или пуговицей (металлической, костяной, деревянной и др.). Делались и широкие вырезы горловины (круглой, овальной формы и типа «каре»). Такие вырезы обшивались тканью, в том числе шелковой, а также тесьмой. Широко были распространены стоячие воротники. Иногда они присборивали рубаху возле шеи. Воротник-стойка свидетельствует о наличии рубахи с верхней частью, расширенной за счет вставок-поликов. Вероятно, были и рубахи с плечевыми вставками.

Во многих курганных погребениях на месте шеи, обычно слева, археологами зафиксированы 1, 2 или 3 маленькие металлические пуговки грибовидной формы. Ими застегивался стоячий воротник, который обычно делался на подкладке из толстой ткани, кожи или бересты. Такие воротники часто были из шелковой ткани. Они богато украшались вышивкой, в том числе золотыми и серебряными нитями, а также бисером (рис. 12–14).

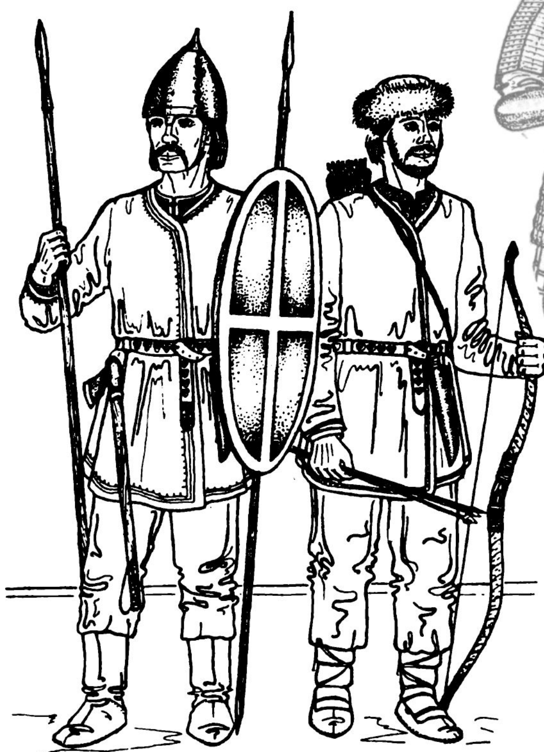
В погребениях Щучинского района зафиксированы стоячие воротники расшитые не только нитками и бусами, а еще и бронзовыми спиральными пронизями, серебряными и бронзовыми с позолотой пластинками. Возле Быхова найден воротник из зеленого византийского шелка, возле Бобруйска – из коричневого шелка, вблизи Новогрудка из темной шелковой ткани с цветочным узором темно-красного, черного и белого цветов. В Лисно (Верхнедвинский р-н) на Витебщине найден шелковый воротник, где поле расшито красными шелковыми нитками, а узор из птиц и крестов – золотыми нитками.

Рукава делались длинные или на три четверти. Праздничные рубахи иногда имели широкие рукава, которые собирались на манжеты и часто были аналогичны воротнику. Иногда края рукавов стягивались металлическими браслетами. Существовали браслеты из ткани на каркасах из луба или бересты.

Заславль. Реконструкция Ю. Заяца

Гомель. Реконструкция Ю. Лупиненка

Рис. 11. X–XI вв. Военное сословие. Дружинники

Рис. 12. Поднепровье и Посожье. XI век

Рис. 13. Подвинье. XI век

Вышивкой украшалась и сама рубаха, особенно рукава. Хорошо сохранилась вышивка на фрагментах рукава белой женской рубахи в одном из курганов у деревни Харлапово на Смоленщине. Вышивка исполнена красными и черными нитками, а узор представлял собой сочетание ромбов, четырехугольников и уголков, которые образуют сложные кресты и ромбы.

Меньше изестно о поясной одежде, но прослежено, что были распространены несшитые поневы из двух плахт, широкие юбки стянутые на поясе, а также фартухи, которые внизу богато украшались вышивкой или узорами, составленными из бронзовых спиральных пронизей и пластиночек. Фартухи являлись частью костюма, которая маркировала род.

У сельского населения популярными оставались сарафаны двух видов — с цельнокроенными лямками, в том числе перекидными, и лямками из шнуров. Лямки сарафанов закреплялись различными застежками (фибулами). В одном из курганов у деревни Дмитровщина (Полоцкий р-н) обнаружены следы сарафана, где на плечах были заколки, а между ними протянуто нагрудное украшение из цепочек, к которым прикреплены трапециеподобные подвески.

В XI–XII вв. в деревнях носили и платья. Хорошо сохранилось шерстяное платье темно-бордового цвета, которое было плотно завернуто в кору и положено у ног погребенной возле деревни Сенница близ Минска.

Подолы сарафанов и платьев богато украшались вышивкой, расшивались бронзовыми спиральками,

бляшками, различными привесками. На востоке Беларуси выявлены фрагменты одежды из сине-зеленой ткани с вышивкой ярко-оранжевыми нитками, из серой шерстяной ткани с вышивкой нитками оранжевого и фиолетового цветов. Узоры были в виде ромбов и черточек. На Рогачевщине выявлен подол одежды, расшитый в четыре ряда бронзовыми бляшками. В Харлапове на Смоленщине нижнюю часть одежды украшали монетоподобные подвески и бубенчики. В Захарничах под Полоцком подол был расшит зелеными и фиолетовыми бусами и бронзовыми спиральными пронизками.

Рис. 14. Центральная Беларусь. XII век

Верхней женской одеждой крестьянок были наплечные покрывала (вилайне), свитки и кожухи. Покрывала представляли собой прямоугольный кусок ткани, чаще всего шерстяной. Они тоже украшались вышивкой, орнаментами, составленными из металлических пронизей, бахромой.

Большое внимание, как и в предшествующие времена, придавалось поясам. Их делали из ткани, кожи, плели из ниток и тонких кожаных ремешков. Кожаные пояса застегивались с помощью металлических пряжек, подковоподобными фибулами. Возле озера Вяча вблизи Минска найден кожаный пояс, от которого до колен спускались четыре шнура из шерстяных ниток, перехваченные частыми металлическими обручиками. На конце каждого такого шнурка был бубенчик. В Щучинском районе на Гродненщине обнаружен пояс, плетенный из ниток зеленого, желтого и коричневого цветов.

На поясах носили сумочки, обычно в виде стянутых мешочков из кожи или шелковой ткани. Они украшались вышивкой нитками или различными металлическими нашивками. В Воронино (Быховский р-н) кожаная сумочка была украшена резными фигурками лошадей. К поясам подвешивали и разнообразные амулеты – подвески-коники, ложечки, ключики, миниатюрные ножики в кожаных футлярах и даже перстни. В кургане возле Заславля по низу кожаного пояса было прикреплено 16 бубенчиков.

В женском деревенском костюме особое внимание придавалось головным уборам. Это веночки, шапочки, чепцы, полотенчатые уборы. Веночки были традиционными девичьими уборами. Их делали из бересты и луба, обтягивали тканями, в том числе шелковыми, украшали вышивкой нитками и бисером. Высота таких веночков достигала 12 см. Были веночки из кожи, тесьмы, как местной, так и шелковой привозной (рис. 15). В Подвинье и Поднепровье продолжалась мода на веночки-вайнаги, составленные из спиральных пронизок и пластинок.

Рис. 14а. Головной убор нач. II тыс. Дер. Камело Вилейского района

Были бронзовые и серебряные пластинчатые венки-обручи. Они доходили до висков, где их концы загибались трубочкой и через нее протягивался шнурок для соединения концов.

Полусферические шапочки из ткани, кожи или вязанные из льняных и шерстяных ниток носили по всей Беларуси. По краю, а иногда и по всей поверхности их расшивали металлическими бляшками, спиральками или бусинами. В Понеманье обнаружен кожаный головной убор который по краю украшен ромбоподобными подвесками, а к ним прикреплены еще трапециеподобные подвески.

В курганах у деревень Селище (Ушачский р-н) и Перевоз (Глубокский р-н) на Витебщине найдены матерчатые шапочки, которые по всей поверхности были расшиты цинковыми ажурными пластинками. Подобная шапочка обнаружена и на Смоленщине. От нее на спину и на щеки спускалась сеточка, составленная из нанизанных на шнурки оловяных трубочек. Шнурки хорошо сохранились в трубочках.

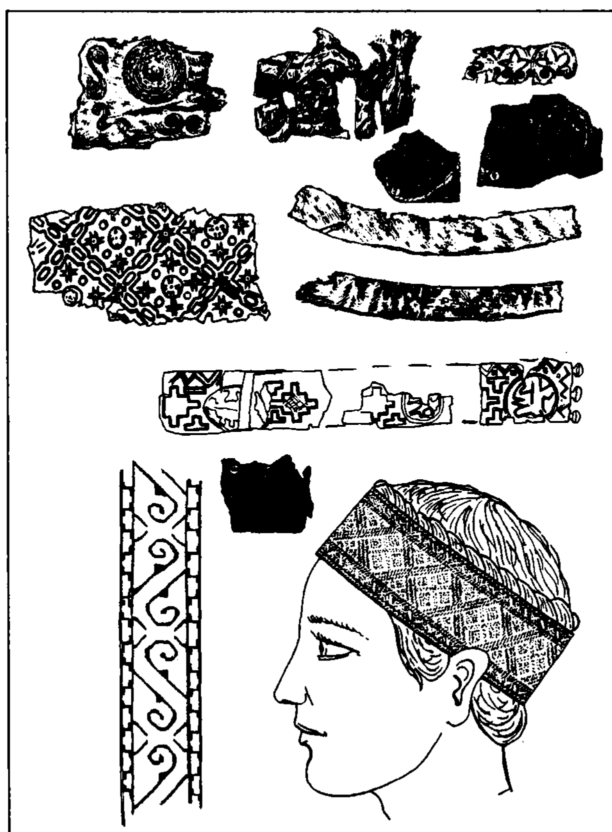

Рис. 15. Фрагменты шелковых тканей, найденных на территории Беларуси, и головной убор из шелковой тесьмы (Городокский район)

Для крестьянского убора того времени были характерны мягкие чепцы из белого тонкого полотна, а также из шерсти и шелковых тканей. Такие чепцы стягивались по объему головы. Остатки шерстяного чепца выявлены в курганном могильнике у деревни Черкасово на Оршанщине. Над висками к головному убору прикреплены височные проволочные браслетообразные кольца. В Сулятичах (Новогрудский р-н) чепец из шелка был расшит золотыми нитями. Вблизи Минска найден чепец из шерстяной ткани с присутствием золотой нитки. Край чепца украшен бронзовыми скобочками, а по всему верху вышивка из скрученных шелковых ниток. На Гомельщине были распростра-

нены чепцы на основе из луба, бересты, а также зимние из войлока. Надлобная часть головных уборов часто расшивалась бисером. К таким чепцам над висками также прикреплялись кольца.

По большому скоплению истлевшей ткани возле черепа фиксируются следы полотенчатых головных уборов (повои, намитки). Обычно их носили поверх основного головного убора. Иногда края полотенчатого убора украшались вышивкой, металлическими бляшками или расшивались бисером. Способы завязывания были разнообразны. Например, в Вензовщине (Щучинский р-н) возле черепа было значительное скопление ткани, вероятно от узла, и на нем подковоподобная фибула с зооморфными головками. Носили в то время и платки, которые завязывали под подбородком. Возле Витебска в одном из курганов обнаружены следы двух таких платков. Нижний был из тонкой черной ткани, а верхний из толстой коричневой.

В крестьянском костюме большое внимание придавалось шейным украшениям и украшениям рук. На территории Полоцкой земли для парадного костюма были характерны бронзовые шейные гривны, особенно из перекрученной проволоки, с петлеподобными концами, а также бронзовые (сегментоподобные в сечении) орнаментированные браслеты со стилизованными змеиными головками. Пользовались популярностью ожерелья из бус, в основном стеклянных, которые иногда перемежевывались сердоликовыми, хрустальными, янтарными и другими, а также металлическими привесками (рис. 16). Много таких украшений в Центральной Беларуси, Поднепровье, вдоль Припяти. Бусы и небольшие кусочки шелка для украшения одежды крестьянки приобретали на ярмарках у торговцев-коробейников.

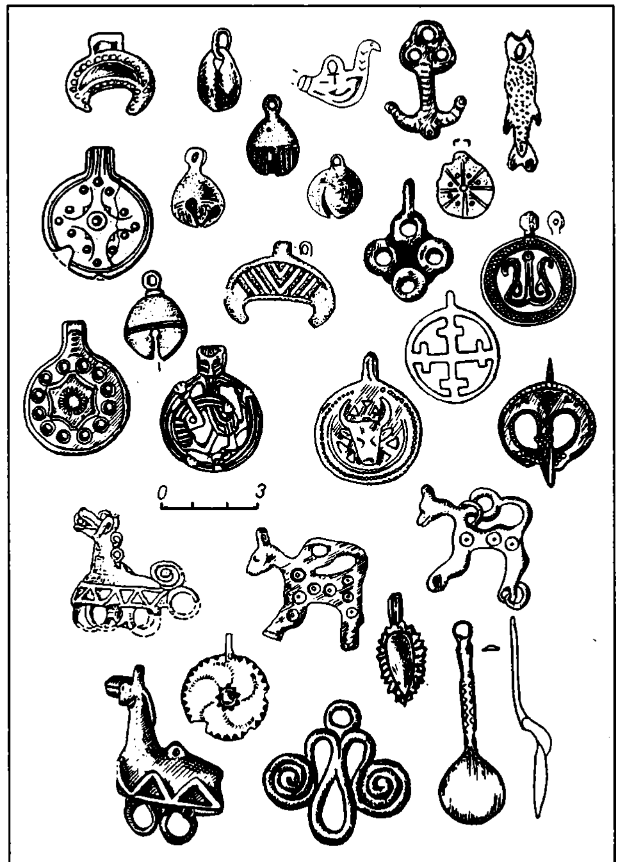

Рис. 16. Подвески-амулеты XI–XII вв.

По погребениям удается проследить и прически. Волосы над ухом иногда спускались в виде петли, на затылке собирались в пучок или узел. Девочки на висках заплетали тонкие косички, в них продевали проволочные колечки, а затем косички вплетали в одну или две косы. В волосы вплетали также разнообразные шнурочки и ленточки.

Об обуви известно мало. Летом обычно носили лапти, зимой валенки. Несомненно, носили и кожаную обувь, но ее находки в погребениях незначительны. Это связано с тем, что на территории Беларуси издревле существовал обычай хоронить в носках или обмотках.

Мужской крестьянский костюм состоял в первую очередь из рубахи и штанов (рис. 17, 18). Рубахи по покрою были туникоподобными с довольно длинными рукавами. Возле шеи они застегивались на пуговицы (металлические, костяные, деревянные, стеклянные) или скреплялись фибулой. Края рубах, горловина и манжеты украшались вышивкой, обшивались металлическими бляшками.

Рис. 17. Мужской костюм. XI в.

По погребениям штаны почти не прослеживаются, но, судя по изображениям, они были неширокими, кроились из прямых полотнищ и в шаг вшивалась ластовица. О длине судить сложно, так как на изображениях низ штанов обычно закрыт обмотками или сапогами.

Верхней мужской одеждой были свитки, плащи-покрывала и кожухи. Свитки шили в основном из шерстяных тканей, с вшивными рукавами и с большим запахом. Они застегивались на пуговицы либо в помощью фибул. Плащи-покрывала, так же как и женские, представляли собой кусок прямоугольной ткани, который на плече (левом или правом) скреплялся фибулой. Зимней одеждой были кожухи и различного рода одежда на меху диких животных. Верхняя одежда, особенно свитки, украшались шнурами, часто с золотой нитью, или обшивались металлическими скобочками, пронизками, бляшками.

Возле деревни Вышадки (Городокский р-н) на Витебщине обнаружены остатки кафтана из тонкого коричневого сукна на войлочной подкладке. По следам тесьмы (металлизированного галуна), которая украшала одежду, удалось проследить, что полы достигали колена. Тесьма была пропущена по боковым швам, сверху по рукаву и по небольшому стоячему воротнику. В то время встречались

и кафтаны из тонких тканей, по краям обшитых шелком или шелковой тесьмой. Они застегивались на металлические грибоподобные пуговицы, иногда с позолотой. Количество таких пуговиц достигало от 4–5 (Перевоз Глубокского р-на) до 24–25 (Гомельщина). Аналогичные кафтаны известны по раскопкам Гнездовских курганов на Смоленщине.

Обязательной частью мужского костюма являлся пояс. Он делался из плотной ткани, из кожи, плелся из ниток или тонких кожаных ремешков. В мужских костюмах кожаные пояса часто были с разделительными металлическими кольцами и украшались разного рода пластинками. В Вышадках на уже описанной свитке имелся пояс, сплетенный из ниток и медной проволоки. Он был четырежды обмотан вокруг талии, т.е. его длина достигала почти 7 метров. Слева на месте живота находился узел, из которого расходились шесть косичек с завязанными узелками на концах.

Рис. 18. Мужской костюм. Подвинье. XI в.:
1, 3 — реконструкция Г. Ласкавого;
2 — реконструкция Е. Брайчевского

К поясам подвешивались амулеты-ножики в кожаных чехлах, кресала, оселки, различные амулеты в сумочках из кожи или ткани. Кожаные сумочки богато украшались металлическими накладками или вышивкой, чаще золотыми нитями. В Куклях (Щучинский р-н) слева на поясе на кожаном шнурке был прикреплен клык какого-то животного, оправленный в бронзу.

О мужских головных уборах, в отличие от женских, известно мало. Прослеживается, что мужчины носили полусферические шапочки из ткани, кожи, войлока и вязаные. Они изредка украшались металлическими нашивками. Исследователи считают, что летом, как и по всей Восточной Европе, носили шапочки с небольшими полями, плетенные из соломы и различных растений.

Об обуви, как и в женских комплексах, информации мало, что, как уже отмечалось, связано с погребальным обычаем хоронить в носках или обмотках. Но фрагменты кожаной обуви были найдены в погребениях в Вилейском районе, на Новогрудчине и других местах.

Костюм горожан

О костюме горожан по археологических данным известно меньше, чем о крестьянских комплексах. Городских некрополей сохранилось очень мало потому, что города все время росли и они оказывались под застройкой. Но и в городских слоях находят ткани, украшения.

В культурных пластах городов ткани часто сохраняются значительно лучше чем в курганах. Встречаются ткани из льна, конопли, шерсти, а также шелковые. Есть комбинированные ткани, например из овечьей шерсти на льняной основе. Среди тканей найденных в Заславле есть льняные в две нитки и шерстяные в четыре нитки. В Полоцке найдено полотно, вытканное «в елочку».

Некоторые представления о городских комплексах дают пригородные курганные погребения, а также миниатюры рукописей, в том числе Радзивилловской летописи, и изделия мелкой пластики.

В женской городской моде были рубахи и юбки, а также платья. Носили платья приталенные и за счет вставок расширенные книзу.

Головные уборы основной части горожанок мало чем отличались от уборов жительниц округи. Но к середине XII века уже оформилась своя городская мода. В первую очередь это стало проявляться в украшениях. Появились височные украшения – колты. Они представляли собой полые изделия в форме круга или звезды. Внутрь вкладывалась ткань, смоченная пахучими маслами. По форме такие изделия имитировали украшения знати, но их делали из дешевых металлов – бронзы, олова, оловянисто-свинцовых сплавов или из низкопробного серебра. Колты обнаружены при раскопках в Минске, Гродно, Бресте, Слониме.

Типично городскими украшениями были стеклянные браслеты, перстни и височные кольца. Мода на их форму и цвет быстро менялась. Особенно получили распространение стеклянные браслеты. По форме они были гладкие, витые, рифленые, а по цвету – синие, голубые, черные, желтые, фиолетовые, зеленые. Более состоятельные горожанки могли приобретать и византийские стеклянные браслеты. Характерными для городского костюма были широкие металлические браслеты-наручи, которые состояли из двух частей и закреплялись шарнирами, а также металлические перстни со щитками или вставками из стекла и полудрагоценных камней, монетовидные подвески (кулоны), каменные (из овручского шифера) крестики и иконки в серебряной оправе.

Типично городские головные уборы – мягкие чепцы с металлическими очельями которые прикреплялись по низу. Очелья представляли собой головной обруч в виде выгнутого валика, обшитого тканью и с надетыми на него литыми металлическими дужками. Дужки от такого очелья найдены в Новогрудке. Кроме того, в Новогрудке на могильнике XII века найден веночек или край чепца, украшенный 12 позолоченными бляшками.

О прическах горожанок известно немного. Поскольку на городскую моду сильно влияла западноевропейская мода, то это несомненно отражалось и на прическах. В XII веке по всей Европе в моде была прическа «бараний рог», в которой заплетали две косы и над висками закручивали их в спираль. Поверх надевали сеточки из шелковых нитей.

Мужской костюм городских жителей включал рубаху, покрой которой был разнообразнее, и штаны более узкие, чем в крестьянских комплексах. В городах были популярны короткие свитки с поясом. Их шили из разных тканей. О свитках можно судить по изделиям мелкой пластики (изображение музыканта из Новогрудка, шахматные фигурки). Так, на волковысской шахматной фигурке, которая изображает барабанщика, и на фигурке музыканта из Новогрудка, показаны короткие подпоясанные свитки, где от пояса идут складки.

Мужскими головными уборами были полусферические шапочки из кожи, разных тканей, войлока, вязаные, шапки типа магерки, шапки с наушниками, с плоским верхом и небольшими полями, а также мягкие уборы напоминающие современные береты. Мужчины носили удлиненные волосы, которые прикрывали уши, изредка окладистые бороды и усы.

Одной из самых массовых категорий находок в городских слоях являются остатки кожаной обуви (рис. 19). Мастерские по изготовлению кожаной обуви раскопаны в Полоцке, Минске, Бресте. Обувь стандартного покроя свидетельствует об использовании выкроек. Основными видами обуви, как женской, так и мужской, были поршни, ботинки, туфли, полусапожки и сапоги. Каблуков не было.

Поршни делали из одного куска кожи, края загибали и получали носок, задник, бортик. Известны поршни из двух кусков кожи. В некоторых поршнях в носовой части сделаны вырезы, в которые вплетались кожаные ремешки.

Ботинки состояли из двух частей – целиком кроенного верха и подошвы. Верх включал головку, высокие бортики и задник. Под бортиком делались прорезы и протягивался кожаный шнурок. Туфли были похожи на ботинки, но имели низкие бортики. Полусапожки и сапожки напоминали современные.

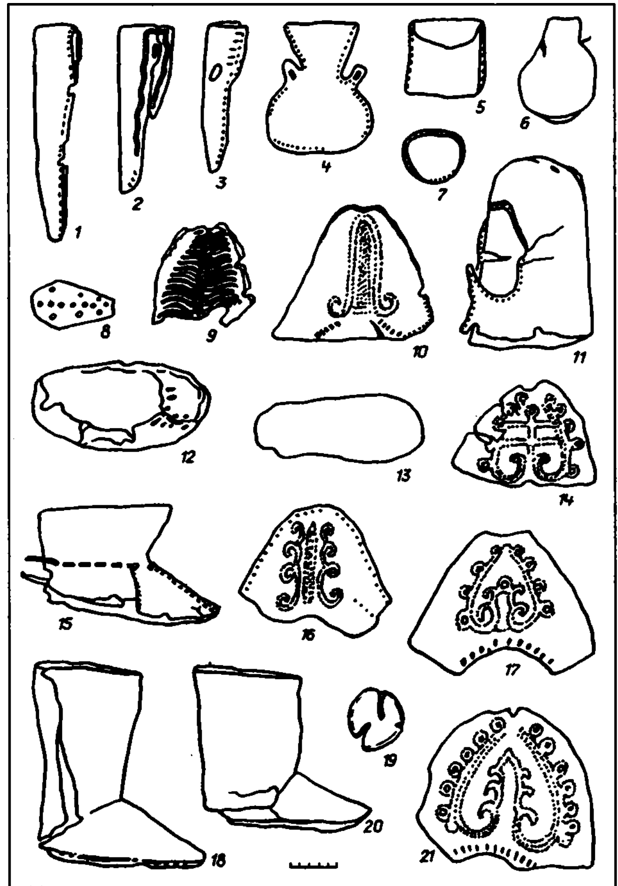

Рис. 19. Кожаные изделия: 1–3 — ножны; 4–6 — кошельки; 7, 19 — мячи; 8 — кожа, инкрустированная металлическими кружками; 9, 10, 14, 16, 17, 21 — фрагменты орнаментированной обуви; 11 — рукавица; 12 — туфля; 13 — подошва; 15 — башмак; 18, 20 — сапоги (1, 12, 18, 20 —Брест; 2, 3, 9, 10, 13, 19 — Слоним; 4–8, 11, 14–17, 21 — Полоцк)

Во многих городах обувь, преимущественно женская, часто украшалась вышивкой. Орнаменты наносили и вышивали еще на заготовках. Особенно украшался носок, но встречаются также изделия вышитые полностью. Орнамент был геометрический, стилизованный растительный и сочетанием геометрического и растительного. Для вышивки использовались цветные шерстяные и шелковые нитки. Растительный орнамент вышивался контурной линией, а геометрические детали полностью покрывались нитками. Кроме вышивки обувь украшали тиснеными металлическими бляшками, спиральными пронизками, бубенчиками, бусинами.

В культурных слоях городов найдены кожаные кошельки (сумочки), рукавицы, пояса, а также сохранились фрагменты шерстяных вязанных игольным плетением рукавиц и носков (чулок).

Костюм знати

Костюм знати имел много общего на территории всей Восточной Европы. В нем сочетались местные традиции, византийские и западноевропейские элементы. Выделялся повседневный и праздничный (церемониальный) костюм.

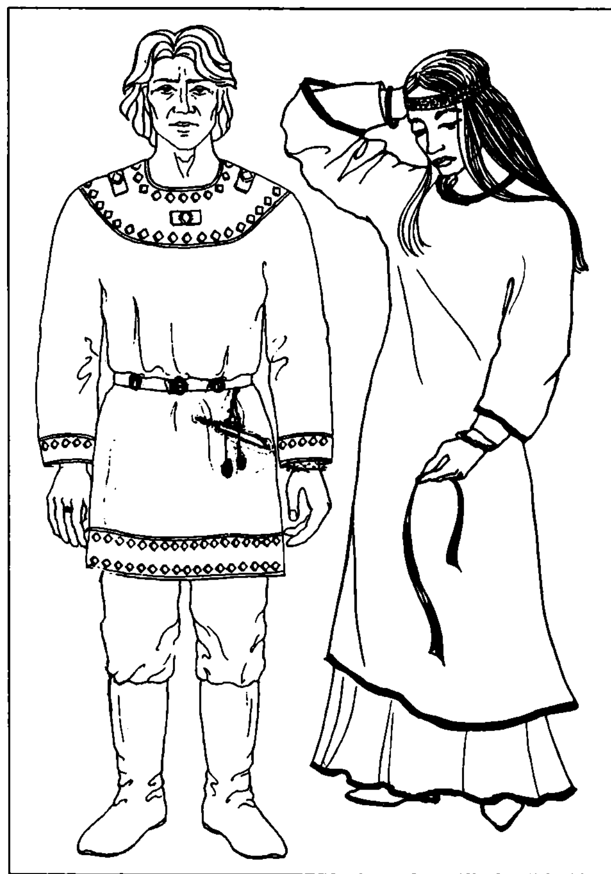

Рис. 20. Повседневный костюм знати. Начало II тыс.

Женщины носили длинные платья с узкими рукавами, а наверх надевали короткие платья с трехчетвертными расширенными рукавами (далматику) (рис. 20). Обязательной частью костюма был пояс. Обычно он завязывался впереди.

Подол, края рукавов, воротник и пояс украшались золототканой тесьмой, вышивались золотыми и серебряными нитями, обшивались драгоценными камнями, жемчугом. Часто вместо верхнего платья надевали тунику из плотного узорчатого шелка. Судя по миниатюрам Радзивилловской летописи, были и такие платья, верхняя часть которых обтягивала торс, а нижняя от бедер шилась из другой ткани. Сверху рукава были узкими, от локтя расширенными. Иногда широкие части рукавов и юбки делали плиссированными.

Одежда богато украшалась вышивкой. При княжеских дворах и монастырях в то время существовали специальные мастерские вышивки, а в Киеве при Андреевском монастыре было училище, куда привозили на обучение девочек со всей Восточной Европы. Использовали техники вышивки «в прокол», «в прикреп». Орнамент был геометрический, растительный, зооморфный. Широко использовались элементы орнамента – треугольники, крестики, колечки, свастики, крин, разные плетенки, изображения птиц, львов, барсов.

Во многих городах в погребениях знати вблизи храмов и в самих храмах найдены фрагменты шелковой одежды, одежды из импортного тонкого сукна. Часто встречаются одноцветные шелковые ткани, есть ткани с линейным, геометрическим, растительным и зооморфным орнаментом, а также атлас. Особенно были распространены золотистый, белый, красный, фиолетовый и зеленый цвета. Такие ткани привозили из Византии, Средней Азии, с Ближнего Востока. Ввозились также золотые и серебряные нитки. Из них местные мастера с включением шерстяных и льняных нитей изготавливали тесьму.

Верхней женской одеждой служили плащи-накидки из дорогих плотных тканей. Зимние плащи делали на подбивке из меха соболя, рыси, белки и др. животных, а сверху еще украшали мехом горностая. Носили и плащи с капюшонами.

Особое внимание придавалось головному убору. Парадный строй княгинь предусматривал высокую корону или шапку с опушкой из дорогого меха. Корона или шапка одевались на полотенчатый убор. Височными украшениями были колты и рясна из ценных металлов. В моде были круглые позолоченные колты с двусторонними изображениями птиц, исполненными в технике перегородчатой эмали, а также колты в виде шестиконечной звезды. Рясна состояли из металлической бусины, куда прикреплялись цепочки, которые перемежевывались круглыми пластинками. От висков рясна спускались до плеч. Фрагменты таких украшений найдены в Полоцке, Новогрудке, на городище Вищин в Рогачевском районе.

Убор знатной женщины дополняли витые серебряные шейные гривны, серебряные и золотые перстни и браслеты (рис. 21, 22). Золотые перстни найдены в Витебске, Полоцке, Бресте, Новогрудке. Полоцкий перстень имел вставку из сапфира, а новогрудский – из граната. В Полоцке и Борисове при раскопках выявлены золотые трехбусинные кольца. В храме XII века в Минске найден золотой браслет, сплетенный из тонких проволочек. На его концах стилизованные изображения змеиных голов.

На территории Беларуси известно более 20 вещевых и монетно-вещевых кладов этого периода. В состав кладов входили серебряные пластинчатые браслеты с выгравированными изображениями, золотые и серебряные перстни, позолоченные бусы, подвески, цепочки (Дегтяны Копыльского, Горовляны Глубокского, Добрино Лиозненского районов, Пинск и др.).

Обувь знатных женщин по форме была такой же как у горожанок, но выделялась качеством кожи (из шкур оленей, лосей), цветом (красный, зеленый, голубой, белый), богатством вышивки (золотые и серебряные нити, дорогие бусы, жемчуг).

Повседневным костюмом знатных мужчин служили короткие рубахи с округлым вырезом горловины и длинными рукавами. Их шили из белой, синей, крас-

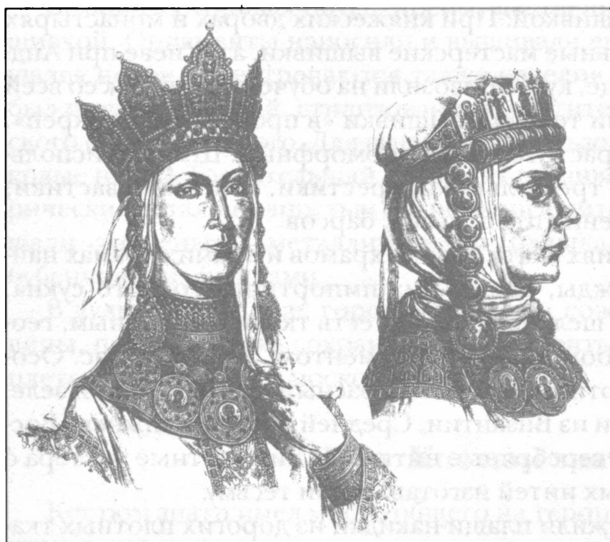

Рис. 21. Парадные уборы княгинь. XII в. Реконструкция Н. Жилиной

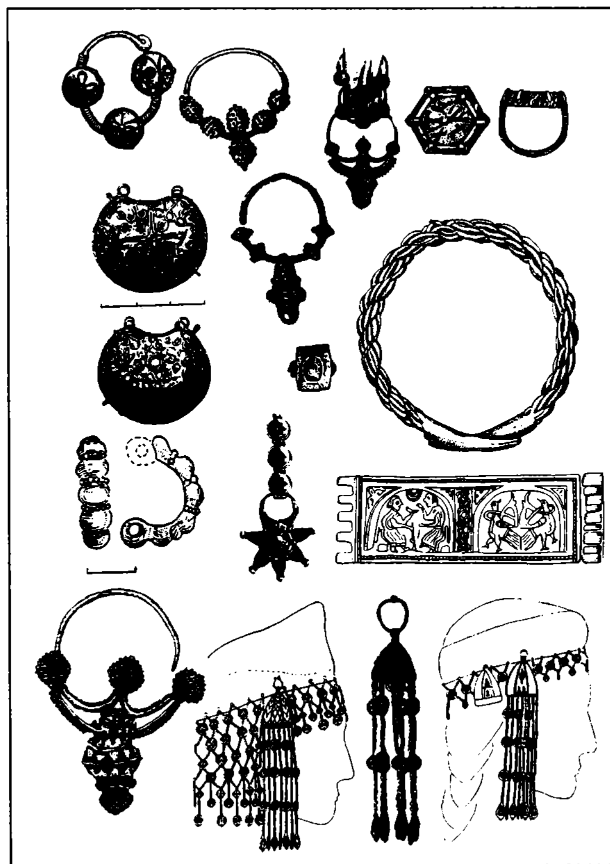

Рис. 22. Украшения знати. XI–XII вв.

ной дорогой тонкой ткани (льняной, шерстяной, шелковой) и украшали вышивкой, тесьмой или различного рода нашивками. Верхней одеждой был плащ (корзно, мятль, луда). Зимние плащи подбивались мехом. Головным убором, который подчеркивал принадлежность к княжеско-боярскому сословию, была остроконечная или округлая шапка из красной, голубой или желтой ткани с меховой опушкой.

Представление о княжеском церемониальном костюме дают миниатюры «Кодекса Гертруды», где показаны княгиня Гертруда, ее сын Ярополк и невестка Ирина — Кунегунда. В 1043 г. князь Изяслав женился на польской княжне Гертруде — дочери Мешко II, внучке Болеслава Храброго. Гертруда привезла с собой подаренный ей псалтырь. Потом рукопись была дополнена текстами и миниатюрами. Сейчас он хранится в городе Чивидале в Северной Италии в Национальном археологическом музее. На миниатюрах княгиня Гертруда изображена в малиновой тунике, поверх нее золотистая мантия, застегнутая на груди круглой фибулой. На голове шапка и накидка из тонкой ткани с цветами, которая свисает на спину. На руках широкие золотые манжеты-наручи, а на ногах красные ботинки.

У Ярополка золотая корона-шапка, украшенная жемчугом и драгоценными кам-

нями. На нем малиновая туника, расшитая золотыми цветами и золотистое оплечье. На подоле широкая кайма, украшенная драгоценными камнями. Рукава узкие и ниже плеча украшены золотой полоской с вышивкой, а возле запястья золотыми наручами. Сапоги красные с вышивкой.

На Кунегунде голубое платье. Его подол украшен широкой каймой с драгоценными камнями. Подобные и манжеты. На платье наброшен и приспущен на плечах золотистый лорум – широкая лента, которая считалась символом власти. Лорум закреплен красным поясом. На голове светло-розовый чепец и большая корона, от которой на спину спадает покрывало. На ногах красные ботинки.

Коротко об авторе

Людмила Владимировна Дучиц (1950 г.р.) — известный беларуский археолог. Кандидат историческихх наук. В 1974–2012 гг. научный сотрудник Института истории АН БССР (НАН РБ). Автор множества статей и четырех книг:

— Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV стст. Гісторыка-археалагічны нарыс. 1991 г. (128 с.);
— Археалагічныя помнікі ў назвах, вераваннях і паданнях беларусаў. 1993 г. (60 с.);
— Касцюм жыхароў Беларусі X–XIII стст. (паводле археалагічных звестак). 1995 г. (80 с.) /2-е издание 2001 г.; 3-е издание 2005 г./;
— Сакральная геаграфія Беларусі, 2011 г. (384 с.) /совместно с Ириной Климкович/.

ЛИТВА НА БАЛКАНАХ
(о первоначальном смысле названия)

Алесь Жлутко

Этимология названия Литва привлекает внимание историков и лингвистов. Ей посвящено большое количество публикаций. Вопрос пытались решить, исходя из разных языков – германских, кельтских, балтских. Но и сегодня он окончательно не решен. Обусловлено это, помимо всего другого, тем, что исследователи мало используют богатый ономастический материал (в том числе со славянских территорий), а также источники на латыни*. Особую ценность имеют латинские документы, поскольку они довольно корректно передают фонетический строй названий и точно фиксируют время их употребления.

Наиболее интересны среди них памятники XIII – XIV веков, синхронные времени возникновения и становления Великого Княжества Литовского – древней Литвы. Они, например, приводят несколько форм названия с разными вариантами корня (наиболее частые из которых – lit-, let-, lut-) и формантами -u-, -ou-, -au-, -uan-. В частности, встречаются такие формы, как Litua, Litouia, Lethouia, Luthawia, Luthowia, Lithuania и др. В латинских хрониках, а именно в Кведлинбургских анналах под 1009 годом отмечен самый ранний вариант названия – Litua. В других вариантах он начинает фиксироваться позже, уже в XIII веке.

Необходимо отметить, что ранняя форма Litua встречается и в документах XIII века, но применительно к другой территории – Олтении в сегодняшней Румынии. Это местность в долине нижнего течения реки Олт (Олта), недалеко от ее впадения в Дунай, который отделяет здесь Румынию от Болгарии**. Первый по времени документ – привилегия венгерского короля Белы IV от 2 июня 1247 года ордену тамплиеров, которых он пригласил на подвластные ему земли для защиты от татар. В привилегии упоминается terra Lytua – «земля Литва». Как следует из контекста документа, названная территория это «terra kenezatus Lytuoy wojavode» – «земля княжества воеводы Литвоя (или Литавоя)». В самой привилегии terra Lytua фигурирует еще два раза. Обращает на себя внимание славянская терминология, использованная в документе. Kenezatus – это, несомненно, латинизированная форма славянского термина «кнезат» – княжество, а wojavoda соответствует термину «воевода». Кроме этого княжества в привилегии упомянуты еще княжества Яна и Фаркаша, а также земля воеводы Сенеслава. Последнюю локализуют на левом берегу реки Олт.

Как отмечают исследователи румынской истории, эти территориально-политические образования в середине XIII века оказались в вассальной зависимости

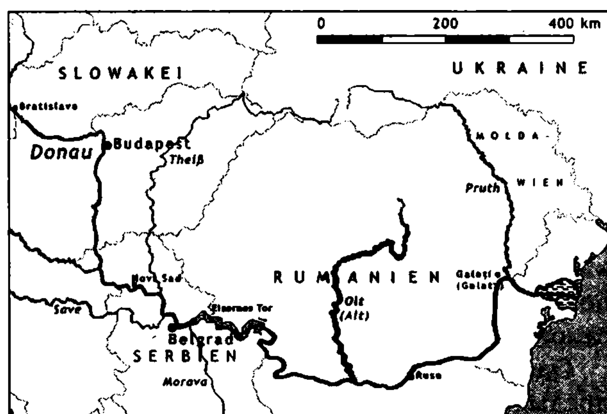
Из журнала «Спадчына», 2000, № 5–6, с. 90–95. Перевод и редакция А.Е. Тараса. В журнальной статье было 24 сноски на источники, которые здесь не приводятся.

* Ономастика – область лексикологии, исследующая имена собственные. Включает в себя топонимику и антропонимику. – *Ред.*

** Исследователь Иван Ласков в своей книге «Летапісная літва: сваяцтва і лёс», написанной в 1993 году, прямо заявил, что предки нынешних летувисов, беларусов и коми-пермяков первоначально жили вдоль реки Олт. См. главы 4 и 5 в указанной книге, опубликованной отдельным изданием в 2011 г. – *Ред.*

от Венгерского королевства (до того Олтения входила в состав Второго Болгарского царства). Организованы они были по славянскому образцу. Княжества состояли из ряда деревень и сел, географически связанных между собой. Князья были крупными землевладельцами, имевшими военную, судебную и фискальную власть над жителями княжеств. Если князю удавалось по наследству либо силой оружия подчинить соседние княжества, складывалась более крупная форма собственности – воеводство, а владелец получал титул воеводы.

В этногенезе румын большую роль сыграли славяне, которые на протяжении столетий взаимодействовали с романизированным дако-гетским населением. В румынском языке много славянских заимствований. Славянскими терминами, например, назывались государственные посты и должности: господарь, князь, бан, банович, гетман, боярин, стольник и ряд других. Славянский язык на румынских землях был языком церкви и государственного делопроизводства до середины XVIII века. Письменные источники фиксируют значительное количество славянских имен в этом регионе. Таковы, например, имена первых румынских воевод и господарей: Богдан, Дан, Мушата, Драгош, Радо, Владислав и другие. Безусловно славянские имена воевод Сенеслава и Литавоя приведены в привилегии Белы IV. Последнее имя встречается, например, в Болгарии (XIII век) и выводится исследователями от более древнего Лютовой (XI век).

Река Олт

Воевода Литавой фигурирует еще в четырех документах. В письме от 5 января 1285 года его имя приводится в немного другой форме – Lythway wayuoda. Привилегия дана венгерским королем Ладиславом IV магистру Георгию на владение несколькими деревнями за верную службу в конфликтах с внутренними и внешними врагами королевства. К этим врагам причислен и воевода Литавой. Как следует из содержания документа, в то время, когда малолетний король начал править после смерти отца, упомянутый воевода вместе с братьями захватил часть королевства и отказался платить королю налоги с этой части. Против него и послал король магистра Георгия с войском, которому удалось выиграть войну и убить воеводу Литавоя, а также взять в плен одного из его братьев.

Другой документ от 6 октября 1288 года выдан самим магистром Георгием, который наделял земельным наделом одного из своих рыцарей – Петра, особо отличившегося во время военных походов своего командира. В связи с этим говорится и о смерти воеводы Литавоя. Форма имени здесь такая же, как и в предыдущем документе, – Lythway wayuoda.

Интересно, что в другом документе, значащимся под той же датой, антропоним приведен в другой форме, а именно: Litua (al. Lythen) waiuodam – Литва

(иначе Литень) воевода. Форму, приведенную в скобках, считают добавленной первым издателем документа Г. Фаером. Под похожим именем – Lython, князь Литавой выступает в четвертом документе от 8 января 1285 года, который своим содержанием повторяет рассмотренную нами привилегию Ладислава IV и тоже выдан магистру Георгию этим же королем. Формы Lythen и Lython не вызывают сомнения, поскольку содержатся в именословах разных славянских народов и являются суффиксальными производными от имен с основой lit< lut-.

Форма Litua, безотносительно вопроса о подлинности документа, применена его составителем как производная от имени Литавой. При этом автор (или писец) должен был исходить из живой ономастической традиции. В любом случае обращает на себя внимание корреляция названия с однокоренными антропонимами. Очевидно, что наиболее близки к нему по форме имена Litwa (Litva) или Litvo, которые мы находим, например, в чешском, словацком и польском языках. В словацкой антропонимике присутствует также имя Lithvay. Все они фиксируются не позже второй половины XIV века. А это, в свою очередь, позволяет отнестись более внимательно к мнению о происхождении древнего названия нашего государства – Литва, высказанному хронистом XVI века Мацеем Стрыйковским*. Он считал, что оно происходит от имен Litwo, Litwosz или Litwan. Все эти антропонимы фиксируются в славянских языках, в частности, в польском, на котором писал свои произведения Стрыйковский. Например, самое древнее упоминание антропонима Litwanus относится к 1335 году.

Однако похоже на то, что в своих рассуждениях Стрыйковский опирался на предыдущие письменные источники, прежде всего, на работу Мартина Бельского, который выводил название государства от имени князя Litwo**. В свою очередь, Бельский мог позаимствовать эту идею из произведений прусских хронистов XVI века Симона Грунау (Грюнова) и Луки Давида. Эти авторы ссылаются в своих произведениях на рукописную хронику первого прусского епископа Христиана, которая появилась в XIII веке, но до нашего времени не сохранилась. Остался только небольшой фрагмент из нее, опубликованный Иоганном Фогхтом в первом томе «Истории Пруссии».

В этом отрывке передается мифическая история происхождения Литвы и Пруссии. Название Литвы выводится здесь от легендарного родоначальника князя Litpho (= Litvo). Согласно пересказу Лукой Давидом содержания хроники Христиана, во владении этого князя оказались земли между Бугом и Неманом, где он даже построил крепость Гродно. Земля получила именование Малая Литва. Как бы ни решался вопрос с аутентичностью произведения Христиана, но что касается Бельского и Стрыйковского, то они, безусловно, имели в виду личные имена, которые бытовали в их окружении, и которые они связывали с названием страны.

Однако вернемся к венгерским латиноязычным документам. Название Lytua выступает здесь с определением terra – земля, является территориальным. В ка-

---

* Мацей Стрыйковский (1547–1590) – автор «Хроники литовской, польской и жамойтской» (1582 г.). – *Ред.*

** Мартин Бельский (1495–1575) – автор «Хроники всего света» (1551 г.). Симон Грюнау или Грюнов (S. Grunau) и Лука Давид (Lucas David) – авторы «Прусских хроник», написанных в первой четверти XVI века. Иоганн Фогхт (J. Voight) – автор двухтомной «Истории пруссов» (1827 г.). – *Ред.*

честве территориального названия или топонима мы встречаем его и в латинских источниках, которые относятся к территории Чехии и Словакии. Например – provincia Lytwa – провинция Литва вместе с Castrum Lytwa – замком Литва на территории словацкого округа Жылина приводятся в источниках начиная с 1300 года. Под 1323 годом название выступает в форме Letawa, а под 1392 – в латинизированном виде Letavia. В 1393 году опять видим форму Lytwa. Terra seu possessio Lytua – земля или владение Литва с замком Lytua существовали и в округе Зволен. На страницах документов они появляются уже с 1135 года. Интересно, что среди их первых владельцев названа семья Литваёвцев (Litvayovcy). В XIV веке название Litwa встречается и в Чехии, где оно чередуется с другими формами того же названия – Litowa, Lytawa, Lytauia.

Итак, название Литва синхронно либо раньше возникновения Великого Княжества Литовского присутствует на территориях, значительно удаленных от пространства, занимаемого балтами. На указанных территориях название имеет территориальный либо топонимический характер. Это позволяет ставить вопрос о возможности объяснения его первичного значения и на землях Беларуси как территориального, а не этнического (сравним летописный термин «земля Литовьская», которым обозначалась изначальная Литва). Надо отметить, что он полностью сопоставим с целым рядом топонимов на пространстве между Новогрудком и Минском, отмеченным в свое время Николаем Ермоловичем. Заметна его связь с однокоренными антропонимами. Формы названия и его локализация на славянских территориях указывают на вероятность его славянской этимологии.

Коротко об авторе

Алесь Жлутко (Алесь Жлутка, 1954 г.р.) — языковед и историк, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института истории национальной академии наук Беларуси. Издал книги «Міндаў, кароль Літовії, у дакумэнтах і сьведчаньнях (2005); «Лацінска-беларускі слоўнік актавай мовы Вялікага Княства Літоўскага XIII–XVIII стст.» (2011).

ЯНОВСКИЕ ЛАБОРЫ

Татьяна Микулич

На самом юге Беларуси почти на границе беларуского Полесья и украинской Волыни уже более 500 лет стоит небольшой город Янов (раньше он считался местечком). Правда, сегодня он имеет официальное название Иваново, которое является простым переводом на русский язык древнего именования. Но в сознании жителей города и окружающих деревень прочно сохраняется старое имя – Янов (Янава). Впрочем, железнодорожная станция города все же называется Янов-Полесский.

Исторический путь любого населенного пункта, насчитывающий несколько столетий, не может быть простым. Много испытаний выпало и на долю Янова. Его жители изведали опустошительные набеги татар, немецких рыцарей, испепеляющие пожары, разрушительные конфликты на социально-политической и религиозной почве. Периоды расцвета уступали место периодам упадка, но жизнь здесь никогда не замирала.

Надо отметить довольно удачное географическое размещение Янова. Леса и болота между реками Пиной и Ясельдой никогда не были такими труднопроходимыми, как на остальной части Полесья. Песчаная возвышенность, так называемое Пинское Загородье, давала возможность населению активно заниматься земледелием, животноводством, торговлей.

Датой основания города считается 1465 год. Именно тогда деревенька Порхава, которая находилась во владении Луцкого епископа Яна Ласовича, получила статус города и новое имя – Янов. Начался качественно новый период в истории прежнего сельского поселения. По привилегии Яна Ласовича, жители нового города на 20 лет освобождались от всех поборов и повинностей. Им позволялось варить пиво за небольшую плату, ловить рыбу в реке Буг и во всех водоемах около Янова. За полученные вольности граждане должны были платить по 16 польских денег ко дню Святого Мартина.

Привилегия 1465 года поощряла строительство в городе: «Построенные дома и другое в Янове продавать, обменивать, отчуждать, дарить и обходиться по своему желанию на свою пользу, так, как им кажется лучше и удобнее это сделать». Янов стал быстро расти. В городе появились новые красивые дома, увеличилась численность населения, оживилась торговля, начали проводиться ярмарки. В разные периоды значение Янова как торгового центра не было одинаковым, но оставалось довольно стабильным. Так, в конце XV века в городе проводились по три ярмарки на год, а во второй половине XIX века – четыре (по данным 1859 года, в Кобринском уезде ярмарки проводились только в Кобрине и Янове, соответственно 6 и 4). Из всех окрестных деревень и даже издалека съезжались в Янов крестьяне в ярмарочные дни. Яновские торговцы преуспевали и далеко от города. Например, в Варшаву вывозилось так называемое «литовское» масло.

Из журнала «Беларуская минуўшчына», 1994, № 4, с. 58–60. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

Тихую жизнь местечка время от времени нарушали военные действия. В один из периодов обострения конфессиональных противоречий в Янове был убит иезуит Андрей Баболя. Случилось это в результате нападения на город украинских казаков из куреня полковника А. Здановича 16 мая 1657 года – во время «потопа» (войны Московского царства против Речи Посполитой). Почти через два столетия – 17 апреля 1938 года – Андрей Баболя был причислен к сонму святых католической церкви. В память о нем в Янове поставили памятник перед костёлом. Но ради справедливости отметим, что на протяжении нескольких столетий в Янове успешно сосуществовали православные, католики, евреи. Городок имел и православную церковь, и католический костел, и еврейскую синагогу.

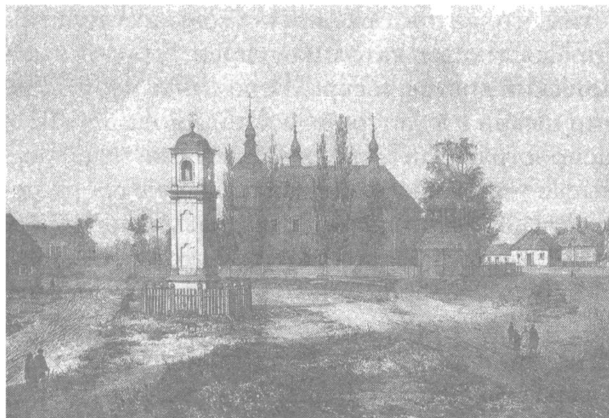
Особенность социально-экономической и культурной жизни Янова в XVIII – начале XX веков была связана с распространением среди местных жителей редкого занятия, в определенном смысле – промысла. Он заключался в сборе пожертвований на церковь. Яновцы, которые занимались этим, назывались лаборами. Почти все мужчины-христиане городка были втянуты в этот промысел. Постепенно в сознании крестьян округа слова яновец и лабор стали синонимами.

В XIX веке сбор пожертвований на ремонт и строительство храмов был обычным явлением. Еще в начале XX века на сельских ярмарках, на постоялых дворах и в других многолюдных местах можно было встретить крестьян, мещан, монахов, отставных солдат, которые занимались таким сбором. В разной местности их называли по-разному: прошаками, лаборами, кубраками. Зарождение промысла относится к позднему средневековью. Первые собиратели пожертвований на нужды церкви появились на территории современной Беларуси, а также Украины и России в конце XV века. После падения Византии в результате агрессии турок-османов в 1453 году греческие монахи вынуждены были таким образом поддерживать свои христианские храмы и монастыри.

На Беларуси собственные профессиональные сборщики средств для церкви стали действовать с времен Речи Посполитой. Наибольшую известность приобрели мстиславские кубраки и яновские лаборы. Первые являлись жителями Мстиславля Могилёвского воеводства, вторые – Янова Кобринского повета Гродненского воеводства. И для кубраков, и для лаборов хождение с целью сбора средств на строительство храмов было профессиональным занятием. Часть пожертвований они оставляли себе. Проконтролировать количество средств, не доходивших до церкви, было почти невозможно. Чтобы как-то бороться со злоупотреблениями вокруг богоугодного дела, прошакам выдавали специальные прошнурованные книжки с сургучной печатью и удостоверением консистории. В эти книжки записывалось количество жертвуемых денег. Но, конечно, записи делались не всегда. Пожертвования же в виде полотна, зерна и различных вещей хранились у сборщиков.

Для появления группы людей, которые могли существовать благодаря сбору пожертвований на церковь, должны были сложиться определенные условия. Прежде всего, само население поддерживало сборщиков. Деньги на церковь охотно давали и зажиточные, и бедняки. К тому же, люди, занимавшиеся сбором пожертвований, имели возможность на длительное время уходить из дома. Небольшое хозяйство прошака в его отсутствие вела жена.

Жители Янова никогда не имели достаточно земли, чтобы хватало на жизнь. На каждый двор приходилось не более 3-х десятин (примерно 3 га). Это в то время, когда для нормального существования семьи нужно было не менее 10. Именно поэтому яновские хозяева всегда искали возможность дополнительного заработка. Пробовали себя в торговле, на сплаве леса, в собирании средств на строительство храмов. Постепенно в Янове сложилась устойчивое распределение занятий среди населения. Торговля почти полностью перешла в руки евреев, а собирание средств на церковь («лаборство») — к православным местечка.

Город Янов-Полесский в 60-е годы XIX века. Рис. Наполеона Орды

Свобода от барщины позволяла лаборам отсутствовать длительное время. Владельцы Янова получали от зависимого населения денежный налог — оброк. А за право пользования землей женщины должны были отрабатывать определенное количество дней на поле во время уборки урожая. В середине XIX века таких «згонных» дней насчитывалось 12 в год на каждую душу женского пола.

Относительно происхождения слова «лабор» существуют разные точки зрения. Среди жителей Иванова сегодня наиболее распространено представление об образовании его от имени помещицы Лаборыни. Существовала легендарная Лаборыня или нет — неизвестно. Однако более вероятным кажется мнение, что название «лабор» происходит от латинского «labor» — работа. Сборщиков пожертвований в пользу церкви ксендзы могли называть работниками, произнося это на латыни.

Особенности лаборов, которые выделяли их среди местного населения, не сводились только к специфике промысла. Последний наложил отпечаток на внешний вид лаборов, их психологию, семейные отношения, бытовую культуру, обычаи, язык. Лаборство было наследственным занятием: если отец лабор, то и сын делался им. За сотни лет своего существования лаборы образовали своеобразную группу, которая держалась достаточно обособленно от другого населения.

Благополучие семей сборщиков пожертвований на церковь полностью зависело от умения найти подход к людям с целью получения более крупных сумм денег. С течением времени оттачивалась сообразительность, хитрость лабора. Странствия по самым разным местам, встречи со многими людьми давали лаборам жизненный опыт, учили разбираться в человеческой психологии, придавали им «цивилизованность». Яновского прошака можно было встретить в городах и местечках Беларуси, возле Ковно и Вильни, на Волыни, в Петербурге и Москве и других весьма отдаленных местах.

По полгода отсутствовали лаборы, а их жены вынуждены были длительное время справляться с делами без хозяина. Значительно чаще деревенских женщин им приходилось самостоятельно принимать решения относительно хозяйства, распоряжаться средствами, которые высылал муж на содержание семьи. Каждая «лабурка» (так называли жену лабора, хотя за сбором женщины не ходили) умела хорошо торговать. Ответственность за детей и хозяйство делала этих женщин бойкими, изобретательными, развивала гибкость ума.

Наиболее благоприятным периодом для сбора пожертвований считалась осень. После окончания полевых работ, где-то в конце августа или в сентябре лаборы собирались в дорогу. Поскольку им приходилось отсутствовать по несколько месяцев, накануне отъезда устраивались торжественные проводы. На них приглашали родичей, соседей, хороших знакомых. Выезжали обычно в ночь. Перед дорогою многие из лаборов обращались к знахарю, чтобы узнать о благоприятной дате отъезда и насколько удачным будет путешествие. В дорогу отправлялись на подводе, вдвоем или втроем. Обычно один оставался стеречь лошадь, ладить снаряжение, пока другие собирали пожертвования.

Всю осень, зиму и начало весны лаборы странствовали, но на Пасху обязательно возвращались домой. Приезжали, как и отъезжали, всегда ночью. Приезд лабора был настоящим праздником для семьи. В связи с этим событием собирали много гостей, готовили богатое застолье.

После месячной побывки лабор опять отправлялся в путь, но уже на значительно меньший срок. К концу июня все лаборы опять собирались в Янове. По опыту они знали, что летом, когда кончались прошлогодние запасы, когда велись основные работы в поле, пожертвования будут незначительными. Да и сами лаборы должны были позаботиться о своих наделах. Но все же хозяйственные заботы им не очень мешали, поэтому летом Янов выделялся разгульным весельем среди тихих, занятых тяжелой работой деревенек. Веселиться в Янове любили. Перед закатной порой на завалинках собирались гурьбой, пели красивые полешукские песни. А молодежь устраивала гуляния с музыкой, танцами, играми. Музыканты были свои – целый оркестр.

Яновские лаборы известны как опрятные хозяева. Двор и дом всегда содержались в порядке. Жилище всех яновцев было однотипным. Оно представляло собой небольшое строение в 7 аршин длины и 6 ширины (примерно 5 на 4,2 м), с четырьмя окнами. К дому пристраивались сени и клеть. И в самом доме, и в сенях с клетью имелся пол из досок. Последнее, а также печь с дымоходом отличали жилище лабора от жилища деревенского населения, которое обычно было с «курной» печкой, с глиняным либо земляным полом. В каждом доме имелось много разных икон.

Усадьба яновца размещалась на 25 сотках земли. Кроме дома, здесь имелись хлев для скота, гумно, некоторые другие строения. Сразу за домом росли несколько садовых деревьев, остальная земля отводилась под огород. Подворье всегда было чисто убранным, старательно ухоженным.

Внешним обликом лаборы не отличались от местных полешуков. Среднего роста, с темными волосами и глазами, светлое лицо с правильными чертами. Но в одежде разница была. Обычно они носили короткий кожух с ременным кушаком, кожаные сапоги с длинными голенищами и черную суконную шапку с ко-

зырьком. На праздник же надевали серую сермягу с красными отворотами на рукавах и большую шапку из седой овчины.

Надо подчеркнуть, что яновские лаборы по своей этнической принадлежности, несомненно, были автохтонным полесско-беларуским населением. Хотя в самом городе сохранились сведения, что когда-то давно владелец Янова переселил сюда несколько человек то ли из-под Луцка, то ли из Молдавии, которые, собственно говоря, и стали первыми лаборами. Даже если это и имело место, то за сотни лет потомки переселенцев превратились в настоящих полешуков.

Родным языком яновских лаборов был язык населения брестско-пинского региона. На нем говорили в семье, общались с жителями Янова и окрестных деревень. Но лаборы знали и особый язык, так называемую «либерску гавридню». Этим искусственным языком они пользовались, чтобы избавиться от чужих ушей. Чаще всего – в пути, при необходимости договориться о чем-то между собой в присутствии других людей.

Искусственные тайные языки – не такое уж редкое явление. Издавна они имели определенное распространение у разных народов. Причина возникновения этих языков заключается в желании некоторых общественных групп хранить в тайне свои профессиональные секреты. На территории Беларуси, например, существовали искусственные языки кричевских ремесленников, дрыбинских шаповалов, нищих Слуцкого и Гомельского поветов Могилевского воеводства, кубраков Мстиславля и другие.

Этнограф Евдоким Романов

Язык яновских лаборов был близок к языку нищих и кубраков (напомним, что последние тоже занимались сбором пожертвований на церковь). Известный беларуский этнограф и фольклорист Е.Р. Романов в конце XIX – начале XX вв. знакомился с искусственными языками на Беларуси. С собранными материалами он неоднократно выступал в печати. Наиболее значительная работа Евдокима Романова, посвященная условным диалектам Беларуси, помещена в 9-м выпуске его «Беларуского сборника» (Вильно, 1912 г.).

По словам самих лаборов, свой язык когда-то очень давно они переняли от русских. Действительно, известно, что русские путешественники (старцы, нищие), кроме родного, разговаривали и на искусственном языке. Что представлял собой этот язык? В основном – сбор слов из самых разных языков и диалектов. Многие слова были заимствованы из греческого, латыни, немецкого и других иностранных языков, другие являлись узколокальными и встречались только в какой-нибудь одной местности. Были просто искаженные слова и новообразования. Все сказанное можно отнести и к языку лаборов. В сходстве искусственных языков лаборов и нищих еще относительно недавно, лет 25–20 тому назад, можно было убедиться лично*. Старые лаборы и такого же возраста нищие, которые заходили в Янов,

* Статья Т. Микулич была опубликована в 1994 г. Следовательно, выражение «25–20 лет тому назад» указывает на 1975–80 гг. – *Ред.*

Город Иванов сегодня

разговаривали между собой на одном и том же языке, совсем непонятном несведущим. Поэтому лаборскую речь еще называли языком старцев.

Когда-то лаборский язык был довольно развитым. На нем говорили на самые разные темы. Все мужчины-лаборы его хорошо знали, женщины – меньше, ведь они не занимались сбором средств и не имели нужды в тайном языке. Зато все мальчики с 7–8 лет обязательно его учили.

Лаборы жили замкнуто, в своей среде. «Мэть», так они называли деревенских жителей, не должна была знать их тайный язык, их историю. Конечно, в последнее столетие отношения изменились. После образования БССР и СССР лаборы, которые оказались в составе Польши, утратили возможность ездить на восток за пожертвованиями. Круг их странствий значительно сузился. А после 1939 г. лаборство как институт вообще исчезло. В советской Беларуси происходило массовое закрытие храмов, а новые совсем не строили. Профессиональные сборщики средств на церковь остались без занятия.

Сегодня еще можно встретить в Иванове людей, которые помнят, что их отцы собирали пожертвования. Нам довелось беседовать с ними, а также с последними настоящими лаборами, которые занимались промыслом своих предков в 20–30-е годы. Время неумолимо. Уходят люди, исчезают последние свидетели былого. Чтобы успеть что-то записать, автор этих строк несколько лет изучала вопрос о лаборах непосредственно на месте, в Иванове. Был собран определенный материал. Но надо сказать, что сведения относительно истории лаборства, которые сохранились в памяти яновцев, значительно мифологизированы. Потому опираться на них как на исторический источник трудно. Необходимо искать письменные, особенно архивные, источники.

В середине XIX века Янов посетил исследователь Ф. Ставрович, который одним из первых напечатал сведения о лаборах, привел некоторые слова их своеобразного языка. Те же слова и мы услышали от потомков лаборов спустя более чем сто лет. Это позволяет судить о значительной устойчивости их языка,

несмотря на отсутствие письменных традиций. Вот отдельные слова из лексики лаборов: репсанка – книжка, хрущи – рубли, хлюса (керха) – церковь, хаза – дом, ставер – крест, шусто – местечко, гонэк – мёд.

От редактора: В.В. Деружинский посвятил три страницы (с. 147–149) языку лаборов в своей книге «Забытая Беларусь» (2011 г.). В частности, он процитировал письма двух читателей, а также некоторые слова лаборов, приведенные ими в качестве примеров: бить – копсать, воровать – яперить, девушка – биячка, дочь – дохна, идти – пнать, канава – прысть, конь – волот, корова – гэмытка, кружка – кварта, молоко – гальмо, мужик – мэть, понимать – сиврать, сало – крысо, юноша – бияк, и др. Но вывод из этих писем он сделал фантастический: «На мой взгляд, лаборский язык – очередная вариация нашего дославянского языка» (с. 149).

Двадцатый век принес в жизнь Янова много нового. Кардинальные изменения социально-политического и экономического характера привели к исчезновению лаборского промысла. Прежняя обособленность лаборов, обусловленная спецификой промысла, утратила смысл. Искусственный язык начал выходить из обихода и забываться. Особенности культуры и быта, психологии лаборов постепенно нивелировались в сторону сближения с чертами новых переселенцев из окружающих деревень. С конца XIX и до конца XX века число жителей города увеличилось с 3 тысяч человек до 15 тысяч.

В наше время доля потомков лаборов среди общего населения Иванова совсем невелика. И давно уже никто не занимается сбором пожертвований на строительство и ремонт храмов, а значит не является лабором в буквальном смысле слова. Но еще продолжает сохраняться слово «лабор» в другом значении – как название потомственных жителей города, предки которых издавна жили в Янове.

Яновские лаборы – одна из интересных страниц отечественной истории, страниц, написанных человеческими судьбами. Это загадочное, малоизвестное прошлое не должно остаться вне нашего внимания.

ЛЮДИ НА БОЛОТЕ

Александр Локотко

Люди на болоте... Было ли такое? Неужели, действительно, кто-то жил среди болот? Сегодняшние деревни Полесья выделяются своими грандиозными размерами среди ровных и плоских осушенных коллекторов. Только, пожалуй, леса Полесья, уникальные дубравы среди старый Припяти, над лугами Уборти, Ствиги, Горыни напоминают о том, что край этот необычный, и что клюквенные болота в окрестностях Тонежа и Парадной не экзотика, а то окружение, в котором родились и выросли многочисленные поколения полешуков.

Среди топей и дремучих лесов место у воды (реки или озера) — наиболее удобное для поселения. Прибрежный тип расселения самый древний как для славян, так и для тех, кто тысячелетиями жил здесь до них. Некогда река была единственным путем движения племен. Достаточно глянуть на археологические карты: могильники курганных кладбищ густыми цепочками вытягиваются вдоль рек. В начале XX века этнограф Исаак Сербов (1871–1943), который писал о полянах из окрестностей Вичина, отмечал:

> «Стремление полян — обязательно селиться поближе к воде. Поэтому все другие селения вблизи речек и болот». (Сербов И.А., 1928). «В районе Загальского болота в Волосовицком сельсовете мы встречаем ряд хуторов и мелких деревенек, разбросанных среди болот». (Лебедева Н.И., 1929).

Географов и исследователей начала XX столетия Полесье впечатляло грандиозностью и уникальностью природной среды, масштабами, жизненным укладом, пронизанным традициями старины. Вот свидетельства очевидцев. Автор статьи в энциклопедическом издании «Европейская Россия» (1913 г.) писал:

> «Болота, то открытые, то поросшие кустарником и лесом, широкие как озера и длинные как реки, стелящиеся по огромным пространствам, медленно бегущие реки с неочерченными берегами, со множеством сплетающихся и разбегающихся рукавов... сплошной лабиринт топей, торфяников, болот, озер, рек, лесов — таков особый мир, который носит название Полесье. Среди этих необъятных болот только кое-где разбросаны возвышенные лоскуты земли, с плодородной почвой, так называемые «острова», окруженные болотами и топями, покрытыми растительным ковром, который расступается при первом же шаге, они почти недоступны. Весною, когда бесчисленные речки Полесья выходят из своих берегов, заливая всю страну на необъятное пространство, над просторами водной поверхности только и чернеют, что эти острова, как бы подтверждая свое название; и сношения между отдельными островами осуществляются только исключительно на лодках».

Далее он добавлял:

> «О размерах Полесья можно судить по тому, что оно в три раза больше Швейцарии, в полтора больше Болгарии и в шесть раз — Саксонии. Интересный во всех от-

---

Из журнала «Беларуская мінуўшчына», 1993, № 3–4, с. 68–72. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

ношениях край этот, однако совсем почти недоступен для близкого знакомства с ним. Здесь все оригинальное, все встречается в первобытном, сказочном состоянии».

Приведенные свидетельства тем более убедительны, что их автор бывал и в других регионах Европы и знал, с чем сравнивать.

«В глубине края селения разбросаны на редких островах, размещенных среди необъятных, поросших лесом болот... На Полесье такая бесчисленность топких мест, что часто совсем невозможно проехать из деревни в деревню. В таких случаях практикуется способ сношений, который вряд ли встречается где-нибудь в других местах, а именно: в лодку с плоским дном запрягают пару волов и таким образом едут по болоту. Во многих местах временами и этот оригинальный способ сношений нельзя использовать по причине неровной поверхности и чрезвычайно топких болот, которые буквально затягивают вола. Тогда просто переходят болота вброд, по кочкам, при этом раздеваются и для большего удобства мажут туловище и ноги до пояса дёгтем».

Экзотика или фантастика, а может быть плод впечатлительного сознания человека, который попал на Полесье впервые? Но вот свидетельство другого географа, Я.И. Рудняева, одного из авторов многотомного издания «Русская земля» (том XII, Москва, 1904):

«В южной части Минской губернии болотные пространства имеют уже огромные размеры. Пространства эти на Припяти носят название "Полесье" (в широком смысле Полесьем называется огромная территория в 1,5 тысячи квадратных миль, которая имеет форму треугольника, вершины которого лежат в Бресте-Литовском, Киеве и Могилёве), и занимает сотни тысяч десятин.

Полесье только местами прерывается островками твердой земли... Соединяются такие участки один с другим при помощи бревен, брошенных от одного островка к другому. Отправляясь на работу на тот или другой из них, крестьянин вскидывает на плечи ношу и идет по этим бревнам, а волы плетутся рядом в воде, из которой видны только их морды. Священник, что живет в деревне Князь-Озеро (в северной части Мозырского уезда Минской губернии) с требами отправляется по болотам пешком, шагая с кочки на кочку с огромной жердью в руках.

Только зимою, когда появляется лед, устанавливаются сношения. Но зато в весеннее время приходится еще хуже, особенно в пору, когда лед начинает таять. Тогда при переходах делают следующим образом: один идет впереди, другой сзади, обоих соединяет веревка, привязанная к кушакам. Если какой-нибудь провалится, то другой его вытаскивает. В это время путешествовать можно только в лаптях. Но поскольку лапти могут пропускать воду, то для избавления от этого, надев лапти и суконные брюки, обматывают ноги соломою и, окунув их в воду, дают застыть на холоде».

Опять-таки невероятно, но ведь свидетельство есть свидетельство. Далее Я. Рудняев пишет:

«К 1873 году на всей площади Полесья находилось не более 25 % сухих, пригодных для селений пространств, 35 % болотного леса, а остальные 40 % либо 600 квадратных миль составляли чалые, лишенные растительности болота.

...Летом болота представляют бесконечное зеленое море осоки и камыша, которые волнуются ветром, их наполняет бесчисленное множество ужей, жаб, черепах, суетятся миллионы налимов. В камыше гнездятся утки и другие болотные птицы, и аисты, журавли, цапли, бекасы беспрерывно снуют над болотом... На плавких болотах косят молодой камыш, любимую пищу овец на Полесье».

Территория беларуского Полесья

С давних времен полешуки изобрели способы заселения своеобразного ландшафта своего региона. Система расселения и хозяйственного освоения земель здесь во многом определялась природой. Этнограф А. Грушевский в книге «Пинское Полесье XIV–XVI вв.» (Киев, 1903) убедительно изобразил исторический процесс формирования жилой среды в регионе. Он отмечал, что до середины XVI века (до известной волочной реформы 1557 г.) в болотистом районе удобные под пахотные поля участки встречались только местами – среди неудобных болот: по размерам они невелики, таким образом, пахотное поле не могло быть сплошным, а складывалось из отдельных кусков земли.

Структуре пахотных наделов соответствовало и расселение. Среди болот были разбросаны группы усадеб родственников, родичей, дворища. Пахотное поле дворища постепенно складывалось из лоскутов земли, разбросанных рядом с другими лоскутами либо с предназначенными под сенокосы и выгоны, либо оставленными пока из-за непригодности земель, или как менее удобные, без разработки, в качестве запасного фонда: для расширения площади вспашки при увеличении числа рабочих рук, или потере плодородия на занятой земле.

А. Грушевский дает характеристику дворища. Центром всего дворища являлась усадьба: жилые строения, хозяйственные постройки, гумна, хлевы и определенное количество размещенной поблизости земли, разбросанной под огороды, сады либо занятой пасекой. Величина усадьбы зависела от числа поселенцев; она была довольно просторной, в наиболее крупных дворищах лесистого района, например, 3–6 моргов и более, а в болотистом районе занимала 100–200 прутьев*.

Небольшие по величине и числу поселенцев дворища, состоявшие из 1–2 дымов, постепенно разрастаясь в результате увеличения семьи и принятия побочных элементов (патружников), достигали крупных размеров, в 10–20 дымов. Далее этнограф пишет:

---

* По определениям могилёвского и полоцкого земских судов в 1780 г. один литовский морг состоял из 300 квадратных прутьев = 0,605 десятины = 0,661 гектара. Один морг примерно соответствовал той площади, которую мужик мог вспахать за день парой волов (конем) и на которой можно было посеять четверть виленской бочки ржи либо накосить полтора воза сена. – *Ред.*

«Несколько близко расположенных дворищ территориально объединялись ... в болотистой полосе на Припяти и Стыри села состояли из большого числа дворищ, но тоже средних размеров каждое, и села эти встречаются часто и разбросаны на большом расстоянии одно от другого».

Полесская деревушка в XIX веке

Настоящий эволюционный переворот в формировании расселения и типов селений Полесья произвела реформа 1557 года «Устава на валокі». Экономическая и хозяйственная суть ее в коренном изменении системы феодальной повинности: вместо подымной (подворной) повинность назначалась целым селениям (бортные, тяглые, дворные, санные и др.).

Чтобы сделать такую систему действенной, необходимо было изменить территориальную структуру поселений, их планировку. Вместо многочисленных кусков земли «один довольно большой участок земли, по возможности лучшего качества, ограниченный четырьмя стенами (межами): главная, две боковые и задняя». Этот участок земли делился на три поля (озимое, яровое и пар), которые в свою очередь делились на однодольное число наделов. Три равных надела на всех трех полях и составляли одно пахотное поле – волоку (примерно 22–24 га).

Не всегда можно было найти достаточно большой участок, чтобы из него получились три поля; в таком случае два поля лежали вместе, а третье нарезалось отдельно, и каждое имело свои границы-стены. Иной раз все три поля лежали отдельно, и каждое имело свои границы. Если не было возможности назначить под пахотные поля один целый участок, то обращались к системе дворищного землевладения – небольших отдельных наделов в разных местах. В таких случаях мелкость участков земли сохранялась как и при дворищной системе.

Место для села отводилось обычно при среднем поле. Если здесь было неудобно, то при двух смежных полях. Село размещалось в одну линию, в один ряд, дома на одной стороне, гумна – напротив, на другой стороне улицы. Такой порядок был тогда, когда крестьянин брал целую волоку. Если же полволоки, то жилые и хозяйственные постройки ставили с одной стороны улицы. Наделы пахотной земли делили начиная со среднего поля, на котором находилась и усадебная территория, причем в том же порядке, в каком распределялись участки под усадьбы. Тот, кто получал первые участки на усадебной территории, получал первые участки на всех трех полях пахотной земли и т.д.

Волочная реформа определила облик селений на все последующие века. Наиболее последовательно реформа была проведена в западных областях Полесья (на запад от Горыни). Здесь уличная деревня с двусторонней застройкой прочно внедрилась и стала традиционной. «Устава на валокі» стимулировала широкое распространение такого типа застройки двора, при котором жилище и соседние с ним помещения (дом, сени, камора, кладовка, варка), а также навесы и хлевы ставили в одну линию, образуя так называемую линейную, погонную застройку (рум, шар, стяг). Такая застройка как нельзя лучше соответствовала нарезанной на полосы усадебной территории. Со временем волоки и полуволоки делились между сыновьями и внуками. Застройка уплотнялась, погоны стояли крыша к крыше, а если уплотняться вдоль улицы возможности не было, то на узком шнуре (гриве) последовательно, за отцовским погоном ставили погоны сыновей и внуков, и застройка вытягивалась более чем на сто саженей*.

В восточном, Мозырском и Речицком Полесье в застройке селений сохранились и архаические, дореформенные черты, когда дворы (усадьбы) ставили без определенной системы. Сочетание уличной и бессистемной застройки характерно для Восточного Полесья. Причем для последней, генетически связанной с древними дворищами, были характерны дворы замкнутой по периметру веночной застройки.

В начале XX века, исследуя Речицкое Полесье, этнограф Чеслав Петкевич отметил дворы замкнутой планировки, в центре которой находилось жилье (дом), вроде куреней, известных в лесостепных и степных регионах Восточной Европы. Такие же дворы у беларусов Черниговской губернии отмечал в начале XX века этнограф Н. Косич. Поскольку в уличной застройке селений преобладали погоны, а в бессистемной – веночные дворы, то быстро образовался ряд переходных типов: П и Г-подобных, двухрядных дворов, которые и сейчас встречаются в Хойникском, Брагинском, Речицком, Мозырском и Петриковском районах.

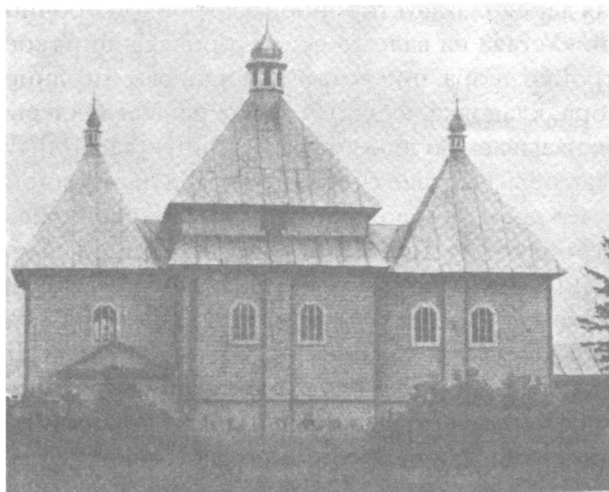
Справка: Чеслав Петкевич (1856–1936) – этнограф и фольклорист. Изучал образ жизни, предания и поверья жителей Полесья. Автор фундаментальной монографии «Речицкое Полесье»: том 1 – «Материальная культура» (1928), том 2 – «Духовная культура» (1938).

Из археологических исследований известно что для культур железного века милоградцев и зарубинцев, существовавших на Полесье в дославянский период,

* Сажень = 3 аршина = 7 футов = 2,1336 м. Таким образом, 100 саженей – это 213 м. – *Ред.*

были характерны жилые полуземлянки, близкие к квадрату в плане с шатровой столбовой крышей. Чеслав Пяткевич встретил рудименты таких жилищ в речицком Полесье в начале XX века.

И сегодня обращает на себя внимание то обстоятельство, что дома с четырехскатными крышами встречаются в деревнях Хойникского, Лоевского, Мозырского, Петриковского, Лельчицкого и других районов, а также в Хойниках, Брагине, Речице, Глуске и других городах и местечках. Такие же формы четырехскатных, пирамидальных, стожковых крыш на Полесье широко известны в хозяйственных строениях: сараях, стодолах, гумнах. Причем как в жилищах, так и в гумнах известны как столбовые конструкции (более распространенные), так и срубные, из венков, образующих шатер.

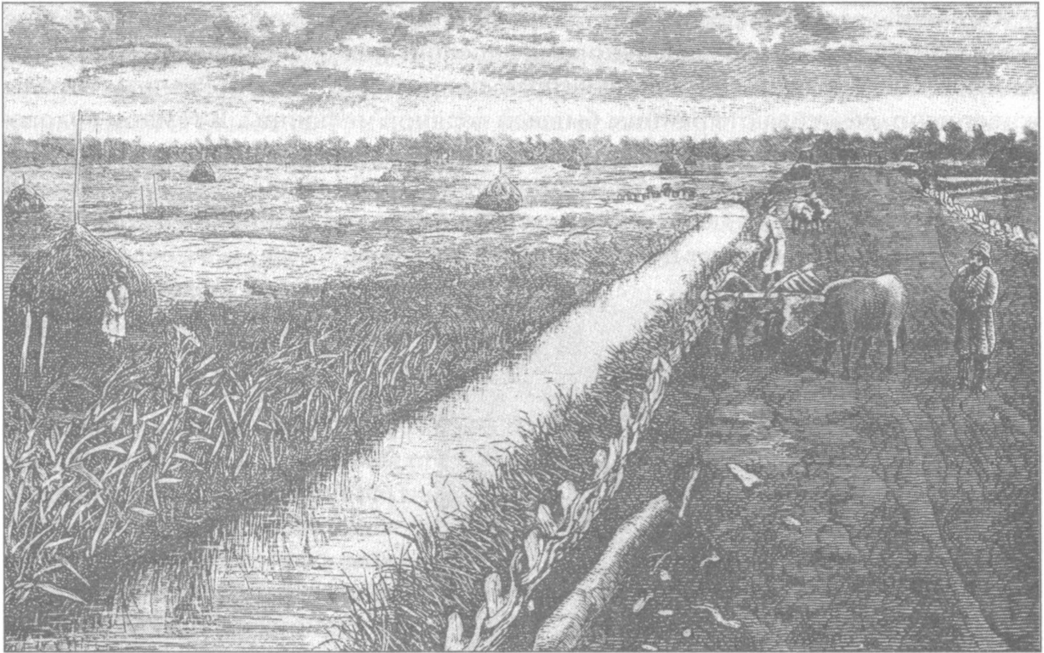

Георгиевская церковь в Давид-городке

Шатровые крыши широко известны в полесских церквах. Они завершают срубы составляющих церковь объемов (притвора, нефа, алтаря), которые, кстати имеют линейное (осевое) соединение, вроде построек погонного двора, образуя так называемую продольно-осевую композицию (Георгиевская церковь XVIII века в Давид-городке). Шатры над срубами притвора, нефа и алтаря иногда имеют ярусное строение (для устройства звонницы, увеличения пространства нефа), и тогда композиция приобретает ярусно-осевую структуру (церковь XVIII века в деревне Сынковичи Лунинецкого района). Очевидно единство конструкционных, композиционных и объемно-пространственного строений деревянного зодчества Полесья. При этом происхождение многих конструкций и форм своими корнями простирается к дославянским культурам. Формы крутых шатровых крыш, по-видимому, были на Полесье восприняты дреговичами от милоградского и зарубинецкого населения.

На Полесье были известны и двускатные срубные крыши (фронтон, разреженный фронтон). Они чаще встречались в жилищах, планировочно и конструктивно связанных в цепи строений погонного двора. Двускатные крыши получили развитие в культовом зодчестве деревянных церквей и костёлов (церковь XVIII века в деревне Лясковичи Ивановского района и др.). Срубные конструкции, особенно перекрытий и крыш, — типичное порождение народов лесной полосы Европы. И если славяне пришли откуда-то с берегов Дуная, то срубные конструкции крыш они явно заимствовали от местного лесного населения.

Я. Рудняев отмечал, что в глухих местах Полесья живут многочисленные семейства будников и рудников. Первые добывали поташ, вторые железную руду. Часто встречались и смоловарни. Он считал, что «множество прусских немцев

Один из каналов Жилинского

рассеяно по лесам Полесья, они занимаются здесь изготовлением так называемой клепки, небольших дубовых брусков, которые отправляют в Пруссию на бочки».

О том, насколько указанные ремесла были распространены на Полесье, свидетельствует топонимика, названия селений: Хлупинская Буда, Симоновская Рудня, Рудня неподалёку от Тонежа – деревни в окрестностях Припятского ландшафтно-гидрологического заповедника. Кстати, этот заповедник один из немногих уголков Полесья, сохранивший свое природное историческое окружение. Именно здесь, рядом с уникальными памятниками природы, дубравами, березовыми и еловыми рощами, густым кустарниковым подлеском, существуют и памятники начала мелиорации Полесья, предпринятой в 70-е годы XIX века генералом Жилинским. В хорошем состоянии сохранились два канала: Главный и Бычок. Канал Бычок на многие километры тянется вдоль единственного здесь асфальтированного шоссе Житковичи – Лельчицы. Через определенные промежутки через канал переброшены деревянные мостки. Старожилы говорят, что каналы Жилинского, спланированные вдоль естественных стоков, не причинили никакого вреда экологии. Как и раньше, здесь много грибов, клюквы, уток, цапель, ужей, жаб. И в Симоновском Млынке, и в Симоновской Буде можно видеть многочисленные приметы единства крестьянского жилья с природой, традиционно-исторического окружения проживания человека.

Справка: Иосиф Ипполитович Жилинский (1834–1916) – геодезист и мелиоратор. Окончил Петербургский институт корпуса инженеров и геодезическое отделение Академии генштаба. Служил в корпусе инженеров путей сообщения. С 1873 по 1898 год руководил Западной экспедицией по осушению болот Полесья. Был членом Минского общества любителей природоведения, этнографии и археологии.

Особенно это ощущаешь в Симоновской Буде. С высокого песчаного гребня открывается захватывающая панорама деревни, уютно теснящейся к речке со своеобразным названием Свиновец (правый приток Припяти). Реечные ограды живописно очерчивают границы бывшей водяной мельницы. В темном водовороте, говорят, много дубового топляка (лет сто назад речка была пригодна к лесосплаву). Вокруг – дремучие пущи заповедника, одинокие деревья с бортными колодами (характерная особенность здешнего пейзажа). Оброчный крест, украшенный рушниками, стоит посреди поля.

Дворовая постройка в одной из деревень Пинского повета

В неповторимом по красоте окружении находятся и деревни на северной окраине заповедника: Пераров, Пераровский Млынок, Хлупин, Хлупинская Буда. Деревня Пераров стоит у слияния небольшого ручья с Припятью. Рядком размещенная застройка обращена лицом к берегу. На песчаном острове, возле устья ручья, сбились в группы стародавние челны, выдолбленные из цельного дерева. На песчаном пологом берегу Припяти стоит и деревня Пераровский Млынок. Хлупинская Буда находится на болотистой опушке. Небольшая цепочка домов, искусственный пруд (сажалка) с карасями, за кустарником просторные болотистые поляны, на них великаны дубы, на которых видны борти.

Дорога теряется в заповедной глухомани. Чтобы добраться до деревни Судиборы, пришлось пересесть со специального автобуса (для вахтовиков) на армейский «уазик» с лебедкой. Пять километров трясинной дороги показались путешествием по морским волнам. Несколько раз использовали лебедку. Нас встретила маленькая деревенька. Дворы спланированы так, что ближе к улице стоят хлевы, а дома чуть поодаль, чем-то напоминая древнюю застройку, о которой когда-то писал Ч. Петкевич. Обращают на себя внимание интересные ворота с фигурно обработанными косяками.

На юго-запад от Турова, возле деревни Тонеж, среди лесов, которые вдруг расступаются, открывая вид на просторную луговину, на берегу небольшого ручья стоит деревня Рудня. Луг трясинный, на восток от деревни переходит в покрытые лесом болота, которые тянутся в Столинский район и далее на Украину. Где-то там до недавнего времени находился военный полигон. Болота богаты клюквой, и деревенские жители тайными тропами ходили по ягоды в закрытую зону.

Миновав Тонеж и Букчу, можно попасть в небольшую деревеньку Корма (название достаточно распространенное на юго-востоке Беларуси: Острая Корма, Корма Пайки, местечко Корма). Она тоже у ручья и рядом с бывшим полигоном. Болото приступает к самым усадьбам, к дороге.

Во время путешествия мы все время расспрашивали, помнит ли кто-нибудь как строили хаты в те времена, когда не наведывались сюда ни современные мелиораторы, ни военные Жилинского. И вот здесь, в Корме, встретили Гаврилу Кондратовича Быковца, 1913 г.р. /80 лет во время первой публикации статьи. — *Ред.*/ Он переехал сюда из деревни Колки, что в тринадцати километрах отсюда, в самом сердце огромных болот. Деревня попала в центр полигона и была отселена. Гаврила Кондратович рассказал, что по местной традиции лучшим для стройки лесом являлась сосна болотистых мест (лес-стрижняк). Когда сосны рубили на песчаном острове, то, связав их, бросали в воду (озеро, или старицу), примерно на год и только потом использовали для стройки (лес-буяк). Под здание насыпали из гравия площадку на высоту до одного аршина (70–80 см) — на глубину закапывания колод-штандаров, на которые клали первый венец. Песок возили на волах из леса. Такую же подсыпку делали и тогда, когда надо было расширить застройку усадьбы. На обратном пути, в деревне Букча, на недавнем пепелище довелось увидеть остатки такой подсыпки.

И сегодня ощущается, какое значение имел лес в жизни полешуков. Как здесь не вспомнить местную пословицу: «въехал в лес — словно в кожух влез». В сентябре — октябре на дорогах заповедника стоят бабули с корзинами и мехами грибов и ягод. Полешанин бережно относился к каждому дереву, а к рябине, дичке вообще как к чудодейственным оберегам. Я. Рудняев писал:

> «Я встречал местами огромные деревья. Что это за дерево вон там, на поляне одиноко стоит? — спрашиваю у извозчика: «Дуб, что ли?» «Нет, паночек, то не дуб, то груша». Оказывается, что когда мужики рубят лес, то, встречая грушу, не рубят ее, а оставляют на поле: пусть растет. Нигде я не видел таких огромных груш, как на Полесье».

Полесье, край сказок, преданий, легенд. Это уникальное историческое окружение жизни людей, сложившееся за века, не должно остаться только легендой.

ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЛАРУСКИХ КОЛХОЗНИКОВ:
между «паном» и «жидом»

Анна Энгелькинг

Стереотипами являются не только такие понятия, как «буржуй», «пролетарий», «интеллигент», «жид» [...], но и такие менее вероятные, как «шляхтич», «крестьянин» [...]

Все они являются определенными образами-сокращениями, с которыми связаны негативные или позитивные рефлекторные комплексы. [...]

Социальная действительность тем и отличается от действительности природы, что является такой, **какой ее видят люди, тем, чем она является для людей** [...]

Это мир с конвенциональным, изменчивым содержанием, мир стереотипов и мифов.

(Юзеф Холосиньский)

Антрополог, который интересуется проблематикой коллективной идентичности современных беларуских крестьян-колхозников, должен формулировать вопросы и искать ответы на них в диалоге с субъектом своих исследований. Именно таким диалогом является мой исследовательский опыт последних десятилетий (1993–2010) во время полевых экспедиций, которые проводились в колхозных деревнях Западной и Восточной Беларуси. Собранные во время экспедиций источники представляют собой коллекцию более чем 700 бесед, которые велись преимущественно с лицами старше 60 лет. Такой выбор собеседников не был запланирован, он обусловлен демографической ситуацией в беларуской деревне.

Образ, возникший в результате антропологического анализа и интерпретации рассказов колхозников, отражает ментальность старшего поколения, которая является продолжением домодерных мировоззренческих моделей. Но эта ментальность не уходит в небытие вместе со старшим поколением. Ее изменение является долгосрочным процессом.

Анализ и интерпретация нескольких сотен бесед, проведенных с жителями деревень всех поколений (которые концентрировались на выявлении ценностей, норм и правил базовых семиотических оппозиций и признаков различия, проявлявшихся в рассказах колхозников), позволили заглянуть в содержание, структуру и способы конструирования коллективной идентичности этой группы в характерном для нее социальном и историческом контексте.

В беседах с колхозниками; в совместных путешествиях по их памяти, мы углублялись в начало XX века, а при изучении смыслов прикасались даже к ар-

---

Из ежегодника «Homo historicus. Гадавік антрапалагічнай гісторыі». Вильня, 2012, с. 89–117. Перевод и редакция А.Е. Тараса. Ссылки на литературу сняты редактором. Латинские буквы и цифры в скобках обозначают информантов.

хаическому культурному сознанию (и бессознательному) — из той эпохи, которая предшествовала модернизации и современным национализмам. Хотя самосознание этой группы относится к современности, можно не сомневаться, что в ее случае мы также имеем дело с домодерной крестьянской ментальностью, которую можно сегодня рассматривать в категориях «советизированной этничности» или «беларуского неофеодализма».

Изучая рассказы колхозников, антрополог сталкивается с процессами долгой длительности ментальных структур, неосознаваемых категорий культуры, и, наконец, крестьянского этоса, который — воплощенный в колхозной версии — вероятно, надо назвать посткрестьянским этосом*.

Задачей антрополога является выявление внутригрупповой, субъектной точки зрения изучаемого сообщества, ее «самоперцепции», «аутостереотипа», «собственного образа» и описание их в символических категориях**. Указанная точка зрения проявляется в ответах колхозников на такие ключевые для коллективной идентичности вопросы, как «кем являются другие?», и, как следствие, «кем являемся мы сами по отношению к другим?» По мнению ученых, представления данной группы о себе являются противоположностью, своего рода негативом представлений этой группы о других. Достаточно «перевернуть» их, превратить негатив в позитив, чтобы получить собственный портрет группы, чтобы узнать, каким условиям должен отвечать «свой».

Людвик Стома, изучавший польскоязычные крестьянские популяции в австрийской и российской Польше XIX века, указывал на четыре принципиальных критерия определения «чужого»: (1) языковый, (2) территориальный, (3) классово — сословно — профессиональный, (4) религиозный. Опираясь на них, используя механизм «преобразования негатива в позитив», он дал формулу самоопределения польского крестьянина XIX и рубежа XIX–XX вв:

«1. Я здешний, 2. Я крестьянин-земледелец, 3. Я католик».

Стома объяснял:

«Безусловно, как набор элементов крестьянского самоопределения, такая иерархия должна быть обусловлена социально-историческим контекстом, а это определяет их форму, а также последствия, которые из них вытекают».

Если мы учтем социально-исторические условия Беларуси XX века и применим подход Л. Стомы к беларуским колхозникам рубежа XX–XXI вв., то заметим, что к ним относятся те же критерии, а самоопределение складывается из аналогичных элементов, именно:

1. Я здешний (тутэйшы), 2. Я колхозник, 3. Я христианин (православный/католик).

Фундаментом второго и третьего из названных элементов идентичности являются, как следует из анализа понятийного аппарата, использованного нашими

* Этос (греч. «нрав, обычай»), это устойчивая характеристика явления. Например, в песне — ее мелодия, ритм и глубина словесного текста в их совокупности. Не путать с этносом. — *Ред.*

** *Аутостереотип* — шаблонное восприятие людьми самих себя, которое происходит без раздумий, автоматически. Самоперцепция — осознанное восприятие индивидом, или группой индивидов, самого себя (самих себя). — *Ред.*

собеседниками, оппозиции «крестьянин/пан», «крестьянин/жид», «христианин/жид».

Коллективная идентичность жителей беларуских деревень как «здешних колхозников-христиан», которая конструируется на основе этих категорий и является индифферентной к современным идеологическим и политическим проектам, соотносится с постоянно присутствующими в коллективном представлении и насыщенными живым, богатым содержанием (образами, стереотипами) двумя историческими и символическими партнёрами традиционного крестьянина – с паном и жидом.

Колхозник и пан

В беседах с колхозниками антрополог обращает внимание на одну характерную правильность: в высказываниях, касающихся коллективной идентичности, и даже в формулировках самоопределения, мужик в принципе не выступает в качестве самостоятельной категории. Неизменно, как аверс к реверсу, его сопровождает «пан» (помещик, шляхтич, начальник, просто грамотный человек, житель города). Словно для того чтобы можно было охарактеризовать себя, крестьянин должен прежде сказать, какими чертами обладает пан:

> «Принципиальные социальные позиции [прежнего мужика], его социальная сущность определялись не его собственной индивидуальностью, а личностью пана».
>
> Личностью пана, которая (следует добавить) представляет собой социальный стереотип «чужого».

Исследователя вводит в отношения между стереотипом колхозника и стереотипом пана пересказанный собеседниками (в разных вариантах) крестьянский миф происхождения. Этот миф утверждает, что селянину не свойственны субъектность и автономия, так как он является индивидом, принадлежащим пану. Миф также утверждает, что крестьянина характеризует набор негативных черт, которые по отношению к пану представляют его как более низкое существо худшего сорта:

> «А я читала в книжке, откуда взялась шляхта. Я хоть и простая, но много чего прочитала в книжках и много чего знаю. (...) Так вот: была война и тот, кто пошел на войну добровольцем, того назвали паном и дали имения. Кто из них выжил, (...) то ему дали землю, назвали шляхтой (...). А кто в лес убежал, того назвали паробком и ничего не дали, и он служил. (...) Как вернулись с войны, дали имения добровольцам, кто пошел по своей воле. Дали имения, фольварки назывались. Сто гектаров фольварк, двести, там триста, пятьсот имение. Панами назвали за то, что они пошли добровольцами на войну. (...) А которые в лес убежали, вообще от той войны отреклись, то паробкам ничего не дали. [...] По-русски называют батраками тех паробков» [G98Szawr.].

Миф происхождения санкционирует принцип, согласно которому крестьянин является человеком «более низкого сорта» в отличие от пана:

> «Так пошло от Бога (...), что есть Каин и Авель. Авель был шляхетный. Братьями были. А Каин брата убил своего, чтобы не попала его жертва Богу. И род пошел от Каина. А шляхтич никогда не убивает, не убьет человека. При Николае, когда царская

власть была, шляхтича не судил простой суд. Нужен был высокий, потому что они знали, что он ничего плохого не сделает» [G97Roub.].

«Когда-то у батьки были два сына. А батька любил выпивать. Ну вот, батька шел пьяный по дороге, и шли два сына. Один сын батьку бросил, а второй поднял, хорошо вытер и привел (до хаты), положил. И батька назвал его шляхтичем. А того назвал хамом. Хам это значит простой. Вот, говорю, от того пошло шляхетство» [G93Ser.].

Приведенные здесь этиологические легенды, где Авель символизирует группу «своих», а Каин группу «чужих», устанавливают между «крестьянином/хамом» и «паном/шляхтичем» фундаментальную социальную оппозицию низшего и высшего.

Паны

Этот статус, который обе группы получили в мифической модели, имеет определяющее свойство, исполняя функции модели и нормы. Собеседники подтверждают его теми антонимическими чертами, которые приписываются каждой группе. Каталог этих черт является богатым, динамическим и открытым. Черты всегда окрашены социально-историческим контекстом и локальной спецификой. Однако всегда и неизменно это такие аспекты культурных различий, которые имеют свое социальное значение. Юзеф Обрембский писал:

«То, какая объективная черта является критерием для определенного разграничения, будет определяться фактом ее фигурирования в этническом образе группы и возвышения ее до статуса принципа различия между членами отдельных групп».

Аналогичным образом Фредерик Барт заметил:

«Черты [этнических катеторий], которые действительно важны, это не совокупность "объективных" различий, но те из них, которые сами акторы /действующие лица. – *Ред.*/ считают существенными. Некоторые культурные отличия используются людьми в качества сигналов или знаков различия, другие игнорируются, а в некоторых видах взаимодействия радикальные отличия преуменьшаются и не принимаются в расчет. Только социально значимые факторы становятся важными для определения членства в этнической группе, а не внешние, "объективные" отличия».

Только «принцип различия» влияет на осознание взаимного разделения групп, которое связано также и с появлением у них взаимных стереотипов. Он /принцип/ является своеобразными очками, через которые субъекты, которые категоризуют социальную действительность, воспринимают ее. Действительность эта изменчива и динамична. Но «очки» заставляют смотреть на нее через долговечные оппозиции различия.

Нынешние колхозники возводят в статус «принципа различия» те стереотипные черты, которые в традиционном мировоззрении были связаны с иерархи-

ческим делением на сословия. Они постоянно подчеркивают различные аспекты панско-шляхетской «вышэйшасці», противопоставляя их собственной мужицкой «ніжэйшасці».

В нынешней социальной действительности такими аспектами являются прежде всего образование, материальное положение, наличие атрибутов власти. Тот, кто не имеет этих черт, остается «хамом». Как будто бы вне зависимости от крупномасштабных политических и социально-экономических перемен невозможно забыть, что крестьяне происходят от проклятого сына Ноя Хама, шляхта же – от Яфета, из чего следует, что эта последняя должна пользоваться первенством и быть милее Богу. И потому мы все время слышим о людях лучших и худших. О панах и хамах:

«Они лучше, а мы хамы. Вот так у них» [G93Pap.].

«А мужики, ну, это как мужики. Мужика называют тут хамом за то, что он... И хам ... будет хамом» [G98Nacz.].

«Лучшего» партнера «худшего» хама крестьянско-колхозное мифическое мышление неизменно относит к записанной в коллективной памяти модели «пан/шляхтич» и рассматривает его как шляхетного. Категория шляхетности включает в первую очередь такой атрибут как социально-правовое превосходство над крестьянином. Сюда же относится сфера этикета (правила благовоспитанности, поведение в обществе, грамматика вежливости, запрет на перебранку), которую колхозники обычно обозначают такими словами, как культурность или культура, деликатность или вежливость.

«Шляхта хоть в загроде, но равна воеводе. В Польше [они были] такие, что могли купить панскую землю. [...] А простому человеку пан землю не продаст» [G93Roub.].

«Дед мой был дворянин и это было ему даровано самим царем. [...] Дворянин это был как теперь при советах партийный. Его суд не судил. Надо было сначала снять дворянство, а уже тогда суд будет судить. А так, суд не судил и считались с ним» [G06Stan.].

«Шляхта это уже культурные такие люди, уже более важные такие. Они на поляков похожие» [G98Gin.].

«Шляхта они более культурные люди. Они не выражаются так, как эти деревенские. Они не будут выражаться в обществе [...]. Не нагрубят человеку без необходимости. Белорусы могут просто так человеку хамить в лицо, грубо выражаться. Шляхта более деликатные, более культурные люди» [G93Roub.].

«Шляхтич кланяется, руку поцелует. [...] А эти хватают за руку: «Пойдем гулять» [G93Roub.].

«А была шляхта неученая, но, [однако] шляхетным был от рождения. У него и другое обхождение в доме. Если я хам, то приду и скажу вам: «Садитесь»! А у него язык обращения такой порядочный: «Прошу присесть, здесь прошу так, здесь чай, здесь то, там это». Вот потому они и шляхтой называются. Шляхтич умел обращаться с людьми, обращался очень порядочно» [G93Pelun.].

Антонимичным полюсом шляхетности является простота, черта, конституирующая стереотип (и аутостереотип) мужика, который определяется всегда по отношению к культурному и деликатному «пану/шляхтичу». Крестьяне (те, кто во времена дедов-прадедов отрабатывали барщину и подвергались телесным наказаниям) это не только те, кто «бедно жил», но прежде всего существа, стоящие

на более низком уровне культуры, или даже вообще лишенные ее. Мужик обращается ко всем на «ты» вместо пан/пани, бранится (ругается матом), способен «нагрубить человеку без причины», легко ввязывается в драки. Одним словом, он невоспитанный, грубый, бесцеремонный, жестокий, даже опасный. Он не следит за манерами.

В стереотипе *простоты* встречается приписывание беларуским крестьянам культурного примитивизма и низкого социально-материального статуса вместе с ощутимым по отношению к ним презрением со стороны более высоких слоев общества:

«Как поляк, так значит и шляхтич. Ну, другая культура, так сказать. Без этих выражений, без всего этого. А эти белорусы, о, известно... какие. Сейчас, может, есть и ученые. Как когда-то, так только лапти, и торба, и хлеб с мякиной. [...] И такие они, известно, были безземельные.

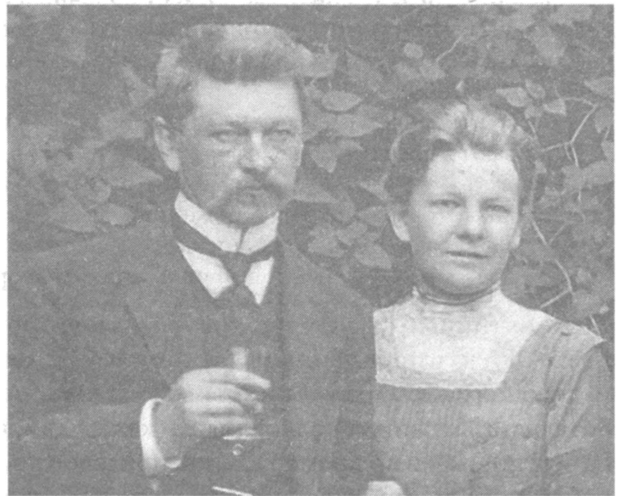
— Считаете, что шляхтич это культурный человек, а хам нет?

— О, да, топорной работы человек.

— Почему так говорите, что одни культурные, а другие нет? Разве не одинаковые?

— Не одинаковые. Хам может сказать любые плохие слова. Ну, а эта шляхта... Культурные люди, все культурные. Разговаривают так пристойно, делают все так нормально. Ну, а хамы... Называются по- русски человек второго сорта» [G98Mick.].

Оппозиция «культура/отсутствие культуры» (культура/натура) представляет собой семиотический эквивалент оппозиции «свой/чужой» и «человек/нечеловек», которая реализуется здесь в поверхностных вариантах «шляхетный/простой» или «культурный/дикий».

Пан со своей пани

Представляется существенным то, что крестьяне воспринимают этот стереотип своей низости, который проецируют на них паны, как свой собственный. Одновременно он функционирует как аутостереотип, который прочно вписывает неполноценность в коллективную идентичность крестьянской касты. Более того, беседы с колхозниками показывают, что они употребляют его даже тогда, когда он для них уже непонятен:

«Я уже не помню, почему они шляхта. Ну, наверно из каких-то панов эта шляхта. Так я вам этого не объясню, как надо. Ну, это такие законные, законные. Которые шляхетные, шляхта. Я уже не знаю и не скажу вам. Они по-шляхетски говорят, а мы по-простому, так может они и лучше?» [G93MMa].

•◆•

Противопоставление *шляхетного* Авеля и *простого* Каина фокусируется вокруг ключевой для крестьянского восприятия социального мира оппозиции «труд/не труд», которая как раз и структурирует его. Уверенность в том, что занятия панов не являются трудом, подтверждает миф о происхождении. Согласно ему потомки Авеля «ничего не делали, а хорошо жили». Этот стереотип глубоко укоренен в крестьянской культуре, где трудом является только занятие земледельца.

Юзеф Холосиньский в «Молодом поколении крестьян», где он задумывался о долговременности традиционных форм крестьянской жизни, сформировавшихся во времена барщины, и анализировал принципиальную противоположность социально-духовных моделей поведения крестьянина и пана, писал:

> «Содержание этих моделей можно сформулировать так: пан является самостоятельным существом. Все, что он делает, имет ценность саму в себе, она не должна служить какой-то цели или приносить какую-то пользу, он сам придает значение тому, что делает. Его работа, забавы, мышление не требуют внешнего оправдания целью, какой они служат, или эффектам, какие они дают. Он сам полагает и судит о ценностях. Является сам себе хозяином.
>
> В противоположность пану крестьянин должен трудиться. Не он придает смысл труду, а труд придает смысл ему. Причиной существования крестьянина является труд. Значение того, что он делает, имеет конечный смысл не относительно его самого, а относительно его труда. Причина его существования заключается не в нем самом, а вне его, в извечном устройстве общества и мира, в котором "крестьянин всегда будет крестьянином".
>
> Две эти модели — крестьянина и пана — являются критериями, которые упорядочивают две социальные сферы: крестьянскую и панскую. Индивиды, которые принадлежат к этим разным сферам, по-разному смотрят на общество в целом. В обществе, на которое смотрят через призму панской сферы, доминирующую роль играет человеческая индивидуальность. В обществе, на которое смотрят через призму крестьянской культуры, такую роль играет иерархия социальных позиций».

Понятийные структуры, которые категоризуют социальный строй, принадлежат к долговременным феноменам, соответственно, та же оппозиция «труд/не труд» выражает противопоставление современных «панов» (как неработающих) мужикам-колхозникам (как людям, исполняющим крестьянский труд на земле). Как и во времена дедов-прадедов до колхозов, так и теперь в колхозе, рабочие люди трудятся, а паны господствуют, или руководят и воруют; имеют деньги и *легкую жизнь.*

> — Нам, мужикам, никогда [добра] нет: и теперь паны, и тогда паны были.
>
> — А теперь какие паны?
>
> — Какие? Те, кто не работают, кто хочет воровать. А (разве) кто хочет в колхоз идти, и на комбайне робить? — Лишь бы устроиться куда. Нам, крестьянам, погано. [...]
>
> — Почему погано?
>
> — Надо день и ночь работать. Поняла?» [B99MCzucz.]
>
> — «Теперь все панщина забрала.
>
> — Но ведь сейчас нет панов?
>
> — Сейчас еще больше панов. Больше панов.
>
> — Как это больше?

— О-о-о! Конечно, больше. Председатель пан, заместитель пан, агроном пан, старший агроном пан, зоотехник пан, заведующий фермой пан, бригадир пан... В каждой деревне сколько панов? Все паны! И каждый на машине ездит [G99Pap.].

Наиболее полно из всех собеседников высказал оппозицию «**неработающий пан/работающий непан**» Ян из Пелюнцов (недалеко от Радуни), приписывая пану черты, связанные с высшим социальным статусом и образованием, а также однозначно поместив его в сферу нетруда, которую характеризуют власть и богатство. Рассматриваемому таким образом пану, который, без сомнения, продолжает феодальный стереотип, он противопоставил категорию, с которой отождествил себя: человека простого и трудолюбивого:

«Пан [тот], кто умеет обходиться и имеет дело с людьми и пан тот, кто все понимает и имеет под собой людей. А простой человек, трудящийся, откуда он может быть паном? Пан (тот), кто не трудится, а с людьми обходиться может, вот это пан. И богатый человек, даже если он) уже людей не имеет» [G93Pelun.].

Новые паны

Формулировка «простой человек,. трудящийся, откуда он может быть паном?» это чрезвычайно меткое самоопределение колхозника, указывающее на суть коллективной идентичности данного сообщества. Оба значительных «кирпичика» (знаки отличия), использованные здесь для конструирования образа собственной группы — *простота и труд* — противопоставлены его структурному оппоненту — пану как человеку непростому (образованному) и нетрудящемуся (на земле).

Возведенные в статус «принципа различия» атрибуты, каковыми являются образование и труд, повсюду выступают в используемых колхозниками формулах самоопределения, заставляя определять свое сообщество как *простой народ, трудовой народ, рабочих людей* и т.д. Все они указывают нам на низкую, обусловленную «худшестью» социальную позицию, которую колхозники, подобно своим предкам, занимают в социальной структуре.

Колхозная интерпретация социальной структуры вписывает панов и крестьян, в соответствии с мифом происхождения, в последовательность оппозиций: «неработающий/работающий», «господин/подчиненный», «лучший/худший», «высший (в иерархии)/низший», «культурный/вульгарный», «деликатный/грубый», «богатый/бедный», «образованный/неученый». Эти оппозиции, построенные по принципу иерархической дополнительности, вы-

ражаются в самых разнообразных деталях, рисующих собственный образ современного колхозника как продолжение аутостереотипа крестьянина феодальной эпохи.

Это также продолжение крестьянской концептуализации социальной структуры, суть которой Чарльз Тейлор представил следующим образом:

> «Домодерные европейские общества были основаны на принципе, который можно назвать "иерархической дополнительностью". Общества эти были дополнительными потому, что у разных сословий существовала взаимная потребность друг в друге, и так взаимно понималось; но попутно они были также и иерархическими, ибо никто не делал вида, что эта взаимная потребность делала сословия равными».

Отношения иерархической дополнительности сегодняшних колхозников связаны с колхозным начальством, современными «новыми панами». Оппозиция «пан/крестьянин» функционирует в социальной действительности как символический инструмент ее сегментации и иерархизации, независимо от того, с какими историко-социальными реалиями имеет дело.

Будет ли это патриархальный пан противопоставленный крепостным крестьянам, или межвоенный поместный пан и его батраки, или ничем не отличающаяся внешне (от крестьян) мелкая шляхта из околиц и крестьяне из деревень в разные периоды, или современный председатель и колхозники, или городской ученый человек и деревенский неученый – всегда будут те, что стоят в социальной иерархии выше, и те, кто ниже.

Для мифического мышления они остаются «панами» и «хамами», что свидетельствует о социальной актуальности представленных этими оппозициями моделей и ценностей, о том, что **и сегодня не может быть мужика без пана**.

Колхозник и жид

Не будем забывать, что у Ноя было три сына. Кроме Хама и Яфета еще и Сим. В дискурсе об идентичности беларуских колхозников жиды функционируют как группа, критически важная для их собственного образа*.

Жиды это те, кто не трудятся на земле и не являются христианами, но одновременно они были (а в коллективной памяти и сейчас) неразрывно связаны с крестьянами и панами. Жиды, чьими традиционными занятиями были торговля, ремесла и посредничество, представляют собой третью вершину треугольника, сформировавшегося в эпоху сословного общества, и который структурирует образ социального строя в представлениях колхозников.

Эта стереотипная трехэлементная структура феодально-патриархальных категорий **хамы – паны – жиды**, третий и второй элементы которой не находят сегодня подтверждения в физическом присутствии традиционных представителей, тем не менее продолжает функционировать как модель, находя актуальные социальные смыслы для своего наполнения.

---

* Сейчас принято называть жидов евреями (польско-беларуско-литовское слово «zyd» происходит от немецкого «jude», а оно, в свою очередь, от древнееврейского «иегуди»). Однако традиционный для нашего края термин «жид» вовсе не является ругательством. Попытка замены его в данной статье извращает ее смысл, т.к. крестьяне имели дело с жидами, а не евреями. – *Ред.*

В символическом плане образ жида участвует в формировании идентичности сегодняшних жителей беларуских деревень по тем же правилам, что существовали во времена их предков. Негативный отпечаток стереотипа жида делает более яркими признаки отличия собственного образа мужика и колхозника, а отношения «мужик/жид» (также как «мужик/пан») указывают и на фундамент конструкции традиционного крестьянского представления о мире, и на то место, которое занимает в нем сегодняшний колхозник.

Крестьянский труд

Еврейское занятие

Упоминая соседей-жидов, их место и функцию в социальной и культурной системе деревни, собеседники представляют их по отношению к себе; говоря о собственной судьбе, сравнивают себя с жидами так же, как со шляхтой или с городскими жителями. В первую очередь, жиды, в отличие от «нас», не трудятся на земле. Эта базовая черта определения колхозника, определяющая его идентичность, и это та черта, которая отсутствует у жида:

> «Жиды, они ничего не робили. Они лавки держали, как теперь магазины и так торговали. А эти все люди на земле боровали» [B96Azer.].

Занятия жида, как и пана, локализуют его на полюсе, противоположном крестьянину. Жид, как и пан, определяется своей *неработой* на земле.

Сферой деятельности жида являются *занятия*. Оппозицией к труду оказывается здесь *неработа*, которую понимают как занятие:

> «Они вот чем занимались. То булочки пекли, то пиво, какая-нибудь пивная... То кузнецом, то портным работали. Ну, вот так. Они каким-то ремеслом занимались: то портной, то сапожник. То что-то продавали, то покупали какого-нибудь теленка, то еще что-то. Вот, такие у них были работы. А на поле не работали. Они, наверное, не способны к этому» [G98Nacz.]
>
> «Они, вот, они что робили? Только, вот, чтобы продавцом, вот так. Или начальником, вот. А они возле земли. Они на это неспособные» [G93Waw.]

Жиды и земля — это взаимоисключающие категории. Жид, в отличие от символически приписанного к земле крестьянина, на земле не трудится. Он к такому

труду не способен по определению. С одной стороны, это увеличивает его инверсионные свойства по отношению к крестьянину, а с другой, в негативном отражении, усиливает и подтверждает оседлость здешних крестьян-земледельцев, одновременно вписывая в матрицу их идентичности антагонистическую оппозицию по отношению ко всем тем, кто *наволоклись, поселились, приехали* в деревню.

Еврейский *не труд* вписывается в оппозицию «город/деревня» как индикатор того, что является не деревенским, но необходимым для существования деревни. Чтобы крестьянин мог *трудиться*, жид должен *заниматься*: обменивать продукты его труда на деньги и товары:

> «Жиды все в городе были. В каждом. В Лиде были. Жиды, они зерно не производили. Только торговали. Магазины имели. Мы все ездили, у жидов покупали. Магазины были, так вот, поедешь, если надо какого-нибудь материала... Там хватало у жидов какого хочешь. Какой хочешь шерсти, какого хочешь шелка. Всего хватало» [G93Myt.]

Чтобы крестьянин мог не выезжать из деревни, жид должен был пребывать в непрерывном движении: объезжать деревни, предлагать оседлому крестьянину свои услуги. Именно такими мобильными, в отличие от крестьян, жиды сохранились в памяти колхозников:

> «Перед войной были жиды. У нас в деревне нет, а вот в Радуни. И они приезжали только, закупщиками здесь были, скупали тут» [G93Pelun.].
>
> «Едут в воскресенье. И берут уже того телка, или лен. Они покупали, ну, все. Яйца, кур покупали». [G93Pap.].

С точки зрения крестьянского стереотипа, жид, который не трудится на земле, всегда держится возле пана, что объясняется традиционным устройством общественных отношений. Категории пана и жида являются близкими друг к другу до такой степени, что по отношению к крестьянину могут быть взаимозаменяемыми. Пространством, объединяющим жида и пана, является *культура*: и тот и другой это люди *ученые*. К зажиточным евреям повсюду обращались *пан*; в беседах о них тоже используют это слово.

> «– Человек из деревни как обращался к шляхтичу?
> – Паном называл. Только пан. Как теперь товарищ у русских.
> – А жиду что говорили?
> – Тоже пан. Когда были, тоже пан» [G93Vav.]

Хотя еврейский *не труд* – торговля, ремесла, посредические услуги – не отождествляется с *занятием* пана, он обеспечивает жиду, как и пану, в противоположность крестьянину, *легкий хлеб*. Результатом *не труда* является приобретение жидом черт, не свойственных стереотипному мужику, но характерных для образа пана. Прежде всего это богатство, образование и культура. Собеседники противопоставляют жида простому крестьянину как воплощение ума и грамотности. Оппозиция компетенции (образования) и ее отсутствия, которая в отношениях пан – крестьянин рассматривается как противопоставления «культурный/некультурный» и «шляхетный/ простой», в отношениях жид – крестьянин артикулируется как противопоставления «ученый/неученый», «умный/неразумный», которые можно свести к оппозиции «смышленый/глупый».

«Жид ученый, читал книжки, жил как человек» [B9SAlm.].

«Они были такие интеллигентные» [G93Czasz.].

«Я жидов тоже уважала, они такие были умные, дураков не было. Они такие хитрые были» [G97Czasz.].

«На земле не работали, на таких хитрых работах работали» [B95Alm.] .

Стереотипный жид не является паном, шляхтичем или помещиком, которого с крестьянином связывала феодальная иерархическая дополнительность в общей системе землевладения. Но он тоже имеет панские признаки: не трудится на земле, не живет в деревне, работает не руками, а головой. В представленном колхозниками современном варианте стереотипа он ближе стоит к модерному образу пана-интеллигента, чем к постфеодальному *поместному* пану.

Жид выступает необходимым звеном обмена товаров и услуг между деревней и городом, который способствует эффективности труда крестьянина. Находясь в тесном контакте с крестьянином, он нарушает его изоляцию от более широкого мира. Такова традиционная социально-экономическая конфигурация и ее символическое отражение в мировоззрении, где постоянный напарник оседлого крестьянина — мобильный жид: **не может быть крестьянина без жида**.

Нынешний колхозник все время ищет компоненты этой крестьянско-панско-жидовской триады, соотнося традиционное социальное мировоззрение с изменениями в социальной действительности, с миром без давних панов и жидов. Исторические паны и жиды ушли в прошлое, но пока фундаментом коллективной идентичности колхозников остается традиционная модель культуры крестьянина, до того времени сохраняются в ней — как базовые элементы — категории пана и жида, эти терминологические «полочки», которые все время требуют наполнения современным содержанием общественной жизни.

В рамках оппозиции «город/деревня» жид приписывается к городу (местечку, поселку), а эта категория влечет за собой целый ряд не крестьянских позиций в колхозном образе социальной структуры. Они находят отражение в коннотации: город — учреждение — власть, куда народная интерпретация социальной действительности в качестве определяющего агента обязательно вписывает фигуру жида. Поскольку деревне приписывается *простота*, а городу — *грамота*, то соответствующим местом для ученого жида может быть только город.

«В Москве где какой начальник, то чаще всего жид» [G93 Czasz.].

«Работают в магазинах, и где они только не работают, и в начальстве они большинство робят» [G93Radz.].

Связь стереотипного жида с учреждением и начальством распространяется как на прошлое, так и на современность. Жиды руководили в Польше, руководят в Минске и в Москве, и вообще по всему миру. Руководят в городах, а также в колхозах. Может быть, жиды предназначены для руководства? Как мы увидим ниже, в высказывании про жида-председателя колхоза (в котором реализуется феодальная модель «доброго пана»), а также в частых упоминаниях о присутствии жидов в составе колхозного начальства, собеседники отвечают на этот вопрос положительно:

«У нас, вот, председателем был, вот, этот Аронов. Тоже жид, а такой хороший! Очень хорошо относился. Сходишь, попросишь или машину, или что, он никогда не откажет. Вот, клубы построил в каждой деревне. И хорошо навел порядок такой, что ой, ой, ой! Вот, и дом культуры в Доброй построил. При нем дисциплина была и работали хорошо. Они хорошие-хорошие» [M04Masz.]

Сегодня для наполнения стереотипной категории жида прекрасно подходит чиновник или начальник, которого с историческим жидом связывает только то, что он не трудится на земле, а «работает головой» и в социальной иерархии занимает более высокий ранг, чем колхозник. Слияние фигуры интеллигента, чиновника, специалиста из сферы услуг и торговли в общей категории «символического жида» можно наблюдать в ответах колхозников на тему начальства, где «жидовскость» функционеров в колхозе и сельсовете представляется как их очевидное, естественное свойство. Соответствовать универсальной категории грамотного жида, который «не робит», а только «занимается», может также, к примеру, не работающий в колхозе коммерсант-католик, как в Дубровенском районе на границе с Россией:

«— Он не хочет колхозить, только коммерцией занимается, купи-продай.
— А жиды только этим и занимаются. Вот, в Баеве. Вот, теперь у нас этот Загадай, сам же он пшек, поляк, а она немка. Батька ее немец» [W99Baje.]

Эти жиды — как паны

Жид, утратив семантическую связь со сферой религии или национальности, начинает обозначать просто «того, кто занимается торговлей». Ольга Белова пишет:

«Чтобы прослыть в глазах конфессионального или этнического большинства «евреем», совсем не обязательно принимать иудаизм. Признаки, на основе которых формируется фольклорный образ «жидовствующего», зачастую никак не связаны с еврейской традицией и одинаково применимы ко всем «маргиналам» культурного или конфессионального сообщества. Они маркируют ярко видимые отличия от «своей» традиции, и всё, что не «своё» получает таким образом «этнически-конфессиональную» окраску».

Когда мы вслушиваемся в рассказы собеседников о современных коммерсантах-спекулянтах, благодаря которым жители колхозных деревень имеют доступ к основным продуктам питания и товарам повседневного потребления, а также могут продавать собственные продукты, то кажется, что они отличаются от рассказов о довоенной еврейской торговле только второстепенными деталями, связанными с изменившимися историческими реалиями.

Сегодня жидом может быть каждый: начальник или чиновник, человек из города и цыган-торговец, католик и даже сосед-колхозник. Это может быть каж-

дый, кого колхозная интерпретация социальной действительности локализует вне традиционного мужицко-шляхетского круга земли и труда на ней, кого отождествляет с образованностью и властью, приписывает к городу, к категории людей, которые *занимаются* и являются мобильными, исполняют функции посредника между локальным микрокосмосом кохозников и внешним миром.

Поэтому категория жида, которая сегодня часто сливается в одно целое с категорией пана, остается для современных колхозников незаменимым инструментом для формулирования негативной идентичности собственного сообщества, идентичности, которая все время воспринимается как воплощение социальной неполноценности.

Алина Цала утверждала:

> «Образ жида был не периферией культуры, но ее интегральной частью. [...] В христианской культуре они были “сакральными чужими”. В масштабе Вселенной величайшим врагом Бога был Сатана, а на земле противником “доброго христианина” был жид. Его инаковость была интернализована».

Как идентичность крестьянина-земледельца невозможно представить без образа нетрудящегося на земле жида, так нет идентичности крестьянина-христианина без образа жида-иудея. Поскольку с точки зрения крестьянина, который конструирует свою селянскость, «негативный» жид должен олицетворять некрестьянские черты, то согласно тому же принципу, чтобы крестьянин мог самоидентифицироваться как христианин, он должен это делать относительно реверса, которым является мифический жид – **не христианин**.

Мифический жид, олицетворяющий все то, что народное мышление считает нехристианским, является необходимым негативом собственного образа беларуского мужика как христианина, неважно – католика или православного. Жиды, рассматриваемые в качестве символических (и определяющих) антагонистов христиан были и остаются по сей день неотъемлемой частью мифического строя, формирующего основы религиозного мировоззрения и религиозной идентичности колхозников-христиан обоих вероисповеданий.

Стереотип жида нехристианина, идентичность которого реализуется в повторении «изначальной сцены» страданий Христа, глубоко укоренен в дискурсе идентичности колхозников. Он хорошо усвоен и католическим, и православным религиозным фольклором: в песнях, апокрифических молитвах, заговорах от болезней, в евангелических и апокрифических повестях о страданиях, смерти и воскресении Христа и, наконец, в легендах о крови. Определяющий для христианской идентичности образ смерти и воскресения Христа невозможно упоминать без одновременного воспоминания образа распинающих его жидов-богоубийц как, например, в православной пасхальной песне:

> «Твайго сына жіды украли, / Да крыжіка прыбівали, / Хрыстос васкрес, Хрыстос, васкрес, Хрыстос васкрес!» [G94Radz.]

Или в заговоре от сглаза, записанном в католической деревне:

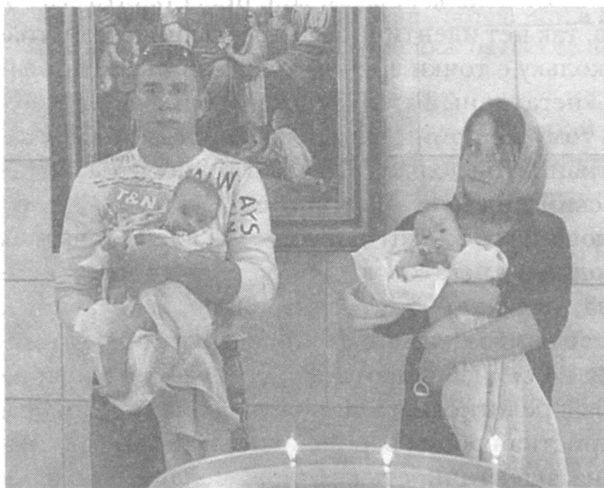
> «Как было тяжко терпеть Господу Иисусу распятому от жидов, так тяжело терпеть от людских глаз врагов». [G97Dyl.]

Тексты, о которых идет речь, задокументированы в литературе по этой теме. Это мини-рассказы, функционирование которых свидетельствует о постоянной актуализации в сознании собеседников данного мифа.

> — «Жиды какую веру знают?
> — У них своя вера.
> — Как у христиан?
> — Нет, они ведь Господа Иисуса распяли на кресте. Какие они христиане?» [G94Fel.].

Но этот аспект дискурса идентичности колхозников, постулирующий антагонистическое **взаимоисключение идентичности жидов как нехристиан и христиан как нежидов**, не исчерпывает значения исключительно важной функции жида для идентичности *мужиков-христиан.*

Не менее существенным является генеалогический аспект: ведь христианин тоже происходит от жида. Акт крещения представляется колхозникам ритуалом трансформации жида в христианина, повторением мифического прецедента крещения Христа:

После обряда крещения

> «В Иордане реке Господа Иисуса крестил Иоанн Креститель. И если вера, надо крестить. О, детей крестят. А если ребенок некрещенный, то жид. Вот для чего крещение» [G98Gin.].

В понимании собеседников разница между христианином и жидом заключается в том, что один крещен, а другой нет. Некрещенные жиды, хотя и принадлежат к миру людей, которые определяются как «существа, которые верят в Бога», не являются христианами. Они не веруют в Христа, а это ведет к непризнанию ими крещения. Именно поэтому оппозиция «христианин/не христианин», которая является индикатором еврейско-христианской обособленности, сводится к оппозиции «крещенный/не крещенный».

> «— Наш заведующий окрестил ребенка, и его потом вызвали, как они говорят, на бюро, и говорят ему: Почему ты крестил ребенка? Ведь так нельзя.
> А он им: Я бы не крестил, но мама сказала, что она жида воспитывать не будет. Так что мне с мамой делать?
> — Не будет жида воспитывать?
> — Да, некрещенного жида воспитывать не будет. Надо крестить» [G94Fel.].

Этот анекдот метко показывает, что в колхозном мировосприятии **жид — это нехристь, а нехристь — это жид**. Крещение является ритуальным актом, утверждающим человека в качестве социального существа. Индивид раз и навсегда

приписывается к определенной вере-нации (православной или *русской вере* либо католической или *польской вере*). «Надо крестить», — это императив, ключевой для идентичности мужика-христианина, это норма, которая его определяет:

> «Ребенок родится, знаешь, того... Надо крестить, а то жидом останется». [G98Gin.]

Крещение — это символическое ядро идентичности колхозников, главная ценность в этой идентичности. «Мы люди христиане («люди крещенные/православные»)» — это удостоверенная древними историческими источниками, встречающаяся в многочисленных религиозных и апокрифических текстах формула самоидентификации беларуских крестьян, охватывающая как православных (в прошлом униатов), так и католиков. Она существует и сегодня:

> «— Что такое народ?
> — Люди. [...] Все, кто христиане» [G97Pap.].

Весьма существенно и то, что она встречается в варианте, который касается не столько христианства группы или индивида, сколько его метонимического стержня — крещения:

> «Бог у нас, у вас Пан Бог, и всё. А так, все то же самое. Потому, что мы люди крещенные. О, и католики крещенные и православные» [G97Skr.].
> «И русский один батюшка, и наш, а у поляков наверное католики, так батюшка отдельный. А так у нас всех вера одна, у всех крещенных вера одна, я так думаю» [H03Aleks.].

Михал Федеровский записал ответ крестьянина XIX века из Западной Беларуси на вопрос «откуда мы происходим?»:

> «Старые люди говорят и показывают, что наша земля была когда-то пущей, а в ней жили какие-то язычники («паганцы»), что в Бога не верили. А откуда взялись мы, то (они) так показывают, что до рождения Пана Езуса не было никого кроме жидов, а потом Пан Езус как покрестился, так мы с тех пор и по сей день их потомство христиане».

Это суть мифа происхождения мужика-христианина. Ее можно представить в виде формулы: «Мы крещенные жиды».

Исследователь, работающий в беларуской деревне через сто лет, подтверждает немеркнущую силу этого мифа. Нет ничего странного: мифическое толкование крестьянской идентичности исчезнет только вместе с ней. Пока беларуские колхозники будут воспринимать себя как христиан, до того времени они будут помнить, что стали ими в результате крещения еврея Иисуса. Иисус — «жид, пока не крестился» [G98Gin.], так и каждый колхозник стал *русским* или *поляком*:

> «Исус Христос — он жид, не русский. Он не захотел быть жидом, он выкрестился в русскую веру. А жиды не любили, что он выкрестился. И его распяли. Вот, у нас иконка была. Распяли его руки и ноги гвоздями. Он стоит, молчит, и гвозди видно прибитые» [H03Mauc.].
> «— Почему вы говорите *польская вера*?
> — Польская вера потому, что христиане. Пан Езус [поставил] крест, вот от этого польская вера.
> — Пан Езус был поляком?

— Пан Езус был жидом. Пан Езус, как стал уже Ян Креститель,сказал: «меня окрести». Потому польская вера, что крест пошел. Пан Езус поставил крест. Пан Езус пошел на муки, знаешь... замучили Пана Езуса» [G98Gin.].

Мифическим началом христиан являются крещение и страдания Иисуса. В момент крещения в Иордане Иисус-еврей стал христианином, а для народного сознания, использующего конкретные категории, *русским* или *поляком.* Его страдания дали начало крещению его последователей, разделяя одинаковых до этого мифического момента евреев на тех, кто крестился, и не крещенных. Часть «пошла в христиан», часть же осталась евреями.

«Они Христа не признавали, веры не признавали, все были жиды. А потом уже после пришествия Христа, как Пан Езус стал чудеса творить, не все уверовали. Некоторые не уверовали и замучили Пана Езуса» [G97Mej.].

«И пришел Исус Христос и он сказал, что хочет, чтобы вера была христианская, но люди не согласились. Кто-то пошел в христианство, хотел и принял его веру, а кто-то остался. Так остались католики и те, что садятся и “бубу, бубу” молятся» [H03Aleks.].

Жидов невозможно отделить ни от крещения, ни от распятия Иисуса. Нельзя их выбросить и из мифа происхождения, который определяет идентичность селянина-христианина-крестьянина, мужика, колхозника. Крещенные в «поляков» католики и крещенные в «русских» православные имеют свой мифический образец в лице Иисуса, которого вместе с его матерью, «Перекрестил. Перекрестил! Перекрестил Матерь Божью и Пана Езуса перекрестил» [G98Gin.]. Фигура Иисуса, мифический образец перекрещенца, олицетворяет в себе одновременно жида и христианина, сопрягая противоположности — веру жидов некрещенных и крещенных.

Христианин определяется в оппозиции к жиду. И наоборот, жид определяется в оппозиции к христианину. Дискурс колхозников про идентичность мужика как христианина основан на определяющих формулах: «жид это нехристь», «нехристь это жид» и «христианин это не жид». Но также можно говорить о формуле «**христианин — это крещенный жид**» (также как жид является потенциальным христианином). В идентичности первого существует жидовская часть, а второго — христианская. Обе идентичности амбивалентны, что объясняется мифами о происхождении и одновременно народной антропологией, которая рассматривает человека как существо, разрывающееся между добром и злом.

И христиане, и жиды вписаны в Священную историю. Жиды играют в ней одновременно и позитивную и негативную роль. От тех, кто поверил в Христа, пошли христиане; а другие, которые в него не поверили и должны были его убить, остались жидами. Как жид крещенный (образец христианина), так и жид-богоубийца (образец иудея) являются неразрывными частями крестьянского мифа об идентичности, который оперирует игрой оппозиций и повествует, как и все архаические мифы, о борьбе добра со злом. Как не может быть дня без ночи, а жизни без смерти, так **не может быть христианина без жида.**

Выводы

Антропологический анализ и интерпретация содержания идентичности беларуских колхозников с точки зрения их собственного восприятия приводит прежде всего к констатации долгой длительности когнитивных структур, которые на пороге XXI века продолжают категоризовать социальную действительность по домодерным, принадлежащим к эпохе феодализма, глубоко архаическим моделям.

Этот таксономический строй, благодаря которому современные беларуские колхозники классифицируют и определяют свой социальный космос по правилам, которыми пользовались многие поколения их предков, тесно переплетается с мифическим порядком. Именно последний придает ему аксиологический характер и предоставляет инструменты для «согласной со смыслом» интерпретации мира.

В постсоветских колхозных и постколхозных реалиях современной Беларуси продолжают сохраняться не только давние крестьянские ценности, но и погруженные в мифическое мировоззрение оппозиционные когнитивные категории такие, как «крестьянин/пан», «крестьянин/жид», «христианин/жид», «поляк/русский», которые структурируют изменчивый социальный мир и тем самым делают возможным конструирование устойчивого образа и этоса собственной группы.

Сохранение этих когнитивно-аксиологических структур приводит к тому, что современный колхозник продолжает жить по модели идентичности своих предков. Самоопределение мужика-колхозника, так же как и крепостного крестьянина перед упразднением крепостничества, или хозяина и батрака после упразднения, определяет его как человека простого и трудящегося (в противоположность к пану и к жиду), как оседлого крещенного человека, который работает на земле. Беларуские колхозники на рубеже XX и XXI вв. представляют самих себя, как и их деды-прадеды, простым и трудящимся здешним христианским народом.

Среди первичных ценностей, определяющих идентичность как бывших мужиков, так и нынешних колхозников и постколхозников, жизнь которых происходит в локальных семейно-соседских сообществах, основанных на обычных связях, мы не находим ни нации, ни отечества, ни государства, ни «мовы». На первом плане находятся **труд** (ведь прежде всего они видят себя в оппозиции к тем, кто не трудится, как сообщество людей труда), **земля** (люди, которые трудятся на земле в противоположность тем, которые занимаются чем-то другим) и **Бог** (люди, которые верят в Бога в противоположность неверующим или не христианам).

Их историческая память имеет другое содержание и опирается на другие ценности, нежели письменная память национальных обществ, объединенных вокруг передачи кодифицированной традиции. В своем основном измерении это мифическая, фаталистическая история о судьбе обиженного люда, которая утверждает человеческую солидарность и фокусируется вокруг жизни и выживания. Это негероическая история людей, не боровшихся с оружием в руках во имя общих для всего сообщества ценностей, как в героических национальных

мифах, а страдавших как невинные жертвы в сценариях, реализованных внешними силами и идеологиями.

Стержнем этой истории является идея крестьянского сообщества с присущими ему усердием, предусмотрительностью, незаметностью и бессилием, а также способностью к воссозданию и неуничтожимостью, а значит и устойчивостью перед теми угрозами, которые несет насильственное движение истории. В коллективной идентичности беларуских колхозников присутствует миф происхождения, рассказывающий о людях, безвинно обиженных и созданных для того, чтобы занимать более низкую позицию в социальной иерархии. Он же говорит о нормах и ценностях крестьянского этоса, обусловленных извечной философией выживания.

Советская колхозная система, давшая новую жизнь модели фольварочного хозяйства, действовала словно морозильник, тормозивший процессы экономической, социальной и ментальной модернизации. Именно поэтому в колхозных и постколхозных деревнях Беларуси мы встречаемся с одним из последних в Европе резерватов домодерной ментальности. Именно поэтому коллективная идентичность беларуской деревни в ее нынешнем колхозном варианте все еще остается крестьянской послекрепостной идентичностью, на которую сильнейшим образом повлияло давнее сословное (кастовое) общество, неразрывно связанное с мифическим мировоззрением, и с сотканной из стереотипов языковой моделью мира. И одновременно она является универсальной гуманистической крестьянской идентичностью с ее антропологией, в центре которой находятся отношения человека и *Sacrum.*

Можно не сомневаться, что в постсоветский период беларуская колхозная деревня постепенно изменяется. Процесс этих изменений требует отдельных исследований. Я, однако, убеждена в том, что антропологическая интерпретация традиционной модели идентичности беларуской деревни, зафиксированная, возможно, в последний момент ее существования, не только обогащает наши знания об источниках современных беларуских коллективных идентичностей, но также вдохновляет на более глубокое изучение всего сообщества для понимания его современного состояния и размышления над его будущим.

Часть V. РАЗНОЕ

КЛЁСОВЩИНА, ИЛИ ДО ЧЕГО ДОВОДИТ НЕВЕЖЕСТВО И САМОДУРСТВО В ИСТОРИОГРАФИИ

Михаил Подгайный

В последние несколько лет большой популярностью в Интернете пользуются научно-популярные тексты ученого-биохимика, специалиста по молекулярной генеалогии Анатолия Алексеевича Клесова. Тексты эти активно обсуждаются на форумах, на них ссылаются в дискуссиях политической, этноисторической, археологической и прочей подобной тематики. Судя по статье в Википедии А.А. Клесов уважаемый, всеми признанный эксперт в своей области знания – химии.

Но, как это случается иногда со специалистами, выходя за рамки своей узкой специальности, они частенько попадают впросак. Особенно те из них, кто склонны к безудержному терминологическому новаторству и безапелляционным утверждениям в смежных областях знания (генетике, истории, биологии), где требуется хоть какая-то профессиональная эрудиция. И, особенно, в тех случаях, когда заслуженный авторитет в родной сфере знания делает человека (все мы люди и не безгрешны) маловосприимчивым к аргументации оппонентов.

Именно с легкой руки А. Клесова Y-хромосомная гаплогруппа R1a1 в кругах лингвофриков получила наименование «славянской», «арийской», «“индоевропейской”» (последний термин Клёсов берет в кавычки и именует устаревшим); всем, кто не знает что такое «Y хромосома», «гаплогруппа», «R1a1» рекомендую справиться в Википедии. При этом в число «славян», «ариев», «“индоевропейцев”» по Клесову попадает население Восточной Европы, Индии, центральных районов Азии, Ближнего Востока – всей обширной территории распространения гаплогруппы R1a.

Сплошь и рядом Клёсов именует «славянами» и «арийцами» предков людей, говорящих сейчас на балтских, романских, армянском, арабском, киргизском языках и имеющих отнюдь не славянское и, тем более, не арийское, этническое самосознание. Пример: «В настоящее время доля славян-ариев гаплогруппы R1a1 в Литве 38 %, в Латвии 41 %».

Не правда ли странно? Почему род R1a1 именно «славянский»? Почему бы его не назвать литовским, латвийским, албанским, румынским, киргизским? Не-

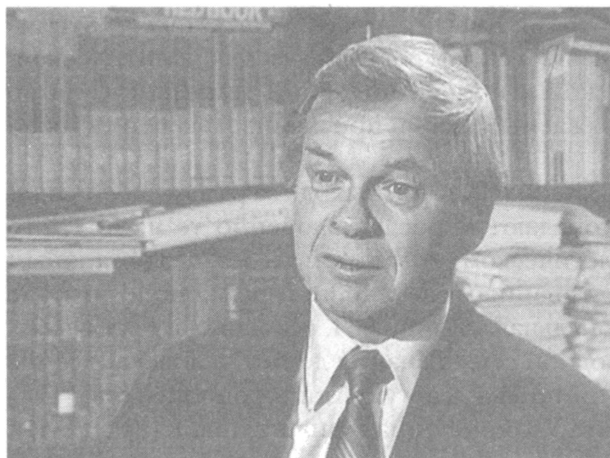

М. Подгайный – старший научный сотрудник отдела природы Херсонского областного краеведческого музея.

ужели только потому, что «...на юге и в центре России доля восточных славян-ариев достигает 60–75 % и выше», «а в старинных русских и украинских городах, городках, селениях – до 80 %» (там же). А может быть дело в том, что сам А. Клесов славянин и пишет свои популярные опусы на русском языке? На месте албанцев я бы обиделся. Ведь это на их нынешней языковой территории самим же Анатолием найдены древние ветви гаплогруппы R1a1 возрастом 12 тысяч лет.

Или очень хочется запихнуть родных славян в каменный век – в пику другим народам? А заодно отождествить с «праариями» и «праиндоевропейцами» в духе популярной сейчас в России этногенетической мифологии. Такая вот «наука» с националистическим душком.

Смешно то, что сами тексты А. Клесова со всей очевидностью свидетельствуют о том, гаплогруппа R1a1 никак не может именоваться ни «славянской», ни «арийской», ни даже «индоевропейской». А используемая им оригинальная авторская терминология не только никак не соотносится с накопленными наукой знаниями в области лингвистики, истории, археологии, этнологии, но и в корне противоречит традициям генеалогической номинации.

Биохимик Анатолий Алексеевич Клёсов

Начнем со «славян». Анатолий Клесов пишет: европейские корни «рода R1a1, давностью 12 тысяч лет, находятся на Балканах – в Сербии, Косово, Боснии, Македонии» и лишь 6 тысяч лет назад эти люди начали расселяться по Европе и Передней Азии.

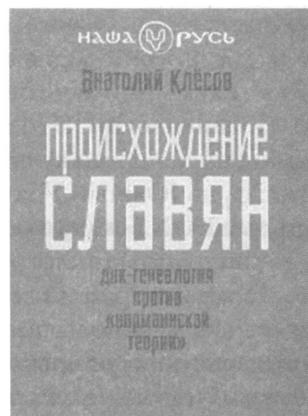
Ну, и на каком основании «род R1a1» можно именовать «славянским»? Ведь исторические славяне – носители раннеславянских диалектов и славянского этнического самосознания – завоевали Балканский полуостров, перейдя Дунай, лишь в VII веке н. э., то есть всего лишь 1300 лет назад. Это событие обстоятельно освещают авторы раннесредневековых хроник, военных трактатов, дипломатических документов; славянизация Балканского полуострова вообще хорошо документирована свидетельствами исторических и археологических источников. И именно тогда – 1300 лет назад – жители Сербии, Косово, Боснии, Македонии забыли свои прежние языки, заговорили по-славянски и усвоили славянское этническое самосознание.

Но, если принять доморощенную терминологию Клёсова, то на момент своей языковой и этнической славянизации местные фракийцы и иллирийцы уже 12 тысяч лет числились ДНК-генеалогическими «славянами». Мало того, сохранившие свой древний язык современные албанцы гаплогруппы R1a1 – это тоже ДНК-генеалогические «славяне» по Клёсову.

А ведь если действовать «по уму» и искать Y-хромосомы реальных исторических славян – людей, которые себя так именовали и осознавали, то достаточно

вычленить ту веточку (кластер) гаплогруппы R1a1, которая начала распространяться по Центральной и Восточной Европе 1300–1500 лет назад в эпоху дальних миграций славян за пределы своей прародины. А не 6 тысяч лет назад, как у Клёсова.

Впрочем, нет никакой уверенности в том, что исторические славяне V–VII веков принадлежали именно к гаплогруппе R1a1. Ведь смена языков в большинстве случаев не сопровождается сменой населения. В Центральной Европе люди, заговорившие в VII веке по-славянски, до этого говорили на германских диалектах, еще раньше – на кельтских, еще раньше – на иллирийских и т. д. в глубину веков, соответственно менялось и этническое самосознание этого населения. И если гаплогруппа R1a1 появилась на нынешней славянской языковой территории еще 5 тысяч лет назад, как установил Клёсов на основании анализа ее центральноевропейских гаплотипов, то это значит, что люди, распространившие около 1500 лет назад в этом же регионе славянские язык и самосознание, могли принадлежать к какой угодно другой гаплогруппе, например R1b1c или E1b1.

Книга А. А. Клёсова вызвала много шума

Исторические славяне V–VII веков могли просто раствориться в среде неславяноязычных аборигенов Центральной Европы, передав им свой язык и этническое самосознание, но унаследовав их антропологический облик и гаплотипы. Нечто подобное имело место на территории Ирландии и Великобритании, где распространение сначала кельтских, а затем англосаксонских диалектов не сопровождалось биологической сменой населения.

Мало того, еще на территории своей прародины – задолго до начала дальних миграций V–VII веков – носители праславянского языка вполне могли принадлежать сразу к нескольким гаплогруппам, как и древние евреи (по результатам исследования самого А. Клёсова), как и большинство современных этносов. И тогда именовать «славянскими» придется все подходящие по географии кластеры полуторатысячелетнего возраста всех этих гаплогрупп. Но только отдельные кластеры, а никак не гаплогруппы целиком!

Подобным же образом необходимо искать Y-хромосомные корни пресловутых «арийцев». Исторические арии говорили на языках индоиранской группы, как это следует из текстов Авесты и Риг-Веды, написанных на авестийском и ведийском языках, а также – по свидетельствам античных авторов, записавших лексику персов, мидийцев, согдийцев и других народов, именовавших себя ариями. По данным глоттохронологии распад индоиранского языкового единства произошел 4000–3500 лет назад. Следовательно, «арийской» может быть названа только та ветвь гаплогруппы R1a, которая географически охватывает индоиранский языковой ареал и имеет возраст около 4000 лет. Только эта веточка и может именоваться «арийской».

В отличие от славян, древние арии могли принадлежать к гаплогруппе R1a и ни к какой другой. На это указывает идеальное совпадение времени распада ин-

доиранского праязыка (по данным глоттохронологии) с возрастом индийской ветви гаплогруппы R1a1 (субклад Z93), а также распределение ее гаплотипов в самой Индии. Но данное обстоятельство никак не оправдывает приложение термина «арийцы» к другим ветвям индоевропейской языковой общности – праславянской, прагерманской, прагреческой и т. п. Это параллельные ветви – и лингвистической «генеалогии», и биологической ДНК-генеалогии.

Привычные этнолингвистические обозначения – «праславяне», «прагерманцы», «прагреки» – вполне можно будет использовать и для именования соответствующих по времени и географии кластеров гаплогруппы R1a1, если обнаружится, как и в случае ариев, взаимнооднозначное соответствие их биологической и лингвистической генеалогий. Но использовать – строго раздельно. «Праславяне» – это не «арии». По определению! И если у каких-то жителей Южной России, как выяснил Клёсов, обнаруживаются «арийские» гаплотипы, то это как минимум говорит о том, что эти люди – не «славяне» с точки зрения ДНК-генеалогии. Это потомки одной из первых волн заселения Русской равнины носителями культур эпохи бронзы. Той волны, которая впоследствии укатилась на Южный Урал и далее – в Индию. А славяне появились в этих местах лишь в IX–X веках, то есть три тысячи лет спустя (!), и принесли сюда либо другие гаплотипы гаплогруппы R1a, либо гаплотипы вообще другой гаплогруппы.

Та же история с клёсовскими «“индоевропейцами”». Словарь индоевропейского языка-основы эпохи распада праязыкового единства отражает уровень материальной культуры времен энеолита. То есть проникает в глубь веков максимум на 7 тысяч лет. Распространение индоевропейских языков связано с миграциями скотоводов, знакомых с земледелием, керамическим производством, металлом, колесным транспортом. При чем здесь вся гаплогруппа R1a1 15–20-тысячелетней давности? Как и в случаях славян и ариев, можно говорить только об одной ее кладе возрастом 6–7 тысяч лет.

Языки населения всех остальных малых и больших ветвей R1a1 не дожили до наших дней, будучи стерты более поздними мигрантами. В частности – носителями гаплогруппы R1b1, которая, как установил Клёсов, распространилась в западной и центральной части Европы уже после волны R1a1. Мало того, как и в случае со славянами, вполне может оказаться, что люди «индоевропейской» клады гаплогруппы R1a1 первоначально говорили на совершенно ином языке и только около 6 тысяч лет назад заимствовали индоевропейский праязык у населения другой гаплогруппы, например I2, а уж затем расселились по территории Европы, проникли в Индию и Иран.

Все, что можно утверждать сейчас, на основании имеющихся на сегодняшний день данных, так это лишь то, что около 6 тысяч лет назад, в эпоху распада индоевропейской языковой общности, носители праязыка уже принадлежали к гаплогруппе R1a1, и часть из их биологических потомков, сохраняя свой язык расселилась по всей Европе (предки германцев, италиков, греков и др.), Западной Азии (анатолийцы, митаннийские арии, фригийцы, армяне и др.), Центральной Азии, Ирану и Индии (арии, тохары). Все остальное – домыслы, не имеющие под собой никаких фактических оснований.

Славяне, арии и индоевропейцы у Клёсова вообще никак не различаются, это какой-то чудовищный конгломерат. При этом славяне и арии выступают един-

ственными разносчиками гаплогруппы R1a по Евразийскому материку, а индоевропейцам он вообще отказывает в праве на существование:

> «Под славянами в контексте их происхождения я буду подразумевать праславян. И, как будет видно из последующего изложения, этот контекст неразрывно связан с “индоевропейцами”. Последнее – чудовищно неуклюжий термин. Слово “индоевропейцы” – просто издевательство над здравым смыслом. На самом деле есть “индоевропейская группа языков”, и история этого вопроса такова, что два столетия назад было обнаружено определенное сходство между санскритом и многими европейскими языками. Эту группу языков и назвали “индоевропейской”, в нее входят почти все европейские языки, кроме баскского, угро-финских и тюркских языков. Тогда не знали причин, по каким Индия и Европа вдруг оказались в одной языковой связке, да и сейчас не очень-то знают. Об этом речь тоже пойдет ниже, и без праславян здесь не обошлось. Но нелепости дали ход тогда, когда самих носителей “индоевропейских языков” стали называть “индоевропейцами”. То есть, латыш и литовец – индоевропейцы, а эстонец – нет. И венгр не индоевропеец. Русский, живущий в Финляндии и говорящий по-фински – не индоевропеец, а когда он переходит на русский, сразу становится индоевропейцем».

А что тут удивительного? «Латыш и литовец – индоевропейцы, а эстонец – нет» звучит точно так же как «аргентинец и португалец – латиноамериканцы, а канадец – нет». Это общепринятая условность. Или, может быть, Анатолий Клёсов не знает о том, что языки не ходят сами по себе, о том, что у каждого языка есть этнос – носитель языка, а у этого этноса есть самоназвание (аутоэтноним) и этническое самосознание. О славянах и ариях уже шла речь. Оба эти народа были носителями праязыков своих языковых групп – славянской и арийской (индоиранской). И так же обстоит дело со всеми без исключения семьями родственных языков, у каждой имеется этнос – носитель праязыка. К примеру, две тысячи лет назад люди, называвшие себя Romanorum, завоевали пол-Европы; с тех пор здесь бытуют романские языки: португальский, испанский, каталонский, французский, итальянский и другие. И никто не сомневается в реальности римлян и в том, что их язык – народная латынь – является языком-основой (праязыком) романской языковой группы.

Самоназвание носителей праязыка «индоевропейской группы языков» нам неизвестно, но нет ни малейших оснований полагать, что они именовали себя ариями или, чего доброго, славянами. Так стоит ли удивляться, что наименование группы языков перенесено на народы, говорящие на этих языках. Это совершенно естественно: индоевропейцы – носители раннеиндоевропейских диалектов. А вот требование Клёсова именовать носителей «индоевропейской группы языков» праславянами выглядит идиотски. С таким же успехом какой-нибудь безумный португалец мог бы потребовать называть древних римлян «прапортугальцами».

Вообще сам принцип именования древнего генеалогического единства именем одной из позднейших веточек глубоко порочен с точки зрения правил генеалогической номинации. Потому, что ставит другие ветви генеалогического древа в неравное положение с терминологически выделенной. Это относится к научной терминологии всех «генеалогических» систем: языковой, этнографической, археологической, генетической. Даже издавна сложившаяся и ставшая

привычной терминологическая традиция не оправдывает подобного положения вещей. Именно поэтому устаревшее понятие «индогерманские языки», широко распространенное еще в начале прошлого века, в современной лингвистической номенклатуре было со временем заменено термином «индоевропейские». Индостан и Европа – понятия преимущественно географические, которые не несут явной этнической и языковой смысловой нагрузки. Но именно нейтральный термин «индоевропейцы» Клёсову активно не нравится, и он стремится заменить его этнически окрашенным. Только на этот раз не «германцы», а «славяне». Ну и, естественно, не забыты приснопамятные «арийцы». Без них национальным энтузиастам любой этнической принадлежности ну просто никак не обойтись.

Показательно, что вся эта чушь подается под соусом борьбы с политкорректностью. Видимо исконному русаку Клёсову нелегко живется в Бостоне, в окружении жутко политкорректных америкосов. Он пишет:

> «А как сейчас смотрят на «индоевропейцев» современные науки? «Индоевропейцы» у них – это вроде слонопотама»... «Согласно индийским ведам, именно арии пришли в Индию с севера, и это их гимны и сказания легли в основу индийских вед. И, продолжая дальше, ведь это русский язык (и родственные ему балтийские языки, например, литовский) ближе всех к санскриту, а от русского и балтийских языков и до Европы рукой подать. Стало быть, балто-славянские языки и есть основа “индоевропейских языков”, не так ли? То есть, они же и арийские языки, если называть вещи своими именами. Так никто и не спорит. Но, знаете ли, это как-то неправильно славянам такую честь оказывать. “Индоевропейские языки” – это политкорректно, некие безликие “индоевропейцы” – тем более политкорректно, славяне – не очень политкорректно. А уж арии – это, знаете ли, чревато».

Не стоило большого труда поднять специальную или даже добротную популярную литературу и убедиться в том, что индоарийские языки отличаются от балто-славянских в той же степени, что и от германских, кельтских, латыни, греческого, армянского и других «“индоевропейских языков”». Но Клёсов предпочитает пофантазировать о том, что «русский язык (и родственные ему балтийские языки, например, литовский) ближе всех к санскриту». Или он это где-то в интернете раскопал?

Но даже если допустить, что индоиранские, балто-славянские, греческий, армянский и некоторые другие языки ближе друг к другу, чем к остальным ветвям индоевропейской семьи (есть такая гипотеза в компаративистике), то и в этом случае, на каком основании Клёсов именует носителей балто-славяно-арийско-греко-армянского праязыка «арийцами» и «славянами», а не, к примеру, литовцами или армянами, неведомо. Только потому, что и арийцы и славяне расселяясь за пределы своих прародин, прошли через родную ему «Южную Россию»?

Вообще способ, посредством которого Клёсов присваивает наименования гаплогруппам в своих популярных интернет-публикациях, открывает широчайшие возможности. Если R1a1 – славяне, то почему бы не назвать этим именем всю гаплогруппу R1, записав в число «славян» еще и басков с грузинами. Впрочем, чего мелочиться. Давайте объявим славянской всю обширнейшую гаплогруппу R 25-тысячной давности с камерунскими неграми и чернокожими австралийскими аборигенами. Чем не славяне?

А уж обоснование такого подхода просто поражает: «Давайте договоримся — говоря о славянах, я имею в виду не современную “этно-культурную общность”, а наших предков, живших тысячелетия назад. Должно же быть у них какое-то имя? Не неуклюжее “праиндоевропейцы” же? И не “индоиранцы”, так? Пусть будут славяне, праславяне» — пишет Клёсов. А почему не «россияне»? Ведь речь идет о «наших предках».

Абсурдность такой логики можно продемонстрировать на «бытовом» примере. Допустим, некий гражданин Пупкин выясняет, что по мужской линии он принадлежит к роду князей Головня-Острожецких, к примеру. На этом основании он переименовывает род Головня-Острожецких в Пупкиных, поскольку в его родном селе доля этих самых Пупкиных — потомков крепостных крестьян одного из князей — «достигает 60–75 % и выше», и все они несут гаплотип своего любвеобильного барина. А почему бы нет? Ведь Головня-Острожецкий — «это вроде слонопотама», «чудовищно неуклюжий термин», «просто издевательство над здравым смыслом». Ну, а то обстоятельство, что «термин» этот является общепринятым в политкорректном мире, нам не указ. В наших «старинных русских селениях» нас, Пупкиных, «до 80 %». Мало того, поскольку князья Головня-Острожецкие принадлежат к роду Рюриковичей, то и самих Рюриковичей можно в Протопупкиных перекрестить под лозунгом борьбы с ненавистной политкорректностью. «Должно же быть у них какое-то имя? Не неуклюжее “Головня-Острожецкие” же? И не “Рюриковичи”, так? Пусть будут Пупкины, Протопупкины». Нам из родного села «на юге России» виднее как «наших предков» именовать.

Клёсов пишет:

> «Так арии и праславяне стараниями наших ученых стали безликими “индоевропейцами”, а арийские, древнеславянские языки стали “индоиранскими”. Это тоже политкорректно. И пошли совершенно фантастичные пассажи, принятые в научной литературе, что “на Днепре жили ираноязычные племена”, что “скифы были ираноязычны”». «На Днепре, Доне и Урал-реке жили не “ираноязычные народы”. Славяне там жили, праславяне, арии, и это был их язык».

Читая подобные перлы, поневоле удивляешься неспособности ученого-естественника отделять значение термина от его этимологии. Слово «иранский» в данном случае — это не более чем этикетка, маркирующая группу близкородственных языков внутри обширной индоиранской (арийской) языковой общности. Безусловно, исторические скифы называли себя не «иранцами», а скорее ариями, и имели, возможно, арийское самосознание (на это указывают имена скифов Ариапеифес и Ариантас), как, впрочем, и остальные иранские народы: «персы, мидийцы, бактрийцы и согдийцы относятся к ариям и пользуются почти одним и тем же языком» (Страбон).

Обойтись же без термина «иранский» в современной «научной литературе» никак нельзя, поскольку обширная арийская (индоиранская) языковая группа состоит из нескольких ветвей: индоарийской, дардской, нуристанской, переднеазиатской арийской... И для одной из этих ветвей, включающей скифский язык, лучшего наименования, чем «иранская» придумать мудрено. Да и само слово Iran является результатом развития на почве новоперсидского языка древнего слова Ariana, что означает «арийская, страна ариев».

От скифского языка сохранилось около 200 словооснов, этого более чем достаточно для определения его положения в генетической классификации языков. Слова «скифы были ираноязычны» означают лишь то, что 2500 лет назад, когда Гесихий и Геродот записывали скифские слова и растолковывали своим читателям их этимологию, язык европейских скифов по множеству четко зафиксированных особенностей исторической фонетики и лексики был близок к языку Авесты, древнеперсидскому, языкам мидийцев, согдийцев и других народов, которые принято именовать «иранскими», но при этом существенно отличался от арийских языков Индии и Нуристана. Только и всего.

Данное обстоятельство, по-видимому, свидетельствует о том, что один из арийских языков (праиранский) продолжал бытовать в евразийских степях еще около 3500 лет назад, когда другие арии уже ушли несколькими волнами на юг — в Индию (индоарийские языки), на Ближний Восток (митаннийский арийский), в район Гиндукуша (нуристанские и дардские языки). Судя по множеству черт исторической фонетики, роднящих скифский язык с древнеперсидским и авестийским, но четко отделяющих от древнеиндийского (ведийского и санскрита), в Иранское нагорье предки персов, мидийцев, согдийцев переселились лишь в конце бронзового века. К тому времени другие арии уже давно заселили Гиндукуш и Северную Индию. Историческая фонетика и лексикостатистика, кстати, науки точные, и неспециалисту, прежде чем измышлять гипотезы о взаимоотношениях языков, полезно было бы почитать специальную литературу, а не вести себя, как 14-летний интернет-подросток. Осуждая «совершенно фантастичные пассажи, принятые в научной литературе» уважаемый профессор выступает как безответственный дилетант.

И стоит ли говорить о том, что никакой «арийскости» ни в языке, ни в самосознании славян, германцев, греков и других носителей индоевропейских языков не наблюдается. Праславянский язык не является результатом развития ни скифского, ни праиранского, ни праарийского (праиндоиранского) языка. Это либо вполне самостоятельная, либо общая с западнобалтскими (прусским, ятвяжским и несколькими другими вымершими языками) линия развития ранне-индоевропейских диалектов. Поэтому и называть славян ариями бессмысленно.

А еще поражает полная неспособность доктора наук учиться, получать простейшие сведения в новой для себя области знания хотя бы с помощью Википедии. Раз уж взялся писать о языках («древнеславянские языки», «ираноязычные племена», «это был их язык»), то прежде чем трубить о перевороте в языкознании курам на смех, посиди в интернете и почитай, чай грамотный. Двух, трех дней хватило бы для того, чтобы понять: «На Днепре, Доне и Урал-реке» не мог существовать какой-то один «праславянско-арийский язык».

За последние четыре тысячи лет здесь сменились десятки, если не сотни языков множества разных групп. Только в степной полосе региона последовательно сменяли друг друга языки, принесенные из Центральной Азии: калмыцкий (XVII век), ногайский (в XV веке), кыпчакский половцев (XII век), огузский торков (XI век), печенежский (X век), венгерский (IX век), болгарско-хазарский (VI век), аварский (V век), гуннский (IV век), аланский (I век) и так далее в глубь веков. И не один из этих языков не был прямым продолжением своего предшественника в данном регионе.

Еще сложнее было положение в восточноевропейской лесостепи судя по чехарде разнородных культур, принесенных из самых разных концов Европы и Азии: тюркский язык волжских и черных булгар (VIII–XIII вв.) мигрировал из Приуралья через Приазовье; славянский язык населения луки-райковецкой и роменско-боршевской культур (VIII–IX вв.) — из Полесья и Волыни; аланский оседлого лесостепного населения салтово-маяцкой культуры Подонья (VIII–IX вв.) — из Центрального Предкавказья; готский язык (III–IV вв.) — из Скандинавии через Польшу и Волынь; балтские языки культур выямчатых эмалей (II–VIII вв.) — несколькими волнами из Прибалтики через Белоруссию; сарматский язык сусловской культуры днепровско-донской лесостепи (I–II вв.) — из Центральной Азии через степную полосу. Какой такой «их язык» Клёсов разглядел «На Днепре, Доне и Урал-реке»?

Ей-Богу, историческое языкознание — наука не менее сложная, чем биохимия. И здесь так же необходимо применять декларированное самим же Клёсовым «золотое правило науки: экстраординарные выводы требуют экстраординарных обоснований».

Арийскость и славянскость гаплогруппы R1a1 — это не единственная глупость, которую запустил гулять по интернету Анатолий Клёсов. Похоже, это с его подачи «кельтской» именуется западноевропейская гаплогруппа R1b1. Исторические кельты, они же галлы и галаты, согласно свидетельствам античных авторов в V веке до н. э. обитали в верховьях Дуная, а затем расселились по всей Европе и Передней Азии, сожгли Рим, разграбили Дельфийское святилище в Греции и, в итоге, разнесли свой язык на огромной территории от Анатолии до Бретани. Кельтскими, как видно, могут быть названы только кластеры 2500-летнего возраста гаплогрупп R1b1 или R1a1 с подходящей географией, но никак не вся гаплогруппа R1b1.

Пракельтский язык, восстановленный средствами компаративистики, является типичным индоевропейским, родственным италийским и иллирийским языкам. И если расселение праиндоевропейцев, по Клёсову, связано с гаплогруппой R1a1, то, следовательно, для протокельтов она является более предпочтительной, чем R1b1. До прихода кельтов в Западную Европу здесь, судя по свидетельствам античных авторов, обитало явно не индоевропейское по языку и культуре население: иберы (Испания), аквитаны (Франция), лигуры (Северная Италия), пикты (Британия).

Один из иберийских языков — баскский — дожил до наших дней, язык пиктов сохранился в памятниках письменности. Это языки-изоляты, коренным образом отличающиеся от кельтских и остальных индоевропейских. Но именно у басков наблюдается наибольший в Европе процент носителей R1b1, высок он и у современного населения Великобритании и Ирландии. Так что для всей гаплогруппы R1b1 приемлемым является наименование «баскская» или «иберийско-пиктская», но никак не «кельтская».

Античные авторы противопоставляли кельтов и иберов даже по внешнему облику: кельты — высокие голубоглазые блондины (галлы из кинофильмов об Астериксе), иберы — низкорослые смуглокожие брюнеты. Как установил сам Клёсов на основании датировки гаплотипов, население гаплогруппы R1b1c расселилось в западной части европейского континента еще около 5 тысяч лет

назад. Именно тогда здесь сформировались культуры так называемого «западного неолита», резко отличающиеся от культур «дунайского неолита» Центральной Европы. Вот только какое отношение к этой эпохе имеют кельты – современники Юлия Цезаря – непонятно. Брякнул не подумавши – и пошла гулять по интернету «кельтская гаплогруппа R1b».

Больше всего в текстах Клёсова раздражает апломб, менторский тон с которым он поучает лингвистов с историками, демонстрируя при этом чудовищное невежество в гуманитарной сфере знания, а то и элементарное отсутствие какой бы то ни было логики, но зато с претензией:

> «Устраивайтесь поудобнее, уважаемый читатель. Вас ждут некоторые потрясения. Не очень с руки начинать повествование тем, что автор ожидает от своего исследования эффекта разорвавшейся бомбы, но что делать, если так оно и будет?».

Вот взятый почти наугад образчик клёсовских поучений. Характеризуя локализацию прародины гаплогруппы F 40-тысячелетней давности, Клёсов неожиданно делает отступление историко-языкового характера:

> «...именно туда, в район озер Ван и Урмия, 100–150 км южнее границы бывшего СССР, и помещает крупная школа лингвистов "прародину индоевропейцев". Но было это примерно 40 тыс. лет назад, и лингвисты, похоже, о таком временном сроке и не подозревают. Нет у них таких данных. Во всяком случае в ставшем классическим труде «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (1984) авторы, Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов, определяют времена распада праязыка как «не позднее IV тысячелетия до нашей эры, а возможно и значительно ранее». Лингвисты-глоттохронологи помещают этот языковый распад в период 8–11 тысяч лет назад, а наиболее смелые предположения опускают этот период до 23 тысяч лет назад. На самом деле – примерно 40 тысяч лет назад. Об этом тоже говорят записи в наших ДНК».

Бедные лингвисты, они, конечно, «и не подозревают», что носители праиндоевропейского языка – земледельцы и скотоводы, знавшие керамическое производство, металлургию и колесный транспорт – жили, оказывается, «40 тысяч лет назад. Им, лингвистам, и в голову не приходит, что поучать их будет человек, не имеющий ни малейшего представления ни о языкознании, ни об истории даже в объеме курса средней школы.

Да, впрочем, не в конкретных знаниях дело. Есть такая форма слабоумия, когда больной отождествляет несколько событий, произошедших в разное время, но в одном месте. Распад праиндоевропейского языка 6 тысяч лет назад и распад гаплогруппы F 40 тысяч лет назад – это два разных события. И даже если они локализуются в одном регионе, то и тогда спутать их может либо слабоумный, либо абсолютный невежда.

Самое же смешное в этом чудном пассаже то, что Клёсов забыл, что у него «"индоевропейцы"-арийцы-славяне» – это носители гаплогруппы R1a1, а не F. Отождествляя дату распада праиндоевропейского языкового единства с датой дезинтеграции макрогаплогруппы F, Клёсов записывает в «индоевропейцы» практически всех коренных обитателей Евразии и Америки, включая папуасов, чукчей, эскимосов и американских индейцев.

Есть в текстах Клёсова и еще одна странность – двойные терминологические стандарты в ситуациях, когда речь идет о славянах и евреях. Все глупости, о ко-

торых шла речь выше, относятся исключительно к «славянам-ариям-"индоевропейцам"». Когда же речь заходит о евреях, Анатолий Алексеевич становится терминологически исключительно корректен и традиционен. В своих работах «Происхождение евреев с точки зрения ДНК-генеалогии» и «Поиски пропавших колен израилевых с помощью ДНК-генеалогии» он ни на йоту не отходит от общепризнанных взглядов на этническую и языковую историю еврейского народа.

Вот бы повторить эту работу на том же уровне, но применительно к своему собственному народу. Или уже поздно? Наговорил всяких глупостей «эффекта разорвавшейся бомбы» в нескольких предварительных интернет-публикациях, теперь стыдно возвращаться к теме?

ПРА БЕЛАРУСКАМОЎНЫЯ ВЫДАННІ ІНСТЫТУТА БЕЛАРУСКАЙ ГІСТОРЫІ І КУЛЬТУРЫ

Анатоль Тарас

Усё добра ведаюць, што ёсць у нас шмат людзей, якія стогнуць з нагоды «гаротнага стана роднай мовы і заняпада беларускай культуры». Нажаль, далей стогнаў у большасці з іх справа не ідзе.

Асабіста я вельмі скептычна ацэньваю перспектывы нашай мовы на будучыню. Па маім меркаванні, яе чакае той жа лёс, што і гэліка ў Ірландыі – ператварэнне ў музейны экспанат, у святую рэлíквію. Але гэткае скептычнае стаўленне не перашкаджае нашаму Інстытуту беларускай гісторыі і культуры (ІБГіК) рабіць тое што магчыма для захавання мовы і культуры. Я і мае калегі – людзі справы і вельмі не любім балбатуноў. Адгэтуль – наш выдавецкі праект з двух складнікаў.

Першы складнік – выданне кніг на беларускай мове ў серыі «Невядомая гісторыя». На роднай мове тут выдадзеныя ўжо 8 кніг, у тым ліку «Гісторыя беларускай музычнай культуры» Зміцера Сасноўскага ў 2-х частках (разам гэта 752 старонкі) і «Беларуская культура пад Саветамі» Уладзіміра Сядуры. Наклады кожнай – тысяча асобнікаў.

Зараз я рыхтую да друку новыя кнігі ў пазначанай серыі. Гэта «Літва і Жамойдзь» выбітнага гісторыка-эмігранта Вацлава Пануцэвіча, «Радзівілы-пераможцы» і «Героі паўстання 1863 года» Вітаўта Чаропкі, «Нябышына. Вайна» Іллі Капыла. У нашы планы ўваходзіць выданне кароткіх гісторый беларускага жывапісу, тэатра, мастацкай літаратуры, дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва.

Другі складнік праекта – выданне серыі брашур «100 выдатных дзеячаў беларускай культуры». За 11 апошніх месяцаў выдадзеныя 15 брашур, зараз рыхтуем да друку пяць чарговых.

Усе гэтыя кнігі і брашуры – на роднай мове. Тым не менш, ні адно беларускамоўнае выданне за тры гады не надрукавала ні воднага радка пра іх. Няма ні рэцэнзій, ні нататак, ні інфармацыйных паведамленняў. Чаму? Уся справа – ў маёй асобе.

Вобразна кажучы, на адной чары ваг знаходзіцца «гаротны стан роднай мовы» і «заняпад беларускай культуры». А на іншай чары – асоба Анатоля Тараса. Усё бачаць, што чара з асобай А.Я. Тараса важыць значна больш, чым «гаротны стан» і «заняпад».

Людзі з сялянскай псіхалогіяй абсалютна няздольныя вылучыць сутнасць справы ад асобы. Калі гэтыя кнігі выдае Тарас – пісаць пра іх не будзем, «бо ён наш вораг!» Жадаў бы ведаць: у каго канкрэтна з гэтай публікі я адабраў грошы, або пасаду, або магчымасць друкавацца, выступаць на радыё, на тэлебачанні? Няма такіх. Так адкуль нянавісць? А адтуль, што я нярэдка гавару або пішу такое, што вельмі прыкра для самаўлюбёных балбатуноў. Напрыклад, для такіх як былы

амбасадар Пётра Садоўскі. Адгэтуль рэфрэн у яго публікацыях: «Тараса трэба судзіць!» Ну, быццам сенатар Катыліна з старажытнага Рыма: «Карфаген павінен быць разбураны».

Зразумела, што незалежна ад таго, пішуць яны нешта пра нашыя выданні або не пішуць, серыі будуць працягвацца. Ніякіх канкурэнтаў у іх няма і не прадбачыцца.

Усё жа сякія-такія высновы напрошваюцца.

Першая выснова: на самой справе мала хвалюе «сьвядомую» публіку адраджэнне беларускай культуры і беларускай мовы. Бо гэта для іх не мэта, а толькі сродак. Насамрэч цікавяць іх зусім іншыя рэчы. Яны мараць аб тым, каб заняць кіруючыя пасады ва ўсіх установах адукацыі і культуры, мастацтва і навукі, у выдавецтвах і сродках масавай інфармацыі. Вось тады было бы добра.

Яны з нудой успамінаюць кароткае імгненне беларусізацыі дваццатых гадоў XX стагоддзя. Як тады пашанцавала слаба адукаваным, але занадта амбітным «сялянам», што занялі кіруючыя пасады! Да прыкладу, загадчык аддзелам наркамата асветы Пятро Ільючонак (з няпоўнай сярэдняй адукацыяй) мог тады сказаць прафесару БДУ Міхасю Піятуховічу: «Вы беларус. Але вы не наш. Будзьце з намі, і мы вас падтрымаем. Калі ж не, дык мы вас шыбанем».

Гэта і ёсць мяжа іх летуценняў: здабыць магчымасць караць і мілаваць, дзяліць інтэлігенцыю на «нашых» і «не нашых» каб «перакрыць кісларод не нашым». Але такая магчымасць у іх цяпер адсутнічае і не прадбачыцца. Вось і застаецца толькі паліваць брудам «не нашых» у падкантрольных ім беларускамоўных выданнях (у тым ліку электронных) або атачаць «не нашых» сцяной маўчання ў тых жа выданнях.

Іншая выснова дакранаецца аўтараў.

Шмат якія пішучыя людзі не разумеюць, што сёння чытачоў, асабліва маладых (а згаданыя кніжныя серыі прызначаныя ў першую чаргу ім) не ўражваюць аповяды аб тым, што нейкі дзеяч упершыню нешта зрабіў (напісаў, выдаў) на «роднай мове». Глупства чакаць цікавасці да яго толькі на гэтай адной падставе. Чалавек, пра якога пішаш, павінен быць яскравым сам па сабе і без усякай «беларушчыны».

На жаль, разглядаць дзеячаў культуры з такога пункта гледжання ў нас яшчэ не навучыліся. І, акрамя таго, пры такім поглядзе шматлікія дзеячы аказваюцца вельмі шэрымі постацямі. Ну, пісаў на роднай мове, або захапляўся беларушчынай. А яшчэ якія заслугі? На жаль, ніякіх. Даўно ўсё яго забылі, забылі менавіта таму, што няма нічога цікавага ў яго творчасці і ў яго асобе. Нічога сапраўды выдатнага ён не стварыў.

І яшчэ аўтараў проста мала. Мала таму, што для ўдзелу ў пазначаных серыях трэба не балбатаць пра «вялікія планы», а рабіць будзённую працу, не разлічваючы на ўзнагароды. Лягчэй і прыемней разважаць пра «адраджэнне беларускай мовы і культуры», якое – трэба думаць – аднойчы само зваліцца з неба на галовы здзіўленым беларусам. Адгэтуль – шматлікія «даўжнікі». Самі паабяцалі напісаць тэкст, хто за тры месяца, хто за паўгода, і самі сваё абяцанне не выканалі.

Але, як я ўжо сказаў, выданне паказаных серый будзе працягвацца нягледзячы ні на якія цяжкасці і перашкоды.

Кніжная серыя «Невядомая гісторыя»

Выданыя кнігі

Беларусь мяцежная: З гісторыі антысавецкага ўзброеннага супраціву 1920-х гг. (Н. Стужынская)

Вялікі беларус Леў Сапега (Тэксты А. Грыцкевіча, М. Шкялёнка, В. Чаропкі, С. Лазуткі)

Гісторыя беларускай музычнай культуры ад старажытнасці да канца XVIII ст. (Зм. Сасноўскі)

Гісторыя беларускай музычнай культуры XIX – XX стст. (Зм. Сасноўскі)

Доля беларускае культуры пад Саветамі. 1920 – 1991 гг. (У. Сядура і іншыя)

Летапісная літва: сваяцтва і лёс (І. Ласкоў)

Музыка на Беларусі. Ад архаікі да сучаснасці (Р. Абрамчук)

Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі у часы вайны. 1941 – 1944 гг. (Л. Лыч)

Рыхтуюцца да выдання

Ад Полацка да Вільні (А. Тарас)

Геркулес, Руды і Пярун: Радзівілы-пераможцы (В. Чаропка)

Героі паўстання 1863 года (В. Чаропка)

Кароткая гісторыя архітэктуры на Беларусі (А. Трусаў)

Літва і Жамойдзь: Розныя краіны і народы (В. Пануцэвіч)

Наша спадчына прамаўляе (Ю. Віцьбіч)

Нябышына. Вайна (І. Копыл)

Язычніцтва старажытных беларусаў (Л. Дучыц, І. Клімковіч)

Кніжная серыя «100 выдатных дзеячаў беларускай культуры»

Маюцца на увазе тыя дзеячы айчыннай культуры, літаратуры, мастацтва XIX – XX стагоддзяў, якія ўвасаблялі нацыянальныя погляды на гісторыю, мастацтва, народную і прафесійную культуру Бацькаўшчыны. Мэта серыі ў тым, каб выяўляць тое, што занеслі ў скарбніцу беларускай культуры гэтыя дзеячы, апавядаць аб іх «знакавых» здзяйсненнях.

У першую чаргу брашуры прысвечаныя тым, хто працаваў на Беларусі праз усё жыццё або значную частку жыцця. Эмігранты – як выключэнне.

Выданыя брашуры:

Міхаіл Андрыёлі (аўтар Вітаўт Чаропка),

Ігнат Буйніцкі (аўт. Алесь Марціновіч),

Уладзіслаў Галубок (аўт. Анатоль Валахановіч),

Мітрафан Доўнар-Запольскі (аўт. Анатоль Тарас),

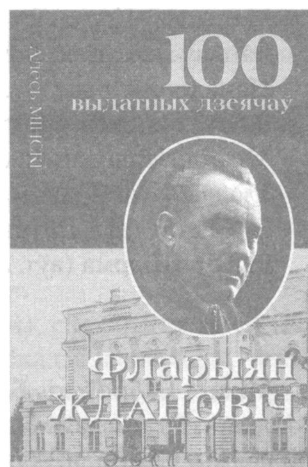
Фларыян Ждановіч (аўт. Алесь Мінскі),

Карусь Каганец (аўт. Алесь Пашкевіч),

Ігнат Канчэўскі (аўт. Алесь Мінскі);

100
выдатных дзеячоў
Міхаіл
АНДРЫЁЛІ

100
выдатных дзеячоў
Мітрафан
ДОЎНАР-
ЗАПОЛЬСКІ

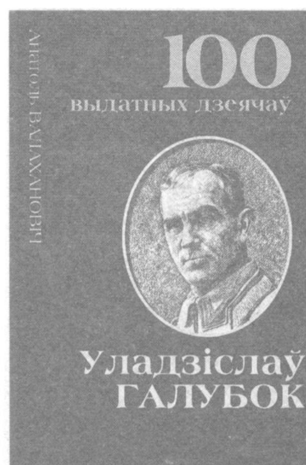

100
выдатных дзеячаў
Фларыян
ЖДАНОВІЧ

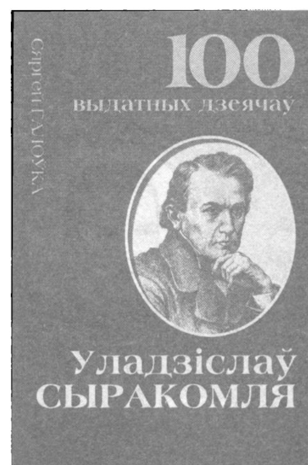

100
выдатных дзеячаў
Карусь
КАГАНЕЦ

100
выдатных дзеячаў
Мечыслаў
КАРЛОВІЧ

100
выдатных дзеячаў
Напалеон
ОРДА

100
выдатных дзеячаў
Элаіза
ПАШКЕВІЧ

100
выдатных дзеячаў
Уладзіслаў
ГАЛУБОК

100
выдатных дзеячаў
Уладзіслаў
СЫРАКОМЛЯ

Мечыслаў Карловіч (аўт. Ірына Шумская),
Вацлаў Ластоўскі (аўт. Анатоль Тарас);
Напалеон Орда (аўт. Вітаўт Чаропка),
Элаіза Пашкевіч (аўт. Алесь Марціновіч)
Міхаіл Пташук (аўт. Алесь Тамковіч),
Уладзіслаў Сыракомля (аўт. Алесь Марціновіч);
Ян Чачот (аўт. Ірына Шумская),
Рыгор Шырма (аўт. Алесь Марціновіч)

Знаходзяцца ў падрыхтоўцы:

Міхаіл Баброўскі, Баршчэўскі Ян, Мікола Ермаловіч, Яўхім Карскі, Казімір Малевіч, Станіслаў Манюшка, Янка Маўр, Мікола Нікіфароўскі, Міхаіл Паеўскі, Уладзімір Самойла, Аляксей Сапуноў, Юры Тарыч, Аляксандар Уласаў, Аляксандар Цвікевіч, Вандалін Шукевіч.

Альфабэтны спіс 55 выдатных дзеячаў, якія чакаюць сваіх аўтараў

Азгур Заір, скульптар. Александроўская Ларыса, акцёрка. Альхімовіч Казімір, мастак. Аляхновіч Францішак, драматург, публіцыст, акцёр. Арсеннева Наталля, паэтка.

Багдановіч Максім, паэт, публіцыст. Багушэвіч Францішак, паэт. Брыль Янка, пісьменнік. Бузук Пётра, мовазнаўца, літаратуразнаўца. Буйла Канстанцыя, паэтка. Быкаў Васіль, пісьменнік. Бялыніцкі-Біруля Вітольд, мастак.

Верас Зоська (Людвіка Сівіцкая), паэтка.

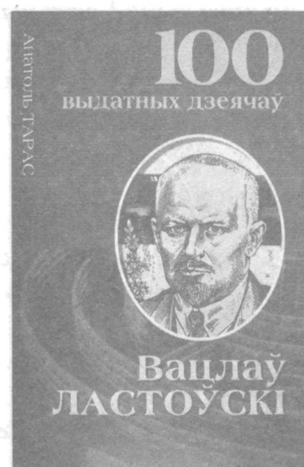
Гараўскі Апалінар, мастак. Гарэцкі Максім, пісьменнік. Геніюш Ларыса, паэтка. Глебаў Яўген, кампазітар.

Драздовіч Язэп, мастак, этнограф, мысляр. Дубоўка Уладзімір, паэт. Дунін-Марцінкевіч Вінцэнт, драматург.

Ельскі Аляксандар, краязнаўца, гісторык, этнограф.

Жылка Уладзімір, паэт і публіцыст.

Караткевіч Уладзімір, паэт і пісьменнік. Кіркор Адам, гісторык. Колас Якуб, паэт і пісьменнік. Конан Уладзімір, культуролаг. Кулік Яўген, мастак. Купала Янка, паэт, публіцыст.

Мележ Іван, пісьменнік. Міцкевіч Адам, паэт, публіцыст. Мулявін Уладзімір, спявак, кампазітар. Мялешка Міхаіл, гісторык, этнограф.

Нарбут Тэадор, гісторык, археолаг. Наркевіч-Ёдка, навуковец, вынаходнік. Насовіч Іван, мовазнаўца.

Панунэвіч Вацлаў, гісторык.

Раманаў Еўдакім, археолаг, краязнавец, фалькларыст.

Сачанка Барыс, пісьменнік. Сваяк Казімір (Стаповіч), святар і паэт. Селяшчук Мікола, мастак. Сергіевіч Пётра, мастак. Смоліч Аркадзь, географ. Станкевіч Адам, святар, публіцыст, даследчык. Станкевіч Янка, мовазнаўца і гісторык. Станюта Стэфанія, акцёрка. Сыс Анатоль, паэт. Сядура Уладзімір, гісторык, мастацтвазнаўца, пісьменнік.

Тарас Валянцін, паэт, пісьменнік, публіцыст. Тураў Віктар, кінарэжысёр. Тэраўскі Уладзімір, хормайстар, збіральнік народных песняў.

Улашчык Мікола, гісторык.

Хруцкі Іван, мастак.

Шчакаціхін Мікола, мастацтвазнаўца. Шэйн Паўла, этнограф .

Эпімах-Шыпіла Браніслаў, фалькларыст, мовазнаўца.

Янчук Мікола, этнограф.

Яшчэ 15 асоб пакуль што не вызначаныя.

Запрашаем аўтараў звяртацца са сваімі прапановамі да каардынатара і рэдактара серыі Анатоля Тараса.

Пошта: А.Е. Тарас, а/я-137, Мінск-131

E-mail: aetaras@tut.by

Тэлефон: (8-029) 653-18-55 (Вэлкам)

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ВОССТАНИЮ 1863 ГОДА

Игорь Мельников

В этом году исполнилось 150 лет со дня начала национально-освободительного восстания поляков, беларусов и литовцев против царизма. И в этом же году исполнилось 175 лет со дня рождения национального героя Беларуст Константина Калиновского.

В связи с этими юбилеями 23 марта в Минске, в помещении Управы БНФ, состоялась научно-практическая конференция «Восстание 1863 года на Беларуси и Кастусь Калиновский». Конференцию организовал Институт беларуской истории и культуры совместно с Институтом развития демократии и социального рынка для Беларуси и Восточной Европы.

В конференции участвовали доктора наук Л. Лыч, В. Яворовский, А. Остапенко и А. Тарас, кандидаты наук Ю. Бачище, А. Киштымов, И. Мельников, Ю. Ильин, историки А. Шулаев, Л. Лавреш, В. Хильманович. Еще двое авторов, к сожалению, отсутствовали.

Накануне конференции был издан сборник статей ее участников. В нем помещены 15 материалов (12 на беларуском языке, 3 на русском), занявшие 240 страниц.

Опубликованные в сборнике материалы содержат основательный научный анализ событий Восстания 1863–1864 годов в беларуско-литовском крае. Его плюсом является отсутствие идеологических клише, столь характерных для работ современных официальных историков в Беларуси.

•◆•

В предисловии к книге сопредседатель «Беларуской христианской демократии» Виталий Римашевский подчеркнул, что авторы сборника стремились «сделать фигуру Константина Калиновского и других повстанцев более близкими и понятными для всех современных беларусов». Это очень важно, так как историю тех событий сегодня желают не только переписать, но и вычеркнуть из национальной памяти. Помешать этим негативным попыткам могут только ученые.

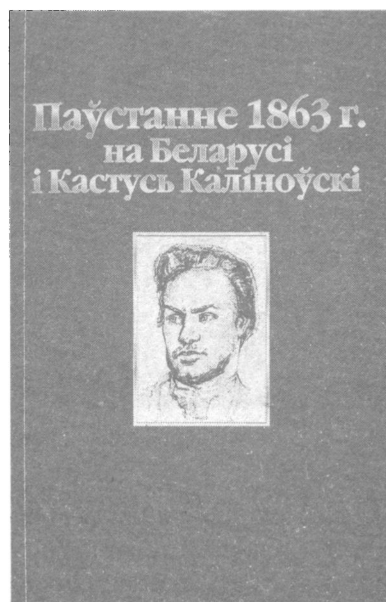
Сборник состоит из четырех частей. Первая называется «Общий очерк восстания» и знакомит читателя с характеристиками его ключевых событий в беларуско-литовском крае. Открывает эту часть статья умершего в 1999 году мэтра отечественной историографии, доктора исторических наук Михаила Бича, в которой автор представил историю Восстания 1863 года на Беларуси, а также проанализировал историографию вопроса.

Одним из выводов историка является тезис о том, что «с деятельностью Константина Калиновского связано перерастание беларуского национально-культурного движения в политическое, в борьбу за государственность Беларуси в форме народовластия, при котором правительство было бы слугой народа». И это действительно так. Восстание дало возможность беларусам ощутить себя не сермяжной массой «тутэйшых», а народом, имеющим богатые исторические тра-

диции, свою культуру, язык, религию. Но за это надо бороться. Восстание пробудило сознание беларусов, и в начале XX века они смогли громко заявить о себе.

Историк Владимир Хильманович проанализировал основные стереотипы, характерные для советской историографии Восстания 1863 года. Он доказывает, что это вооруженное выступление не было исключительно борьбой против российского самодержавия, а также не имело исключительно «польского» характера. Ему были присущи черты беларуского национально-освободительного движения. Автор верно подчеркивает, что в польской историографии Константина Калиновского «поляком», в отличие, например, от Костюшко, не называют. А вот российские, позже и советские историки в идеологических целях пытались представить Восстание 1863 года как очередную «польско-российскую войну». Так было легче обосновать включение Беларуси и Украины в состав Российской империи и СССР.

Аргументированно опровергает Владимир Хильманович тезис, что якобы в восстании участвовали только католики. На самом деле среди повстанцев было немало и православных. Наконец, он разрушает стереотип о классовом характере повстанческой среды, отмечая, что среди инсургентов были представители разных общественных групп.

Сборник материалов конференции

Для примера приводим выводы из доклада А.Е. Тараса:

Подготовку к восстанию на Беларуси Литовский провинциальный комитет (ЛПК) во главе с К. Калиновским вел целенаправленно и продуманно. Он создал разветвленную нелегальную организацию революционеров, которая имела системный характер (воеводские и уездные штабы, гражданские и армейские начальники в воеводствах и уездах).

Отрядами командовали, в большинстве случаев, бывшие офицеры. Они заранее подобрали людей, составивших «скелет» повстанческих отрядов, запасли оружие и патроны к нему, хотя и в недостаточном количестве. Главной формой боевых действий повстанцы правильно избрали партизанскую войну. Инструкции ЦНК и ЛПК, определявшие тактику «партизанки», безупречны даже с современной точки зрения.

Тем не менее, восстание было обречено на поражение.

(1) Правительственные силы имели значительный перевес в количестве бойцов, в количестве и качестве вооружения. Против 4–5 тысяч повстанцев Западного края были направлены 318 рот пехоты, 48 эскадронов кавалерии, 18 казачьих сотен. Всего до 45 тыс. человек (10 против 1), которые имели к тому же 120 пушек.

(2) На территории Западного края восстание не поддержали ни крестьяне, ни горожане. Часто говорят о том, что в Гродненской губернии среди повстанцев было 20 % крестьян. Но даже в этой окатоличенной губернии 80 % крестьян не поддержали

восстание. Ни в одном местечке повстанцы не установили свою власть более чем на сутки. А без поддержки народных масс любое восстание осуждено на поражение.

(3) Сами руководители восстания связывали его успех с интервенцией Франции и Великобритании. Однако правящие круги этих стран не видели смысла в таком вмешательстве, так как оно означало общеевропейскую войну. Пруссия и Австро-Венгрия, не желавшие восстановления независимости Речи Посполитой, несомненно выступили б в таком конфликте на стороне России.

(4) Похоже на то, что варшавский ЦНК изначально не верил в успех восстания на «крэсах всходних». Смысл борьбы в нашем регионе варшавские и лондонские стратеги видели в том, чтобы как можно больше российских войск отвлечь от Польши. Сочетание этих четырех факторов сделало трагедией выступление полонизированной части «тутэйшей» шляхты и мещанства.

В восстании видна во весь рост фигура Константина Калиновского.

Он — первый беларуский революционер, который призывал свергнуть самодержавие.

Участники конференции

Он первым поставил вопрос об автономии Литвы — Беларуси, пусть даже в составе возрожденной Речи Посполитой.

С него начался поиск беларуской национальной идеи.

•◆•

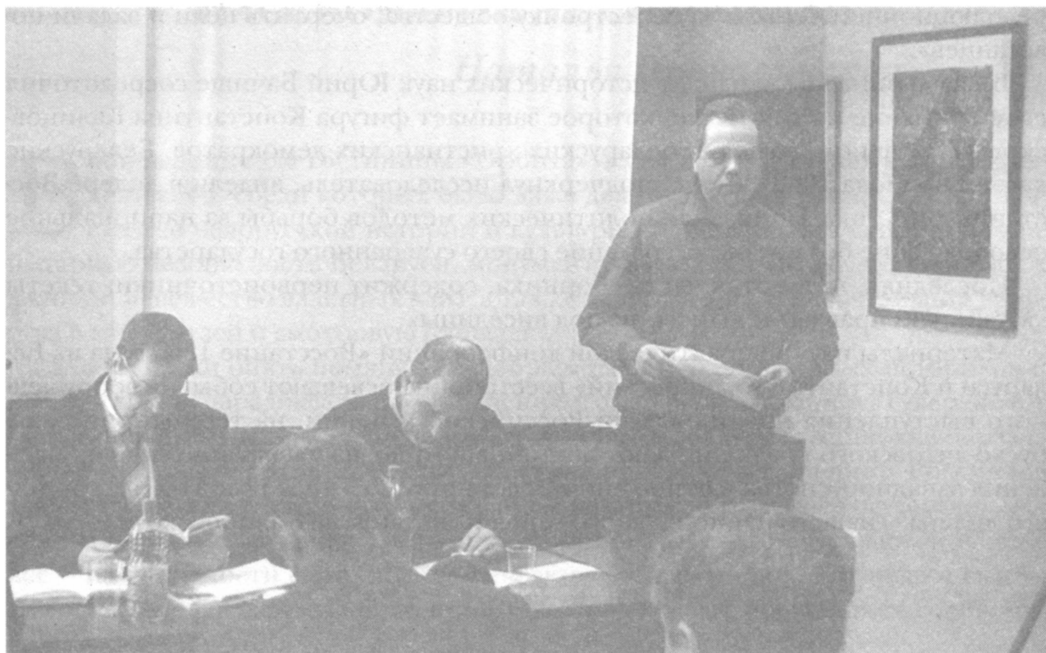
Во второй части сборника «Аспекты и результаты восстания» кандидат исторических наук Андрей Киштымов подробно рассказал о той важной роли, которую сыграла железная дорога в событиях Восстания. Исследователь отметил, что в 1863–1864 гг. железнодорожные пути, проходившие через Беларусь, стали ареной, по сути, первой в нашей истории рельсовой войны.

Автор данной рецензии в своем докладе, помещенном в сборнике, проанализировал основные постулаты польской историографии Восстания 1863 года в Северо-Западном крае. Характерно, что польские исследователи в своем большинстве подчеркивали именно беларуский характер вооруженного выступления в этом регионе Российской империи. В этом принципиальное отличие их позиции от взглядов представителей российской и советской историографии.

Доктор исторических наук Леонид Лыч обратил внимание на оголтелую русификаторскую политику, которую осуществляла царская администрация после подавления Восстания 1863–1864 гг. Ключевой вывод автора таков: в тогдашних экстремальных условиях у беларуской культуры почти не было шансов на развитие.

•◆•

В третьей части сборника «Калиновский и его наследие» доктор исторических наук Виктор Яворовский анализирует содержание главной повстанческой газеты «Мужицкая правда». Он отмечает, что по ее материалам «можно проследить идеологию национально-освободительного движения, тактику и стратегию

Рабочий момент: выступает автор (И. Мельников), сидят А. Тарас и А. Остапенко

Участники конференции

революционной борьбы за перестройку общества, очертить цели и задачи повстанцев».

В развитие темы кандидат исторических наук Юрий Бачище сосредоточил свое внимание на том месте, которое занимает фигура Константина Калиновского в печатном наследии беларуских христианских демократов. Беларуские хадэки периода 1920–30-х гг., подчеркнул исследователь, видели в лидере Восстания 1863 года зачинателя политических методов борьбы за национальное освобождение беларусов, за создание своего суверенного государства.

Последняя, четвертая часть сборника, содержит первоисточники: тексты «Мужицкой правды» и «Писем из-под виселицы».

Материалы научно-практической конференции «Восстание 1863 года на Беларуси и Константин Калиновский» всесторонне освещают события вооруженного выступления против власти Российской империи на территории беларуско-литовского края. Они дают достойный ответ на клеветнические измышления западнорусистов в отношении Восстания 1863–1864 годов на Беларуси и его лидера – нашего национального героя Константина Калиновского.

ПАССИОНАРИИ НЕ СПАСОВАЛИ

Наталья Провалинская

В конференц-зале гостиницы «Орбита» 4 мая 2013 г. могучая кучка интеллектуалов, среди которых было даже два-три пассионария, с подачи Института белорусской истории и культуры обсудила национальную и гуманитарную безопасность Беларуси, монументальную пропаганду, любовь масс к джипам, невежество властных элит, а также возможность трансформации свинства в кафе, музей и смотровую площадку.

Для затравки опять помянули недобрым словом официальных историков и идеологов с их парадоксальным мышлением: с пафосом декларируя суверенитет Беларуси, они в то же время используют трухлявые советские установки образца 1960-х гг., в свете которых Беларусь больше походит на падчерицу России-матушки и «вассала восточного соседа», чем на самостоятельное государство. Не совсем понятно, продиктовано ли их упорство требованиями властей или же всё – из-за косности самих идеологических функционеров, которые и спустя 22 года после распада СССР по привычке продолжают побаиваться советской власти.

Официальных лиц на этот раз не пригласили – они уже не единожды разбивали сердце историку Анатолю Тарасу своими отказами: «Они, когда слышат, что встреча состоится в управе БНФ, сразу говорят «нет». Хотя мы не имеем отношения к БНФ, мы просто арендуем дешевое помещение!». «Зря не пригласили! – раздалась реплика. – Все-таки и там есть смелые люди».

По мнению круглого стола, белорусы ничего не знают о своих настоящих героях, которых советская пропаганда обходила за версту. Писатель Кастусь Травень предложил составить список хотя бы из 15 героев и незаметно подсунуть его властям – дескать, президент уже начал обзывать восточных соседей «жуликами и бандитами», и очень скоро ему может пригодиться альтернативная историография.

Поговорили о важности монументальной пропаганды: как подметил кандидат исторических наук Рыгор Ермашкевич, тот же Ленин не скрывал, что пора снести дореволюционные памятники и построить на их месте новый мир. Названия улиц и площадей тоже заключают в себе вполне читабельный месседж. К примеру, когда целое поколение белорусов взращивается «в Ленинском районе на Московской улице», то «что-то тут не то».

Или взять улицу Свердлова, не закончившего даже 5 классов гимназии – «выгнали за неуспеваемость». В более зрелом возрасте он «сидел где-то в Сибири» и, по выражению советских биографов, имел все условия для занятий самообразованием. «Имел, но не занимался», – подсказал Тарас под всеобщие смешки.

«Да какая разница – самородок может быть и без образования, – вставил доктор культурологии Игорь Морозов. – Но ведь он палач и убийца!» Перечень заслуг Свердлова перед белорусами бесконечен: вдобавок ко всем своим прочим

«БелГазета» № 18 (894) от 16 мая 2013 г.

достоинствам предлагал отдать Могилёвщину и Витебщину России. «Спадар Рыгор, а что делать-то?» – спросил Тарас. Спадар Рыгор предложил открыть белорусам глаза – «расписать Свердлова» так, чтобы тому мало не показалось.

Однако, по мнению доктора исторических наук Леонида Лыча, пока жители улицы Ленина и улицы Свердлова спокойно шагают мимо табличек с этими именами и их при этом не раздирают внутренние противоречия, ничего не изменится. В свое время, в 1979 году, когда Лычу было 50 лет, его родную деревню Могильно варварски переименовали в Нёман. «Вам не хватит жизни, чтобы вернуть название Могильно», – с издевкой сказали ему местные власти. Назло всем недоброжелателям и их намекам на «одной ногой в Могильно», Леонид Михайлович тогда принял решение: «Я ўпрогся». Он писал бумажки очень аккуратно – «на советскую власть нельзя было сильно давить», но настырно и долго, и Могильно все-таки вернул.

Потом Тарас рассказал поучительную историю про переименование улицы Берсона, где расположен Красный костёл. Польского коммуниста Берсона, наркома Госконтроля Литовско-Белорусской ССР, в 1919 году расстреляли польские легионеры, «и правильно сделали». Жители города собрали 25 тысяч подписей под письмом в горисполком с просьбой назвать эту улицу в честь Эдварда Войниловича, на деньги которого и был построен Красный костёл. И улицу – о, чудо! – переименовали.

Но тут в горисполком пришло еще одно письмо, за одной-единственной подписью: какая-то женщина возмущалась, что Войнилович – помещик, пан и угнетатель. Ужаснувшись этим фактам, горисполком передумал.

«Если бумажки будут лежать на столе у властей, они в следующий раз будут думать», – снова подсказал Травень, сторонник «бумажной» атаки на власть. «Да ваши бумажки никогда не попадут наверх!» – возражали ему, но безуспешно. «Надо, значит, их в высшие инстанции сразу закинуть, – настаивал писатель. – Через сайт».

Умение Александра Лукашенко использовать советскую идеологию, по мнению писателя, импонировало старшему поколению – недаром его рейтинг в России зашкаливал. Путин не раз пытался «нагнуть» («наклонить!» – поправил кто-то) белорусского президента, но давление на младшего брата сильно било по рейтингу самого Путина. Однако за это время выросло новое поколение, и магия ностальгии по Союзу рассеивается: «Теперь, когда Лукашенко начал обзывать их бандитами, наше дело – подсунуть ему бумажки». Конечно, политики – это нехорошие люди, «демагоги, бандюги, врали», но иногда «и нам нужно быть немножко политиками». Он вывел универсальную формулу взаимодействия с властями: «Трэба піхаць, піхаць, піхаць».

За 200 лет на белорусской земле были под корень вырублены элиты – «соль земли, закваска». А массы, как правило, никуда не годятся: «Масса думает только о том, как бы поесть, потрахаться, купить джип». Придется подождать, пока, как сливки в маслобойке, будут «взбиты» новые элиты.

Некогда писателю доводилось участвовать в многолюдных митингах и говорить с простыми работягами МАЗа и МТЗ, которые внимали его писательскому красноречию, «натопырив уши»: «Масса искала лидера!» Так что вообще-то

Участники конференции

Слева направо: доктор исторических наук Л. Лыч, доктор культурологии И. Морозов, кандидат исторических наук Н. Стужинская, доктор исторических наук Г. Ермашкевич, кандидат исторических наук И. Кузнецов

масса не чурается элит и даже жаждет их появления, чтобы ей указали путь, альтернативный пути на авторынок в Малиновке за новым джипом.

Профессор Игорь Морозов резонно спросил, с чего мы вообще взяли, что являемся независимым государством: «Вентиль чуть перекроют – и мы такие, как надо». Он еще раз сообщил писателю Травеню, что его записки будут захоронены навеки в первом же столе: любая власть «делает историю под себя», и «ее проще поменять, чем до нее достучаться».

Тезис о смене власти вызвал гомерическое веселье соседей по столу, которые не без оснований усомнились в том, что белорусскую власть «проще сменить». «Власть меняют во всем мире», – возразил Морозов, но мировой опыт, похоже, не стал веским аргументом в этом споре. К тому же, по мнению оппонентов Морозова, какая смена власти-то, если народ мирный, а в этом деле без войны не обойтись. Отсылка к войне вызвала недоумение профессора, и он сообщил всем, кто считает войну единственной возможной формой смены власти в Беларуси: «Вы за собой точно никогда людей не поведете!»

Подводя итоги горячих споров, историк Тарас объявил, что кредит доверия к советской историографии исчерпан, а кое-кто из юных белорусов и вовсе считает, что Гитлер – это нападающий сборной Германии по футболу. Отныне историки должны работать «над постепенным изменением атмосферы в обществе», а для этого – выпускать как можно больше научно-популярных книг, фильмов и передач. Не обязательно гениальных: «В реку нужно кидать и кидать – и тогда река подмоет все берега». Главное, чтобы это было захватывающее чтиво или зрелище, ведь толстенную монографию «ни один нормальный человек с улицы читать не станет, даже если ему заплатить».

Так или иначе, большинство бед белорусов – от невежества. К примеру, любой сотрудник органов власти «чудовищно невежествен в вопросах истории и культуры», и с этим надо что-то делать: еще Маркс говорил о демонической силе массового невежества. Как-то Тарас побывал в Гольшанском замке, где пролетариат некогда устроил ферму для поросят («свинство в Гольшанах»), и занялся просвещением местных властей – посоветовал открыть в замке кафе, музей и смотровую площадку, ведь именно здесь – «начало Ягеллонов»: «Туристы ехали бы потоком, а вы качали бы деньги». Но, увы...

Вся надежда на поколение, которое росло и мужало без часов политинформации и газеты «Правда» – «тоже, к сожалению, невежественное, но не совковое». Беда в том, что в Беларуси слишком много перепуганных людей, у которых на языке вертится два проклятых вопроса: «Ой, а что нам за это будет?» и «Ой, а кто нам за это заплатит?» «Никто, – обнадежил всех их Тарас. – Патриот? Значит, изволь работать. И тогда светлое будущее настанет не через 50 лет, а очень скоро».

«С понедельника», – прошептал профессор Морозов.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЗА 15 МЕСЯЦЕВ (июнь 2012 — август 2013 гг.)

Виктор Евмененко
(директор ИБИК)

В 10-м выпуске дайджеста «Деды» (сентябрь 2012 г.) был помещен материал под названием «Сначала идея, потом – мова» (с. 290–294). В нем мы сообщали о презентации журналистам общественного объединения Институт беларуской истории и культуры (ИБИК), официально зарегистрированного 28 марта 2012 г. Презентация состоялась 29 мая 2012 г. в помещении ресторана «Камяніца».

18 сентября этого года мы снова собрали журналистов (в помещении кафе «Агінскі») и отчитались перед ними, как представителями общественности, о своей работе за прошедшие 15 месяцев. На отчете присутствовали:

От ИБИК: директор Виктор Евмененко; ученый секретарь Анатоль Тарас; руководители проектов Андрей Поротников, Алесь Степаненко, Олег Шагулин, Ирина Шумская.

От СМИ: БелаПАН (информагентство) – Андрей Корсак и Ася Поплавская; Беларуская асацыяцыя журналістаў (аб'яднанне) – Борис Горецкий; «Белгазета» (газета) – Нина Шулякова; «Белорусы и рынок» (газета) – Игорь Ильяш; «Будьзма беларусамі» (интернет-портал) – Александра Дорская; «Belarusian Studies» (альманах, Лондон) – Вадим Былина; «Историческая правда» (интернет-портал) – Игорь Мельников; ИТАР-ТАСС (информагентство) – Лариса Ключникова; «Комсомольская правда в Беларуси» (газета) – Надежда Белохвостик; «Новы час» (газета) – Марат Горевой; «Рацыя» (радио) – Геннадий Шарыпкин; «Салідарнасць» (газета) – Анастасия Зеленкова; «Свабода» (радио) – Игорь Корней; «Свободные новости» (газета) – Алесь Томкович; «Туризм и отдых» (газета) – Анна Китаева; «ЭўраБеларусь» (интернет-портал) – Петр Кухта.

Ниже приведены основные тезисы отчета.

Продолжение проектов, начатых до мая 2012 г.

Что было сделано за 15 месяцев:

1. Издание книг в серии «Неизвестная история»

1812 год – трагедия Беларуси (автор А. Тарас) – июнь и июль 2012 (общий тираж 3,2 тыс. экз.)

Первые советы: Волковысчина, 1939 – 1941 гг. (автор Н. Быховцев) – август 2012 (тираж 200 экз.)

Вялікі беларус Леў Сапега (зборнік) – август 2012 (тираж 150 экз.)

Литовско-Русское государство в XIII–XVI вв. (автор А. Пресняков) – декабрь 2012 (тираж 1,5 тыс. экз.)

По следам литвы (автор Зд. Ситько) – декабрь 2012 (тираж 1,5 тыс. экз.)

А. Е. Тарас (слева) и В. А. Евмененко

Участники пресс-конференции

Люблинская уния 1569 г. (автор И. Лаппо) – июль (тираж 1,5 тыс. экз.)
Мифы о Беларуси (автор В. Деружинский) – август (тираж 3 тыс. экз.)
Краткий курс истории Беларуси (автор А. Тарас) – октябрь (тираж 4 тыс. экз.)
Кто, как и зачем убил Вильгельма Кубе (автор О. Усачев) – сентябрь 2013 (тираж 2 тыс. экз.).

2. Издание исторического альманаха «Деды»

«Деды», выпуск 10 (304 с.) – сентябрь 2012 (тираж 1 тыс. экз.)
«Деды», выпуск 11 (328 с.) – март 2013 (тираж 2 тыс. экз.)
«Деды». Выпуск 12 (272 с.) – август 2013 г. (тираж 2 тыс. экз.)

3. Видеокурсы лекций (13 лекций)

Июнь – ноябрь 2012: завершение курса по истории Беларуси (6 лекций)
Декабрь 2012 – июль 2013: курс по культуре Беларуси (7 лекций)

4. Сайт ИБИК в Интернете

Сайт обновляется каждую неделю

5. Встречи с общественностью (с чтением лекций)

Солигорск – 27 января 2013
Вилейка – 16 февраля 2013
Слуцк – 27 апреля 2013
Рогачев – 8 июня 2013

Проекты, начатые после мая 2012 г.

1. Книжная серия «100 выдатных дзеячаў беларускай культуры»
(объем каждой брошюры 64 стр., тираж 1500 экз.)

Андрыёлі Міхал (аўтар В. Чаропка) – декабрь 2012
Доўнар-Запольскі Мітрафан (аўтар А. Тарас) – декабрь 2012
Ждановіч Фларыян (аўтар А. Мінскі) – декабрь 2012
Каганец Карусь (аўтар А. Пашкевіч) – май 2013
Карловіч Мечыслаў (аўтар І. Шумская) – май 2013
Орда Напалеон (аўтар В. Чаропка) – май 2013
Пашкевіч «Цётка» Элаіза (аўтар А. Марціновіч) – май 2013
Буйніцкі Ігнат (аўтар А. Марціновіч) – август 2013
Галубок Уладзіслаў (аўтар А. Валахановіч) – август 2013
Шырма Рыгор (аўтар А. Марціновіч) – август 2013

2. Сборники статей

Проблемы современной белорусской идеологии (150 экз.) – ноябрь 2012
Паўстанне 1863 г. на Беларусі і Кастусь Каліноўскі (150 экз.) – март 2013
Маскавічы: Археалогія і культура (150 экз.) – апрель 2013
Праблемы гуманітарнай бяспекі Беларусі (150 экз.) – апрель 2013

3. Новая общественная организация

Мінскае Таварыства аматараў беларускай гісторыі (ТАБГ) імя Вацлава Ластоўскага – создано 10 января 2013

Издание альманаха «Запісы ТАБГ»:

выпуск 1. – 7 января 2013 (150 экз.)
выпуск 2. Беларуская Смаленшчына – апрель 2013 (150 экз.)

3. Научно-практические конференции ИБИК

Проблемы современной беларуской идеологии – 3 ноября 2012
Восстание 1863 г. и его значение для Беларуси – 23 марта 2013 г.
Проблемы гуманитарной безопасности Беларуси – 4 мая 2013

4. Участие в конференциях других организаций

650 лет победы на Синей Воде (комитет «Вялікая Літва») – сентябрь 2012
200-летие войны 1812 г. (комитет «Вялікая Літва») – ноябрь 2012
70 лет со дня смерти Винцента Годлевского (Беларуская Хрысціянская Дэмакратыя) – декабрь 2012
VI кангрэс беларусаў сусвету (Бацькаўшчына) – июль 2013

Всего за 15 месяцев было издано 28 наименований книжной продукции (9 книг, 5 альманахов, 4 сборника статей, 10 брошюр). Прочитано 17 лекций (13 в Минске, 4 на выезде). Мы приняли участие в 7 конференциях. Наш сайт в интернете ежемесячно фиксирует свыше десяти тысяч посещений.

Мы считаем, что наша общественная организация, руководители и активисты которой работают бесплатно, в свободное от основной работы время, сделала немало. Но это – только начало. Наши планы на ближайшее будущее достаточно значительны.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА — В ОДНОМ ТОМЕ

Анатоль Тарас

В середине октября текущего года поступила в продажу моя новая книга «Краткий курс истории Беларуси. IX–XXI вв.» (издательство «Харвест», 544 страницы, тираж 4 тысячи экземпляров).

Идея создания этого «краткого курса» возникла у меня во время чтения лекций для общественности в период с октября 2011 по октябрь 2012 гг. После завершения лекций я 8 месяцев превращал тезисы лекционного курса в книгу.

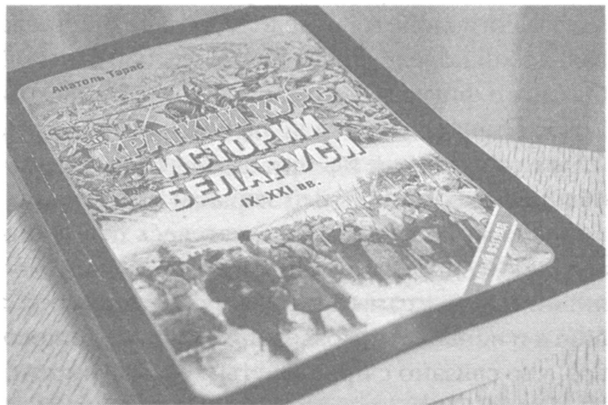
На ее обложке помещены слова — «новый подход». Что же здесь нового? Вообще, что может быть нового в историографии? Новое — не факты как таковые, а их интерпретация. Некоторые (не буду указывать на них пальцем) говорят: «Мы не позволим переписывать историю». Такие заявления в одних случаях — глупость, в других — преднамеренная ложь. Каждое новое поколение воспринимает прошлое не так, как родители и, тем более, не так как деды-прадеды. А у нас (в бывшем СССР), кроме того, принципиально изменился общественно-политический строй! Так что хочешь — не хочешь, а переписывать надо.

В соседней стране на востоке, к примеру, носятся сейчас с идеей создания единого учебника истории для всех бывших союзных республик. Ага, разбежались! Не буду вспоминать в связи с этой очередной глупостью московских недомерков ни Украину, ни Грузию с Казахстаном. Там, сами понимаете, «единую историю» видят исключительно в гробу в белых тапочках. Скажу о «субъектах» самой Российской Федерации.

Довелось мне читать высказывания некоторых руководителей Татарстана. Так они прямо заявили: нас интересует, как в «едином» учебнике будет изложена история завоевания царем Иваном Грозным в 1552 году нашей столицы Казани и нашей приволжской , ограбления и истребления ее жителей.

Во-первых, это завоевание явилось, говоря современным языком, в чистом виде агрессией Москвы против потомков волжских булгар.

Во-вторых, ворвавшись в Казань озверевшая московская солдатня вырезала почти все население города, то есть женщин, детей, инвалидов, немощных стариков. В сумме около 40 тысяч человек (все боеспособные мужчины пали в бою).

А. Е. Тарас говорит о своей книге

В-третьих, в 2011 году в Казани с большой помпой открыли новую «главную» мечеть Кул-Шариф, построенную точно на том месте, где

стояла одноименная мечеть, разрушенная в октябре 1552 года по приказу Ивана Ужасного.

Мысль у них такова: если авторы нового учебника попытаются обойти стороной жуткие события прошлого, или снова будут объяснять их «необходимостью защиты от татарских набегов», то нам (татарам) такой учебник даром не нужен!

А уж беларусам — потомкам литвинов, сам Бог велит навсегда забыть лживую версию нашей истории, сочиненную местными «янычарами» (такими как Абецедарский и компания) под руководством и контролем московских «товарищей». Если кто-то забыл, так я напомню: все книжные версии истории Беларуси в обязательном порядке рецензировались в столице СССР. А любые замечания и указания оттуда подлежали неукоснительному исполнению.

Итак, вот 8 главных пунктов «новизны» в моей книге:

(1) Попытка осмыслить события нашего прошлого с позиции теории локальных цивилизаций знаменитого английского историка Д.А. Тойнби.

(2) Отрицание марксистской теории о примате производственных отношений над идеологией. По моему мнению (основанному на теориях ряда авторов), в реальности все происходит наоборот: идеи определяют практику.

(3) Общая панорама локальных цивилизаций на беларуских землях как своеобразной эстафеты: Полоцкое княжество — Великое Княжество Литовское — Северо-Западный край Российской империи — БССР — Республика Беларусь.

(4) Утверждение, что все наши предки были «здешние». Пришельцы сыграли очень скромную роль в нашей истории. Мы все — потомки тех людей, которые жили на наших землях уже 3000 лет тому назад. Этот тезис основан на исследованиях наших генетиков и антропологов.

(5) Предлагаемый мной подход снимает надуманную балто-славянскую проблему. Наши предки были балтами, которые постепенно перешли с балтских диалектов на славянские, от племен — к княжествам, от язычества — к христианству, и вот так за тысячу лет, с V по XIV век стали славянами.

(6) Я отвергаю многочисленные вымыслы писак соседних стран, которые позорят достоинство наших предков и преуменьшают величие их свершений (речь идет о Рогволоде и Рогнеде, Всеславе Брачиславиче, Миндовге, Ольгерде, Грюнвальдской победе, князе Витовте, Люблинской унии, Брестской унии, других событиях и фигурах, в том числе о Калиновском).

(7) Пишу о том, что не было ни освобождения беларусов от «польского ига», ни воссоединения так называемых «западных русских» с «великороссами». Был обычный колониальный захват и 220 лет жизни в колониальном ярме.

(8) Наконец, я заявляю, что весь путь так называемого «строительства коммунизма в одной, отдельно взятой стране» был трагедией, растянувшейся на 70 с лишним лет. А сама идея коммунистического общества основана на чувствах зависти и ненависти, возведенных в ранг философии. Соответственно, я отвергаю все, что связано с пресловутым «коммунистическим строительством».

На этом остановлюсь. Нет нужды пересказывать содержание книги. Она имеется в магазинах, если захотите, то купите и прочтете.

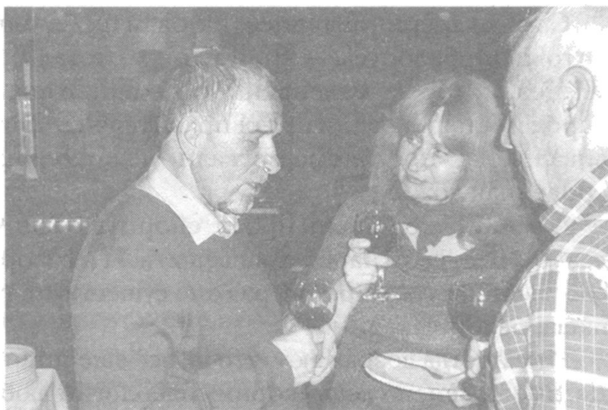
Из интервью А.Е. Тараса газете «Салідарнасць»

— В своей книге вы сходу противопоставляете себя вузовским историкам, называя тех попугаями...

— Я говорю, что большинство таковых. Не все.

Действительно, преподаватели наших вузов вынуждены работать строго в рамках определенной программы. А что такое программа, утвержденная всякими комиссиями и министерством образования? Она попросту исключает оригинальный подход к чему бы то ни было.

Вот в программе, например, написано: «Война 1812 года: вторжение армии Наполеона, мародерство французских войск». Конечно, преподаватель может в лекции делать какие-то отступления, но они невелики. Представьте, если он начнет читать так, как я это пишу в книжке: что война была трагедией именно для белорусского народа, а не для русского; что русские солдаты были еще большими мародерами, чем наполеоновские; что русский царь Александр делал все, чтобы сохранить наш колониальный статус и рабство крестьян навеки. Тут же скажут: «Что вы такое читаете? Такого нет в программе даже близко».

Неформальное обсуждение книги

Для начала сделают внушение — а кому это надо?

Чиновники не понимают, что университет должен быть автономным, то есть абсолютно независимым от их – чиновников – «ценных указаний» и «мудрых приказов». У них глаза на лоб вылезают: как так, мы будем платить деньги, а они будут делать, что хотят? Не-ет! Поэтому и преподаватели вынуждены быть попугаями, поэтому и курсы такие, что чем их слушать, лучше почитать книжку на ту же тему.

Так что моя книжка не для историков, а для широких читательских масс. Возможно, историки-преподаватели эту книгу вообще не воспримут. Мол, она не имеет ничего общего с программой, ни школьной, ни вузовской.

— А сами студенты, школьники смогут воспользоваться ей как учебником?

— Могут, конечно. В книге просто море фактов. Вопрос в том, как эти факты подавать, под какой политической и моральной окраской. Вот, например, была война 1654 года, которую писатель Генрих Сенкевич назвал «потопом». Непреложный факт: войска московского царя вошли в Вильню. Но как это объяснять?

Наши местные «янычары», добровольные слуги Москвы, говорят «освободили Вильню», я говорю – «захватили». Факт один и тот же – объяснение диаметрально противоположное.

Поэтому любой студент и школьник может мою книжку прочитать, и я надеюсь, сделает это с большим интересом, но то, какое применение он найдет

этим знаниям – его личное дело. Да и как воспримут это преподаватели? Один может выслушать и похвалить, а другой придет в ярость и скажет: что ты мне повторяешь бредни националистов?

— В вашей книге, похоже, досталось всем: россиян и поляков называете захватчиками, литовцев вообще наглыми лжецами...

– Исторически сложилось так – и это никакое не откровение, – что уже очень давно продолжается борьба за нас. Все пытаются решить за нас: кто же такие белорусы?

С точки зрения русских, точнее – Москвы, белорусы – это западная часть великого русского народа, испорченная польским влиянием.

С точки зрения поляков – это восточная часть великого польского народа или, в крайнем случае, народ родственный, испорченный русским влиянием и православной церковью.

С точки зрения литовцев (назовем их летувисами, чтобы отличить от древних литовцев), белорусы – это потомки отсталых, невежественных, трусливых туземцев, которых маленький, но очень гордый и воинственный жамойтский народ поставил на ноги, дал правителей, научил всему, долго и успешно их развивал, пока «проклятые москали» не покончили с этой идиллией. Вот такая откровенная ложь.

А мой подход очень прост: спорить с националистами других стран бесполезно. Надо свой народ просвещать. И я говорю, что для белорусского народа в собственном государстве, раз оно существует, главная должна быть точка зрения наша, белорусская.

Мне иногда возражают, что не все еще установлено, много спорных вопросов. Да, я согласен, но ведь «корни» идеологии любого государства – область тумана, мифологии.

Вспомните фильм «Король Артур». Он создан на основе мифов. В нем показано, что древние британцы уже тогда, в Римские времена, когда римляне начали уходить из Британии под ударами варваров, были свободными, равными, а король Артур был первым среди равных ему рыцарей.

Все, что показано в этом фильме, – откровенная сказка. Но красивая. И когда нормальный англичанин, тем более ребенок, смотрит такой фильм, он, естественно, гордится своей нацией.

А что у нас? Если рассказывать устно и письменно, что наши предки были холопами и пьяницами, которых захватывали все, кому ни лень, а потом пороли на конюшнях – чем здесь гордиться?

Поэтому я не понимаю тех деятелей, которые вот это замызганное крепостное селянство, стонавшее от «гнета панов», с гордостью суют во все щели. Нравится вам крестьянство, так берите хотя бы то время, когда оно было свободным, когда воевало вместе со своими князьями.

Всю российскую идею очень хорошо сформулировал московский поэт: «Всем известно, что Земля начинается с Кремля». Для россиян всё, что направлено против этого тезиса – безусловно плохо. Поэтому даже не сомневаюсь, что россияне обидятся на многие мои высказывания.

Но я не пытаюсь спорить с ними или с кем-то еще. Уже во введении я показал, чем принципиально отличаются чужие историографии от национальной бело-

русской. И меня абсолютно не интересует, как к этому отнесутся русские, поляки, литовцы, украинцы, если эта книга им в руки попадет.

Я написал книжку для граждан Беларуси. На русском языке по той простой причине, что 98 % граждан Беларуси сейчас читают (а главное – думают) по-русски. Уверен, что она найдет своего читателя, и мы будем ее переиздавать.

— Чем ваша книга принципиально отличается от других книг по истории Беларуси?

– Первое: как я уже говорил, в ней ярко выражен белорусоцентристский взгляд. Никаких поблажек и поклонов ни русским, ни полякам, ни литовцам – никому! Мы самые умные, самые великие, самые лучшие.

Многие скажут — так она у вас антироссийская! Да, антироссийская, потому что россияне много натворили здесь дел. В то же время она и антипольская. И антилитовская, потому что летувисы наше историческое одеяло захапали себе. Но в первую очередь книжка пробелорусская, и этим она интересна.

Второе: у меня последовательно вся книжка антикоммунистическая и антисоветская. Потому что я, будучи также автором книги «Научный антикоммунизм», искренне убежден, что коммунизм — это опаснейшее заблуждение человеческого ума.

Опять же новой для кого-то может показаться трактовка уже известных фактов. Сколько, например, споров о Люблинской унии. Она была плюсом для белорусов или минусом?

И мы видим, что оценки прямо зависят от политической установки. Те, кто считает, что Беларусь – это западная часть России, оценивают унию резко отрицательно, потому что она способствовала сближению с Польшей, и к концу 18 века мы были на пороге того, чтобы стать с Польшей одним государством.

Именно российская оккупация этому помешала — так одно иго сменилось другим. А то мы с вами сегодня говорили бы по-польски. Что лучше, я не знаю. Но так сложилось. С другой стороны, не было бы Люблинской унии, ВКЛ в одиночку не устояло бы против агрессии Москвы.

То же самое Брестская церковная уния. Был в Великом Княжестве Литовском очень мощный религиозный раскол и, на мой взгляд, уния способствовала укреплению единства нации. Понятно, что сторонники православной церкви никогда в жизни с этим не согласятся, заявив, что это была капитуляция перед латинством.

Соответствующие оценки я даю и войне между Германией и СССР, как войне между двумя сцепившимися хищниками. Не говорю, как у нас принято, что Сталин белый и пушистый, а Гитлер маразматик, но утверждаю, что они оба были маразматиками и стоили друг друга. Не было в этой войне правых, а был только несчастный народ, который молотили и с той стороны, и с этой. Факты одни и те же – трактовки разные.

О НАСТОЯЩИХ ИСТОРИКАХ И «НЕНАСТОЯЩИХ»

Анатоль Тарас

Недавно, 18 сентября 2013 г., в ходе отчетной пресс-конференции Института беларуской истории и культуры (ИБИК) прошла презентация моей новой книги «Краткий курс истории Беларуси». Отчеты и сообщения об этой пресс-конференции, а также интервью со мной опубликовали либо перепечатали на своих интернет-сайтах свыше полутора десятка СМИ (Архэ, БелаПАН, Белгазета, Белорусы и рынок, Будьзма, Историческая правда, Комсомольская правда в Беларуси, НавіныБай, Народная воля, Новы час, Радыё Рацыя, Радыё Свабода, Салідарнасць, Свободные новости, Туризм и отдых, ЭўраБеларусь).

В этой связи, еще в глаза не видев книгу и, тем более, не прочитав ее, ряд лиц поспешил вылить на мою голову свои ведра грязи. Как известно, существует такая традиция, заложенная в советские времена. К примеру, в 1958 году в СССР «всем миром» травили как клопа великого поэта Бориса Пастернака за его роман «Доктор Живаго», удостоенный Нобелевской премии (к огромному раздражению членов Политбюро ЦК КПСС). И вот тогда какой-то рабочий, письмо которого опубликовала газета «Правда», лучше всех выразил позицию огромной толпы двуногих: «Я этого Пастернака не читал, но, как и все советские люди глубоко осуждаю»!

Я пишу не романы, и вряд ли когда-нибудь получу премию хотя бы городского масштаба, но вот что касается позиции моих суровых критиков, то она мало отличается от указанной.

Итак, очередная клеветническая кампания против меня началась. И я подумал, что неплохо бы проанализировать содержание злобных выпадов в свой адрес. Разумеется, не для того, чтобы переубедить оголтелых критиканов – в данном случае «медицина бессильна». А вот тем, кто воспринимает меня и мои сочинения спокойно, имеет смысл познакомиться с сутью вопроса.

Как выяснилось, предъявляемые обвинения сводятся к трем главным тезисам:

а) Тарас – компилятор. Ни в одной его работе нет ничего оригинального. Он все у кого-то заимствовал, только пересказал своими словами.

б) Тарас не компилятор, а плагиатор. Он ворует чужие тексты «один к одному» и выдает их за своё.

в) Украв или позаимствовав чужое, Тарас (видимо, из-за отсутствия интеллектуальных способностей) превращает все это в ахинею, в дикую чушь.

Все остальные «вопли» основаны на этих трех «фундаментальных» базовых тезисах. Вот давайте и разберемся с ними по существу.

Тарас — компилятор

В словаре иностранных слов и выражений сказано, что компиляция – это «составление сочинений на основе чужих сочинений без обращения к перво-

источникам». Под первоисточниками в историографии понимают подлинные документы, материалы археологических раскопок, древние рукописи.

Так вот, все те исследователи, которые пишут монографии по «узким» вопросам, добавляют очень мало своих собственных находок в общую канву, сотканную трудами многочисленных предшественников. Иначе и быть не может. Трудно сказать (найти) что-то принципиально новое в любой отрасли заний, а уж в истории – и подавно!

Возьмем в качестве примера новейшую (2012 г.), очень интересную (я бы даже сказал блестящую) монографию С.П. Витязя «Прусы і яцвягі ранняга сярэднявечча: этнакультурная трансфармыцыя ў Верхнім Панямонні». Тот, у кого хватит терпения прочесть ее всю (это 412 страниц большого формата) сам увидит: нелегко обнаружить в книге то, что «впервые открыл» лично автор. Он обобщил огромный материал (сотни исследований!) и на его основе предложил свою версию. Разве я в своих книгах делаю что-то принципиально иное?!

А уж научно-популярные сочинения обзорного характера все без исключения пишутся на основе чужих сочинений. Возьмем книгу доктора исторических наук З.В. Шибеко «Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002)». Неужто Захар Васильевич самолично исследовал все периоды и события в истории отечества за указанные 207 лет?! Тот же риторический вопрос можно адресовать 700-страничной книге Ю. Веселковского «Нарысы па гісторыі Беларусі (985–1991)». Книга профессоров Л.М. Лыча и В.И. Новицкого «Гісторыя культуры Беларусі» (488 с.) разве не есть обобщение сотен публикаций разных авторов? А свыше тысячи статей доктора исторических наук А.П. Грицкевича в наших энциклопедиях – они что, написаны на основе изысканий автора в архивах? Так для этого Анатолию Петровичу надо было бы прожить как минимум 200 лет!

Вывод: меня обвиняют в компилятивности люди, сетующие на свою участь. Недовольны они тем, что их не замечают, несмотря на то, что они себя (и только себя!) считают настоящими историками. Но виноват в этом, оказывается, А.Е. Тарас. Кто же мешает им писать каждый год по две – три такие книги, чтобы их печатали снова и снова, да не по 150–300 экземпляров, а хотя бы по 2–3 тысячи? Хотели бы, да не могут.

Тарас — плагиатор

Песни на эту тему разные личности поют с той поры, когда одна за другой начали выходить в свет мои книги на самые разные темы. С 1996 года, уже 17 лет.

Снова обратимся к словарю. Плагиат – это «выдача чужого литературного произведения за свое собственное; законодательством всех стран установлена уголовная и гражданская ответственность за плагиат».

Приведу конкретный пример. Молодой энергичный деятель по имени Степан Стурейко заявил в минском журнале «ARCHE» № 4 (115) за 2012 год, в сноске на странице 24, следующее:

«Анатоль Тарас (...) приобрел скандальную известность как в Беларуси, так и в России, неоднократно попадаясь на присвоении чужих текстов и подтасовке исторических фактов» /перевод с беларуского – мой/.

Эти два обвинения – о присвоении чужих текстов и подтасовке исторических фактов – являются клеветническими измышлениями «в чистом виде».

Дело в том, что никто и никогда (напомню – за 17 лет) не предъявлял мне обвинений такого рода через суд, или через следственные органы, или через органы, курирующие дела печати и книгоиздания. Не установлено через суд, или в виде заключения экспертов, совершение мной таких действий как «присвоение чужих текстов» или «подтасовка исторических фактов». А ведь плагиат – это уголовное преступление. И если бы оно действительно имело место (если бы хоть половина из 105 лично моих книжек действительно была плагиатом), то нашлось бы множество желающих отправить меня за решетку или наказать на крупную сумму денег.

Поэтому заявление Стурейко о том, что я «неоднократно попадался», «присваивал чужие тексты», «подтасовывал исторические факты» является клеветой даже в том случае, если он имел в виду голословные обвинения такого рода в некоторых печатных и электронных средствах массовой информации.

Более того, еще никто и нигде не привел хотя бы элементарного сравнения двух текстов: слева – мой, а справа – тот, откуда я списал.

А вот минчанин Михаил Митин сравнил сочинения Олега Латышонка и Александра Белого с первоисточниками. Правда, он искал не плагиат, а примеры наглого вранья этих профессиональных историков. Я опубликовал его анализ в альманахе «Деды» (выпуск 10, с. 252–280). Там 40 конкретных примеров, и все они – вопиющие! Что-то не приходилось мне видеть подобных убедительных примеров в отношении себя.

Пойдем дальше. Московский автор Сергей Полехов заявил на ФэйсБук буквально следующее:

«А чего ему /Тарасу/ надо-то вообще? Когда я с ним общался по поводу украденной статьи, он себя пытался выставить этаким бедным пенсионером, который зарабатывает себе на жизнь печатанием «дайджестов». А потом, смотрю, институты, интервью (причём последние, может быть, стали появляться ещё до беседы со мной) – в общем, "пацан к успеху идёт"».

Слова об «украденной статье» – обычная ложь. Суть дела такова. В альманахе «Деды» № 9 я перепечатал из российского журнала «Родина» статью этого Полехова «Князь Свидригайло и его авантюры» (см. стр. 181–188 в указанном выпуске альманаха). Вопрос: в чем С. Полехов усмотрел кражу?

Кража – это тайное (незаметное) похищение чужой собственности. В данном случае статья была помещена с указанием имени и фамилии ее автора. В сноске под статьей указано, что она перепечатана из журнала «Родина» за 2011 год, № 10, страницы 82–84. Между тем, на тех страницах журналов, где указываются выходные данные, сейчас помещается предупреждение: «при перепечатке ссылка обязательна». То есть, можете перепечатывать, только указывайте, откуда взяли.

Как видите, о краже не может быть речи. Однако любят некоторые «редиски» бросаться громкими словами. Я лично встретился в Минске с Полеховым и он выразил крайнее недовольство перепечаткой. Но причина была не в самом факте таковой, а в том, что я – видите ли – не нашел его и не заказал ему большую статью на ту же тему. Только и всего!

Тем не менее, по мнению С. Полехова, А.Е. Тарас – вор. Сначала я хотел дать ему в морду, но вовремя подумал, что мне же хуже будет. Я однозначно сломал бы ему челюсть, и он пополз бы в милицию с заявлением о причинении тяжких

телесных повреждений. Поэтому на прощание посоветовал ему обратиться в суд. Понятно, что никуда он не обратился, ибо нет состава преступления.

Все остальные известные мне обвинения в плагиате – анонимные.

Вывод: В чем причина таких обвинений? Она в том, что инвалиды умственного труда, которые в великих муках рожают одну книжку среднего объема лет пять, а то и семь, не могут поверить в способность других людей (в данном случае А.Е. Тараса) сочинять по две – три, а то и четыре книжки в год. Никак не могут! Ведь по себе судят, а они принадлежат к категории «людей с ограниченными умственными возможностями». Отсюда самое простое (и наивное) обвинение – Тарас все списывает!

Все, что пишет (или издает) А.Е. Тарас, есть ахинея

Об этом заявляли многие и неоднократно. Последний по времени случай – обсуждение моей деятельности (естественно, с вынесением обвинительного заключения) на ФэйсБук в блоге некоего Алексея Браточкина. В роли критиков-судей выступили О. Лицкевич, А. Браточкин, В. Казначеев, А. Янушкевич и упомянутый выше С. Полехов.

Заголовок этого обсуждения (или осуждения) таков: «Историк Олег Лицкевич говорит о феномене Тараса и его последствиях». Пересказывать не буду, кто хочет, может сам найти и прочитать. Главную скрипку, как видно по заголовку, играл Лицкевич. Суть его взглядов выражает следующая цитата: «вопрос /популяризации прошлого. – *А.Т.*/, который должен решаться в рамках профессиональной корпорации историков (научными публикациями, рецензиями и т. д.) – без тарасов и прочих доброхотов».

Еще он изволил назвать «невменяемой литературой» и «говном» все публикации в книжной серии «Неизвестная история» (надо думать, и альманах «Деды», который состоит в основном из перепечаток статей профессиональных историков).

В общем, не тот я человек, который нужен Отечеству, не тем я занимаюсь, чем надо, и все, что я делаю – не только плохо, но и вредно для народа.

Естественно, мне стало любопытно: кто таков этот суровый критик? Чем он прославился?

Я опросил с десяток знакомых мне историков из Института истории НАН и минских ВУЗов. Никто никогда об историке по фамилии Лицкевич не слышал. Тогда полез в Интернет. И нашел два кратких сообщения.

Во-первых, в марте 2009 г. прошла информация о том, что какой-то О. Лицкевич опубликовал перевод текста «Мемориала Витовта» (1390 г.), ранее изданного на старонемецком и польском языках. Так вот откуда у него твердая уверенность в своем превосходстве над дилетантами вроде А.Е. Тараса.

Все же позволю себе выразить уверенность в том, что Лицкевич не знает старонемецкого языка. Указанный документ он, вне всяких сомнений, перевел с польского, т.е. сделал перевод с перевода. Соответственно, сугубо научная ценность данной публикации оставляет желать много лучшего (а ведь Лицкевич и ему подобные гоношатся прежде всего своей «научностью»).

Во-вторых, нашел сообщение о том, что есть на Беларуси некий Олег Лицкевич (1973 г. р.) – литературовед, поэт, историк, журналист и публицист в одном

лице. Сей 40-летний литератор прибыл к нам из города Свободный Амурской области РФ. Что ж, беларуской историографии повезло. Лицкевич в компании с единомышленниками всех на путь истинный наставит.

Один из этой компании – Андрей Янушкевич, замдиректора историко-культурного комплекса «Мирский замок» – автор монографии «Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг.», опубликованной малым тиражом в 2007 г. В этом году он переиздал ее в переводе на русский язык, тиражом 300 экз.

Каждый человек, читавший мою книгу «Войны Московской Руси с Великим Княжеством Литовским в XIV–XVII вв. (она к данному моменту издавалась 5 раз общим тиражом 15 тыс. экз.) знает, что я посвятил в ней Ливонской войне 135 страниц. По объему это половина монографии А. Янушкевича, которую он, как сказано в аннотации, писал едва ли не всю свою взрослую жизнь. Любой желающий может взять в библиотеке мою книгу и Янушкевича, положить рядом, и сравнить – главу за главой. Без ложной скромности могу сказать, что сравнение будет не в пользу Янушкевича, который уверенно изрек: «Наконец-то я увидел правильную оценку этого недалекого проекта».

Надо пояснить: под недалеким проектом (т.е. просто глупым) имеется в виду моя серия «Неизвестная история». А «правильную оценку» дал ей О. Лицкевич.

Отмечу для справки, что в указанной серии издан сборник «Вялікі беларус Леў Сапега» (его 270 страниц составили работы докторов исторических наук А. Грицкевича и С. Лазутки, писателя В. Чаропки, публициста Н. Шкеленка – все четверо включены в энциклопедию, до чего А. Янушкевичу и О. Лицкевичу надо еще прожить много лет); переизданы работы крупных дореволюционных историков И. Лаппо и А. Преснякова; опубликован перевод знаменитой книги Ф. Олехновича «В когтях ГПУ», перепечатана великолепная монография В. Седуро «Доля беларускай культуры пад Саветамі» (впервые изданная в ФРГ в 1958 г.). Недавно вышло из печати исследование О. Усачева «Кто, как и зачем убил Вильгельма Кубе», полностью основанное на документах и воспоминаниях.

(Я намеренно не касаюсь своих собственных работ, хотя думаю, что и Янушкевичу, и Лицкевичу надо много «каши съесть», пока они смогут написать что-нибудь сравнимое по качеству с моими книгами «Грюнвальд» и «1812 год – трагедия Беларуси»).

Тем не менее, для «очень крутого профессионала» О. Лицкевича, все это – «невменяемая литература». Его собственных «вменяемых» сочинений по истории я не нашел. А читать стихи историка-поэта мне не хочется.

Что касается нашего Института, то хочу разочаровать юношу по фамилии Полехов. Ему, как и многим другим, мерещатся десятки тысяч долларов, на которые мы непрерывно жируем. Мы не против, но – увы! Наш институт – это семеро единомышленников, которых никто не финансирует. Все держится на трех китах: 1) наш энтузиазм; 2) наши собственные заработки; 3) лично моя работоспособность (ведь вся издательская деятельность лежит на мне).

И мы ухитряемся многое делать, не обращая внимания на препятствия. Например, в текущем году общественность нашей страны отмечает два юбилея: 175 лет со дня рождения К. Калиновского и 150 лет с начала восстания 1863 года.

Как отметил эти даты наш Институт? Провели в марте научно-практическую конференцию, а в декабре проведем вторую. Участники той и другой – профессиональные историки, в том числе кандидаты и доктора наук (Ю. Бачище, А. Валаханович, А. Киштымов, Л. Лыч, И. Мельников, В. Титов, В. Хильманович, А. Шулаев и др.), а также краеведы. Издали сборник докладов, в конце года издадим еще один. Готовим к печати монографию В.Чаропки «Героі паўстання 1863 года».

Заключение

По моему мнению, истинная причина горьких обид и громких обвинений всяких лицкевичей и янушкевичей – это зависть к более способным, более работоспособным и, соответственно, более успешным литераторам, возделывающим ниву историографии.

«Широкая публика» знать не знает лицкевичей с янушкевичами и вряд ли когда-то узнает. Пишут они скучно, темы их сочинений в большинстве случаев узкие, а тиражи очень маленькие. Вот и остаются им только две вещи.

Во-первых, упрекать «почтенную публику»: что ж вы, граждане, Тараса читаете. Он ведь крайне сомнительный и недалекий субъект. Нас читать надо! Только мы – настоящие, со знаком качества, и очень, очень «далекие».

Во-вторых, злопыхать в отношении моих сочинений, и вообще всего, что выходит в моих сериях.

Я уже сказал выше, что такие обиды и обвинения есть клинический случай. Именно поэтому на поле доминируют «Тарас и его команда».

Интернет в руках аутсайдеров – это шланг для помоев

У каждого пишущего человека есть свои излюбленные приемы подачи материала. Лично я люблю использовать определения из энциклопедий и словарей. Это не только привычка, но и сознательная позиция.

Когда-то я познакомился с теорией лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа. Теория интересная, содержит целый ряд продуктивных выводов. Один из них таков: «Очень многие споры происходят из-за того, что участники спора по-разному понимают смысл используемых ими понятий. Поэтому прежде чем что-то обсуждать, надо точно определить смысл (семантическое значение) предмета обсуждения».

Мне много раз приходилось убеждаться в справедливости этого тезиса. Вроде бы говорят (и пишут) об одном и том же, только вот понимают это «одно и то же» каждый по-своему!

В этой статье хочу для начала развести понятия «интеллигент» и «интеллектуал». Вот как их определяет «Новейший словарь иностранных слов и выражений», изданный в 2001 году.

«Интеллигент – человек, профессионально занимающийся умственным трудом».

«Интеллектуал – человек могучего ума, обладатель высокоразвитого интеллекта, способный к самостоятельному анализу и обладающий цельным мировоззрением».

Сопоставление приведенных определений показывает, что всякий интеллектуал одновременно является интеллигентом, но далеко не каждого интеллигента можно зачислить в интеллектуалы. Большинство их хотя и занимаются умственным трудом, но рутинного характера. Например, такова основная масса преподавателей средней и высшей школы. Теперь от общего тезиса перейду к конкретным примерам.

Я окончил исторический факультет БГУ в 1972 году. В группе на курс раньше был студент, которого звали Юра Шинкарь – симпатичный парень, неплохо исполнявший песни под гитару. И учился он хорошо, за что был удостоен так называемой «Ленинской стипендии». В общем, пользовался популярностью среди студентов (особенно у студенток), подавал надежды в плане научной карьеры. Естественно, при выпуске его оставили в аспирантуре: кого же еще как не ленинского стипендиата?

Но к концу трехлетнего пребывания в аспирантуре Юра не представил диссертацию даже для обсуждения, не говоря уже о защите. Не написал! Его распределили на работу в один из минских ВУЗов, пожелав на прощание поскорее завершить диссертационное исследование. Время шло. Выпускники нашего факультета один за другим защищали кандидатские диссертации (лично я защитился через 7 лет после выпуска), становились доцентами, старшими научными сотрудниками, печатали свои статьи и книжки. А Юра по-прежнему прозябал на должности ассистента. С диссертацией у него ничего не получалось. На почве негативных переживаний он с какого-то момента стал попивать и умер, не дожив до 50 лет!

Теперь поясню, к чему этот пример. Вот уже много лет факультеты истории, филологии, журналистики, философии наших ВУЗов ежегодно выдают дипломы тысячам своих выпускников. С формальной точки зрения все эти молодые люди равны между собой как специалисты: ведь они обучались по одним и тем же программам, у одних и тех же преподавателей, в одно и то же время. Да, отныне все они интеллигенты, ибо получили высшее образование, будут заниматься умственным трудом. Но не все они – интеллектуалы. В этом плане никакого равенства между ними нет и быть не может!

А дальше начинается трудовая жизнь. Она всех расставляет по своим местам. Одни идут в науку (в литературу, журналистику, философию) и добиваются на этом поприще значительных результатов. Другие тоже идут в науку (в философию, литературу, журналистику), но достигнутые ими результаты являются очень скромными. Третьим в науке (в других сферах деятельности) «не светит» абсолютно ничего.

Вот этим «другим» и «третьим» вроде бы надо делать выводы о своей неспособности. Признать, что хотя они и входят в категорию интеллигентов, но к числу интеллектуалов не относятся. Но реально подобные признания невозможны. Вместо них включается совсем иной механизм. Название ему – «самозащита Я-концепции».

Этот «механизм» впервые описал дедушка Фрейд в начале 20-х годов XX века. Люди, Фрейда не читавшие и от научной психологии далекие, любят повторять

вычитанные ими у советских авторов утверждения о «несостоятельности фрейдизма». Между тем Зигмунд Фрейд был истинным гением в своей области. Его фундаментальные открытия, в первую очередь о бессознательных влечениях, вошли в золотой фонд научной психологии (попутно хочу отметить, что учебники психологии, по которым учатся наши студенты, далеки от современной научной психологии не меньше, чем книга Дефо «Приключения Робинзона Крузо»).

Суть механизма такова. Всякий человек, даже полуграмотный завсегдатай пивных баров, нуждается в самоуважении (отсюда, кстати, присущая некоторым субъектам склонность бесконечно выяснять вопрос — «ты меня уважаешь?»). Если же человек сам «видит» (понимает, чувствует, смутно ощущает) что «уважать» его не за что, психика такого человека в автоматическом режиме реализует «аварийный выход» из ситуации. Варианты «выхода» следующие:

а) систематическое осуждение достижений, поведения, морального облика более успешных людей (чтобы чувствовать себя выше этих «презренных ничтожеств»);

б) постоянное списывание своих неудач на «стечение обстоятельств», на происки врагов и завистников;

в) употребление наркотиков (алкоголя) — чтобы отключать страдающее самосознание и не думать о вещах, неприятных для самолюбия;

г) уход в болезнь («я бы много чего сотворил, если бы не болезнь»).

Есть и другие способы (например, криминальные), но они для читающе-болтающей части интеллигенции не характерны, другое дело — бухгалтеры и чиновники (тоже ведь люди с высшим образованием).

Все это — различные варианты самозащиты своей Я-концепции. Естественно, что варианты могут сочетаться. Например, человек склонен к выпивке, а выпив, любит рассказывать компаньонам (таким же «несостоявшимся») о том, что NN лишь потому стал доктором наук и выпустил в свет десяток книг, что он все это у кого-то списал, а членов ученого совета «облапошил». Таких горемык объединяет твердая уверенность в своем интеллектуальном, профессиональном и моральном превосходстве над NN, невзирая на факты, убедительно доказывающие обратное.

Здесь возникает вопрос: убедительно для кого? Только не для тех выпускников гуманитарных факультетов, которые к 40–45 годам стали типичными аутсайдерами. (Английский термин «аутсайдер» /outsider/ означает «тот, кто не имеет шансов на успех в соревновании; отстающий; неудачник».) Признать очевидный факт «я — аутсайдер» они не могут по той простой причине, что это приведет к разрушению их «Я-концепции». А психический крах «внутреннего Я» неизбежно влечет за собой массу негативных последствий.

Многие из аутсайдеров-интеллигентов предпочитают именно первый вариант аварийного выхода» из психологически неприемлемой ситуации. Они «утверждают себя» путем яростных нападок на более успешных индивидов. Более того, встав на этот путь, они неустанно реализуют известный тезис, согласно которому «лучшая оборона это нападение».

Когда я написал слово «механизм» и указал основные варианты его действия, то имел в виду лишь общую схему. Число же конкретных примеров может быть достаточно велико. Чтобы оживить свой рассказ, приведу еще один.

Многим известно, что я учредил серию брошюр «100 выдатных дзеячаў беларускай культуры». За 10 месяцев (декабрь 2012 – сентябрь 2013) были изданы первые 10, в ноябре вышли очередные пять. Ко мне обращаются разные люди с предложением: хочу написать брошюру о таком-то деятеле. Все они уверены, что легко справятся. «Неужели я, такой умный и знающий, не напишу за несколько месяцев какие-то 40–45 страниц?!» Но, увы, сия задача оказывается посильной не для всех. Элементарная статистика: авторами первых 15 брошюр являются не 15, а всего 7 человек (двое написали по 4 брошюры, еще двое по 2).

Параллельно растет список несостоявшихся авторов, сейчас в нем уже 13 человек, то есть вдвое больше, чем «успешных». Один из них – 32-летний витебский литератор Артем Арашонок. Он, как и другие, сам обратился ко мне с предложением: хочу написать текст о Мулявине, создателе ансамбля «Песняры». Я ответил согласием. Но прошло полгода, а текст так и не появился. Тогда я поставил вопрос жестко – если за следующий месяц не получу текст, то прощайте. Вы и так уже 13-й в списке «должников» (несостоявшихся авторов).

Арашонок дал поистине замечательный ответ на мой демарш. Оказывается, это он не хочет отныне иметь дело с таким редактором, у которого аж 12 человек числятся в должниках! Логика потрясающая! Написать брошюру на конкретную тему не способен А.Е. Арашонок, но виноват в этом А.Е. Тарас! Вот вам действие психологического механизма самозащиты Я-концепции в чистом виде.

Аутсайдеры никогда, ни в каких ситуациях не признают (и признать не могут) своей интеллектуальной неспособности. Всегда и везде (от литературы до уличной драки) по их разумению виною всему внешние причины: другие люди, трудные обстоятельства, нехватка времени, пошатнувшееся здоровье и т.д. и т.п. Но только не они сами. Если бы им не мешали – эти «другие люди», обстоятельства, нехватка времени – то они бы показали высший класс! Уверен, что многие читатели сталкивались, и не раз, с подобной публикой.

Тут возникает очередной вопрос: а что, неужели все интеллигенты должны непременно создавать что-то принципиальное новое, систематически заниматься творчеством? Нет, конечно. Я уже сказал выше, что большинство интеллигентов занято рутинной работой. Но в таком случае и не претендуй на то, что тебе недоступно. Не «поливай помоями» тех, кто более способен, более трудолюбив, кто просто-напросто умнее тебя. Твой диплом о высшем образовании в этом смысле ничего не значит.

Нетрудно догадаться, что реакция аутсайдеров на такое требование прямо противоположна, как у мышей из мультфильмов про кота Леопольда. Никогда! Леопольд, подлый трус, выходи на бой! Мы сильны, да, мы сильны! Мы тебе покажем, где раки зимуют!

И вот в этой связи обратим внимание на Интернет.

Всего 15 лет назад в нашей жизни еще не было Интернета. В те недалекие, но уже подзабытые времена многочисленные аутсайдеры (а их численность «в

разы» превышает количество успешных) обсуждали и осуждали разных NN исключительно где-нибудь за столом с рюмками в руках, либо в курилках.

Но сейчас, благодаря прогрессу электроники, любой мудак может без проблем создать свой блог или даже сайт, и ежедневно выливать ведра (бочки, цистерны) помоев в адрес («на головы») этих «успешных». А уж так называемые форумы и вовсе широкое поле для разбоя. Спрятался под каким-нибудь дурацким псевдонимом и пиши себе что хочешь про кого хочешь.

Благодаря Интернету для всех ущемленных и завидущих открылись колоссальные возможности. Раньше они могли злословить в адрес состоявшихся (успешных) интеллектуалов исключительно в компании себе подобных. Теперь же открывают свои блоги (либо пишут посты и «комменты» на всевозможные форумы и сайты) и с превеликим усердием льют и льют словесные помои на головы всех, кому завидуют.

Один из таких ущемленных, по имени П. Садовский (верой в собственную значимость он преисполнен со студенческих лет, помню как в инъязе, куда я бегал к знакомым девицам, он ходил задрав нос и никого вокруг не замечая), взял за правило завершать свои статьи призывом «судить Тараса». Призывы эти обращены к близорукой власти. Мол, куда вы смотрите?! Вот же вражина подлая у вас перед носом ползает, а вы не замечаете. В общем, не дают ему покоя лавры римского сенатора Катилины, завершавшего любую свою речь на любую тему призывом: «Карфаген надо разрушить»! Правда, до Луция Сергия Катилины П. Садовскому далеко как до Луны, но... «Тараса надо посадить»! Это у него теперь такая мечта появилась. Счастливый человек!

К чему я вспомнил Садовского? А к тому, что аутсайдеров кроме зависти душит еще одна «жаба». Имя ей – ненависть ко всем тем, кто их («великих людей» – в собственных глазах) где-нибудь в чем-нибудь обошел или обидел. Повод для зависти, равно как и для обиды, всегда найдется. Ведь дело здесь вовсе не в каком-то факте жизни, а в состоянии психики («души», как говорили раньше) самого завистника.

Например, тугодумы одну книжку – на любую тему – пишут по многу лет. И вдруг видят, что кто-то строчит по две, а то и три книги в год. Как можно стерпеть такое?! Отсюда следует простейшая мысль: то, что так долго и в муках пишу я – это настоящая наука (литература, философия и пр. – вставить нужное). А то, что играючи пишет NN – это откровенная халтура либо плагиат. Вывод сделан, осталось его растиражировать. И вот здесь без Интернета никак не обойтись. Только он позволяет доводить до всеобщего сведения вымыслы такого рода. А к вымыслам полезно добавить пачку всевозможных обвинений и оскорблений. Упаковав то и другое «в один флакон», получим своего рода «коктейль Молотова».

Понятное дело, что ту ахинею, которая пышно расцветает на всевозможных форумах, блогах и фэйсбуках люди, занятые интенсивным трудом (в том числе творческим) как правило не читают. Во-первых, нет времени. Во-вторых, если иногда случайно кто-то и забредет, то очень быстро покинет эти страницы, где имеет место непрерывное осуждение и разоблачение «всех, кто не с нами». Ясное дело, «кто не с нами, тот против нас». Еще точнее позицию этой публики выражают два иных тезиса: «это мы против всех!»; «только мы – настоящие!».

Когда я додумался до всего того, что изложено выше, решил поискать чужие публикации. Неужели кроме меня никто об этом не писал? Ну как же! Писали, конечно. Вот цитата из статьи Игоря Бакланова (генерального директора московской PR Group) «Цензура и интернет»:

> «Современный Интернет – это царство охлократии. Человек, обремененный семьей, бизнесом, заботами и новыми проектами, как правило, не имеет времени даже для чтения того вала информации, который пишется в социальных сетях и блогах. Бездельники, моральные уроды и просто чужаки-вредители имеют на это время и силы – и щедро комментируют свою позицию. Поэтому высказывания в Интернете по разным вопросам – не более чем выступления современных охлократов.
>
> Впервые после социальных революций XVII–XX веков охлократы получили трибуну для того, чтобы высказать свою незрелую позицию и с наслаждением пользуются этой возможностью. Большей частью по своей глубине комментарии этого слоя информационного общества не выходят за культурный уровень Шарикова, но их очень, очень много».

А перед этим И. Бакланов пояснил, что такое охлократия:

> «В греческом языке понятие народ разделялось на две части: демос и охлос. Демос – это часть народа, отвечающая за свои действия и заинтересованная в благосостоянии государства. В Греции это были мужчины, имеющие собственность и являющиеся гражданами страны. Справедливо считалось, что эта группа своими жизненными успехами подтвердила свою адекватность и заинтересована в процветании своей страны. Бездельники, сумасшедшие, люмпены, гастарбайтеры и просто чужаки исключались из сообщества лиц принимающих решение и имеющих право голоса; они назывались «охлос».
>
> Демократия – это не просто народовластие, это власть адекватных людей. В противовес ей греки говорили о «власти толпы», или «охлократии», и щедро издевались над такой формой организации в комедиях, баснях и прочих текстах».

К словам И. Бакланова мне добавить нечего. Все четко «разложено по полочкам». Остается последний вопрос: что с этим делать?

На мой взгляд, творческие личности должны просто не реагировать на всю эту мышиную возню. Ведь программа-минимум аутсайдеров – систематически портить настроение успешным «котам леопольдам», тогда как среди последних не у всех тренированная психика, как у меня, не все приучены не реагировать на оскорбления, клевету и провокации. А их программа-максимум – портить людям не только настроение, но и жизнь (напомню о призывах П. Садовского к судебной расправе).

Итак, рекомендую:

– Не посещать социальные сети, не читать материалы форумов, блоги и прочую дребедень. Пусть их авторы варятся в собственном соку.

– Можно и нужно анализировать назревшие проблемы, в том числе ту, которой посвящена эта статья, но никогда не называть оппонентов по именам и фамилиям (только аббревиатура: зам. редактора одного толстого журнала А.П., бывший дипломат П.С., несостоявшийся литератор А.А. и т.д.). Данная моя статья – последняя с именами-фамилиями.

Ведь это именно то, чего они жаждут больше всего: привлечь внимание к себе, получить известность. Один из клеветников — С. Стурейко — вряд ли покривил душой, когда написал свой комментарий по поводу моего «отлупа»: «Про меня пишут! Приятно!».

— Никогда не вступать в полемику с аутсайдерами ни по каким вопросам. В тех случаях, когда клеветнический материал «тянет» на судебное разбирательство, надо обращаться именно в суд, вместо того, чтобы спорить с ущербными персонажами и тем самым давать им возможность выливать на вас все новые и новые бочки грязи.

Лично я соответствующие выводы сделал.

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 13

Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Адрес для писем:
А. Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь.
Электронный адрес: AETaras@tut.by

Подписано в печать 12.12.2013.
Формат 70×100$^1/_{16}$. Бумага типографская. Печать офсетная.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 33,4.
Тираж 3000 экз. Заказ 36.

Ответственный за выпуск: *А. Е. Тарас*

Издательство ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, г. Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие «Издательство “Белорусский Дом печати”».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Республика Беларусь, 220013, г. Минск, пр. Независимости, 79.

ISBN 978-985-18-2702-8

